ДК Гарнье-Паже
250
Г20 История револ.
1848 г.
I СПб., 1862

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА
ГЛАЗУНОВА,
ВЪ МОСКВѢ,
на Кузнецк. мосту, въ дом. Торлецкаго.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848.

II.

DK
250
Г20
1-й Московской Женской Гимназіи
9(44)„848"
Г.20
Фундаментальная Библиотека К. У. Т. В.
Погашено
Архив
Погашено
Архив
Погашено
Ф. ИМЭЛ (130) 46858 К
Проверено 1937 г.
Погашено

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848.

ФРАНЦІЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.
1862.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
631493

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Іюля 6 дня, 1862 г.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.
На Офицерской улицѣ, № 4.

ПАДЕНІЕ ІЮЛЬСКОЙ МОНАРХІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выборы 1846 года. — Министерство и оппозиція лицомъ къ лицу. — Организація партій въ палатѣ. — Организація избирательныхъ силъ страны: центральный избирательный комитетъ сенскаго департамента; его цѣль, его вліяніе и его составъ; циркуляръ его о выборахъ рѣзко выставляетъ недостатки избирательнаго закона. — Мнѣніе Притчарда становится орудіемъ въ рукахъ оппозиціи. — Цѣль министерства; надежды оппозиціи. — Манифестація и обѣщанія Гизо на банкетѣ въ Лизьё. — Покушеніе на жизнь короля 29 іюля; его благопріятное дѣйствіе на провинціальные выборы въ пользу правительства; вліяніе его на Парижъ выражается тѣмъ, что оппозиція назначаетъ одиннадцать депутатовъ противъ четырнадцати. — Въ суммѣ, министерство имѣетъ двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти оппозиціонныхъ. — Новая группа депутатовъ прогрессивныхъ консерваторовъ. — Результаты выборовъ одинаково радуютъ консерваторовъ и радикаловъ: одни гордятся своимъ числомъ, другіе готовятся къ болѣе широкой и оживленной дѣятельности. — Открытіе палатъ: восемьнадцати-дневное засѣданіе. — Рѣчь короля; его увѣренность въ счастливой будущности своего семейства. — Оппозиція обвиняетъ министерство въ обманѣ, посредствомъ котораго оно дѣйствовало на выборахъ.—Результатомъ послѣднихъ засѣданій была прочная солидарность консерваторовъ съ правительствомъ. — Засѣданіе генеральныхъ совѣтовъ и возобновленіе ихъ по третямъ свидѣтельствуютъ въ свою очередь о могуществѣ консервативной партіи; но муниципальные выборы не совсѣмъ благопріятны политикѣ кабинета; выборы національной гвардіи враждебны ей. — Народъ осуждаетъ систему правительства. — Обманы въ морскомъ вѣдомствѣ, въ Рошфорѣ; преслѣдованье ихъ. — Обманы въ Тулонѣ; пожаръ въ арсеналѣ; административное слѣдствіе, заступив-

шее мѣсто судебнаго, не открываетъ преступленія. — Судебное сословіе приноситъ себя въ жертву политикѣ; оно распредѣляетъ печатаніе судебныхъ объявленій по извѣстнымъ журналамъ и тѣмъ дѣлаетъ косвенное вспоможеніе правительственнымъ органамъ въ разныхъ департаментахъ. — Другія причины неудовольствій: всѣ предсказываютъ неурожай, а правительство изъ безпечности пренебрегаетъ всякими совѣтами; безпорядки вспыхиваютъ; муниципальные совѣты и общественная благотворительность приходятъ въ безпокойство и дѣйствуютъ; правительство дѣлаетъ слѣдствіе и объявляетъ, что безпокоиться не о чемъ; безпорядки продолжаются. — Новыя причины безпокойства: подъ тройнымъ вліяніемъ неурожая, увеличенья издержекъ и системы постройки желѣзныхъ дорогъ рождается финансовый кризисъ. — Дефицитъ въ бюджетѣ. — Недостаточность сберегательныхъ кассъ. — Необходимость спекуляціи. — Недостатокъ денегъ въ банкѣ; упадокъ цѣнностей. — Положеніе дѣлъ въ Европѣ: Россія; Пруссія; Австрія; второстепенныя государства; Швейцарія; Англія. — Политика французскихъ бурбоновъ въ отношеніи къ Испаніи. — Проектъ испанскихъ браковъ. — Переговоры въ Château d'Eu съ лордомъ Абердиномъ. — Основанія и условія, предложенныя Англіей.— Лордъ Пальмерстонъ заступаетъ мѣсто лорда Абердина. — Оскорбительная полемика англійской прессы противъ Луи-Филиппа. — Несогласіе обоихъ кабинетовъ. — Испанскіе браки заключаются въ ущербъ англійскому союзу. — Европа пользуется этимъ несогласіемъ: Россія поддерживаетъ бракъ герцога Бордосскаго съ Моденской принцессой. — Россія, Пруссія и Австрія уничтожаютъ краковскую республику. — 1846 годъ кончается при этихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ.

I.

Палата, выбранная въ 1842 году, существовала четыре года. Событія этого періода, благопріятныя и неблагопріятныя, постоянно содѣйствовали укрѣпленію парламентскаго положенія кабинета, находившагося въ рукахъ Гизо и Дюшателя и президентомъ котораго былъ старый маршалъ Сультъ.

Палата, напротивъ, слабѣла съ каждымъ днемъ, какъ по причинѣ своей продолжительности, такъ и вслѣдствіе своихъ мнѣній. Полное возобновленіе ея было необходимо: общіе выборы назначены были къ 1 августа 1846 года.

Но какой же будетъ результатъ этихъ выборовъ? Правительство, его друзья и враги знаютъ его уже заранѣе. Какъ въ 1842 году, поле битвы было ограничено самыми узкими

предѣлами; парламентскіе вопросы, какъ и въ 1842 году, интересовали немногихъ и не касались непосредственно живыхъ интересовъ страны; наконецъ, какъ въ 1842 году, люди, въ рукахъ которыхъ находилась власть, рѣшились дѣйствовать съ тою же цѣлью и при помощи тѣхъ же средствъ. Слѣдовательно, какъ и въ 1842 году, возбужденные и удовлетворенные личные интересы были ручательствомъ того, что новый парламентъ будетъ вполнѣ подчиненъ правительственному направленію.

II.

Оппозиція однакожъ не падала духомъ; на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ она отвѣчала своими манифестами; на тайныя дѣйствія администраціи она отвѣчала дѣятельностью, на насиліе—введеніемъ у себя дисциплины, невиданной до этого времени и непоколебимой на будущее время.

Въ палатѣ четыре различныя группы депутатовъ соотвѣтствовали четыремъ различнымъ видамъ, въ которыхъ выражались настроеніе умовъ и общественные интересы страны: лѣвый центръ, лѣвая династическая сторона, крайняя лѣвая сторона или радикалы и наконецъ партія легитимистовъ.

Первыя двѣ партіи, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ каждый день все болѣе и болѣе сближались между собою вслѣдствіе тождества своихъ чувствъ, надеждъ и политическихъ убѣжденій, слились въ одномъ общемъ комитетѣ.

Дѣятельность парламентскихъ радикаловъ, хотя и отличалась отъ дѣятельности другихъ партій, тѣмъ не менѣе соединилась съ дѣятельностью комитета лѣвой стороны, имѣя съ ней постоянныя сношенія, въ которыхъ выражалось постоянное взаимное довѣріе.

Не такъ было съ легитимистами. Они забыли, что во всѣхъ случаяхъ радикалы приносили имъ помощь, и что еще недавно они помогли имъ въ одномъ обстоятельствѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ чести. Вслѣдствіе причинъ, происходившихъ отъ внутренняго разложенія, дѣйствія котораго разразились позже, принеся вредъ какъ республикѣ, такъ и самимъ легитимистамъ, партія эта вездѣ оспаривала кандидатуру у радикаловъ; напримѣръ кандидатство Дюпонъ-де-Лера, генерала Тіара, Гарнье-Пажеса и другихъ.

III.

Независимо отъ этого состава парламентскихъ силъ, организовался въ тоже время выборный элементъ. Подъ скромнымъ именемъ: центральнаго комитета сенскихъ избирателей, нѣсколько талантливыхъ людей возобновили, послѣ двадцатилѣтняго промежутка, комитетъ общества, девизомъ котораго было: Aide toi, le ciel t'aidera. Этотъ комитетъ былъ центромъ, въ которомъ сталкивались, соединялись и увлекались въ общемъ движеніи принципы, идеи, стремленія, негодованіе и преданность дѣлу, составляющія сердце и жизнь новѣйшей демократіи и основаніе ея существованія.

Центральный комитетъ, составленный изъ депутатовъ, выбранныхъ избирательными комитетами каждаго изъ округовъ сенскаго департамента, представлялъ собой выраженіе всѣхъ либеральныхъ и демократическихъ стремленій. Различныя силы оппозиціи въ Парижѣ, соединенныя вмѣстѣ подъ общимъ знаменемъ народнаго самодержавія, служили связью и живымъ началомъ различнымъ частямъ парламентской оппозиціи. Вскорѣ могущество центральнаго комитета распространилось на все окружающее и охватило собою всю Францію. Партія радикаловъ, вслѣдствіе ли своего примирительнаго духа, или же по особому разсчету, была слабѣе числомъ,

но за то ея дѣятельность давала ей вліяніе на ходъ дѣла. Бюро, составленное изъ пяти членовъ, почти вполнѣ принадлежало къ этой партіи. Единственнымъ представителемъ династической оппозиціи въ бюро былъ Пинье, богатый негоціантъ третьяго округа; вицепрезидентъ Рекюръ, секретарь Паньерръ, казначей Лабелони и помощникъ секретаря Деменникъ были давно уже извѣстны своими радикальными мнѣніями.

Циркуляръ комитета по поводу выборовъ былъ составленъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Онъ ограничился только уясненіемъ всѣхъ аномалій и несообразностей, всѣхъ недостатковъ и несправедливостей избирательнаго закона, выказавъ при этомъ такое знаніе дѣла и такую точность взгляда, которыми до сихъ поръ не обладалъ еще никто. Сто двадцать тысячъ избирателей назначали только сто восемьдесятъ одного депутата, тогда какъ девяносто восемь тысячъ другихъ избирателей назначали двѣсти семьдесятъ восемь. Такимъ образомъ парламентское большинство было меньшинствомъ не только въ цѣлой странѣ, но даже и въ привилегированномъ классѣ избирателей, подходящихъ подъ цензъ (censitaires), который назывался тогда «pays légal». Могла ли дальше существовать такая несообразность? Допускать дальнѣйшее существованіе такой вопіющей несправедливости значило бы сѣять сѣмена будущаго раздора.

IV.

Консервативная партія имѣла также не менѣе страшное поле битвы, указанное ей литературою. Вся внѣшняя политика этой партіи сосредоточилась въ одномъ мнѣніи, которое по понятію ея было дѣломъ справедливаго удовлетворенія, а по мнѣнію оппозиціи выражало слабость, и которое останется въ историческихъ воспоминаніяхъ подъ знаме-

нитымъ именемъ: „Притчардовскаго удовлетворенія“. Презрительное названіе притчардистовъ, сдѣлавшееся оружіемъ противниковъ, указывало раздраженнымъ патріотамъ на депутатовъ, которыхъ упрекали этимъ мнѣніемъ. Оппозиція выбрала въ свои кандидаты, не обращая вниманія на ихъ свойства и происхожденіе, всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли сносить этихъ упрековъ. Напрасно правительственные журналы истощали всѣ свои усилія, чтобы вырвать оружіе изъ рукъ оппозиціи.

V.

При этихъ условіяхъ борьба должна была быть сильна. Надежда и цѣль министерства заключались въ томъ, чтобы расположить въ свою пользу большинство избирательнаго сословія, окончательно утвердить за собою, путемъ административнаго вліянія, политическое и соціальное преобладаніе въ государствѣ, бороться съ избирателями, покровительствуя частнымъ интересамъ, и подчинить себѣ умы, дѣйствуя на нихъ страхомъ.

Лѣвая сторона оппозиціи еще надѣялась заставить конституціонную монархическую власть оставить ложный путь, ею избранный, надѣялась спасти ее, уничтоживъ зло, которымъ она была заражена и возвративъ ей достоинство и нравственную основу.

Что касается враждебныхъ партій, то онѣ въ глубинѣ души питали мысль, что монархія проигрываетъ свою послѣднюю ставку и что побѣда будетъ для нея гибельнѣе самаго пораженія.

Наканунѣ подачи голосовъ, дѣйствительный членъ кабинета Гизо, пустился на хитрость, которая показалась очень странною. Изъ снисходительности ли къ тѣмъ изъ членовъ своей партіи, которые оскорблялись названіемъ крайнихъ консерваторовъ. (conservateurs-bornes), или же вслѣдствіе не-

вольнаго пониманія истинной стороны дѣла, — какъ бы то ни было онъ вздумалъ дѣйствовать оружіемъ и языкомъ оппозиціи. Рѣшившись не уступать ни въ чемъ, онъ на одномъ банкетѣ вздумалъ вмѣшаться въ дѣло оппозиціи и сказалъ лизьёскимъ избирателямъ, которые выбрали его своимъ депутатомъ — „оппозиція обѣщаетъ вамъ прогрессъ, который въ силахъ дать вамъ одна консервативная партія.“ Эти неосторожныя слова были причиной шумныхъ споровъ. Будучи самой необдуманной манифестаціей, они какъ бы узаконили цѣлый рядъ банкетовъ, которые возродили во всей странѣ требованія патріотическихъ стремленій и ускорили революціонное движеніе умовъ и проснувшихся страстей.

VI.

Все содѣйствуетъ тому дѣлу, которое должно совершиться по волѣ провидѣнья. Одинъ безумный поступокъ еще болѣе увеличилъ уже неотразимое вліяніе кабинета на выборы. Наступилъ день 29 іюля. Парижане, собравшіеся на улицахъ и преимущественно въ окрестностяхъ Тюильери, праздновали день іюльской революціи, или іюльской монархіи. Король, окруженный своимъ семействомъ, выходитъ на балконъ, чтобы удовлетворить всеобщей радости и любопытству. Вдругъ въ Тюильерійскомъ саду раздаются два пистолетныхъ выстрѣла. Было ли это преступленіемъ? Въ первую минуту всѣ были согласны въ томъ, что это дѣйствительно преступленіе, но, немного спустя, правительство убѣдилось въ противномъ. На другой день весь Парижъ зналъ объ этомъ происшествіи и слѣдствіе, произведенное палатой перовъ, достаточно доказало впослѣдствіи, что Жозефъ Генри былъ не убійца, но несчастный съумашедшій.

VII.

Префекты, получивъ по телеграфу извѣстіе объ этомъ злодѣяніи, объявили о немъ во всѣхъ избирательныхъ коллегіяхъ. Ни въ одномъ изъ этихъ объявленій не говорится о причинѣ и истинномъ характерѣ этого преступленія; многіе изъ префектовъ, напротивъ того, сдѣлали изъ этихъ объявленій зловѣщія прокламаціи. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ умы раздражаются и оппозиція теряетъ свою силу. Въ нѣкоторыхъ городахъ парламентское большинство измѣняетъ, особенно же въ тѣхъ, гдѣ равенство силъ избирателей требуетъ втораго или третьяго дня для выбора депутатовъ.

Въ Парижѣ волненіе не могло быть продолжительнымъ, такъ какъ истинное значеніе покушенія Генри было извѣстно. Побѣда была на сторонѣ оппозиціи. Изъ четырнадцати тысячъ голосовъ, кандидатамъ оппозиціи принадлежало десять тысячъ; изъ четырнадцати депутатовъ, одинадцать принадлежало оппозиціи. Въ двухъ округахъ боло только нѣсколько голосовъ. Второй парижскій округъ имѣлъ въ то время самое большее количество избирателей въ цѣлой Франціи. Этотъ округъ, средоточіе богатства Парижа, состоялъ изъ первыхъ представителей финансоваго, торговаго и промышленнаго міра; въ немъ, съ 1830 года, партія консерваторовъ постоянно имѣла свое большинство, но на этотъ разъ она лишилась его. Послѣ двухдневной борьбы, кандидатъ оппозиціи Берже получилъ большинство восьмидесяти голосовъ противъ Жака Лефебюра, выступающаго депутата, кандидата консервативной партіи. Это обстоятельство было знаменательнымъ предостереженіемъ, лучемъ, освѣщавшимъ положеніе дѣлъ; но правительство было слѣпо и его только раздражало это обстоятельство.

Министерство, потерпѣвшее неудачу на парижскихъ выборахъ, торжествовало въ департаментахъ. Большинство его

было на этотъ разъ значительнѣе чѣмъ на предыдущихъ выборахъ. На его сторонѣ было двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти; самая эластичная среда избирателей — чиновничество—было за министерство.

VIII.

Такимъ образомъ выборы не только не уничтожали зла, но еще увеличивали его. Въ новомъ большинствѣ была группа депутатовъ, числомъ сто девять, въ которой люди предусмотрительные видѣли источникъ улучшенія дѣлъ. Будучи связаны только однимъ покровительствомъ министерства, не имѣя личныхъ отношеній къ предшетствовавшему законодательству, свободные отъ всякихъ увлеченій, порождаемыхъ духомъ партій, эти сто девять членовъ могли внести нѣкоторыя полезныя измѣненія въ общее управленіе дѣлами. Изъ нихъ преимущественно должна была составиться та часть консервативной партіи, которая, при своемъ осторожномъ образѣ дѣйствій, страшилась этой систематической неподвижности правительства среди общества, полнаго жизни и дѣятельности. Принимая въ серьезномъ смыслѣ слова, произнесенныя на банкетѣ въ Лизьё, эти сто девять членовъ стали требовать разныхъ перемѣнъ, сдѣлавшихся необходимыми и называли себя прогрессивными консерваторами. Журналъ la Presse сдѣлался ихъ органомъ. Но предложенія, надежды и пренія этой партіи только озлобляли противъ нее ея главныхъ предводителей. Опытнѣйшіе изъ членовъ ея очень хорошо знали, что ничто не въ силахъ будетъ преодолѣть упорныхъ требованій, которымъ подчинялся самъ Гизо. Послушный своему презрительному взгляду на дѣло оппозиціи, Гизо готовился уничтожить притязанія прогрессистовъ, какъ только они ихъ выскажутъ въ палатѣ. Но непониманіе или

измѣна были подводными камнями, о которые разбилось это похвальное, но безсильное желаніе Гизо.

IX.

Результатами выборовъ были одинаково довольны и консерваторы и радикалы, изъ которыхъ вторые были предусмотрительнѣе первыхъ. По мнѣнію первыхъ „желанія страны были извѣстны. Враждебныя партіи въ продолженіи четырехъ лѣтъ предполагали, что каждая изъ нихъ имѣетъ большинство въ народѣ. Спрошенный же народъ уничтожалъ ихъ своимъ выборомъ.“

Все что сглаживаетъ разные оттѣнки умѣренныхъ партій служитъ въ пользу крайнихъ партій; таковъ былъ видимый разультатъ выборовъ. Оппозиція лѣвой стороны, ослабленная въ партіи pays legal и уменьшенная въ палатѣ, чувствовала свое ослабленіе въ парламентѣ. Ей оставалось одно средство помочь дѣлу: отбросить въ сторону мелкія хитрости и политическія дрязги и обратиться съ воззваніемъ къ принципамъ, къ великодушнымъ страстямъ, къ благороднымъ чувствамъ и великимъ идеямъ о свободѣ, и этимъ путемъ возвратить себѣ наконецъ въ народѣ то положеніе, которое окончательно было потеряно ею въ палатѣ. Партія радикаловъ поняла это съ неотразимой живостью инстинкта и принялась за исполненіе этого плана съ ловкостью, какая не всегда удавалась ей впослѣдствіи.

X.

Сессія должна была исключительно быть занята повѣркою полномочій. Она была открыта 17 августа и продолжалась восемнадцать дней. Все, что было замѣчательнаго въ тронной

рѣчи, это увѣренность, съ которою король, привѣтливо смотря на свою политику, говорилъ о будущемъ своего семейства.

Немедленно за тронной рѣчью послѣдовали горячіе споры. Оппозиція обвиняла министерство въ страшныхъ обманахъ, съ которыми оно дѣйствовало на выборахъ въ Конѣ, Амбрёнѣ, Вандомѣ и Кемперле. Были заявлены самые положительные факты относительно тайныхъ и явныхъ подкуповъ. Всѣ эти жалобы были заглушены снисходительною подачею голосовъ парламентскимъ большинствомъ. Одни только выборы въ Кемперле были уничтожены по рѣшенію присяжныхъ суда.

Результатомъ этихъ кратковременныхъ преній былъ одинъ только фактъ — солидарность консервативной партіи. Съ этихъ поръ большинство было связано съ правительствомъ; оно должно было жить его жизнью и пасть вмѣстѣ съ нимъ, увлекая все въ своемъ паденіи.

XI.

Во всякомъ случаѣ — каковы бы ни были въ этомъ отношеніи предчувствія умныхъ людей — все казалось спокойнымъ. Сессія генеральныхъ совѣтовъ, начавшаяся немедленно по закрытіи палаты, доказала, что консервативная партія была одинаково сильна и въ этихъ второстепенныхъ собраніяхъ. Возобновленіе генеральныхъ совѣтовъ на треть членовъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не ослабило консервативной партіи.

Муниципальные выборы, происходившіе одновременно въ цѣлой Франціи, имѣли далеко не тотъ результатъ: они были вообще не въ пользу политики кабинета.

Выборы національной гвардіи, которые происходили въ это же время, еще рѣзче выражали свою враждебность къ кабинету. Различные комитеты лѣвой и крайней лѣвой стороны, центральный комитетъ, пресса, видѣли въ этихъ выборахъ средство для оппозиціи народа противъ партіи pays

legal и болѣе широкое поприще для того, чтобы отомстить за свои парламентскія неудачи. Почти вездѣ успѣхъ оправдалъ усилія, а въ Парижѣ побѣда была рѣшительная.

Такимъ образомъ, проникая глубже въ среду народа, можно было замѣтить, какъ ослабѣла связь его съ правительствомъ. Сильное въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, правительство теряло свою жизненность въ самомъ источникѣ. И этотъ остатокъ силъ терялся съ каждымъ днемъ въ лицѣ второстепенныхъ чиновниковъ всѣхъ частей администраціи и даже судебныхъ учрежденій, не возбуждавшихъ къ себѣ довѣрія.

XII.

Открытіе значительныхъ подлоговъ въ Рошфорѣ, по провіантской и другимъ частямъ морскаго управленія, доказали давность этого рода злоупотребленій. Тридцать четыре обвиненныхъ были преданы суду; между ними находилось нѣсколько значительныхъ должностныхъ лицъ.

Въ этомъ случаѣ судъ могъ по крайней мѣрѣ поступить со всею своею строгостью. Но всѣ съ досадою вспоминали о подобныхъ же, если не гораздо большихъ подлогахъ, совершенныхъ въ Тулузскомъ арсеналѣ; о томъ, что въ силу новаго закона были отправлены инспекторы, съ порученіемъ повѣрить и составить отчеты въ наличномъ имуществѣ его; что въ самый день пріѣзда коммиссаровъ въ Марсель, 1 августа 1845 года, страшный пожаръ въ Мурильонѣ уничтожилъ въ нѣсколько часовъ на нѣсколько милліоновъ франковъ строеваго лѣсу. Былъ ли этотъ пожаръ слѣдствіемъ случая или преступленія? Огонь, замѣченный одновременно въ различныхъ частяхъ зданія и слѣды зажигательныхъ снарядовъ, найденные въ развалинахъ, служили достаточнымъ доказательствомъ преступленія. Кто же былъ виновникомъ этого преступленія? Судебное слѣдствіе, по приказанію правительства,

было остановлено въ самомъ началѣ. Административное же слѣдствіе ничего не открыло, и такъ какъ виновныхъ по суду не оказалось, то общество подозрѣвало и искало ихъ повсюду.

Что касается судебнаго сословія, то новый политическій законъ давалъ ему гибельное право. Это право заключалось въ томъ, чтобы выбирать по своей волѣ журналы, которымъ можно бы было предоставить право печатать судебныя объявленія; вслѣдствіе этого судебная власть съ каждымъ годомъ подчинялась политикѣ. Общественный интересъ требовалъ, чтобы этого рода объявленія печатались въ самыхъ распространенныхъ изданіяхъ, а они, напротивъ, составляли исключительную принадлежность министерскихъ журналовъ, какъ бы послѣдніе ни были мало распространены. Это гибельное и несправедливое пристрастіе, на которое въ самомъ началѣ съ пророческою предусмотрительностью указалъ Гарнье-Пажесъ старшій и которую смѣло оспаривали министры, давая самыя торжественныя доказательства, — извращая дѣйствія судебнаго сословія, приносило вредъ его нравственному значенію.

XIII.

Другія причины неудовольствій являлись въ другихъ мѣстахъ. Когда народъ не принимаетъ участья въ политической жизни, то онъ только въ томъ случаѣ прощаетъ на время это посягательство на его права, когда тотъ, кто управляетъ имъ, серьезно заботится о его матеріальныхъ выгодахъ. Многіе правители знали этотъ секретъ и нѣкоторые изъ нихъ счастливо примѣняли его къ дѣлу. Но нѣтъ такой силы, которая могла бы одновременно заглушить въ народѣ его политическія стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныя и матеріальныя потребности. Между тѣмъ правительство Луи Филиппа, исключительно поддерживаемое одними привиллегированными классами,

было обвиняемо оппозиціей въ совершенномъ равнодушіи къ дѣлу независимости и благосостоянія народа. Такимъ образомъ ропотъ, въ началѣ неопредѣленный, а потомъ все болѣе и болѣе усиливавшійся, указывалъ правительству на недостатокъ урожая, который съ наступленіемъ зимы угрожалъ бѣдствіемъ народу. Не смотря на предупрежденія, просьбы и настоятельныя требованія принять мѣры противъ опасности, угрожающей вслѣдствіе недостатка хлѣба, министерство пренебрегало этими совѣтами и считало ихъ даже почти возмутительными. Цѣна на хлѣбъ начала увеличиваться въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ, угрожая народу голодомъ. Министерство съ какимъ то упрямствомъ оставалось совершенно спокойнымъ.

Съ первыхъ чиселъ октября мѣсяца въ Парижѣ и другихъ частяхъ королевства произошли безпорядки по причинѣ увеличивавшейся дороговизны хлѣба. Зерновой хлѣбъ дорожалъ съ каждымъ днемъ: къ концу мѣсяца низшая цѣна его дошла до 26 фр. 36 с. за гектолитръ (гектолитръ—3,813 четверика). Безпорядки увеличивались. Вслѣдъ за этимъ муниципальныя власти употребили всѣ средства помочь несчастію. Парижскій муниципальный совѣтъ вотировалъ сумму, необходимую для поддержанія цѣны хлѣба въ 40 сантимовъ за килограммъ. Но повышеніе цѣнъ продолжалось и зло принимало большіе размѣры; предусмотрительность муниципалитета и частная благотворительность оказались недостаточными; необходимы были болѣе положительныя мѣры и о нихъ начали хлопотать со всѣхъ сторонъ: потребовали свободнаго ввоза иностраннаго хлѣба, обратили вниманье министерства на скорое наступленіе зимы въ Балтійскомъ морѣ и бурь въ Черномъ. Министерство отвѣтило, что нечего бояться недостатка хлѣба, что результаты жатвы еще не опредѣлены оффиціально, а результаты предварительныхъ изслѣдованій объ урожаѣ на столько удовлетворительны, что должны успокоить народъ.

Эти увѣренія не убѣдили однакожъ никого, и неурожай

угрожалъ все болѣе и болѣе. Непредусмотрительность правительства и безпечность его въ такомъ вопросѣ, въ которомъ матерьяльному благосостоянію народа угрожала опасность, становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Безпорядки увеличивались, а вмѣстѣ съ ними усиливалась и ненависть къ правительству.

XIV.

Въ то же время обнаружились мрачные признаки финансоваго кризиса, который быстро увеличивался и принялъ впослѣдствіи страшные размѣры. Тогдашнее правительство будетъ отвѣчать за него предъ судомъ исторіи, и тѣмъ справедливѣе будетъ эта отвѣтственность, что оно не испытало всей тягости этого кризиса.

Тремя главными причинами этого кризиса были: постоянное увеличенье расходовъ, неурожай и система устройства желѣзныхъ дорогъ.

Въ 1830 году бюджетъ простирался до 1,095 милліоновъ, въ 1840 до 1,179 милліоновъ, въ 1846 онъ дошелъ до 1,606 милліоновъ. Между 1840 и 1846 годами, не смотря на каждогодное среднее увеличеніе доходовъ на 40 милліоновъ, общая сумма излишка расходовъ надъ доходами дошла до цифры 433 милліоновъ.

Неурожай и возникшая вслѣдствіе его необходимость въ значительной закупкѣ заграничнаго хлѣба были причиною громаднаго вывоза звонкой монеты.

Что же касается желѣзныхъ дорогъ, то благоразумное правительство приступило бы къ послѣдовательной постройкѣ ихъ; оно бы первоначально сосредоточило всѣ свои усилія на двухъ большихъ линіяхъ, отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ юго-западу; сверхъ того оно бы не отдало въ монополію компаніямъ капиталистовъ перевозку товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но правительство Луи Филиппа дѣйствовало подъ влія-

ніемъ совершенно иныхъ соображеній. Имѣя въ виду выборы, оно думало дѣйствовать на нихъ въ свою пользу, стараясь показать для виду, что предпринимаетъ громадное дѣло, разбрасывая сѣть желѣзныхъ дорогъ по всей Франціи.

Отсюда немедленно явились самыя гибельныя послѣдствія. Менѣе чѣмъ въ два года компаніи потребовали у биржи 1,300 милліоновъ и у казны заемъ въ 200 милліоновъ, что въ сложности составило 1,500 милліоновъ. Къ концу 1846 года было собрано 600 милліоновъ; оставалось собрать еще 900. Сверхъ того предстояло уплатить одинъ милліардъ за работы, предпринятыя правительствомъ.

Но цифры эти были еще далеко невѣрны. Капиталы привлекаются двумя путями на рынокъ: сбереженіемъ и спекуляціей. Когда сбереженіе недостаточно, то остальное дополняется спекуляціей. Франція же въ 1846 году далеко не могла сберечь 1500 милліоновъ, и спекуляція вступила въ свои права. Акціи, достоинство которыхъ было основано на болѣе или менѣе невѣрныхъ расчетахъ, поднялись съ своей номинальной цѣны до невѣроятной цифры. Бѣдные и богатые, скупые и расточительные, капиталисты, земледѣльцы, промышленники, купцы — всѣ были увлечены безумной игрой, которая представляла собою не обращеніе цѣнностей, но громадное, быстрое и безпорядочное перемѣщеніе капиталовъ. Спекуляція поколебала имущество, заработокъ и совѣсть людей. Ложь заступила мѣсто естественнаго положенія дѣлъ; дѣйствительныя производительныя силы уступили мѣсто искусственнымъ, правильный приливъ капиталовъ, измѣненный спекуляціей, превратился въ искусственное обращеніе, поддерживаемое взаимною услужливостью.

Банкъ, дающій движеніе и направляющій большіе капиталы, въ свою очередь почувствовалъ вліяніе спекуляціи. Съ 1-го іюля 1846 года до 1 генваря 1847 года наличный капиталъ банка уменьшился на 172 милліона. Потребности

его увеличиваются, звонкая монета исчезаетъ и онъ принужденъ сдѣлать въ Лондонѣ заемъ въ 25 милліоновъ въ слиткахъ. Онъ одновременно возвышаетъ дисконтъ на одинъ процентъ.

Это обстоятельство увеличиваетъ кризисъ: кредитъ ослабѣваетъ, торговля и промышленность приходятъ въ застой, непроданные товары скопляются въ магазинахъ. Тогда сцена перемѣняется: воображеніе ослабѣваетъ; всѣ спрашиваютъ себя, какова дѣйствительная цѣнность этихъ двухъ милліардовъ акцій, тяготѣющихъ надъ рынкомъ; всѣми овладѣваетъ страхъ, результатомъ котораго является чрезмѣрное пониженіе тѣхъ цѣнностей, которыя доведены были спекуляціей до искусственной высоты. Пониженіе идетъ быстро, увлекая за собой даже ренту; всеобщій кредитъ подрывается, и люди болѣе проницательные предвидятъ неминуемое потрясеніе.

XV.

Въ какомъ же состояніи находилась въ это время Европа? Россія была открыто враждебна Франціи. Пруссія, озабоченная своими собственными внутренними затрудненіями, оставалась пока нейтральною. Австрія, управляемая уставшимъ и скептическимъ государемъ, готова была вступить въ мировыя сдѣлки. Второстепенныя государства подчинялись различнымъ условіямъ своихъ интересовъ, привычекъ, вліянію окружающихъ государствъ и движенію умовъ въ народѣ. Одна только Швейцарія была неспокойна. Подъ не совсѣмъ благовиднымъ предлогомъ религіознаго вопроса, семь католическихъ кантоновъ рѣшились составить особую лигу, „Зондербундъ“, отдѣльную отъ конфедераціи. Французское министерство покровительствовало этой лигѣ. Отношенія правительства Луи Филиппа къ Англіи были въ началѣ интимны, и имѣли даже нѣкоторый видъ подчиненности; но вскорѣ они стали колебаться, сдѣлались на-

ИСТОРИЧЕСКАЯ

тянутыми, и наконецъ стали враждебными. Причину этого охлажденія надобно искать въ Испаніи, и именно въ толкованіяхъ трактата о четверномъ союзѣ; это охлажденіе должно было еще болѣе увеличиться по поводу вопроса, въ который вмѣшалась интрига; вопросъ этотъ заключался въ бракѣ молодой королевы Изабеллы II.

Изучая исторію безъ заранѣе составленныхъ взглядовъ, очень трудно рѣшить этотъ сомнительный вопросъ—не было ли одинаково гибельно для Испаніи и для Франціи возшествіе Бурбоновъ на испанскій престолъ? Политика Наполеона, имѣвшая свое начало въ политикѣ Людовика XIV, освѣщаетъ эту проблему мрачнымъ свѣтомъ. Подъ вліяніемъ семейныхъ идей и преданій, Луи Филиппъ, какъ король, отецъ и старикъ, лелѣялъ въ своемъ сердцѣ надежду сочетать бракомъ своего младшаго сына, герцога Монпансье, если не съ королевою Изабеллою, то по крайней мѣрѣ съ ея сестрой, инфантой Луизой-Фернандой. Но англійское правительство считало это противнымъ своимъ интересамъ. Этотъ вопросъ впродолженіи четырехъ лѣтъ возобновлялся случайно и съ перерывами. Претенденты на бракъ съ королевой безпрестанно смѣнялись одни другими. Въ это время королева Викторія, исполняя долгъ вѣжливости, сдѣлала королю визитъ въ château d'Eu; король нашелъ этотъ случай удобнымъ для того, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Переговоры Гизо съ лордомъ Абердиномъ привели къ тому заключенію, что Англія не расположена въ настоящее время въ пользу этого брака и соединенія подъ однимъ скипетромъ Франціи и Испаніи, подобно тому какъ она не была расположена къ этому и въ 1702 году. Такимъ образомъ Англія формально отвергла всякую мысль о бракѣ герцога съ королевой. Что же касается до брака съ инфантой, то британское правительство не возставало противъ него; но, чтобы обезпечить послѣдствія утрехтскаго трактата отъ всякихъ случайностей, оно требовало, чтобы этотъ бракъ былъ

заключенъ только послѣ рожденія у испанской королевы на слѣдника, и такимъ образомъ обезпечить испанскій тронъ отъ возшествія на него Орлеанскаго дома.

По словамъ англійскихъ министровъ, какъ виговъ такъ и торіевъ, эти условія были приняты Гизо и самимъ королемъ, который сверхъ того лично обязался сообразовать съ ними свою политику. Но, не довѣряя французскому правительству, Англія съ безпокойствомъ наблюдала въ Парижѣ и Мадридѣ. Находя достаточныя причины быть недовольной поведеніемъ короля, королева Викторія перестала выражать ему свое уваженіе, которое прежде обнаруживала такъ часто. Уже замѣчалась перемѣна въ дипломатическихъ сношеніяхъ обѣихъ правительстъ, когда 1 іюля 1847 г. тори были замѣнены вигами и мѣсто лорда Абердина заступилъ лордъ Пальмерстонъ.

Лордъ Пальмерстонъ, человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ, обладающій щекотливою чувствительностью ко всему, что касается величія его родины, которой онъ глубоко преданъ, имѣлъ противъ Гизо и короля, кромѣ неудовольствій политическихъ, личную непріязнь, которая не могла изгладиться даже послѣ его недавняго путешествія въ Парижъ. Сдержанное въ началѣ, это враждебное расположеніе англійскаго правительства разразилось въ печати, особенно же въ статьяхъ Times, приписываемыхъ одному изъ членовъ вигскаго кабинета, бывшему посланникомъ въ Испаніи. Статьи эти, обращенныя противъ личности короля, были такъ непосредственно направлены и такъ яростны, что французская журналистика, не будучи въ состояніи состязаться на этомъ поприщѣ, должна была ограничиться однимъ только указаніемъ на ихъ значеніе. Не смотря на вѣжливый тонъ, соблюдаемый въ оффиціяльныхъ сношеніяхъ между обѣими правительствами, въ немъ нельзя было не замѣтить много рѣзкости. Принявъ отъ лорда Абердина управленіе дѣлами, лордъ Пальмер-

стонъ съ настойчивостью требовалъ, чтобы бракъ герцога Монпансье съ инфантою былъ заключенъ не ранѣе рожденія наслѣдника у испанской королевы. Чувствуя себя въ правѣ отвѣчать на это враждебное расположеніе тѣмъ же, Гизо ссылался на обязательства, заключенныя въ château d'Eu. Подчиняясь страстямъ короля, Гизо, какъ самый простой придворный, распространялся о великой политикѣ Людовика XIV, и въ тоже время былъ слѣпъ въ виду гибели отъ этой политики, жертвуя, ради ничтожнаго семейнаго интереса, союзомъ съ Англіей, для котораго онъ самъ принесъ столько великихъ и тяжелыхъ жертвъ. Въ то же время онъ обращался къ своему противнику съ страннымъ тономъ высокомѣрія.

Между тѣмъ Герцогъ Монпансье уѣхалъ въ Мадридъ въ первыхъ числахъ октября. 10-го числа, въ Эскурьялѣ, онъ обвѣнчался съ инфантой, часъ спустя послѣ вѣнчанья королевы. Союзъ съ Англіей былъ окончательно прерванъ.

XVI.

Европа, внимательно слѣдившая за ходомъ и развязкою этого столкновенія, немедленно постаралась воспользоваться имъ.

Подъ покровительствомъ русскаго императора былъ заключенъ брачный союзъ главы дома Бурбоновъ съ моденскою герцогиней. Это была несомнѣнная угроза Орлеанскому дому и въ тоже время новый предлогъ къ озлобленію легитимистовъ противъ Орлеанской династіи.

Затѣмъ послѣдовали еще болѣе важныя слѣдствія этого несогласія: Краковская республика, обезпеченная трактатомъ 1815 года, сохраняла свою независимость, и независимость эта сильно безпокоила три сосѣднія могущественныя державы. Не прошло и мѣсяца послѣ испанскихъ браковъ, какъ Россія, Пруссія и Австрія, безъ согласія на то государствъ,

подписавшихъ трактатъ 1815 года, сокрушили этотъ послѣдній пріютъ польской національности. Это обстоятельство возмутило всю Европу: второстепенныя государства почувствовали себя въ опасности; Англія энергически протестовала, Франція же едва возвысила свой голосъ; но эти три державы мало обратили вниманія на протесты Франціи и Англіи, и въ отвѣтъ на нихъ объявили о раздѣленіи Краковской республики.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ кончился 1846 годъ. Французское общество вступало въ новый рядъ испытаній и страданій, которыхъ оно еще не исчерпало до сихъ поръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Открытіе сессіи 1847 года.—Рѣчь короля, исполненная спокойствія и заученнаго лаконизма; радикальная пресса указываетъ на несостоятельность словъ короля; министерская пресса и дипломатическій корпусъ заглушаетъ эту критику своею лестью. — Признанія и объясненія министерства по поводу кризиса. — Банковые вклады уменьшаются въ три мѣсяца на 100 милліоновъ. — Министерство требуетъ выпуска на 56 милліоновъ банковыхъ билетовъ и въ тоже время объявляетъ положеніе дѣлъ совершенно безопаснымъ. — Бюджетъ съ дефицитомъ въ 243 милліона. — Дороговизна хлѣба; безпорядки; убійство въ Бюзансе; усмиреніе вооруженной силой и эшафотомъ; правительство принимается наконецъ за ввозъ съѣстныхъ припасовъ. — Споры въ палатѣ объ испанскихъ бракахъ; этотъ вопросъ производитъ раздѣленіе въ оппозиціи; новая группа депутатовъ образуется подъ предводительствомъ Дюфора и Билльо; значительное большинство оправдываетъ правительственную систему. — Политическое могущество Луи-Филиппа достигаетъ высшаго предѣла. — Въ ожиданіи преній по поводу бюджета, Дювержье-де-Гораннъ дѣлаетъ правительству запросъ о состояніи финансовъ; его предложенія объ измѣненіи финансовой системы отвергнуты. — Адресъ принятъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 48. — Новая побѣда правительства; примиреніе лорда Норменби съ Гизо при посредствѣ австрійскаго посланника; покупка русскимъ императоромъ на 50 милліоновъ ренты. — Смерть Мартенъ-де-Нора; замѣщеніе его Геберомъ въ министерствѣ юстиціи; этотъ выборъ выражаетъ злобу правительства; въ отвѣтъ на него палата назначаетъ Геберу въ вице-президенты Леона-де-Маллевиль; раздраженіе кабинета и жестокіе нападки министерской прессы. — Избирательныя реформы; предложеніе Дювержье-де-Горанна; Дюшатель отвергаетъ даже существованіе этого вопроса внѣ палаты; предположеніе Гизо о томъ, что прогрессъ заключается въ ослабленіи чрезмѣрнаго развитія свободы, и урокъ его прогрессивнымъ консерваторамъ; предложеніе его отвергнуто 252 голосами противъ 154. — Парламентская реформа; предложеніе Ремюза; исключеніе офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ при королѣ и принцахъ; враждебное расположеніе Тьера къ двору; предложеніе, отвергнутое 219 голосами противъ 170; большинство голосовъ было поддержано 129 чиновниками. — Партія радикаловъ видитъ свою побѣду въ этомъ пораженіи. — Разговоръ Гарнье-Пажеса съ Гизо. — Безсиліе кабинета; Демуссо характеризуетъ это состояніе словами: ничего, ни-

чего, ничего! — Эшафотъ въ Бюзансе. — Сессія палаты превращается въ засѣданіе ассизнаго суда. — Злоупотребленія по провіантской части въ Парижѣ; воровство, открытое въ поставкахъ правительству; строгое обращеніе и безпорядки по морскому управленію, указанные д'Анжевиллемъ и Бенуа Фульдомъ; большинство защищаетъ правительство. — Дѣло Теста и Кюбьера. — Перемѣны въ министерствѣ: Гизо жертвуетъ тремя министрами, болѣе всего пострадавшими въ парламентскихъ преніяхъ; сопротивленіе Лакавъ-Лапланa; назначенье трехъ новыхъ министровъ объявляется въ Монитерѣ 10 мая; ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ палатѣ; неудовольствіе консерваторовъ; король, министры и Лакавъ-Лапланъ успокоиваютъ ихъ и министерство окончательно устроивается; — это послѣднее министерство іюльской монархіи. — Радикалы довольны этимъ крайнимъ развитіемъ правительственной системы. — Назначеніе придворныхъ прелатовъ и новыхъ дворянъ. — Волненіе, произведенное въ палатѣ перовъ посягательствомъ на ея достоинство въ одной статьѣ Presse, подписанной Эмилемъ-де-Жирарденомъ, въ которой въ тоже время обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ; палата перовъ проситъ разрѣшенія у палаты депутатовъ позвать къ отвѣту Эм. де-Жирардена; въ спорахъ по этому поводу Жирарденъ смѣло поддерживаетъ свои обвиненія; ему отвѣчаютъ Гизо и Дюшатель; палата депутатовъ даетъ разрѣшеніе, требуемое палатою перовъ; Жирарденъ оправданъ палатою и возвращается въ палату депутатовъ, чтобы поднять и оживить споры новыми съ своей стороны обвиненіями; онъ требуетъ слѣдствія; на предложеніе Морни отвѣчаютъ 225 голосовъ противъ 102, объявляя въ тоже время, что они удовлетворены объясненіями со стороны кабинета.—Споры по вопросу объ Алжирѣ и открытіе по этому поводу новыхъ безпорядковъ. — Охлажденіе большинства. — Министерство, покровительствовавшее католической революціи въ Швейцаріи, противится либеральному движенію въ Португаліи.— Злоупотребленія въ управленіи государственными лѣсами. — Обманы отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. — Судъ и приговоръ надъ Тестомъ, Кюбьеромъ и Пармантье; стараніе министерской прессы выставить въ этомъ дѣлѣ безукоризненное поведеніе судей. — Споры о бюджетѣ: громадный дефицитъ; предостереженіе и тревога парламентскаго большинства; требованіе и вотированіе займа въ 350 милліоновъ. — Паденіе всѣхъ проектовъ новыхъ законовъ по поводу разныхъ предпріятій.—Послѣднее разоблаченіе лихоимства, сдѣланное журналомъ «National». — Печальное заключеніе, которое дѣлаетъ изъ парламентской ссесіи «Iournal de Debats».

I.

Парламентская сессія 1847 года.

Король лично открылъ сессію 11 января. Онъ любилъ эти торжественныя случаи, въ которыхъ могъ показать публикѣ, что

время не ослабило его бодрости. Окруженный своимъ блистательнымъ семействомъ, которое было его надеждой и предметомъ гордости, онъ, казалось, забывалъ даже вѣрные признаки приближающейся смерти. Его рѣчь, проникнутая невозмутимымъ спокойствіемъ заключала въ себѣ только два замѣчательныхъ мѣста, изъ которыхъ одно относилось къ испанскимъ бракамъ, а другое къ присоединенію Кракова. Ограничиваясь простымъ объявленіемъ палатѣ о бракѣ своего послѣдняго сына, король не указывалъ на дипломатическія послѣдствія этого брака. Но разъясняя съ большою подробностью Краковскій вопросъ, король объявилъ, что его правительство протестовало „противъ этого неожиданнаго происшествія, этого нарушенія договоровъ, измѣняющаго въ Европѣ порядокъ вещей, установленный вѣнскимъ трактатомъ.“

По странному совпаденію обстоятельствъ, въ которомъ древніе предразсудки стали бы отыскивать какое-нибудь предзнаменованіе, въ самый день произнесенія этой рѣчи получено было въ Парижѣ посланіе президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Объемъ этого документа и откровенность его составляли знаменательный контрастъ съ заученнымъ лаконизмомъ королевской рѣчи, на который обратила вниманіе республиканская пресса. Но министерская пресса отвѣчала восторженными похвалами, и во время пріема по случаю новаго года, нунцій отъ имени всего дипломатическаго корпуса расточалъ королю льстивыя и похвальныя слова.

II.

Дѣйствительность же была, къ несчастью, далеко не такъ блистательна. Въ бюджетѣ на 1848 годъ, публикованномъ 2 января, правительство сознавалось, хотя и не совсѣмъ ясно, въ томъ, какое вліяніе произвелъ финансовый кризисъ на торговлю, промышленность и сельское хозяйство. Оно ста-

ралось объяснить его неурожаемъ, наводненіями, паденьемъ ренты и акцій. Что же касается денежнаго кризиса, то оно также старалось привесть другія причины, не указывая на положеніе банка, котораго вклады уменьшились въ три мѣсяца на 100 милліоновъ (1 октября 1846 года вкладовъ было на 163 мил.; 31 декабря на 63 мил.). Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ затрудненій, оно просило разрѣшенія увеличить число банковыхъ билетовъ съ 210 на 275 милліоновъ. Въ заключеніе оно объявило съ самодовольствомъ, очень страннымъ, если оно было откровенно, что въ скоромъ времени исчезнутъ всѣ слѣды жестокихъ испытаній, посланныхъ провидѣньемъ. Между тѣмъ представленный бюджетъ доходилъ до 1,368 милліоновъ обыкновенныхъ расходовъ и 176 мил. экстренныхъ, что въ сложности составляло 1,544 милліона. Если причислить сюда суммы, вотированныя въ продолженіи года, то весь бюджетъ простирался до 1,610 милліоновъ.

Доходовъ было всего 1,366 милліоновъ. Такимъ образомъ открылся дефицитъ въ 244 милліона, не считая экстреннаго кредита, добавочнаго и дополнительнаго, безъ которыхъ, не смотря на миръ и другія благопріятныя обстоятельства, не могло обойтись само правительство.

III.

Увѣренность кабинета не измѣнилась даже при постоянномъ увеличеньи безпорядковъ, которыхъ причина заключалась въ безпрестанномъ повышеніи цѣнъ на съѣстные припасы. Средняя цѣна хлѣба во всей Франціи дошла уже до 29 фр. 92 сан. за гектолитръ. Поддерживаемый невѣжествомъ, страхъ голода, дѣйствующій сильнѣе самаго голода, поднялъ, преимущественно въ центрѣ и на западѣ Франціи, толпы вооруженныхъ крестьянъ. Обезумѣвъ отъ страха и голода, они бродили по всей странѣ, сторожили на дорогахъ и задержи-

вали обозы съ хлѣбомъ, не понимая, что такимъ образомъ еще увеличивали зло. Всѣ крайности были доступны въ этомъ броженіи самыхъ слѣпыхъ и дикихъ страстей. Въ Бюзансе, въ департаментѣ Эндры, ярость этихъ несчастныхъ людей довела ихъ даже до убійствъ.

Чтобы прекратить эти безпорядки, оставалось только прибѣгнуть къ оружію, и правительство поспѣшило воспользоваться этой мѣрой. Приказано было двинуться войскамъ. Военный министръ просилъ разрѣшенья увеличить кадры семью тысячами человѣкъ. Наконецъ приняты были необходимыя мѣры, чтобы ускорить ввозъ съѣстныхъ припасовъ и помочь общественной и частной благотворительности, которая, не смотря на свои обширные размѣры, была совершенно безсильна. Если бы къ этимъ мѣрамъ прибѣгли ранѣе, то не нужно было бы теперь прибѣгать къ пролитію крови въ деревняхъ и на эшафотѣ.

IV.

Между тѣмъ дѣло объ испанскихъ бракахъ явилось опять на сцену по поводу споровъ объ адрессѣ въ палатѣ перовъ. Брольи, назначенный посланникомъ въ Лондонъ, началъ оправдывать и восхвалять политику кабинета. Затѣмъ сталъ говорить Гизо; всѣ съ удивленіемъ услышали отъ этого искуснаго оратора дерзкія и жалкія слова.

Англія была спокойнѣе. Государственные люди всѣхъ партій, какъ лордъ Джонъ Россель и сэръ Робертъ Пиль, старались заглушить въ себѣ страсти, вмѣсто того, чтобы ихъ возбуждать. Вмѣсто всякаго отвѣта лордъ Пальмерстонъ напечаталъ всѣ документы, которые могли бы разъяснить дѣло, касающееся этого вопроса.

Во Франціи вопросъ о бракахъ послужилъ къ раздѣленію мнѣній даже въ самой оппозиціи. Этотъ актъ неза-

висимости и даже почти враждебнаго расположенія правительства, послѣ столькихъ неожиданныхъ униженій, испытанныхъ имъ, въ тайнѣ льстилъ общественному мнѣнію и вводилъ его въ заблужденіе. Консерваторы, обязанные своимъ возвышеніемъ вотированію въ дѣлѣ Притчарда, не переставали повторять въ своихъ журналахъ, въ своихъ разсужденіяхъ и въ палатѣ слѣдующія слова: „Нѣтъ, мы не хотѣли изъ пустяковъ ссорить Европу. Но, вы видите сами, что когда дѣло идетъ о великихъ иртересахъ, о серьезныхъ политическихъ вопросахъ, тогда мы дѣйствуемъ твердо и смѣло.“ Противныя партіи отвѣчали на это слѣдующимъ образомъ:

„Каждый разъ, когда вопросъ заключался въ однихъ только отечественныхъ интересахъ, вы жертвовали всѣмъ ради вашего спокойствія и неприкосновенности династіи. Союзъ съ Англіей, котораго вы не рѣшались никогда расторгнуть, даже въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло шло о вашей чести, этотъ союзъ вы грубо отвергаете въ настоящее время ради какихъ то гадательныхъ семейныхъ интересовъ. Ради удовлетворенія національнаго достоинства вы не рѣшались пренебречь охлажденіемъ Англіи, а теперь, въ угожденіе династическимъ интересамъ, вы жертвуете спокойствіемъ всего міра.“

Не всѣ члены оппозиціи раздѣляли подобное мнѣніе: извѣстное число депутатовъ, бывшихъ до сихъ поръ враждебными правительству, кто изъ убѣжденія, кто изъ разсчетовъ, перешли въ этомъ вопросѣ на сторону кабинета. Новая политическая партія образовалась подъ предводительствомъ Дюфора и Билью.

Такимъ образомъ палата была раздѣлена въ своихъ мнѣніяхъ въ то время, когда начались пренія объ адрессѣ.

Гарнье-Пажесъ возвратился изъ Испаніи; онъ видѣлъ дѣло вблизи и выставилъ его въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобы успѣть въ своемъ намѣреньи заключить брачный союзъ; французское правительство исключительно поддерживало только

одну партію, разсчитывая на то, чтобы потомъ найти въ этой партіи поддержку; остальныя же партіи оно заставило перейти на сторону Англіи. Такимъ образомъ французское вліяніе въ Испаніи, вмѣсто того чтобы усилиться, на самомъ дѣлѣ ослабѣло.

Гизо избѣгалъ парламентскаго состязанья. Онъ говорилъ, что желая подражать осторожности англійскихъ министровъ, онъ не хотѣлъ отвѣчать ни на какіе нападки и требовалъ прекращенія преній. Оппозиція склонилась на эту мѣру, потому что она, видя себя раздѣленною, искала другаго предмета для преній. Но Тьеръ оживилъ оппозицію, доказавши, что прямымъ послѣдствіемъ испанскихъ браковъ было уничтоженіе Краковской республики, а вслѣдствіе этого и расторженіе англійскаго союза. Гизо съ гордостью отвѣчалъ своему антагонисту: что „испанскій брачный союзъ, позвольте мнѣ вамъ сказать, былъ первымъ великимъ дѣломъ, которое совершили мы въ Европѣ одни безъ посторонняго вмѣшательства, съ 1830 года.“

Значительное большинство одобрило эти слова. Такимъ образомъ система, принятая правительствомъ, торжествовала. Политическое могущество главы Орлеанскаго дома достигло своего апогея. Франція повиновалась ему; Европа наконецъ признавала его. До сихъ поръ онъ вступалъ въ родственныя связи только съ принцами, теперь же онъ роднился съ королевскими домами. Довольный самимъ собою, онъ самонадѣянно смотрѣлъ на настоящее и спокойнымъ взглядомъ взиралъ на будущее..... Но годъ спустя, онъ какъ бѣглецъ и изгнанникъ покидаетъ Францію. Судьба какъ будто нарочно поставила его такъ высоко только для того, чтобы тѣмъ разительнѣе было его паденіе.

V.

Однако всѣ друзья и враги правительства, консерваторы, оппозиціонисты и радикалы и всѣ положительные люди были

согласны въ томъ, что главная опасность заключалось въ положеніи финансовъ. Нетерпѣніе общества выразилось до начала преній о бюджетѣ. Дювержье де Гораннъ предложилъ палатѣ принять мѣры противъ такого состоянія дѣлъ. Въ виду тяжкаго положенія, угрожавшаго казнѣ, онъ требовалъ, чтобы были приняты мѣры для введенія порядка и экономіи въ общественныхъ издержкахъ. По его разсчетамъ, основаннымъ на цифрахъ оффиціальныхъ документовъ, на отвѣтственности министерства остается, за всѣми исключеніями, не менѣе одного милліарда, который долженъ быть уплоченъ при составленіи послѣдующихъ бюджетовъ. Изслѣдуя затѣмъ причины такого глубокаго и угрожающаго зла, онъ въ особенности приписывалъ его уступкѣ частнымъ лицамъ большаго количества желѣзныхъ дорогъ и притомъ при посредствѣ самого министерства, которое покровительствовало и одобряло эти уступки и даже подстрекало къ нимъ разныхъ спекулянтовъ. „Съ какою же цѣлью оно такъ поступало? Мы должны наконецъ сказать правду: приближеніе выборовъ было причиною этихъ чрезмѣрныхъ уступокъ; надобно было прежде всего удовлетворить жадность отдѣльныхъ лицъ, и въ этомъ случаѣ правительство мало заботилось о томъ, что подобныя мѣры отразятся новымъ финансовымъ бѣдствіемъ; ему только нужно было пріобрѣсть этимъ путемъ нѣсколько лишнихъ голосовъ, чтобы увеличить свое большинство. Ораторъ, кончая свою рѣчь, заключилъ ее слѣдующими пророческими словами: „У васъ нѣтъ болѣе финансовъ!“

Его предложеніе было отвергнуто, а адрессъ принятъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 84.

Такимъ образомъ большинство было многочисленное, послушное и уже дисциплинированное. Велика была радость при дворѣ, еще большая въ министерствѣ. Это первое заявленіе политической программы новой палаты болѣе чѣмъ удовлетворяло всѣмъ надеждамъ.

Оппозиція была рѣшительно побѣждена и сверхъ того была ослаблена раздѣленіемъ. Избавленное наконецъ отъ безсильнаго меньшинства, правительство собиралось смѣло и свободно приступить къ разрѣшенію великихъ вопросовъ.

VI.

Два обстоятельства, случившіяся вслѣдъ за этой побѣдой окончательно ослѣпили дворъ и кабинетъ.

Лордъ Норменби и Гизо поссорились между собою вслѣдствіе взаимнаго обличенія во лжи. Австрійскій посланникъ Аппони пригласилъ къ себѣ обоихъ противниковъ и помирилъ ихъ. Вопросъ о бракѣ какъ будто былъ забытъ и прежняя дружба, казалось, была возстановлена.

Съ цѣлью облегчить покупку хлѣбныхъ зеренъ въ своемъ государствѣ, русскій императоръ взялъ во французскомъ банкѣ на 50 милліоновъ ренты въ обмѣнъ на слитки. Это обстоятельство совершилось вѣроятно вслѣдствіе увѣренности въ непоколебимости французскаго правительства. Никогда ни одно правительство не получало отъ другаго такого рѣшительнаго заявленія довѣрія. Торжество кабинета было полное. Придавая этому обстоятельству слишкомъ много политическаго значенія, онъ забывалъ въ тоже время объ одномъ изъ послѣдствій испанскихъ браковъ, которое было произведено столь довѣрявшей ему державой — Россіей, въ отношеніи краковской республики.

VII.

13 марта умеръ одинъ изъ членовъ кабинета и обстоятельства, сопровождавшія его смерть, были столь загадочны, что возбудили всеобщее любопытство; этотъ членъ кабинета былъ Мартенъ (du Nord), министръ юстиціи. Жестокій въ началѣ

своей карьеры, онъ смягчился впослѣдствіи, когда достигъ степени министра. Дворъ сдѣлалъ ошибку, назначивъ на его мѣсто Гебера, важнаго судью, одареннаго замѣчательнымъ талантомъ, но человѣка крутаго, мрачнаго, который болѣе другихъ былъ укоряемъ за свою чрезмѣрную строгость. Этотъ выборъ, сдѣланный не съ политическою цѣлью, но изъ злобы, удивилъ благоразумныхъ людей и, не укрѣпивъ положенія кабинета въ палатѣ, ослабилъ его сверхъ того въ народѣ.

Но выборъ этотъ вскорѣ разъяснился. Геберъ былъ вицепрезидентомъ палаты, и на его мѣсто былъ назначенъ Леонъ-де-Маллевиль, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ членовъ оппозиціи. Неожиданное назначенье такого человѣка было только предостереженіемъ, потому что въ этомъ выборѣ участвовали люди искренно преданные не только двору, но и кабинету. Вмѣсто того, чтобы понять это предостереженіе, кабинетъ озлобился и поднялъ тревогу. Пресса воспользовалась положеніемъ кабинета и безжалостно преслѣдовала этихъ отступниковъ своими ѣдкими сарказмами. Злоба кабинета, несправедливая и неосмотрительная, выражала роковое заблужденіе упрямой старческой гордости.

Съ этого времени событія проходили мимо этихъ государственныхъ людей не обращая на себя ихъ вниманія, не возбуждая ихъ умственной дѣятельности; ими двигало одно только тщеславіе.

VIII.

Оппозиція поняла наконецъ, что надобно было возбудить общественное мнѣніе. По настоянію крайней лѣвой стороны она рѣшилась затронуть главный вопросъ. Дювержье-де-Гораннъ сдѣлалъ предложеніе о преобразованіи выборовъ; Ремюза предложилъ парламентскую реформу. Это было двойное

и существенное нападеніе на министерство. Прогрессивные консерваторы также вступили въ пренія, не будучи впрочемъ увѣрены, что они выдержатъ ихъ до конца. Радикалы искренно поддерживали эту реформу, хотя и неполную, но которая была въ ихъ глазахъ первымъ шагомъ къ достиженію всеобщей подачи голосовъ — принципа и цѣли ихъ политики.

IX.

Основанія предложенія объ измѣненіи выборнаго начала были слѣдующія: уменьшеніе избирательной подати (ценса) до 100 франковъ, предоставленіе права голоса способнымъ людямъ, увеличеніе числа депутатовъ съ 459 до 538.

Много серьезныхъ причинъ служили въ пользу этого скромнаго преобразованія. Дювержье-де-Гораннъ съ удивительною энергіей, здравымъ смысломъ и умомъ высказалъ мнѣніе своей партіи: „Кому же наконецъ настоящій избирательный законъ даетъ политическое могущество? Большинству населенія? — Нѣтъ. — Большинству платящихъ податей? — Нѣтъ. Большинству интереса? — Нѣтъ. Большинству собственниковъ, земледѣльцевъ, промышленниковъ, купцовъ, ученыхъ, адвокатовъ? — Нѣтъ. И такъ, этотъ законъ приноситъ пользу только тѣмъ, кто управляетъ выборами. Другой пользы нѣтъ отъ этого закона. Но чѣмъ болѣе ограничены политическія права, тѣмъ важнѣе для тѣхъ, которымъ законъ отказываетъ въ этихъ правахъ, убѣжденіе, что все дѣлается въ видахъ свободы, величія и могущества націи. — Если бы можно было, основываясь на чемъ нибудь, сказать, что политическія права, вслѣдствіе печальнаго злоупотребленія, служатъ только средствомъ къ возвышенію и обогащенію тѣхъ кто ими пользуется; если бы можно было вѣрить тому обстоятельству, по поводу котораго почтенный Дюфоръ недавно еще выразилъ безпокойство, что избирательное законодательство стремится втайнѣ воз-

становить какую то искательную и пронырливую аристократію, если бы это могло случиться, то будьте увѣрены, что эти обстоятельства могли бы принести вредъ не только той или другой политикѣ, но въ тоже время и всѣмъ нашимъ учрежденіямъ и всему правительству.“

Впослѣдствіи упрекали этого человѣка, обладающаго такимъ сильнымъ умомъ, въ томъ, что онъ первый возбудилъ революцію. Онъ ее не возбуждалъ, онъ только предугадывалъ и указывалъ на нее тѣмъ, кто ея не замѣчалъ. Онъ говорилъ людямъ, которые подъ вліяніемъ страстей не понимали его.— Личность Кассандры есть одна изъ самыхъ глубокихъ созданій человѣческаго генія.

Какъ же можно было въ самомъ дѣлѣ требовать отъ палаты, чтобъ она отказалась отъ положенія, созданнаго ею. Палата была оскорблена словами оратора, а Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, понимавшій лучше другихъ состояніе умовъ во Франціи, зашелъ такъ далеко въ своей излишней лести страстямъ большинства, что сказалъ, будто страна совершенно равнодушна ко всякой идеѣ о реформѣ. „Этотъ вопросъ никого не занимаетъ, сказалъ онъ. Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію палаты, этотъ, разумѣется, менѣе всѣхъ возбуждаетъ заботы и вниманіе.... Если вопросъ не былъ еще поднятъ, то это значитъ, что общественное мнѣніе еще не обратилось къ нему, значитъ этотъ вопросъ затронутъ искуственно,потому что онъ не имѣетъ жизненнаго начала и основанія въ цѣлой странѣ. Онъ возникъ въ самой палатѣ, а не вышелъ изъ народа.“

Къ этимъ словамъ «Moniteur» прибавляетъ: („Одобреніе центра.“) Министръ и его большинство были взаимно ослѣплены. Эти слова и одобренія раздавались, такъ сказать, за нѣсколько часовъ до революціи, родившейся при крикахъ: да здра́вствуетъ реформа! Революція непосредственно была вызвана этимъ недальновиднымъ и озлобляющимъ вызовомъ.

Но что же сдѣлалось съ этими обѣщаніями, сдѣланными на банкетѣ въ Лизьё; гдѣ эти торжественныя обязательства, принятыя наканунѣ выборовъ, этотъ прогрессъ, обѣщанный оппозиціей, но зависѣвшій единственно отъ консерваторовъ? На эти вопросы, предложенные Одилономъ Барро новой партіи прогрессивныхъ консерваторовъ, Гизо отвѣчалъ, что онъ докажетъ свою неутомимую ревность къ прогрессу предложеніемъ проекта законовъ: о свободѣ преподаванья, о наказаніяхъ и объ измѣненіи колоніяльныхъ постановленій. „Истинный прогрессъ, сказалъ онъ въ заключеніе, состоитъ въ томъ, чтобы власть умѣряла излишнія проявленія свободы и тогда только уступала имъ, когда либеральныя стремленія составляютъ дѣйствительную потребность страны, когда эти стремленія сознаетъ и раздѣляетъ большинство націи.“

Онъ кончилъ свою рѣчь строгими отеческими предупрежденіями молодымъ консерваторамъ; онъ доказывалъ имъ, что они еще слишкомъ неопытны въ парламентской дѣятельности, чтобы могли побѣдить большинство, совершившее столько великихъ дѣлъ и обѣщающее совершить еще больше. Въ заключеніе онъ предоставлялъ имъ дѣйствовать по своей волѣ, увѣряя, что кабинетъ не откажется отъ своихъ убѣжденій.

Можно, не согрѣшая предъ справедливостью, сказать, что этотъ министръ не былъ государственнымъ человѣкомъ; въ этомъ убѣждаютъ послѣдующія обстоятельства. Гизо былъ только вожатымъ и тактикомъ общества, но за то въ этомъ отношеніи онъ былъ удивительно искусенъ. Съ глубокимъ знаніемъ всего, что дѣйствуетъ на поверхностныя чувства человѣческаго сердца, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ въ ловкости, съ которою соблазнялъ однихъ и наводилъ ужасъ на другихъ. Онъ владѣлъ въ высокой степени совершенства всѣми атрибутами для диспута, особенно искусствомъ выражать презрѣніе. Гордое объявленіе его вполнѣ достигло своей цѣли. Партія молодыхъ консерваторовъ отступила назадъ, испугав-

шись своей смѣлости. Предложеніе перемѣнъ въ выборномъ началѣ было принято только ста пятьюдесятью четырмя голосами, изъ четырехъ сотъ шести.

X.

Мѣсяцъ спустя опять возобновились споры по поводу парламентской реформы, предложенной Ремюза. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ благомыслящіе люди замѣчали постепенное увеличенье числа чиновниковъ въ палатѣ, такъ что въ непродолжительномъ времени палата могла превратиться въ присутственное мѣсто. Преданнѣйшіе изъ сторонниковъ представительной монархіи съ безпокойствомъ смотрѣли на ослабленіе этой существенной силы правительства. Въ 1840 г. Тьеръ, будучи министромъ, взялъ на себя обязательство помочь этому дѣлу, но какое то подозрительное и злополучное письмо одного изъ членовъ кабинета было причиной того, что онъ не исполнилъ своего обѣщанья. Но этотъ вопросъ, при всѣхъ колебаніяхъ, возникалъ ежегодно въ палатѣ подъ различными видами.

Ремюза возобновилъ предложеніе, которое въ истекшемъ году было сдѣлано Одилономъ Барро, о томъ, чтобы палата исключила изъ службы офицеровъ и чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, находящихся на службѣ у короля и у принцевъ.

Это предложеніе было враждебной выходкой противъ двора; къ тому же Тьеръ сказалъ въ пользу этого предложенія рѣчь до того колкую, что она показалась нападеніемъ на личность короля, и въ то же время выражала со стороны оратора рѣшимость не принимать участья въ управленіи до конца царствованія Луи Филиппа. Болѣе умѣренный въ своихъ требованіяхъ, Ремюза ограничился общимъ обзоромъ этого вопроса.

Правительство, чрезъ посредство двухъ главныхъ министровъ, отвергло парламентскую реформу, подобно тому какъ оно отвергло избирательную реформу. Двѣсти девятнадцать голосовъ поддержали правительство; сто семьдесятъ протестовали противъ него. Но большинство все таки уменьшилось; оскорбленія, нанесенныя прогрессистамъ, начинали приносить плоды.

Сто двадцать девять чиновниковъ отвергли парламентскую реформу. Всѣмъ было ясно видно, что представительное правительство не устояло, потому что большинство палаты состояло изъ чиновниковъ; національнаго же правительства Франція не имѣла. Франція должна была неминуемо употребить вскорѣ всѣ средства, чтобы выйти изъ этого положенія. Таковы были обстоятельства, которыя отлично понимала радикальная партія. Оттого эта партія не только не падала духомъ, но напротивъ радовалась, видя свои безпрестанныя пораженія. Гарнье-Пажесъ говорилъ Гизо: „не взирая на ваше преждевременное презрѣніе, наступитъ время всеобщей подачи голосовъ.“

Это упрямство со стороны двора, кабинета и консерваторовъ было въ самомъ дѣлѣ ихъ капитальной ошибкой. Уступка съ ихъ стороны ослабила бы враждебное къ нимъ расположеніе и могла бы служить средствомъ къ удовлетворенію недовольныхъ. Сопротивленіе правительства вызвало борьбу: разрушая всякую надежду, оно тѣмъ сильнѣе возбудило желанія.

XI.

Сессія продолжалась три мѣсяца и обѣщанные въ началѣ засѣданій проекты разныхъ предпріятій вовсе не были представлены правительствомъ. Казалось, министерство было поражено какимъ то безсиліемъ, причину котораго узнали впослѣдствіи. Демуссо де Живре, рѣшительный консерваторъ,

описывая крупными чертами всѣ отрицанія правительства, всѣ потаенныя его дѣйствія за прошедшее время, охарактеризовалъ всю политику кабинета въ этомъ знаменитомъ восклицаніи: „ничего, ничего, ничего!“ Эти слова были на столько же жестоки, на сколько справедливы. Спустя десять лѣтъ, послѣ страшной революціи, они все таки сохранились и будутъ храниться въ исторіи.

XII.

Положеніе страны становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Постепенно возвышающіяся цѣны на хлѣбъ стояли между 32 франк. 35 сантим. и 49 франк. 70 сантимами. Если только можно чѣмъ нибудь оправдать преступленіе, то этотъ голодъ могъ отчасти служить оправданіемъ бывшихъ безпорядковъ; поэтому люди болѣе снисходительные сожалѣли объ участи несчастныхъ, приговоренныхъ въ Бюзансе къ смерти. Само правительство, говорятъ, колебалось исполнить приговоръ, но ради примѣра, или въ видахъ необходимости строгихъ мѣръ, эшафоты были поставлены и смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе при необыкновенной обстановкѣ.

XIII.

Послѣдній періодъ засѣданій принялъ характеръ скорѣе судебный, нежели политическій. Слушая различныя заявленія, обвиненія, оправданія, можно было принять это политическое собраніе за ассизный судъ.

Въ предшествующемъ году умеръ директоръ парижскаго провіантскаго вѣдомства. Этотъ человѣкъ считался образцомъ отчетливости, его честность ставилась въ примѣръ. Довѣріе къ нему правительства простиралось до того, что съ него даже не

требовали квитанцій, предписанныхъ закономъ. На самомъ дѣлѣ этотъ чиновникъ былъ плутомъ; начальство знало это, но не обращало вниманія, и когда одинъ изъ младшихъ чиновниковъ донесъ министру объ обманахъ и злоупотребленіяхъ своего начальника, то министръ самымъ жестокимъ образомъ наказалъ этого честнаго человѣка за его справедливое донесеніе. Вслѣдствіе какой то особенной снисходительности къ этому вѣроломному человѣку, которую не знали чѣмъ объяснить, посредствомъ поддѣльныхъ бумагъ приняли въ счетъ убыль, оказавшуюся въ его управленіи. Дефицитъ, котораго первые слѣды обозначились еще въ предыдущихъ годахъ, превосходилъ уже сумму 100 милліоновъ франковъ. Когда эта печальная истина сдѣлалась извѣстною, то палата приказала немедленно сдѣлать слѣдствіе; но министерство настояло на томъ, чтобы это дѣло было поручено его агентамъ. Представленъ былъ отчетъ коммиссіи, который палата потребовала на разсмотрѣніе; министерство отвѣтило отказомъ. Оппозиція выразила свое негодованіе и общественное мнѣніе было этимъ глубоко оскорблено.

Оппозиція выставила на видъ страшное воровство, настоящій разбой алжирскаго начальства, кравшаго солдатскую пищу и поддѣлывавшаго лекарства; въ Брестѣ дурно кормили матросовъ; въ большей части гарнизоновъ дурно содержали лошадей; алжирское начальство не хотѣло принимать хлѣба подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ испорченъ, до тѣхъ поръ, пока не настоялъ на этомъ министръ; по свидѣтельству самаго контроля (cour des comptes) пріемщики, отказавшіеся принять поставленный каменный уголь, были принуждены взять его по приказанію правительства. На всѣ эти злоупотребленія оппозиція представляла многочисленныя и неопровержимыя доказательства; министерство едва рѣшалось оправдываться посредствомъ разныхъ увертокъ.

Морской министръ Мако, едва пришедшій въ себя отъ послѣдняго засѣданія, въ которомъ онъ произвелъ тяжелое

впечатленіе на палату своимъ стараньемъ прикрыть глубоко варварскіе поступки плантаторовъ съ рабами, долженъ былъ вынести новый ударъ, который былъ тѣмъ непріятнѣе, что былъ направленъ близкимъ человѣкомъ. Бывшій флотскій офицеръ, д'Анжевиль, открыто заявилъ, при самыхъ убѣдительныхъ доказательствахъ, о безпорядкахъ по морской части; единственнымъ средствомъ устранить ихъ онъ считалъ слѣдствіе, которое должно быть произведено самимъ парламентомъ. Въ этомъ случаѣ выражалось недовѣріе къ правительству.

Другой членъ большинства, Бенуа Фульдъ, сравнивая французскій флотъ съ англійскимъ, доказывалъ, „что первый изъ нихъ, при большихъ расходахъ, слабѣе втораго. Страна сдѣлала огромныя пожертвованія, отчисливъ девяносто три милліона для пополненія магазиновъ, — а магазины были пусты и самыя энергическія усилія не могли восторжествовать надъ всѣми злоупотребленіями арсенальнаго управленія.“ Фульдъ, рѣшившійся по прежнему поддерживать министерство въ вопросахъ политическихъ, въ то же время отказывался, въ виду страшнаго безпорядка въ финансахъ, подавать свой голосъ въ его пользу во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ.

Министерство упрямо защищало своихъ агентовъ, въ томъ числѣ и самыхъ недостойныхъ изъ нихъ; большинство съ своей стороны защищало министерство.

XIV.

Но это было еще далеко не все. Всякая неправда такъ глубоко вкоренилась въ этой странѣ, что, казалось, была естественнымъ произведеніемъ ея почвы. Въ самый день имянинъ короля, во время оффиціальныхъ поздравленій, произошелъ скандалъ, который долженъ былъ превзойти всѣ предыдущіе скандалы, столь возмущавшіе общественное мнѣніе.

Открытая во время какого то процесса и изъ мести напечатанная корреспонденція, разоблачала грабительство бывшаго

министра Теста, пера и президента кассаціоннаго суда. Генералъ-лейтенантъ Кюбіеръ, въ письмѣ къ владѣтелю гуэнантскихъ копей, проситъ, чтобы на его долю отложили извѣстное число акцій, назначенныхъ для того, чтобы посредствомъ ихъ найти необходимую поддержку въ совѣтѣ министровъ. Въ этомъ письмѣ было сказано: „Не разсчитывайте на наши права, на справедливость администраціи. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого разсчета. Не забывайте, что правительство находится въ рукахъ жадныхъ и продажныхъ людей; что свобода прессы находится въ опасности быть не сегодня — завтра задушенной въ тихомолку, и что наши права никогда болѣе не нуждались въ протекціи чѣмъ теперь.“ Совѣты эти были приняты: говорили, что министру публичныхъ работъ дано было сорокъ пять акцій за уступку двухъ копей; одна изъ нихъ была каменноугольная, другая каменной соли. Эти акціи были немедленно проданы и принесли взяточнику сто тысячъ франковъ.

Выпедшее изъ суда, это преступленіе оглашено было въ прессѣ и перешло въ палату. На запросъ консервативнаго члена Мюре де Бора, который за одно съ министерствомъ хотѣлъ предупредить оппозицію и этимъ отстранить ударъ, — Дюмонъ, министръ публичныхъ работъ, отрицая факты, казавшіеся ему неправдоподобными, объявилъ однакожъ, что кабинетъ отдаетъ приказаніе произвести разслѣдованье.

Въ палатѣ перовъ Тестъ объявилъ взведенное на него обвиненіе ложнымъ и протестовалъ за свою невинность. Кюбьеръ потребовалъ, чтобы поведеніе бывшаго министра было подвергнуто разслѣдованью. Созвали палату перовъ.

XV.

Между тѣмъ, среди этихъ печальныхъ безпорядковъ, великія государственныя собранія соперничали между собою въ

лести и униженіи, чтобы только скрыть зло, вмѣсто того, чтобы стараться открывать его, соперничая въ общемъ дѣлѣ усердіемъ и честностью. Никогда лесть не доходила до такой степени, какъ 1 мая, въ день имянинъ короля.

Разложеніе, котораго признаки вездѣ уже показывались, коснулось въ это время даже самаго министерства. Гизо хотѣлъ избавиться отъ трехъ министровъ, болѣе всего пострадавшихъ въ предшествовавшихъ преніяхъ. Военный и морской министры принуждены были выйти въ отставку, но министръ финансовъ Лакавъ-Ланланъ упрямо отстаивалъ свое мѣсто. Ошибки, указанныя въ палатѣ, принадлежали не ему одному, а цѣлому кабинету; онъ вовсе не хотѣлъ добровольнымъ выходомъ въ отставку принять на себя всю вину и отвѣтственность за эти ошибки. Напрасно маршалъ и самъ король неотступно требовали отъ него этой жертвы, напрасно предлагали они ему самое соблазнительное вознагражденіе,— министръ былъ непоколебимъ. Дѣло рѣшили безъ его согласія и перемѣна министерства была объявлена въ «Moniteur» 10 мая.

XVI.

Мѣсто Лакавъ-Ланлана заступилъ Дюмонъ, министръ публичныхъ работъ. Жайръ, перъ Франціи и префектъ департамента Роны, былъ назначенъ на мѣсто Дюмона. Генералъ Трезель получилъ мѣсто военнаго министра, а герцогъ Монтебелло, перъ Франціи и посланникъ въ Неаполѣ, былъ назначенъ министромъ морскимъ и колоній.

Изъ трехъ новыхъ министровъ, которыхъ тогда не было въ Парижѣ, двое тотчасъ приняли предложеніе и прислали свое согласіе по телеграфу; принятіе третьимъ мѣста подлежало сомнѣнію; согласіе его послѣдовало позже первыхъ двухъ. Жайръ, котораго способности были впослѣдствіи оцѣнены и употреблены въ дѣло большими акціо-

нерными компаніями, былъ совершенно неизвѣстенъ въ политическомъ мірѣ. Генералъ Трезель, храбрый воинъ, но несчастливый на полѣ битвы, взялъ на себя обязанность, которая была ему не подъ силу. Герцогъ Монтебелло былъ по общему мнѣнію неспособенъ къ управленію морскимъ министерствомъ. Этотъ выборъ новыхъ министровъ удивлялъ всѣхъ; напрасно старались объяснить его чѣмъ нибудь. Отчего ни одинъ изъ новыхъ министровъ не выбранъ изъ парламентскаго большинства? Развѣ между этими многочисленными соискателями, которые были болѣе или менѣе извѣстны своею прошлою дѣятельностью, своимъ положеніемъ и способностями, не нашлось ни одного, способнаго занять министерское мѣсто? Или можетъ быть предложенные портфели отвергнуты ими? Развѣ положеніе уже такъ безнадежно, что никто не рѣшался непосредственно вмѣшаться въ дѣла? Всѣ эти вопросы безпокоили общество; въ палатѣ же они возбуждали самолюбивыя чувства и начинали колебать преданность правительству. Если бы влѣдъ за этимъ послѣдовали въ палатѣ пренія по этому вопросу, то они были бы гибельны для вновь составленнаго кабинета. Лакавъ-Лаплань былъ глубоко оскорбленъ; онъ, казалось, съ нетерпѣніемъ желалъ объясниться и потребовать отчета у своихъ вчерашнихъ товарищей; къ тому же онъ имѣлъ много друзей. Но Одилонъ Барро имѣлъ великодушіе, или скорѣе сдѣлалъ ошибку, отсрочивъ пренія, по просьбѣ Гизо, на два дня. Въ это время король и министры успѣли успокоить раздраженіе Лакавъ-Лаплана и недовольство консерваторовъ, которые печалились о томъ, что въ эти должности втерлись люди не изъ ихъ среды. Начатыя пренія были уже заранѣе истощены; Гизо ловко обошелъ этотъ вопросъ, а бывшій министръ удовольствовался ѣдкими выраженіями за нанесенное ему оскорбленіе. Новый кабинетъ, окончательно устроенный, долженъ былъ быть послѣднимъ кабинетомъ монархическаго правленія.

XVII.

Если самые предусмотрительные изъ кенсерваторовъ не скрывали болѣе своихъ безпокойствъ, то радикалы въ свою очередь выражали громко свое удовольствіе и свои надежды. Съ откровенною смѣлостью, которая могла бы почесться очень неловкою, если бы король не былъ слѣпъ, они громко выражали свою радость видѣть Гизо и Дюшателя во главѣ правленія. Преувеличивая до послѣдней крайности систему короля, эти два министра удивительнымъ образомъ помогали дѣлу демократіи; дѣйствуя посредствомъ переворотовъ, они неминуемо ускоряли паденіе іюльской монархіи.

Одна только министерская пресса, получая внушенія свыше, выражала невозмутимое довѣріе.

XVIII.

Въ общемъ ходѣ событій, даже въ самыя печальныя и страшныя эпохи, комическій элементъ имѣетъ всегда свою долю участія.

Франція уже отвыкла отъ придворныхъ прелатовъ; Гизо возобновилъ эту должность, организовавъ капитулъ въ Сенъ-Дени. Римскій дворъ и нѣкоторые изъ епископовъ поблагодарили его за ревность къ католической религіи; здравомыслящая же часть французскаго духовенства выразила свое неодобреніе.

Остальное было не такъ серьезно. Гизо былъ слишкомъ гордъ, чтобы оставаться плебеемъ и онъ создавалъ новыхъ дворянъ. Герцоги Паскье и Исли и графъ Сальванди были произведеніемъ новаго правительства. Герцогъ Монморо, графы Симеонъ и Мартинъ и многіе другіе были вновь произведены въ дворянство. Историки, спеціально посвящаю-

щіе себя интересамъ дворянскаго сословія, не забудутъ и этихъ именъ.

XIX.

Кабинетъ, ослабленный новыми перемѣнами, неопытностью новыхъ министровъ и безпрестанными спорами, возникшими по поводу разныхъ безпорядковъ, долженъ былъ еще болѣе ослабѣть въ одномъ спорѣ, лично касавшемся министра внутреннихъ дѣлъ, Дюшателя. 3 Іюня, Понтуа, перъ Франціи, обратилъ вниманіе палаты на одну статью журнала la Presse, подписанную Эмилемъ де Жирарденомъ, депутатомъ. Въ ней заключались слѣдующія слова: „какой нибудь ничтожный журналъ разрушаетъ и уничтожаетъ то, чего не въ силахъ сдѣлать ни министерство, ни генеральный прокуроръ Геберъ. Одному сдѣлали процесъ, стоившій 170,000 франковъ, другому устроили конкуренцію, продолжавшуюся пятьнадцать мѣсяцевъ, на 1,100,000 франковъ, не принимая въ соображеніе продажу привиллегій, принесшихъ 100,000 фр. и обѣщаній дать перское достоинство, проданное за 80,000 франковъ; за тѣмъ,—дворянскія грамоты, кресты, аудіенціи и даже министерскія улыбки.....“

Одинъ изъ фактовъ, упомянутыхъ въ этой статьѣ, наноситъ сильное оскорбленіе перскому достоинству. Если бы распространилось мнѣніе о томъ, что перское достоинство не составляетъ болѣе принадлежности великихъ заслугъ, или достоянія высокаго положенія, пріобрѣтеннаго или наслѣдованнаго, и что недостойные соискатели могутъ купить себѣ это званіе — перство должно было бы пасть. Вслѣдствіе этого Понтуа требовалъ, чтобы редакторъ Presse былъ позванъ на судъ. Не смотря на сопротивленіе министерства и послѣ двухъ его сомнительныхъ попытокъ, палата перовъ рѣшилась испросить у палаты депутатовъ по-

зволеніе преслѣдовать судомъ Эмиля де Жирардена. Статья, въ которой обвиняли редактора, была написана уже за нѣсколько дней тому назадъ. Одинъ изъ перовъ, Буасси, указывалъ уже палатѣ на эту статью, но это было напрасно; его горячее и часто повторяемое слово лишёно было довѣрія; министерство могло хранить молчаніе. Но 16 Іюня, когда поднялся въ палатѣ депутатовъ споръ по поводу требованія перовъ, увернуться было уже невозможно. При такомъ возбужденіи умовъ, среди безпокойствъ и подозрѣній, подтвержденныхъ предыдущими требованіями и процессомъ Тестъ-Кюбьерскимъ, эти пренія не могли не быть яростными.

Эмиль де Жирарденъ прежде всего объявилъ, что честь отечества нисколько не замѣшана въ это дѣло. Исполненный уваженія къ великимъ учрежденіямъ своей родины, онъ нападаетъ на одно только министерство; во всемъ виновно только оно одно, и Эм. де Жирарденъ громко вызываетъ его на битву, какъ человѣкъ, убѣжденный въ справедливости своихъ обвиненій. Сказанное имъ онъ поддерживалъ доказательствами и подкрѣплялъ еще большими обвиненіями; онъ говорилъ, что кабинетъ за 1,200,000 франковъ обѣщалъ подать проектъ новаго закона для вознагражденія почтосодержателей, пострадавшихъ вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. Обвинитель требовалъ, чтобы палата составила секретный комитетъ, съ цѣлью подтвердить эти факты положительнымъ слѣдствіемъ. Дюпатель, оскорбленный этимъ предложеніемъ, настаивалъ на томъ, чтобы слѣдствіе было произведено гласно. Онъ энергически отвергалъ эти обвиненія, какъ ложныя и приводилъ на нихъ формальныя отрицанія.

Было однакожъ доказано, что кабинету были извѣстны преступныя интриги, предлогомъ къ которымъ была выдача привиллегіи на новый лирическій театръ. Эта привиллегія, уступленная одному министерскому журналисту, была имъ немедленно продана одному антрепренёру за 100,000 франковъ.

Относительно своихъ неудовольствій на перство, было замѣтно, что Эм. де Жирарденъ былъ менѣе ясенъ въ своихъ доказательствахъ; онъ не рѣшался доказывать того, что прежде утверждалъ съ такою увѣренностью. Какая была причина этого молчанія? Можетъ быть онъ хотѣлъ, открывая имя продавца перскаго достоинства, скрыть имя покупателя? Полагали, что его молчаніе зависѣло отъ особенныхъ обстоятельствъ. Между прочимъ онъ привелъ доказательство, лично къ нему относящееся: онъ ручался за то, что доставитъ письмо, которымъ министерство предлагаетъ генералу Жирардену перское достоинство, на условіяхъ, чтобы журналъ la Presse пересталъ быть враждебнымъ правительству. Фактъ былъ несомнѣненъ, неотразимое доказательство было на лицо. Гизо старался отвести этотъ ударъ чтеніемъ письма, написаннаго десять лѣтъ тому назадъ, въ которомъ Эм. де Жирарденъ добровольно предлагалъ свои услуги за подобное же вознагражденіе. Палата предоставила однаго изъ спорящихъ лицъ суду общественнаго мнѣнія, другаго суду палаты перовъ.

XX.

Но споръ не могъ на этомъ остановиться. Оправданный палатою перовъ, Жирарденъ возвратился въ палату депутатовъ съ горячею жаждою мести, и съ 25 Іюня снова возбуждалъ борьбу съ большею рѣшимостью и язвительностью. По поводу бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ онъ даетъ замѣтить, что еще не высказалъ всего что знаетъ; онъ жалуется на то, что Дюшатель, печатая свою рѣчь на счетъ общественной казны, не напечаталъ рѣчи своего противника; затѣмъ онъ подкрѣпляетъ свои обвиненія новыми доказательствами; онъ требуетъ, чтобы палата нарядила слѣдствіе или надъ министерствомъ, или надъ нимъ.

Казалось, передъ этимъ требованіемъ трудно было отступить; но министерство ни за что не хотѣло раскрывать

своихъ тайнъ. Тогда, съ невыразимымъ удивленіемъ, услышали отъ главы правосудія такую неслыханную идею, что „правительство не можетъ допустить вмѣшательство суда въ это дѣло, потому что оно не вѣритъ въ существованіе приводимыхъ фактовъ.“

Жирарденъ возобновилъ свои нападки. Если приведенныхъ фактовъ недостаточно, то найдутся еще другіе: „кабинетъ купилъ за 30,000 франковъ мемуары, унизительные для правительства, въ которыхъ одинъ изъ издателей журнала l'Epoque въ подробности разсказываетъ все дѣло лирическаго театра, перепроданнаго за 100,000 франковъ. Одинъ господинъ, очень хорошо извѣстный министерству, возвратилъ 25,000 франковъ антрепренеру этого театра, который былъ разоренъ этимъ предпріятіемъ. Кромѣ того, двое изъ министровъ участвовали въ ажіотажѣ на акціи желѣзныхъ дорогъ.“

Общественное мнѣніе было сильно возбуждено развязкой этой тягостной борьбы. Пренія вскорѣ превратились въ личныя нападенія, представлявшіяся настоящими сценами преторскаго судилища. Надобно было положить конецъ этому дѣлу, но палата, вмѣсто того, чтобы произнести свой судъ, превратила его въ дѣло партіи: 225 голосовъ противъ 102 приняли предложеніе Морни, по которому “большинство палаты считало себя удовлетвореннымъ объясненіями кабинета.“

Это была настоящая побѣда Пирра. Подача этими голосовъ удовлетворенными, которую министерская пресса привѣтствовала какъ торжество правды надъ ложью и честности надъ клеветой, была въ глазахъ оппозиціи неотразимымъ осужденіемъ кабинета, парламентскаго большинства и короля. Неразрывно связанные въ этой гибельной политикѣ, король, большинство и кабинетъ были гласно обвиняемы въ своемъ безсиліи. Среди этого всеобщаго разложенія правительственнаго порядка, представители министерства не знали за что взяться. Правительство видимо приближалось къ своему паденію.

XXI.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ близкаго паденія какого нибудь правительства есть неповиновеніе военноначальниковъ, остающееся безнаказаннымъ. Съ того дня какъ Бонапартъ, завоеватель Италіи, пересталъ читать депеши своего правительства, — Директорія перестала существовать и 18 брюмера наступило.

Такимъ образомъ маршалъ Бюжо началъ войну съ Кабилами противъ воли палаты и наперекоръ повелѣніямъ кабинета. Въ то же время правительство, которому онъ не повиновался, подчинилось его требованьямъ, увеличивъ африканскую армію съ 94,000 до 102,000 человѣкъ, на перекоръ палатамъ и ея предыдущимъ рѣшеніямъ. Эта новость произвела сильнѣйшее впечатлѣніе, которое еще болѣе увеличилось разными подробностями объ Алжирѣ.

Гюставъ де Бомонъ, Дюфоръ и Гарнье-Пажесъ были недавно въ Алжирѣ. Они разсказали обо всемъ ими видѣнномъ: построеніе алжирскаго порта было дурно начато, плохо ведено и худо окончено, вслѣдствіе тайной снисходительности къ ревнивой зависти Англіи; береговыя укрѣпленія были въ пренебреженіи; колонизація велась небрежно; уступка земель была сдѣлана несвоевременно и неправильно; разныя части администраціи враждовали между собою; между Алжиромъ и Парижемъ, военнымъ министромъ и генералъ-губернаторомъ велась анархическая борьба; законъ объ основаніи алжирскаго банка, какъ кредитнаго учрежденія необходимаго для зараждающейся колоніи, не былъ еще приведенъ въ исполненіе; и ко всему этому всеобщее и повсемѣстное воровство. Вслѣдствіе этого оппозиція предложила вопросъ о необходимости уменьшенія арміи, учрежденія болѣе правильнаго управленія, и въ тоже время уменьшенія одного

изъ самыхъ тяжкихъ расходовъ, безпрестанно увеличиваемаго добавочнымъ кредитомъ, который вскорѣ сдѣлается невыносимымъ.

XXII.

Въ защиту министерства не возвысился ни одинъ голосъ изъ среды большинства, въ которомъ были только вотирующіе, но ни одного оратора. Это большинство продолжало еще невольно подчиняться министерству подъ вліяніемъ толчка, даннаго ей прежде. Симпатіи и довѣрія къ правительству уже не существовало въ немъ. Поразительное доказательство этого факта выразилось какъ нельзя лучше въ преніяхъ по поводу португальскихъ дѣлъ.

Какъ выше сказано, въ Швейцаріи нѣкоторые кантоны возмутились противъ центральнаго правительства. Обстоятельство подобнаго же рода случилось и въ Португаліи. Но въ то время, когда французское правительство приняло въ Швейцаріи сторону инсургентовъ противъ центральнаго правительства,— въ Португаліи, напротивъ, оно вмѣстѣ съ Англіей приняло сторону правительства противъ инсургентовъ. Что значитъ это противорѣчіе? спрашивала оппозиція. Причина его заключалась въ различіи характера обѣихъ возстаній: одно изъ нихъ было либеральное, другое же — контръ-революціонное. Кабинетъ поступалъ весьма логично, при всей своей непослѣдовательности. Какъ въ Португаліи, такъ и въ Швейцаріи французское правительство одинаково забывало причину возмущенія: въ обоихъ случаяхъ оно не признавало революціи, какъ основанія свободы. Гизо худо защищалъ это дѣло и когда Люно сказалъ, что „политика кабинета есть отступническая политика“, то возбужденіе большинства было такъ велико, что оно забыло призвать этого оратора къ порядку.

XXIII.

По поводу законовъ о разведеніи лѣсовъ, дворцовое управленіе (administration de la Liste civile) подверглось личнымъ нападкамъ. Одинъ изъ членовъ палаты, не очень впрочемъ враждебный династіи, указалъ на злоупотребленія въ управленіи лѣсами удѣльнаго вѣдомства, доходами съ которыхъ пользовался король.

XXIV.

Въ это же самое время узнали о побѣгѣ Лагранжа, отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. Этотъ настоящій разбойникъ кралъ больничную пищу. Схватить его не было возможности. Вильменъ, помощникъ военнаго интенданта, открывшій это преступленіе, былъ смѣненъ съ должности госпитальнаго инспектора; его хотѣли даже сослать въ Вернонъ, но онъ возсталъ противъ этого насилія. Дальше не смѣли итти.

XXV.

Палата и общество еще находились подъ впечатленіемъ всѣхъ этихъ происшествій, когда въ Люксембургскомъ дворцѣ начались пренія по поводу Тестъ-Кюбьерскаго процесса.

7 Іюля, Тестъ возвратилъ королю свое перское достоинство и отказался отъ должности президента кассаціоннаго суда. Являясь предъ судомъ, онъ приносилъ туда одну только свою невинность: ему не нужно было прикрывать себя своими наружными отличіями, которыя онъ получитъ обратно, очистивши свою совѣсть и отмстивши за нее. Въ началѣ засѣданій его ясная и открытая защита производила различное впечатлѣніе на присутствующихъ, потому, что не смотря на ве-

ликолѣніе его вступительнаго протеста, публика не была расположена въ его пользу. Но 11 числа была назначена повѣрка отчетовъ государственнаго казначейства, по которой оказалось, что 12 сентября 1843 года, именно въ то самое число, въ которое были даны ему Гуэнанскія акціи, Тестъ обмѣнялъ 95 тысячъ франковъ на билеты государственнаго казначейства. Это открытіе произвело перемѣну въ духѣ обвиненнаго, державшагося до сихъ поръ непоколебимо. Въ тюрьмѣ онъ хотѣлъ лишить себя жизни, но ударъ, нанесенный слабой рукой, не причинилъ ему никакого вреда. Ненависть къ нему за его дерзкую защиту была такъ сильна, что не хотѣли вѣрить въ искренность его намѣренія лишить себя жизни и общество оставалось къ нему равнодушнымъ. На слѣдующій день онъ отказался предстать предъ публикой и предъ своими судьями.

17 числа рѣшенъ былъ приговоръ, по которому главный виновный былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія, къ трехлѣтнему заключенію въ тюрьму, къ уплатѣ 94,000 франковъ пени и ко внесенію такой же суммы въ кассу парижскихъ госпиталей. Генералъ Кюбьеръ и Парментье были присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ уплатѣ 10,000 франковъ пени. Десять дней спустя, подобный же приговоръ былъ произведенъ надъ другимъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ, который первоначально не явился по требованью суда, и еще разъ возбудилъ вниманіе общества къ этому печальному дѣлу.

Чтобы заглушить чѣмъ нибудь это гнусное дѣло, министерская пресса начала распространяться о великомъ примѣрѣ строгости суда, рѣшеніе котораго правительство не колебалось исполнить. Она выставляла на видъ дѣятельность судей и равенство предъ закономъ, которое было ясно выражено и освящено наказаніемъ этихъ высокопоставленныхъ преступниковъ. Но эти разглагольствованія производили ничтожное вліяніе на умы, которые были взволнованы не

наказаніемъ, но самымъ преступленіемъ и мыслью о томъ, что открывалось этимъ преступленіемъ.

XXVI.

Наконецъ наступили послѣдніе дни парламентской сессіи. Вслѣдствіе обычая, вызваннаго необходимостью избѣгнуть контроля, это время было посвящено преніямъ о бюджетѣ. Нельзя было ожидать серьезнаго взгляда на дѣло отъ палаты, уставшей, убѣжденной въ своемъ собственномъ безсиліи, при разлагавшемся министерствѣ, которое не измѣнилось вступленіемъ въ него новыхъ членовъ, которое было безсильно въ преніяхъ, наконецъ среди этого всеобщаго волненія, возбужденнаго столькими печальными происшествіями, которыя производили впечатленіе даже на людей, наиболѣе преданныхъ Орлеанской династіи. Пренія, начатыя 21-го іюня, кончились 16-го іюля.

Утвержденъ былъ слѣдующей бюджетъ:

Обыкновенныхъ расходовъ	1,366,066,370	фр.
Экстраординарныхъ	88,518,500	—
Итого	1,454,584,870	фр.
Сверхъ того суммы, отчисленныя на общественныя работы и отнесенныя къ расходу на 1848 годъ	101,241,969	—
Всего	1,555,826,839	фр.
Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить предполагаемые прибавочные расходы . .	54,177,237	—
Въ общемъ итогѣ	1,610,004,076	фр.

«Въ этотъ счетъ не вошли разнаго рода экстраординарные и дополнительные расходы, которые составляютъ неиз-

бѣжное обремененіе казны и которые въ настоящее время болѣе чѣмъ когда нибудь были неизбѣжны.

Доходъ былъ слѣдующій:

Обыкновенныхъ доходовъ	1,346,599,010 фр.	1,366,897,510.
Экстраординарныхъ . . .	20,298,500 —	

Такимъ образомъ дефицитъ на 1848 годъ, предусмотрѣнный еще въ началѣ 1847 года, доходилъ по меньшей мѣрѣ до . . . . . 243,106,566 фр.

XXVII.

Чтобы облегчить это печальное финансовое положеніе, бюджетная коммиссія, состоявшая изъ людей преданныхъ кабинету, предложила уменьшить на половину сумму 100 милліоновъ, потребныхъ на экстренные расходы по общественнымъ работамъ; она отказала въ 7 милліонахъ, назначенныхъ для содержанія новыхъ должностыхъ лицъ и черезъ посредство своего докладчика выразила самыя живыя опасенія. Многіе изъ членовъ большинства настоятельно указывали на гибельное положеніе дѣлъ, въ виду дефицита въ 765 милліоновъ, не принимая въ разсчетъ фондовъ сберегательныхъ кассъ, утвержденныхъ государственною рентою на сумму 289 милліоновъ. По общему мнѣнію, десятилѣтній миръ не былъ бы достаточенъ для покрытія такого дефицита, если даже употребить на погашеніе его всѣ резервныя суммы.

Напрасно новый и прежній министры финансовъ старались успокоить кабинетъ, палату и страну на счетъ будущаго, исполненнаго грозныхъ предзнаменованій. Ихъ мнѣніе, заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, никѣмъ не было услышано. Притомъ же дѣйствительность была опроверженіемъ ихъ словъ. 7 іюля Дюмонъ требовалъ утвержденія займа въ 350 милліоновъ. Разумѣется, этотъ заемъ былъ необходимъ. Но самый про-

стой здравый смыслъ показывалъ, что заемъ этотъ, сдѣланный въ такое время, когда компаніи желѣзныхъ дорогъ вызывали акціонеровъ ко взносу и когда были выпущены новые билеты казначейства, доведенные до суммы 275 милліоновъ и которые ходили по пяти процентовъ, — при такихъ обстоятельствахъ заемъ отяготилъ бы еще болѣе общественный кредитъ. Но въ виду предстоявшей гибели, это было только небольшимъ затрудненіемъ. Заемъ былъ вотированъ. 23 іюля, во время подачи голосовъ, какъ будто предчувствуя горькія испытанія, которыя готовило ему самому это положеніе, Гарнье-Пажесъ разразился слѣдующими словами: „вы не выйдете изъ этого гибельнаго положенія, потому что вы будете принуждены удовлетворить этихъ людей съ ненасытною жадностью, съ которыми не хотите развязаться. На васъ падетъ отвѣтственность въ злѣ настоящемъ и будущемъ.“

XXVIII.

Послѣдніе дни засѣданій представляли только рядъ безпокойствъ. Представленные одинъ за другимъ проекты желѣзныхъ дорогъ изъ Парижа въ Ліонъ, изъ Ліона въ Авиньонъ, изъ Версали въ Шартръ, пали среди ропота неудовольствія палаты. Министры и коммиссіи сваливали другъ на друга отвѣтственность въ неудачѣ, и изъ всего этого вывели убѣжденіе въ общей несостоятельности.

XXIX.

Какъ послѣднее эхо этихъ тягостныхъ преній, которыми была исполнена парламентская сессія, новый скандалъ опечалилъ ея послѣдніе дни. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, National напечаталъ актъ, по которому одинъ изъ участниковъ,

близкій человѣкъ министра, обязывался за четыреста пятьдесять акцій въ 1000 франковъ каждая, и добиться согласія палаты на проектъ закона о проведеніи желѣзной дороги изъ Парижа въ Мо (Meaux).

Получившій дозволеніе на это предпріятіе былъ отставной префектъ; этотъ актъ относился къ 1841 году и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ формалистики. Дерзость людей, торговавшихъ чужою совѣстью, не знала никакихъ границъ. Правосудіе не преслѣдовало всѣхъ этихъ злоупотребленій.

XXX.

Эта парламентская сессія возбуждала одно только мнѣніе, одну общую жалобу. Печальная и въ то же время безплодная, она обнаружила всѣ язвы правительства, всѣ его злоупотребленія, расточительность и его роковое бездѣйствіе. Зло было такъ очевидно, что поражало собой даже друзей правительства, приводило ихъ въ уныніе и силою своей неотразимости заставляло ихъ сознаться въ горькой истинѣ. „Сессія была неудачна, съ грустью говорилъ Journal des Débats. Она худо началась, худо и кончилась. Кабинетъ почилъ на лаврахъ послѣ своей побѣды на выборахъ. Не одно только министерство, но и партія консерваторовъ не удержится послѣ другой подобной сессіи. Министерство явилось среди палаты безъ всякихъ идей, безъ всякихъ проектовъ. Парламентское большинство заслуживаетъ подобнаго же порицанія; оно раздѣлилось, и отдѣлившаяся партія, при своей неопытности въ дѣлахъ, предалась фантазіямъ, которыя обошлись не дешево. Она выбрала себѣ вице-президентомъ Леона де Маллевиля, она дозволила представить предложеніе Дювержье. Опасно возобновлять подобнаго рода важныя ошибки. Сессія, открывающаяся при та-

кихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, можетъ печально кончиться и какой нибудь страшный процессъ можетъ сдѣлаться самымъ серьезнымъ ея дѣломъ. Если будущая сессія будетъ такова же, то она кончится гибельно. Каждый долженъ заботиться объ исправленіи зла. Пусть же наконецъ министерство рѣшится управлять страною и пусть большинство съумѣетъ подчиниться порядку.“

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Министерство и экстра-парламентскія силы другъ передъ другомъ; безпечность министерства.—Составъ этихъ силъ: лѣвая сторона, лѣвый центръ, средняя партія, крайняя лѣвая сторона, крайніе радикалы. Двѣ послѣднія партіи стремятся къ одной и той же цѣли, но при помощи различныхъ средствъ. — Это несогласіе, выражаемое журналами National и Reforme, ясно обнаруживается въ рѣчахъ Ледрю Роллена въ Манѣ и Гарнье-Пажеса въ Верпелѣ; оба эти журнала поддерживаютъ и развиваютъ борьбу; являются посредники и образуется смѣшанный комитетъ изъ представителей обѣихъ партій; редакторы и комитеты журналовъ National и Reforme. — Тайныя общества: ихъ безсиліе и безпомощность. — Школы; пробужденіе ихъ политическихъ стремленій; ихъ журналы и комитеты. — Соціализмъ; Сенъ-Симонизмъ; ученіе Бюше; Фурьеризмъ; секты коммунистовъ; Кабе; Луи Бланъ; Ашиль Контъ; Пеккеръ, Прудонъ; Видаль; Луи Бонапартъ; разныя безъименныя секты. — Народъ мало по малу проникается идеями соціализма; правительство смотритъ на это презрительно и равнодушно; лѣвая и крайняя лѣвая стороны не обращаютъ на это никакаго вниманія; радикалы принимаютъ участье, хотя и дѣйствуютъ иными путями; съ цѣлью сойтись они устроиваютъ собраніе, предложенное редакторами журнала l'Atelier; споръ исключительно сосредоточивается на двухъ вопросахъ: о свободной ассоціаціи (поддерживаемой Корбономъ) и вынужденной ассоціаціи (поддерживаемой Луи Бланомъ); первая система вызываетъ большее число сторонниковъ. — Дѣятельная организація центральнаго комитета сенскихъ избирателей; комитетъ сосредоточиваетъ силы оппозиціи.

I.

Послѣ закрытія палатъ, дворъ и его министры оставались одни, безъ всякой поддержки, лицемъ къ лицу съ экстра-парламентскими силами. Было ли это слѣдствіемъ непониманія или же презрѣнія, — объ этомъ они мало заботились.

Силы эти были различнаго свойства; ихъ вліяніе на послѣдующія событія, хотя и было одновременно, въ то же время не было тождественно. Необходимо показать ихъ общую связь и объяснить въ подробности ихъ составъ. Тогда можно будетъ понять не только различныя событія и ихъ результаты, но и настоящій характеръ и причины этихъ событій.

II.

Эти партіи различались какъ въ странѣ, такъ и въ палатѣ, своими парламентскими именами: партія лѣвой стороны, лѣваго центра, средняя партія, крайняя лѣвая партія радикаловъ, потомъ партія, которую сторонники династіи называли исключительными радикалами, школы и наконецъ разные остатки тайныхъ обществъ.

III.

Лѣвая сторона состояла изъ людей, которые сохранили еще иллюзіи 1830 года. Они серьезно вѣрили въ обѣщанія городской думы; не ожидая ничего хорошаго отъ Луи Филиппа, они еще разсчитывали на его династію. Они исключительно состояли изъ либеральной буржуазіи и представителемъ своимъ считали Одилона Барро, который въ продолженіи шестьнадцати лѣтъ былъ ихъ ораторомъ въ палатѣ, не находя себѣ соперника. Его поддерживали Бетмонъ, Люно, Авенъ, Лербеттъ, Бомонъ, Корнъ, Гле-Бизоэнъ, Делонгре, Леонъ Фоше, Ф. де-Ластери, Готье-де-Рюмили, Кретонъ, Бюро-де-Пюси, Друэнъ-де-Люи, Лафаетъ, Изамберъ, Кремье, Абаттучи и Пьеронъ. Журналъ «Siecle», издаваемый подъ управленіемъ Перре и редакціей Шамболя, былъ ихъ органомъ, наиболѣе распространеннымъ въ публикѣ.

IV.

Лѣвый центръ, столь же вліятельный, хотя болѣе ограниченный числомъ, составился изъ такихъ же элементовъ, и по положенію своихъ представителей имѣлъ среди себя часть высшаго сословія. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ въ своихъ рукахъ власть, но политика короля каждый разъ лишала его этой власти. Оттого оппозиція этой партіи противъ правительства была непримирима. Проникнутые англійскими началами, они формулировали слѣдующее знаменитое правило: король царствуетъ, но не управляетъ государствомъ. Они дѣятельно распространяли это правило и хотѣли принудить дворъ принять его черезъ посредство цѣлой страны. Главой и ораторомъ этой партіи былъ Тьеръ; Маллевиль и Ремюза были самыми вліятельными членами; Дювержье-де-Гораннъ—публицистомъ и посредникомъ съ другими партіями; Вивьенъ, Жюль-де-Ластери, Паллье, Фейладъ-Шовенъ, Роже-дю-Норъ, Берже, Ганнеронъ, Вавенъ и другіе были самыми дѣятельными членами. «Constitutionnel», управляемый Вероном̀ъ и Мерюо, былъ органомъ лѣваго центра.

V.

Средняя партія была не больше, какъ штабъ генераловъ и офицеровъ безъ солдатъ. Вліяніе ихъ на страну ограничивалось однѣми личными отношеніями. Дюфоръ, Билье, де-Токквиль, Ланжюине помогали другимъ оппозиціоннымъ партіямъ; съ ихъ помощью, съ поддержкой прогрессивныхъ консерваторовъ и съ помощью вліянія Моле эти партіи надѣялись заступить мѣсто Гизо.

VI.

Радикальная оппозиція не имѣла большаго числа представителей въ палатѣ, но опорой ея въ странѣ были симпатія и цѣлая масса силъ, которыя не совсѣмъ хорошо были извѣстны ни правительству, ни монархическимъ партіямъ. Парламентскими предводителями этой партіи были члены кружка, образовавшагося подъ предсѣдательствомъ Дюпонъ де л'Ера; Франсуа Араго и генералъ Тіаръ были ея вице-президентами; Карно и Гарнье-Пажесъ — секретарями. Кромѣ того въ числѣ замѣчательныхъ членовъ этой партіи были: Мари, Курте, Сюбервикъ, Телонъ, Мора Балланшъ; Ледрю Ролленъ отсталъ отъ нея.

Крайняя лѣвая сторона пользовалась симпатіей избирательнаго сословія и надѣялась на помощь всѣхъ благородныхъ людей, которые считали несправедливыми привиллегіи, выпавшія случайно на ихъ долю, и пользовались этими привиллегіями только для того, чтобы уничтожить ихъ. Эта партія имѣла обширныя связи съ буржуазіей и вела дѣятельную переписку со множествомъ гражданъ, независимыхъ и по характеру и по состоянію. Земледѣльцы, промышленники, негоціанты, адвокаты, стряпчіе, нотаріусы, всѣ—члены одной партіи, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ работниками, ремесленниками и крестьянами, и основательно изучали ихъ интересы и потребности, ихъ нищету и надежды и все что есть великаго, благороднаго и инстиктивно-геніальнаго въ сердцѣ народа. Наконецъ своими связями, принципами, своей неутомимой борьбой за право, своимъ неотступнымъ требованьемъ всеобщей подачи голосовъ, своимъ заявленіемъ республиканскихъ стремленій и этой горячей дѣятельностью, которая бываетъ только плодомъ сильныхъ убѣжденій, — всѣмъ этимъ лѣвая радикальная сторона соединяла подъ свое знамя народныя массы.

VII.

Исключительные радикалы раздѣляли принципы крайней лѣвой стороны. Они добивались всеобщей подачи голосовъ и республики. Преданные и горячіе поборники дѣла, исполненные презрѣнія къ парламентской тактикѣ, отчасти суровые и мрачные, но откровенные энтузіасты, они призывали на битву людей съ оскорбленнымъ сердцемъ, ихъ забытые интересы, попранныя права, раздраженныя страсти, страданія, ненависть и отчаянье демократіи. Ледрю Ролленъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ, если не главой этой партіи.

VIII.

Эти два элемента республиканской партіи значительно и во многомъ отличались другъ отъ друга. Обѣ партіи одинаково хотѣли всеобщей подачи голосовъ, республики и демократическаго правленія, но каждая изъ нихъ стремилась къ осуществленію своихъ цѣлей различными путями.

Одни изъ республиканцевъ, полные вѣры въ могущество своего дѣла, убѣжденные въ его правотѣ, надѣялись достигнуть своихъ стремленій посредствомъ общественнаго сознанія, которое должно восторжествовать. Самымъ лучшимъ, надежнымъ и неотразимымъ средствомъ къ достиженію успѣха они считали неутомимую пропаганду посредствомъ слова и прессы. Заговоры и возмущенія они считали средствами опасными и недѣйствительными. Кровь друзей или враговъ была по ихъ мнѣнію дурнымъ цементомъ для свободы. Республика утвердится окончательно только тогда, когда ее добровольно приметъ цѣлая Франція. Навязывать ее силою есть ошибка и заблужденіе.

Другіе, болѣе нетерпѣливые, проникнутые скорѣе революціонными страстями, чѣмъ революціонными принципами, скорѣе жаждущіе отомстить за народъ, чѣмъ освободить его, провозглашали, что не существуетъ права противъ безправія, что народъ, силою подчиненный правительству, поправшему законы, имѣетъ не только полное право, но обязанъ свергнуть такое правительство; что республика есть единственное законное правительство и что по этому совершенно справедливо всегда и всякими путями завоевать ее, тайными ли обществами, заговорами, бунтами или революціей, и что наконецъ, если въ народѣ долгимъ владычествомъ поддерживаютъ невѣдѣніе его правъ и обязанностей и вслѣдствіе этого онъ не стремится къ достиженію республиканскаго правленія, — въ такомъ случаѣ позволительно даже навязать ему республику посредствомъ диктатуры.

IX.

Несогласіе въ республиканской партіи было не ново. Эти несогласія, доводя почти всегда до антагонизма, до ссоръ и даже очень часто до кровавыхъ раздѣлокъ, были, казалось, одними изъ прирожденныхъ недостатковъ демократіи. Знаменитая, хотя и печальная судьба демократіи запечатлѣна кровавыми слѣдами въ лѣтописяхъ первой революціи; въ 1830 г. пали новыя жертвы демократіи и она снова затихла подъ вліяніемъ горестнаго впечатлѣнія, произведеннаго неудачными попытками 1832, 1834 и 1839 годовъ. Но демократія снова разразилась въ послѣдніе дни монархіи, наканунѣ возстановленія республики, которую такъ горячо желали, на которую надѣялись, и въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ отчаявались.

Вліяніе несогласія въ стремленіяхъ республиканской партіи было такъ сильно, что необходимо внимательно прослѣдить первыя его дѣйствія. Которое изъ двухъ стремленій

хорошо, и которое дурно? Которое изъ нихъ возстановило республику, которое погубило? Это необходимо знать не только для того, чтобы опредѣлить положеніе партій и ихъ отвѣтственность, но также и для назиданія республиканской партіи. Исторія есть въ одно и тоже время судъ надъ прошедшимъ и урокъ для будущаго.

X.

Разность стремленій въ республиканской партіи высказывалась съ постоянною ѣдкостью въ ея органахъ National и Reforme, особенно съ тѣхъ поръ, когда Ледрю Ролленъ, послѣ сессіи 1845 года, произнесъ свою рѣчь къ избирателямъ въ Манѣ. Въ этой рѣчи онъ открыто нападалъ на всѣ не республиканскія партіи, особенно же на лѣвую сторону и на лѣвый центръ; онъ упрекалъ ихъ, въ самыхъ колкихъ выраженіяхъ, въ томъ, что въ вопросѣ о регенствѣ они компрометировали оппозицію. Если вѣрить его словамъ, то причиной борьбы, которую вели Тьеръ и Одилонъ Барро противъ политики кабинета, было честолюбіе министровъ; что одинъ изъ нихъ былъ виновенъ въ измѣнѣ, другой въ слабости. Въ этой рѣчи Ледрю Ролленъ защищался съ большимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ противъ обвиненій коммунистовъ, которые упрекали его въ томъ, что онъ старался обвинить всѣ республиканскія партіи.

Гарнье-Пажесъ, прибывъ въ Манъ, говорилъ Ледрю Роллену, что выборы будутъ еще въ будущемъ году, и что въ виду балотировки ему казалось весьма неловкимъ дѣлать такіе нападки на партіи; что радикалы не могутъ обойтись на выборахъ безъ поддержки лѣвой стороны и лѣваго центра и что, наконецъ, всякая ссора поведетъ не только къ ослабленію оппозиціи въ пользу роялизма, но и къ исключенію изъ палаты радикальныхъ депутатовъ и даже его самого. Дѣй-

ствительно, значительная часть манскихъ избирателей принадлежала къ лѣвой сторонѣ и подавала голосъ за Ледрю Роллена; они могли обидѣться и оскорбиться его рѣчью. Не лучше ли было пріобрѣсть ихъ расположеніе? Это важное замѣчаніе было не безполезно для избранія вновь сартскаго депутата.

Гарнье-Пажесъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы высказать обществу идею союза, который по его мнѣнію былъ необходимъ для торжества демократіи. Нѣсколько дней спустя онъ произнесъ рѣчь на банкетѣ, предложенномъ ему вернельскими избирателями, выбравшими его своимъ депутатомъ. Высказавъ результаты королевской политики, онъ формулировалъ идеи своей партіи относительно соціальныхъ реформъ и ея поведенія въ этомъ дѣлѣ; онъ открыто нападалъ на исключительную политику, какъ вредную прогрессу и гибельную для всякаго стремленія, которое хотятъ распространить въ обществѣ.

XI.

И такъ слова Гарнье-Пажеса относительно образа дѣйствій были совершенно противоположны словамъ Ледрю Роллена. Несогласіе выраженій въ рѣчахъ обоихъ ораторовъ сейчасъ же выразилось въ обоихъ журналахъ. Въ отсутствіе Марраста, который нѣсколько мѣсяцевъ былъ болѣнъ, National находился подъ управленіемъ Дюклерка. Связанный братскою дружбою съ Гарнье-Пажесомъ, Дюклеркъ раздѣлялъ его идеи; оба они имѣли одинаковыя чувства, одинаковыя стремленія. Глубоко изучивъ людей и исторію своего времени, Дюклеркъ былъ убѣжденъ, что республиканцы не будутъ въ состояніи создать республику однѣми своими силами, и что если бы республика могла явиться какъ дѣло одной партіи, то она погибла бы вслѣдствіе реакціи остальныхъ соединившихъ-

ся между собою партій. Съ непреклонною силою характера и таланта онъ развилъ и поддержалъ мысли, выраженныя въ рѣчи Гарнье-Пажеса.

«La Réforme» сильно нападалъ на мысли, высказанныя Гарнье-Пажесомъ. Въ то время, какъ «Journal des Débats» обвинялъ Тьера и Одилона Барро въ томъ, что они, протягивая руку Гарнье-Пажесу, стремятся къ республикѣ, „la Réforme“, въ свою очередь, обвинялъ послѣдняго въ стремленіи уничтожить республиканцевъ для успѣха династической партіи и въ присоединеніи къ монархіи. Пресса приняла участье въ этой борьбѣ, въ которой одни изъ республиканцевъ стремились разширить кругъ своихъ дѣйствій, другіе — ограничить его; одни старались принять всѣ лучшіе элементы другихъ партій, другіе отвергали даже самые чистые чужіе элементы, какъ негодные и недостойные; одни желали преобладанія политики примиренія и союза, другіе—политики недовѣрчивости и исключительности.

Такимъ образомъ борьба, ожесточенная противоположными стремленіями, грозила насильственнымъ разрывомъ. Тѣ изъ республиканцевъ, которые не принимали участья въ этихъ спорахъ, но смотрѣли на нихъ съ безпокойствомъ, захотѣли сдѣлаться посредниками спорящихъ сторонъ. Они предложили составить комитетъ, котораго назначеніе для виду только было бы — собирать деньги въ пользу народовъ, возмутившихся противъ деспотизма, а въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы примирить противниковъ. Общій составъ этого комитета представлялъ собою самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей республиканской партіи. Изъ среды ея была составлена исполнительная коммиссія, въ которой „National“ имѣлъ своими представителями Мараста, Гудшо и Курте, а „Réforme“ — Флокона, Ламенне и Ледрю-Роллена. Главный виновникъ этого союза, Гинаръ, былъ также присоединенъ къ числу членовъ.

Въ Парижѣ вслѣдъ за тѣмъ прекратилось это враждебное расположеніе. Съ той и съ другой стороны были

сдѣланы искреннія усилія къ окончательному примиренію. Но злоба продолжала таиться, будучи поддерживаема оскорбительными подозрѣніями и злонамѣренными обвиненіями; ее распространяли въ департаментахъ противъ журнала „National“ и крайней лѣвой стороны посланные съ этой цѣлью журналомъ „la Réforme“ многія лица, преимущественно Коссидьеръ.

XII.

„National“ находился въ то время подъ управленіемъ Шарля Томаса, человѣка высокихъ добродѣтелей и рѣдкаго ума; ему помогалъ Дорнесъ, блестящій писатель, поплатившійся жизнью за свою преданность республикѣ. Главнымъ редакторомъ былъ Арманъ Маррастъ; сотрудниками: Леопольдъ Дюра, Эдмондъ Адамъ, Бартелеми Горео, Фредерикъ Лакруа, Альбертъ Оберъ, Форгъ, Дюмонъ, Терріенъ и Литтре. По поводу какихъ то несогласій Бастидъ и Дюклеркъ оставили этотъ журналъ въ іюлѣ 1846 года.

Комитетъ, составленный изъ Мари, Курте, Гудшо, Мартина (de Strasbourg) и другихъ, приводилъ депутатовъ крайней лѣвой стороны въ сношенія съ журналомъ „National“, котораго они были сотрудниками.

Съ своей стороны „National“, проникнутый республиканскими идеями, открылъ у себя отдѣлъ корреспонденціи для провинціяльныхъ журналовъ, котораго редакторомъ былъ Дегувъ-Денункъ.

„La Réforme“ имѣлъ также свой руководящій комитетъ, котораго членами были: Ледрю-Ролленъ, Этіенъ Араго, Бонъ, Дюпоти, Феликсъ Авриль, Фердинандъ Флоконъ, Риберолль, Гинаръ, Жоли, Лемассонъ, Лессерре, Луи Бланъ, Ламенне, Шельхеръ, Паскаль Дюпра, Рекюръ и Валье; Франсуа Араго находился также въ числѣ ихъ, но не являлся на собраніяхъ. Флоконъ былъ главнымъ редакторомъ. Ледрю-Ролленъ былъ единст-

веннымъ представителемъ этой части партіи радикаловъ въ палатѣ депутатовъ.

Оба журнала имѣли почти одинаковое вліяніе на школьную молодежъ. Но члены тайныхъ обществъ раздѣляли убѣжденія только журнала Réforme.

XIII.

Впрочемъ тайныя общества потеряли прежнее свое значеніе. Журналъ «Amis du peuple», основанный на принципахъ іюльской революціи, былъ замѣненъ журналомъ «Droits de l'homme»; послѣдній, прекращенный послѣ апрѣльскаго возстанія 1834 года, былъ замѣненъ журналомъ «Société des familles», а вмѣсто этого послѣдняго журнала сталъ выходить съ 1836 года «Société des saisons». Послѣ баррикадъ 12 мая 1839, Société des saisons, управляемый Барбесомъ и Бланки, испытавъ окончательное пораженіе, опять стремился къ возрожденію. Но главные руководители этого журнала или умерли, или находились въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. Люди, менѣе довѣрявшіе успѣхамъ тайныхъ дѣйствій этихъ обществъ, отстали отъ нихъ, сознавая наконецъ опасный и недѣйствительный путь скрытыхъ средствъ. Новый составъ общества ограничивался всего только какой нибудь тысячью человѣкъ, навербованныхъ комитетомъ, состоявшимъ изъ Коссидьера, Альберта, Буавена, Гранмениля, Леутра, Леру и Луціана де-ла-Годдъ. Этотъ послѣдній, работавшій въ „Charivari“ и „la Réforme“, былъ давно уже на содержаніи полиціи. Флоконъ былъ одно время членомъ этого комитета, но, принявъ редакцію журнала «la Réforme», удалился изъ него. Безсильные, неспособные къ дѣлу, безъ поддержки въ народѣ, безъ вліянія на республиканскую партію, на виду полиціи, оставленные на жертву взаимныхъ подозрѣній, и, ради какой нибудь предосторожности или по недостатку

*

средствъ, лишенные всѣхъ способовъ къ войнѣ, члены тайныхъ обществъ были только какими то лучами потухающаго огня, какою то тѣнью, какимъ то слабымъ забыткомъ прошлаго.

XIV.

Въ школахъ, напротивъ того, политическія стремленія стали пробуждаться. Въ 1845 году, студенты задумали проектъ своего спеціальнаго органа. Съ этою цѣлью они основали „Journal des Écoles“, который сдѣлался такимъ образомъ новымъ центромъ политической пропаганды*). Впослѣдствіи, по совѣту Женилье, профессора математики, они устроили свои собранія, въ которыхъ молодые люди разсуждали о политическихъ и философскихъ вопросахъ. Наконецъ въ 1847 году многіе изъ редакторовъ оставили „Journal des Écoles“, который былъ замѣненъ журналомъ „la Lanterne du quartier latin.“ Изъ числа ихъ очень немногіе принадлежали къ тайнымъ обществамъ.

XV.

Въ сторонѣ отъ этихъ политическихъ партій, независимо отъ ихъ дѣятельности и только иногда вмѣшиваясь въ нее различными путями, соціальная пропаганда уже нѣсколько лѣтъ проникала въ общество.

Соціализмъ раздѣлялся на множество школъ, подраздѣленныхъ на безконечное число сектъ, состоявшихъ часто изъ однаго даже лица.

---

*) Основателями этого журнала были: Артуръ Мангенъ, Пилеттъ, братья Боке, Камилль де Монъ-Магу, Бательяръ, Верне, Буржонъ, Шарве, Брока, братья Братаніо и др. Въ 1846 году, они изъ подражанья la Réforme и National составили свой польскій комитетъ.

XVI.

Въ половинѣ періода реставраціи, Сенъ-Симонъ, потомокъ исторической фамиліи, сдѣлался основателемъ новой доктрины. Нѣсколько учениковъ, сгруппированныхъ вокругъ него, назвали новый соціальный догматъ сенъ-симонизмомъ. Основанное на христіанскомъ началѣ, сенъ-симонистское ученіе проповѣдывало безконечный прогрессъ въ человѣческомъ совершенствованіи. Это ученье было въ то же время и религіей, и философіей, и наукой. Религіозной цѣлью этого ученья было возстановленіе физическихъ правъ человѣка; философія его имѣла пантеистическое начало. Научныя истины выражались слѣдующей формулой: всякому по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ. Доктрина этой соціальной организація не признавала отдѣльныхъ національностей, раздѣляла весь родъ человѣческій на разныя іерархическія категоріи, члены которыхъ, занимая разныя степени власти, должны быть соединены между собой взаимною любовью подчиненныхъ къ своимъ старшимъ. Таковы были главныя основанія этой доктрины. Послѣ многихъ раздѣленій этой секты, происшедшихъ вслѣдствіе различія мнѣній относительно принциповъ и ихъ примѣненія, послѣдніе сенъ-симонисты сгруппировались около своего отца, сухаго логика, и приняли, какъ естественное послѣдствіе своей религіи, уничтоженіе личной собственности и брака.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что, мимо разныхъ ложныхъ мыслей и странныхъ соображеній, въ этомъ ученіи преобладала искренняя любовь къ человѣчеству и великодушное желаніе споспѣшествовать путемъ развитія гуманныхъ учрежденій нравственному и моральному благосостоянію людей. Но чтобы осуществить эти высокія стремленія, надобно было изучить людей и общество; надобно

было узнать и повѣрить всѣ мысли, всѣ убѣжденія, каково бы ни было ихъ начало. Этотъ трудъ былъ не подъ силу человѣку. Но работа была начата. Множество молодыхъ людей, съ заслугами и талантомъ, увлеченные новостью ученья и его какою то загадочною смѣлостью, принялись за дѣло. Эта кипучая дѣятельность произвела на свѣтъ и безумныя заблужденія и глубокія истины, нелѣпыя попытки и плодовитыя начинанія, сумасбродныя надежды и полезные уроки.

Наконецъ послѣ всѣхъ неудачъ сенъ-симонистская школа рушилась; ея послѣдователи разбрелись по всѣмъ странамъ, примкнули ко всѣмъ мнѣніямъ, ко всѣмъ отдѣльнымъ политическимъ сектамъ. Большое число изъ нихъ было поглощено громадными промышленными предпріятіями; способностями другихъ воспользовались правительства для ученыхъ цѣлей. Два главныхъ члена общества приняли участье въ редакціи „Journal des Débats.“ Одинъ изъ нихъ занялъ каѳедру во французскомъ Коллегіумѣ.

Замѣчательными послѣдователями сенъ-симонизма, до его раздѣленія, были: Анфантенъ, Базаръ, Эмиль Барро, Карно, Эйхталь, Мишель Шевалье, Жюль Лешевалье, Піерръ Леру, Олендъ Родригесъ, Геру, Жанъ Рено, Шартонъ, Огюстъ Контъ, Эмиль Перейръ и Ш. Дюверье.

XVII.

Въ числѣ первыхъ послѣдователей Сенъ-Симона былъ человѣкъ высокой нравственности и глубокаго ума: этотъ человѣкъ былъ Бюше. Долго боролся онъ съ реставраціей, какъ карбонарій, и только случайно избѣжалъ эшафота, на которомъ погибли въ Ла Рошели четыре сержанта.

Когда подъ вліяніемъ Базара и Анфантена сенъ-симонисты начали стремиться къ составленію религіозной секты, тогда

Бюше отдѣлился отъ нихъ. Онъ былъ проникнутъ христіанскими убѣжденіями и ими однѣми хотѣлъ дѣйствовать на общество. Онъ успѣлъ въ короткое время окружить себя послѣдователями изъ республиканцевъ, работниковъ и нѣкоторыхъ самыхъ просвѣщенныхъ лицъ изъ духовенства.

Его доктрина, почерпнутая изъ Евангелія, выражалась этимъ тройнымъ символомъ: Свобода, Равенство и Братство, составляющимъ основаніе и цѣль французской національности, выраженіе того прогресса, который революція 1789 года должна была осуществить для блага всего человѣчества. Такимъ образомъ Бюше былъ республиканскимъ революціонеромъ. Онъ былъ человѣкомъ религіознымъ, нравственнымъ, стремившимся къ усовершенствованію всего человѣчества. Относительно экономическихъ убѣжденій онъ раздѣлялъ одну только истину — свободную и добровольную ассоціацію труда. Эта разумная и благодѣтельная истина послужила къ основанію первой ассоціаціи парижскихъ рабочихъ, и ассоціація эта, освященная временемъ, существуетъ до сихъ поръ. Она служила и будетъ служить основаніемъ всякой прочной ассоціаціи рабочихъ, какъ напримѣръ ассоціація работниковъ ювелировъ, основанная по идеѣ Бюше, первымъ президентомъ которой былъ Леруа, человѣкъ проницательнаго ума и преданный дѣлу, а основателями были: Бюше, Рампаль, Гарнье-Пажесъ, Буланже и другіе.

Журналы, распространявшіе эту религіозную доктрину, основанную на революціонно-республиканскихъ началахъ, были: «Européen», въ послѣдствіи принявшій названіе «Revue nationale» и «l'Atelier», первый изъ журналовъ, издаваемый исключительно одними работниками.

Главными послѣдователями Бюше были: Карбонъ, Паскаль, Данги, Ру-Лавернь, Серизъ, Буларъ, Фегре, Оттъ, Буа-ле-Контъ и Бастидъ.

XVIII.

Еще до Сенъ-Симона, Фурье овновалъ соціальную доктрину, на другихъ началахъ. Глубокій мыслитель, оригинальный писатель, смѣлый сектаторъ, рѣшавшійся на самыя трудныя изслѣдованія, замѣчательный своими новыми взглядами и въ то же время странностью, цинизмомъ и фантастичностью своихъ идей, онъ возбуждалъ своими сочиненіями любопытство, и при всемъ томъ долго оставался въ неизвѣстности. Въ 1830 году, нѣкоторые изъ его послѣдователей съ увлеченіемъ стали распространять его извѣстность и сами написали о немъ множество сочиненій и комментаріевъ. Новое ученіе получило названіе фурьеризма. Чтобы понять значеніе этой школы во время движенія 1848 года, надобно привести слова Помпери, одного изъ самыхъ умныхъ и усердныхъ послѣдователей фурьеризма, принципы котораго онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Фурье вѣрилъ во всемірную гармонію и на этомъ основаніи предсказывалъ общественную гармонію, законы которой были имъ выведены. Притяженіе было по его мнѣнію не только причиной движенія небесныхъ тѣлъ, но также и закономъ движеній человѣческой души и общественной жизни. По его мнѣнію всѣ страсти, инстинкты и способности были движущими силами, которыя своимъ правильнымъ ходомъ производили благо. Вслѣдствіе этого не слѣдуетъ подавлять страстей, но надобно только направлять ихъ, потому что всякое зло происходитъ отъ заблужденія страстей. Если притяженіе есть причина движенія и дѣятельности человѣческой, то сцѣпленіе служитъ ей правиломъ и математическою формою. Подъ именемъ сцѣпленія Фурье разумѣлъ такой законъ безконечности, который въ своихъ нечувствительныхъ измѣненіяхъ связываетъ въ одну общую

жизнь всѣ существа, находящіяся въ пространствѣ и посредствомъ котораго сближаются и соединяются между собою, для образованія различныхъ единицъ, поколѣнія, вѣка и всѣ послѣдовательныя измѣненія, испытываемыя каждымъ существомъ. Только примѣненіемъ этого закона можно было, по его мнѣнію, достигнуть нормальности и законченности въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. На этомъ основаніи Фурье предполагалъ, что какъ только къ труду будутъ примѣнены законы притяженія и сцѣлеція, то онъ станетъ не только легокъ, но и пріятенъ."

Фурье отвергалъ общинное устройство; онъ добивался свободной и добровольной ассоціаціи капитала, труда и способностей. Община, устроенная на началахъ Фурье, представляетъ какъ бы гнѣздо человѣческаго общества и называется фалангой, въ воспоминаніе идеи, создавшей могущественную македонскую фалангу. Зданіе, вмѣщающее въ себѣ жителей фаланги, называется фаланстеромъ *).

Изъ сказаннаго видно, что фурьеризмъ по своему принципу и цѣли имѣлъ глубоко-революціонное значеніе. Это ученье стремилось къ тому, чтобы измѣнить весь порядокъ и основаніе существующихъ отношеній между людьми, но этотъ переворотъ долженъ былъ совершиться мирнымъ путемъ. Приверженцы этого ученья думали, что достаточно будетъ явиться гдѣ бы то ни было одной только общинѣ, чтобы мало по малу, силою одного только примѣра, преобразовался весь міръ. Не смотря на неудачу первыхъ опытовъ, фурьеристы

---

*) С. А. Соединенные штаты были до сихъ поръ нейтральнымъ полемъ для осуществленія всѣхъ соціальныхъ, коммунистическихъ и религіозныхъ теорій. Анна Ли (Anna Lee) основала общину Шекеровъ—пляшущихъ христіанъ, Робертъ Оуэнъ осуществилъ, хотя не на долго, свою New Harmony, Кабе свою Икарію. Фурьеризмъ имѣетъ также своихъ послѣдователей въ Америкѣ и въ штатѣ New Iersey, подлѣ Newarkt, есть фурьерическая община—New American-Phalanster. Прим. перев.

не приходили въ отчаянье: они утверждали, что ни одинъ изъ этихъ опытовъ не былъ достаточно серьезенъ для того, чтобы многосложный механизмъ Фурье могъ быть существеннымъ образомъ примѣненъ къ жизни.

Политическая организація фаланстера была совершенно на второмъ планѣ и составляла только заключеніе, выводъ соціальной организаціи. Такимъ образомъ фаланстеръ былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ. Впослѣдствіи фурьеристы поняли, что общественныя улучшенія могутъ болѣе разсчитывать на успѣхъ при демократическомъ правленіи, чѣмъ при монархическомъ. Фурьеристы, враждебные всѣмъ партіямъ и даже выражавшіе иногда правительству свое сочувствіе въ первыхъ своихъ журналахъ „le Phalanstère“ и „la Phalange“, послѣдовательно измѣнили свое направленіе и примкнули къ оппозиціи. Послѣдній фаланстерскій органъ, „la Démocratie pacifique, издававшійся подъ редакціей отставнаго артилерійскаго офицера, Виктора Консидерана, Ле Шевалье, Кантагреля, Геннекена, Вигуре, Помпери, Туссенеля и другихъ, съ постоянно возраставшею силой боролся съ Гизо и его системою.

XIX.

Коммунистическія секты были многочисленны. Но только одна изъ нихъ — Икарійцы, пріобрѣла нѣкоторую извѣстность. Основателемъ ея былъ Кабе, бывшій депутатъ, долго находившійся въ Англіи, въ изгнаніи. Познакомившись съ утопіей Томаса Моруса, Кабе почерпнулъ изъ нея идею новой общественной организаціи. Чтобы какъ можно удобопонятнѣе высказать свой планъ, онъ представилъ его въ формѣ романа, извѣстнаго подъ названіемъ Voyage en Icarie. Икарійцы должны были жить вмѣстѣ. Власть, управлявшая всѣми работами, раздѣляла работниковъ на разряды и распредѣляла продукты об-

щей производительности не по способностямъ, а по степени потребностей каждаго. Вслѣдствіе какаго то исключенія, которое дѣлаетъ болѣе чести чувствамъ икаристовъ, чѣмъ ихъ логическимъ соображеніямъ, эти новые коммунисты сохраняли семейныя связи, бракъ и разводъ.

По возвращеніи во Францію, авторъ Voyage en Icarie возобновилъ изданіе журнала «le Populaire». Въ немъ онъ проповѣдывалъ свою доктрину, представлялъ Икарію какимъ то новымъ Эльдорадо, гдѣ каждый могъ наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ, гдѣ всѣ люди были одинаково добрыми, трудолюбивыми, преданными, добродѣтельными и здоровыми.

Эти фантазіи, заимствованныя изъ утопій разныхъ временъ, вызывали улыбку у мыслителей соціалистовъ. Но надежда на счастье, которымъ наслаждались въ Икаріи, соблазнила многихъ парижскихъ работниковъ и рабочихъ большихъ промышленныхъ центровъ. Сравнивая богатыя картины обѣщаннаго блаженства съ ужасною картиною дѣйствительности, многіе изъ этихъ несчастныхъ думали, что Икарія есть дѣйствительная страна, въ которую они и хотѣли переселиться, и, проникнутые этимъ желаніемъ, съ увлеченіемъ распространяли между своими товарищами идею икарійской общины. Кабе, какъ человѣкъ съ политическимъ умомъ, объявлялъ, что хотя излагаемая имъ теорія есть идеалъ совершенства, къ которому должны стремиться его послѣдователи, но чтобы достигнуть этого совершенства, необходимо было переходное состояніе и, вслѣдствіе этого, онъ приготовлялъ переселеніе въ Америку, чтобы въ этой классической странѣ свободнаго труда осуществить воображаемую Икарію *).

---

*) Послѣ неудачнаго путешествія въ Техасъ, Кабе основалъ свою колонію въ Nuovo въ штатѣ Иллинойсѣ, смѣнивъ собою болѣе счастливыхъ сектаторовъ — мормоновъ. Кабе, какъ извѣстно, несчастливо кончилъ свое

Надобно отдать справедливость Кабе въ томъ, что онъ въ своемъ ученіи исключалъ всякія насильственныя средства*). Икаристы, революціонеры по принципу, не были однако ими на дѣлѣ. Они понимали прогрессъ, но хотѣли его достигнуть только путемъ примѣра и пропаганды.

XX.

Луи Планъ, талантливый писатель, бывшій прежде главнымъ редакторомъ журналовъ „le Bon Sens“ и „la Revue du progrès,“ не смотря на свою молодость, успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ извѣстность замѣчательной исторіей перваго десятилѣтія царствованія Луи-Филиппа. Занятый въ началѣ исключительно политическими вопросами, онъ вскорѣ пристрастился и къ соціальнымъ вопросамъ. Чувства и мысли, которыя возбуждены были въ немъ изученіемъ новаго предмета, выразились весьма ясно въ его сочиненіи — „Organisation du travail.“ Въ этомъ сочиненіи онъ нападаетъ на конкуренцію, которая по его мнѣнію служитъ постоянною причиною нищеты, страданій, пороковъ и преступленій въ народѣ. Онъ предлагаетъ не свободную, но принужденную ассоціацію разныхъ сословій государства. Однажды устроенныя, эти ассоціаціи становятся солидарными своею связью съ центральной ассоціаціей, которая есть государство. Государство должно распредѣлять трудъ и платить за него всѣмъ одинаково, безъ различія потребности и способностей производителя. Система Луи Блана, выраженная въ блестящей литературной формѣ, была основана на

сектаторское поприще и умеръ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; колонія же существуетъ и до сихъ поръ, хотя не можетъ похвалиться ни своимъ благоденствіемъ, ни большимъ числомъ послѣдователей.

Прим. перев.

*) Это не относится къ дальнѣйшей его дѣятельности въ Америкѣ, когда онъ хотѣлъ сдѣлаться диктаторомъ своей колоніи.

Прим. перев.

коммунизмѣ. Хотя его сочиненіе носитъ на себѣ слѣды недостаточно созрѣвшей мысли, но оно исполнено такого краснорѣчія, что вмѣстѣ съ популярностью доставило автору много послѣдователей. Послѣдователи Луи Блана, воодушевленные революціонными страстями, имѣли связь съ послѣдователями идей, выражаемыхъ журналомъ „la Réforme“. Луи Бланъ былъ членомъ комитета этого журнала, и хотя „la Réforme“ находился почти исключительно подъ вліяніемъ Ледрю-Роллена, который энергически нападалъ въ немъ на коммунизмъ, но, не смотря на это, Луи Бланъ заставилъ своихъ товарищей раздѣлять мысль о подачѣ адресса, съ цѣлью требовать отъ правительства соціальныхъ реформъ, которыя были имъ выражены въ неопредѣленной формулѣ: „Организація труда.“

XXI.

Другіе писатели, также послѣдователи соціализма, горячо преданные добру, которое они отыскивали тамъ, гдѣ его вовсе не было, не принадлежа ни къ какой соціальной теоріи, также пріобрѣли себѣ извѣстность. Въ числѣ ихъ главное мѣсто занимали Ашиль Контъ, Пеккеръ, Прудонъ и Видаль.

Луи Бонапартъ, заключенный въ Гамѣ, обнародовалъ результаты своихъ размышленій въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Пауперизмъ.“

XXII.

Кромѣ этихъ высокихъ школъ существовали разныя безъименныя секты. Составленныя изъ разныхъ отверженцевъ цивилизаціи, изъ случайныхъ и добровольныхъ жертвъ порока, эти секты могли оправдать свои стремленія однѣми только своими страданіями. Революція, по ихъ мнѣнію, должна была

не возстановить порядокъ, а только отмстить за него. Лишенныя всего, онѣ всего желали. Зло, по ихъ понятіямъ, было необходимостью; удовлетвореніе этой необходимости было благомъ. Эти логики нищеты и порока желали раздѣла всѣхъ богатствъ страны, всей земли, женщинъ, дѣтей; они не страшились никакихъ послѣдствій, потому что не считали себя отвѣтственными ни передъ совѣстью, ни передъ обществомъ, ни передъ Богомъ. Послѣ побѣды демократіи это скопище могло быть затрудненіемъ для общества; въ рукахъ какаго нибудь клубнаго Спартака оно могло сдѣлаться орудіемъ не гражданской войны, а только возмущенія; удерживаемая же массой честныхъ людей, эта безпокойная часть народа не представляла никому серьезной опасности. Но опасность ея заключалась въ томъ, что она представляла предметъ брани въ устахъ всѣхъ клеветниковъ революціи.

XXIII.

Однакожъ соціализмъ медленно проникалъ въ народныя массы. Сложный механизмъ новыхъ процессовъ соціальной науки, темнота ихъ выводовъ, не удовлетворяли положительному и свѣтлому уму народа. Нѣкоторые изъ выводовъ этой науки возмущали чистое сердце простаго человѣка. Но современемъ они стали ясно различать основную идею соціализма, справедливую идею нравственнаго и матерьяльнаго улучшенія. Вслѣдствіе неудержимаго стремленія, они стали симпатизировать распространителямъ этихъ идей и толпа все болѣе и болѣе стала внимательно прислушиваться къ предсказаніямъ и обѣщаніямъ этихъ изслѣдователей, утверждавшихъ, что они отыскали тайну, какъ облегчить и даже излечить всѣ страданія общества.

XXIV.

Между тѣмъ правительство не безпокоилось разрѣшеніемъ этого вопроса о нищетѣ, который такъ грозно былъ поднятъ народомъ. Соціализмъ, организація труда, конкуренція, ассоціація, все это были какіе-то странные неологизмы, неизвѣстные всему обществу и подвергавшіеся его насмѣшкамъ. Когда просьба объ организаціи труда была представлена въ Бурбонскій дворецъ, большинство приняло ее съ насмѣшкою. По временамъ, дѣйствительно, замѣтно было волненіе въ низшихъ слояхъ народа; но это волненіе не всегда возбуждало неудовольствіе. Иногда даже, когда предстояла надобность, соціализмъ становился аргументомъ въ самой палатѣ. Такъ Гизо, когда онъ считалъ нужнымъ застращать привиллегированные классы, говорилъ имъ: „противъ революціоннаго стремленія бѣдныхъ классовъ народа у васъ есть только одна дѣйствительная гарантія: это трудъ и неустранимая необходимость его!„ Такимъ образомъ унижали, сводили на степень наказанія тотъ трудъ, котораго народъ требовалъ себѣ какъ право, какъ неотразимый долгъ помощи. Опасности, въ собственномъ смыслѣ, не было въ этихъ стремленіяхъ народа, а секретныя общества находились подъ наблюденіемъ полиціи. Стачку рабочихъ прекращали дѣйствіями мѣстныхъ властей, противъ возмущенія могла дѣйствовать военная сила.

Такимъ образомъ пропасть, которою слѣпой эгоизмъ раздѣлилъ привиллегированные классы отъ трудящихся, становилась съ каждымъ днемъ больше и больше. Правительство ничего не замѣчало. Лѣвая сторона и лѣвый центръ, правительство и парламентское большинство не проникали своимъ взоромъ за предѣлы палаты. Самолюбивыя стремленія и заботы династическихъ партій не имѣли другихъ цѣлей,

какъ только свержение министерства Гизо и замѣщение его министерствомъ болѣе самостоятельнымъ и либеральнымъ, и уничтоженіе этимъ путемъ личныхъ видовъ правительства.

XXV.

Гораздо шире былъ взглядъ радикаловъ на дѣло. Усердное изученье всѣхъ вопросовъ, относящихся къ положенію рабочаго населенія городовъ и деревень и улучшенію ихъ нравственнаго и матерьяльнаго быта, которое они считали въ началѣ своею обязанностью, теперь представлялось имъ настоятельной необходимостью.

Но и въ этомъ случаѣ, если всѣ и были согласны относительно принципа, то не всѣ одинаково дѣйствовали. Одни говорили: благо народа есть цѣль нашихъ стремленій, политика же служитъ только средствомъ. А потому намъ слѣдуетъ прежде всего овладѣть этимъ средствомъ, то есть всеобщею подачею голосовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и республикой. Когда народъ однажды будетъ пользоваться тѣмъ, на что онъ имѣетъ теперь только право, тогда онъ самъ повѣритъ выводы отдѣльныхъ лицъ и съумѣетъ лучше всѣхъ разрѣшить задачу свего соціальнаго устройства. Другіе доказывали, что вопросъ о формѣ стоитъ на второмъ планѣ, что надобно прежде всего приложить къ дѣлу соціальныя системы, испытать ихъ выводы, словомъ—организовать трудъ; остальное же явится само собой. Наконецъ они почувствовали необходимость сдѣлать попытку къ соглашенію. По иниціативѣ редакторовъ журнала „l'Atelier“ было условлено сойтись всѣмъ вмѣстѣ, чтобы разсмотрѣть планы соціальной организаціи, предлагаемые различными школами. У Мари было нѣсколько засѣданій, на которыхъ участвовали въ качествѣ депутатовъ: Гарнье-Пажесъ, Карно, Курте, Шапюи-Монлавиль, Мари и другіе; представителями журнала „National“ были: Марастъ, Дорнесъ, Гудшо; журнала

„Réforme“ — Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ; журнала „Atelier“ — Корбонъ, Данги и Паскаль, и наконецъ, ассоціаціи рабочихъ — Леруа и Тибо; отъ общества соединенныхъ промышленныхъ производствъ явились Ленуаръ, Антуанъ и нѣсколько другихъ работниковъ.

Вопросы, разсматриваемые въ этомъ собраніи, могутъ быть приведены къ двумъ принципамъ: свободной ассоціаціи и принужденной ассоціаціи. Первую защищалъ Корбонъ, вторую — Луи Бланъ.

По мнѣнію Корбона система свободной ассоціаціи рабочихъ есть самая справедливая и самая дѣйствительная. Она допускаетъ свободу человѣка въ ассоціаціи и свободу ассоціаціи въ народѣ. Всякій промыселъ долженъ быть независимъ отъ ассоціаціи; всякая отдѣльная ассоціація должна быть независима, свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Справедливость и общій интересъ требуютъ, чтобы каждый былъ вознаграждаемъ по степени своего труда. Единственная связь членовъ ассоціаціи заключается въ общемъ для всѣхъ интересѣ общественности и національности.

Луи Бланъ, напротивъ того, думалъ, что ассоціація обязательна для всѣхъ работниковъ. Группы членовъ ассоціацій могутъ быть различны, какъ требуетъ того самый характеръ ассоціаціи, но надобно, чтобы эти группы не были враждебны между собою, а слѣдовательно онѣ должны быть зависимы одна отъ другой и солидарны. Связью между различными частями всемірной ассоціаціи служитъ центральная власть — государство, которое управляетъ всякимъ движеніемъ, представляетъ собою всѣ интересы, распредѣляетъ работу и плоды общаго труда. Заработная плата должна быть одинакова для всѣхъ.

Корбонъ сознавалъ, съ своей стороны, чрезмѣрность свободной конкуренціи. Но если надобно отстранить вредъ, происходящій отъ конкуренціи, то было бы безразсудно уничто-

жать самый принципъ ея, который самъ по себѣ есть принципъ свободы.

Луи Бланъ утверждалъ, что конкуренція служитъ единственнымъ источникомъ зла для общества; что она убиваетъ нравственныя и матерьяльныя силы народа, служитъ причиной праздности, прогула, уменьшенія платы и, какъ слѣдствіе всего этого, рождаетъ болѣзни, пороки и преступленія, и что нельзя будетъ достигнуть успѣха до тѣхъ поръ, пока конкуренція не будетъ радикально уничтожена.

„Вы думаете, сказалъ Корбонъ, что всѣ люди равно добры, преданны и трудолюбивы; вы предполагаете, что ваша ассоціація уничтожитъ всѣ пороки, эгоизмъ и лѣность. Но, къ несчастью, это несбыточная фантазія.“ — „Въ отношеніи къ настоящему времени это такъ, возразилъ Луи Бланъ; но развѣ эти недостаки имѣютъ свой источникъ въ натурѣ человѣка? Нѣтъ, они составляютъ результатъ ложной организаціи всего общества. Измѣните принципъ нынѣшняго порядка—и вы измѣните самаго человѣка, который есть произведеніе этого порядка. Солидарность уничтожитъ все зло, всѣ пороки и преступленія, которыя до сего времени были порождаемы антагонизмомъ.“

Эти споры часто возобновлялись и большая часть членовъ собранія принимала въ нихъ участье. Система насильственной ассоціаціи не находила много приверженцевъ; многіе, какъ напримѣръ Ледрю Ролленъ, нападали на нее съ большою энергіей, и Луи Бланъ принужденъ былъ оставить собраніе.

Вслѣдствіе предложенія Гудшо, по мнѣнію котораго задача организаціи труда была тождественна съ вопросомъ объ организаціи кредита, рѣшено было, собрать значительный капиталъ для того, чтобы сдѣлать опытъ ассоціаціи рабочихъ, не отдавая при устройствѣ ея предпочтенія той или другой теоріи и ихъ стремленіямъ. Время дастъ возможность испытать каждую систему, практика же должна ис-

править ошибки, а народъ, во власти котораго будетъ управленіе государствомъ, утвердитъ то или другое примѣненіе ассоціаціи.

XXVI.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и сектъ находился центральный комитетъ сенскихъ избирателей, составляя какъ бы вѣнецъ этой массы либеральныхъ и демократическихъ силъ. Организація этой могущественной силы была очень проста. Въ каждомъ изъ парижскихъ округовъ былъ комитетъ, который посылалъ своего депутата въ центральный комитетъ. Посредствомъ этихъ депутатовъ-представителей, центральный комитетъ сообщалъ дѣятельность комитетамъ городскихъ округовъ, которые въ свою очередь передавали это движеніе своимъ избирателямъ.

Кромѣ органовъ, исключительно принадлежавшихъ радикаламъ и легитимистамъ, всѣ остальные органы прессы получали и публиковали сообщенія центральнаго комитета. Слѣдующіе парижскіе журналы — вещь неслыханная до тѣхъ поръ — стремились, каждый отдѣльно, къ одной общей цѣли: „Constitutionnel“, органъ лѣваго центра; „Siècle“, органъ лѣвой династической стороны; „National“ — радикаловъ лѣвой стороны; „la Démocratie pacifique“ — фурьеристовъ; „le Courrier français“, „la Presse“ и „Charivari“; въ департаментахъ, самые благонамѣренные журналы, именно: „Journal de Rouen“, Казавана, „le Censeur de Lyon“, Риттіеца и Кауфмана, „le Propagateur du Pas-de-Calais“, Фредерика Дегоржа, „le National de l'Ouest“, Мангина, „le Bien public“, журналъ, издаваемый Ламартиномъ въ Маконѣ; „l'Echo du Nord“, „Journal du Gavre“ и другіе.

*

XXVII.

Такимъ образомъ парламентъ дѣлился на три большія части: лѣвый цѣнтръ, лѣвая династическая сторона и лѣвая радикальная сторона; эти три партіи имѣли своихъ приверженцевъ внѣ парламента; сверхъ того были исключительные радикалы, разныя секты и народъ, — вотъ различные элементы оппозиціи, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы спасти Францію отъ этой системы ослабленія государства, которая производила гибельное вліяніе на народъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Морни, поздравляя короля съ выборами 1846 года, напоминаетъ ему объ обѣщаніяхъ Гизо; ироническій отвѣтъ Луи-Филиппа. — Лѣвая сторона рѣшается снова прибѣгнуть къ мирной ажитаціи. — Первое собраніе всей оппозиціи у Од. Барро; согласіе всѣхъ партій, безъ нарушенія принциповъ каждой.—Второе собраніе, на которомъ было рѣшено, что центральный комитетъ приметъ инціативу реформистскаго движенія; Паньеру поручаютъ составить проектъ адреса объ измѣненіи избирательной и парламентской системъ; съ цѣлью добиться этихъ реформъ, избираютъ три различныхъ образа дѣйствій: адресъ, излагающій всѣ недостатки избирательнаго закона; банкеты, устроиваемые для учрежденія и скрѣпленія союза всей оппозиціи, и смѣшанный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направленіе реформистскаго движенія. — Предвидѣнье Гарнье-Пажеса. — Засѣданіе центральнаго комитета у Паньера. — Засѣданіе у Ластейри, на которомъ рѣшено, что центральный комитетъ и окружные комитеты сенскаго департамента дадутъ банкетъ реформистскимъ депутатамъ. — Послѣ этого засѣданія, управленіе движеніемъ переходитъ въ руки бюро центральнаго комитета. — Вліяніе этого бюро на окружные комитеты, которые рѣшаются принять участіе въ движеніи. — Подписка на банкетъ, въ началѣ медленная, увеличивается и далеко переходитъ опредѣленную цифру; комитетъ назначаетъ банкетъ на 7 іюля въ Château-Rouge; министерство запрещаетъ банкетъ и потомъ разрѣшаетъ его; банкетъ состоялся 9 іюля; присутствіе на немъ восьмидесяти шести депутатовъ; рѣчи и тосты Ластейри, Рекюра, Барро, Паньера, Дювержье-де-Горанна, Сенара, Гризье, Ригли, Гамелена, Мари, Гюстава-де-Бомона, Шамболя, Фредерика-де-Горжа и Малевиля; печальныя и подавляющія рѣчи Барро, Дювержье-де-Горанна и Малевиля; громадное дѣйствіе этого банкета на Францію. — Центральный комитетъ вступаетъ въ сношенія съ департаментскими комитетами и журналами; онъ сообщаетъ имъ свою дѣятельность и самоотверженіе. — Банкеты въ Кольмарѣ, Страсбургѣ, Суассонѣ и Сенъ-Кентенѣ. — Преступленіе Лестада. — Убійство герцогини Праленъ ея мужемъ; глубокое впечатлѣніе, произведенное во Франціи этимъ убійствомъ.— Назначеніе герцога Омальскаго генералъ-губернаторомъ Алжира. — Уда-

леніе маршала Сульта; назначеніе Гизо президентомъ совѣта. — Агитація, произведенная банкетомъ, распространяется; на банкетѣ въ Конѣ обнаруживается первое несогласіе между оппозиціонными партіями; судья Гамбонъ протестуетъ противъ тоста въ честь короля, предложеннаго династическою оппозиціей; отрѣшеніе его отъ должности на пять лѣтъ. — Исключительные радикалы, въ началѣ враждебные банкетамъ, рѣшаются принять въ нихъ участье; Ледрю-Ролленъ и Флоконъ на банкетѣ въ Лиллѣ; Барро хочетъ измѣнить условленные тосты предложеніемъ тоста въ честь іюльской монархіи; коммиссары отказываютъ Барро въ этомъ желаніи и онъ съ своими друзьями оставляетъ банкетъ. — На банкетѣ въ Авенѣ, Барро выражаетъ свои монархическія убѣжденія, о которыхъ умалчивалъ до сихъ поръ. — Движеніе, произведенное банкетами, продолжаетъ увеличиваться. — Первые результаты этого движенія обнаруживаются: многіе изъ генеральныхъ совѣтовъ высказываются въ пользу рефомы; отдѣльные выборы не нравятся правительству; король принужденъ утвердить Бюрже меромъ втораго парижскаго округа. — Исключительные радикалы устроиваютъ чисто радикальные банкеты; банкеты въ Дижонѣ и Шалонѣ на Саонѣ. — Полемика между исключительными и парламентскими радикалами. — Банкеты въ Монпелье и Нейбургѣ; радикалы-реформисты поддерживаютъ на нихъ свое дѣло. — Соединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій, съ сохраненіемъ каждой ея принциповъ. — Банкетъ въ Руанѣ; отказъ радикаловъ-реформистовъ участвовать въ немъ по поводу тоста въ честь учрежденій іюльской монархіи. — Послѣдній банкетъ, предложенный двѣнадцатымъ парижскимъ округомъ. — Пробужденіе общественнаго мнѣнія, какъ прямой результатъ банкетовъ.

I.

Парламентская сессія кончилась; наступила очередь высказаться общественному мнѣнію, которое было подготовлено къ этому нѣкоторыми предшествовавшими обстоятельствами.

Извѣстно, что 26-го марта было отвергнуто предложеніе Дювержье де Горанна. Съ этихъ поръ лѣвый центръ и лѣвая сторона окончательно убѣдились въ томъ, что отъ палаты, а тѣмъ болѣе отъ двора нечего больше ожидать. Чѣмъ старѣе становился король, тѣмъ упрямѣе онъ выражалъ свое презрѣніе ко всему, что не сходилось съ его образомъ мыслей и тѣмъ сильнѣе вкоренялось въ немъ убѣжденіе, что неизмѣнное слѣдованье его предшествовавшей политикѣ неразрывно связано съ спокойствіемъ его царствованія и съ судьбой его рода.

Говорятъ, что спустя нѣсколько дней послѣ выборовъ 1846 года, Морни принесъ ему поздравленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Государь, успѣхъ выборовъ замѣчателенъ. Я рѣшаюсь приписать этотъ успѣхъ рѣчи Гизо въ Лизье. Если вашему величеству угодно будетъ исполнить обѣщанья, изложенныя имъ въ этой рѣчи, то къ будущимъ выборамъ оппозиція исчезнетъ; рѣдкіе ея защитники будутъ составлять предметъ любопытства во Франціи.“ Король, съ презрительной улыбкой и иронически ударяя на каждомъ слогѣ, отвѣтилъ: „Какія это обѣщанья?... Реформа!... Несовмѣстность!... Вы не знаете этой страны: ею *можно управлять только посредствомъ чиновниковъ.*“

Вы не знаете Франціи! Тѣ же слова были сказаны имъ и наканунѣ 24 февраля. Продолжительное царствованіе всегда ослѣпляетъ.

Такимъ образомъ оппозиція рѣшилась внѣ парламента и pays legal искать силу, которую отнималъ у нее тройной союзъ короля, кабинета и парламентскаго большинства, такъ сильно сопротивлявшійся всякому прогрессу. Ея жажда дѣятельности была особенно возбуждена неосторожными вызовами Дюшателя. Хотя назначеніе оппозиціи было въ будущемъ, но уязвленное самолюбіе обязывало ее дѣйствовать теперь же. Она должна была чувствовать себя въ одно и то же время погибшею и осмѣянною, если въ отвѣтъ на это насмѣшливое увѣреніе въ равнодушіи къ ней страны не представитъ опроверженія самой страны.

Сверхъ того оппозиція чувствовала и ясно понимала, что ажитація тогда только будетъ дѣйствительною, когда она будетъ глубокою; что надобно проникнуть въ самое сердце народа, чтобы возбудить его сочувствіе; что династическія партіи, предоставленныя собственнымъ силамъ, не могутъ сильно дѣйствовать на народъ и что помощь радикальныхъ партій необходима. Оппозиція поняла все это, и тотчасъ же рѣшилась приступить къ дѣлу.

II.

Оставалось только опредѣлить образъ дѣйствій, условія, поприще и предѣлы этой коалиціи реформистскихъ силъ. Первое собраніе было у Одилона Барро. Многіе депутаты изъ легитимистовъ, проникнутые духомъ примиренія, также присутствовали на этомъ собраніи. Но вскорѣ сдѣлалась очевидною невозможность соединенія этихъ двухъ противоположныхъ партій, потому что одна изъ нихъ была враждебна самодержавію народа, считая беззаконнымъ этотъ основной принципъ революціи. Безъ этого препятствія соглашеніе было бы легко, такъ какъ рѣшимость либеральной и демократической оппозиціи была искренна, взаимныя отношенія ихъ были законны и какъ съ той, такъ и съ другой стороны если и была видна осторожность, то не было никакой задней мысли.

„Вы знаете наши убѣжденія — говорили радикалы — мы республиканцы и всегда будемъ республиканцами. Мы убѣждены въ томъ, что Франція не можетъ болѣе выносить монархическаго правленія, равно какъ и въ томъ, что она еще не понимаетъ и не желаетъ условій, необходимыхъ для республики. Слѣдовательно, если намъ принадлежитъ будущее, то настоящее — принадлежитъ вамъ. Пользуйтесь этимъ положеніемъ и осуществите во всей силѣ представительное правленіе; идите своей дорогой, но дѣйствуйте серьезно на пути прогресса и реформъ; дайте Франціи свободу, которая ей необходима; доставьте ей немного благополучія; поднимите ее въ глазахъ Европы, словомъ — сдѣлайте что нибудь рѣшительное съ вашимъ монархическимъ правленіемъ. Мы будемъ помогать вамъ въ этомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока наше довѣріе не будетъ употреблено во зло. Если вы достигнете успѣха, тогда мы, вѣрные нашимъ убѣжденіямъ, станемъ во главѣ движенія, вступимъ съ вами въ со-

стязаніе и побѣдимъ васъ посредствомъ мысли — единственнаго оружія законной свободы. Если же ваше дѣло не удастся — а это намъ кажется очень вѣроятнымъ — тогда позвольте намъ надѣяться, что вы будете помогать намъ въ нашемъ стремленіи къ достиженію народнаго самодержавія."

На это династическія партіи отвѣчали: „Мы иначе понимаемъ это дѣло: недовѣріе, отчужденіе, недостатокъ согласія между честными людьми всѣхъ партій, слишкомъ долго поддерживали власть, которая ведетъ общество къ гибели. Положимъ предѣлъ этому гибельному несогласію. Вступимъ дружно на путь реформъ, будемъ добиваться ихъ мирными и законными средствами. Когда наступитъ день, въ который мы будемъ поставлены въ такое положеніе, что согласіе между нами будетъ невозможно; если вы будете считать униженнымъ достоинство вашего положенія или строгость вашихъ принциповъ, или же, если мы, съ своей стороны, будемъ поставлены въ такое же положеніе, — тогда мы разойдемся. До тѣхъ поръ будемъ дѣйствовать сообща, отбросивъ въ сторону формальное значеніе вопроса. Вы хотите имѣть правительство, которое не раззоряло бы государства, которое не унижало бы его достоинства; мы, подобно вамъ, хотимъ достигнуть тѣхъ же результатовъ. Вы считаете конституціонную монархію неспособною дать вамъ то, чего вы желаете, — мы же думаемъ совершенно иначе: мы думаемъ, что представительное правленіе несовмѣстно ни съ честностью, ни съ достоинствомъ, ни съ однимъ изъ требованій благоразумной демократіи. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать опытъ, и мы сдѣлаемъ его законнымъ путемъ. Мы остановимся въ нашемъ стремленіи, когда увидимъ, что цѣль наша достигнута; тогда вы можете продолжать начатое. Въ случаѣ же, если наше дѣло не удастся, если опытъ покажетъ намъ, что оно невозможно, и если безсиліе и злоупотребленія монархической власти сами поведутъ къ осуществленію республики, тогда мы, не связанные ни съ ди-

настіей, ни съ монархіей, не станемъ отказываться отъ революціонныхъ принциповъ, мы не покинемъ дѣла, мы не возстанемъ противъ него и ваши попытки къ устройству республиканскаго правленія встрѣтятъ въ насъ благородное сочувствіе."

III.

Выяснивъ себѣ основанія своихъ убѣжденій, партіи немедленно приступили къ дѣлу. На слѣдующемъ собраніи явились въ качествѣ представителей лѣваго центра Дювержье де Гораннъ и Малевиль; лѣвой стороны — Одилонъ Барро и Г. де-Бомонъ; радикаловъ лѣвой стороны — Карно и Гарнье-Пажесъ; центральнаго комитета — Паньеръ, Рекюръ, Лабелони и Біеста, и сверхъ того нѣсколько представителей разныхъ партій, въ числѣ которыхъ были: Берже, Абаттуччи, Авенъ и Тьеръ. Въ первое же засѣданіе было рѣшено, чтобы центральный комитетъ принялъ иниціативу реформистскаго движенія, и, вслѣдствіе предложенія Дювержье де-Горанна, Паньеру было поручено составить проектъ адресса объ избирательной и парламентской реформѣ.

Порученіе это было трудно и щекотливо. Надобно было удовлетворить самымъ противоположнымъ мнѣніямъ, самымъ рѣшительнымъ требованіямъ, не пугая въ тоже время людей слишкомъ робкихъ. Редакторъ адресса принялъ за основаніе его такой пунктъ, на которомъ всѣ сходились: онъ нападалъ на злоупотребленія избирательныхъ законовъ. Этотъ адрессъ, замѣчательный своею сжатостью и яснымъ изложеніемъ, указывалъ на неравенство правъ, на недостатки, безсиліе, непослѣдовательность и несообразность закона 1831 года; онъ ясно указывалъ на неудовольствіе всѣхъ партій къ этому закону, дѣлающему изъ выборовъ предметъ монополіи и подкупа. Предоставляя законодательству заботу объ

измѣненіяхъ, признанныхъ необходимыми, адресъ самъ по себѣ не указывалъ ни на какія мѣры; но по смыслу своихъ нападокъ, по изложенію своихъ принциповъ, которые онъ требовалъ примѣнить къ дѣлу, онъ указывалъ главнымъ дѣятелямъ реформистскаго движенія, что единственно полезный и справедливый избирательный законъ есть тотъ, который признаетъ всеобщую подачу голосовъ, въ которой выражается равенство правъ и желанія націи.

Гарнье-Пажесъ, Лабелони и Біеста вполнѣ одобрили этотъ проектъ адресса. Но каково будетъ его дѣйствіе? Не будетъ ли онъ преданъ забвенію, подобно всѣмъ другимъ адрессамъ, подаваемымъ съ 1840 года, если и на этотъ разъ, реформистскому движенію не будетъ сообщено болѣе жизненности, единства и энергіи посредствомъ мирной, но безостановочной ажитаціи. Паньеръ еще разъ высказалъ своимъ друзьямъ мысль, которая была высказана имъ еще въ 1846 году, но которая не была въ то время принята. Мысль эта состояла въ устройствѣ Сенскими избирателями въ Парижѣ большаго банкета для всѣхъ тѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, которые подали свои голоса въ пользу избирательной реформы и для тѣхъ изъ журналистовъ, которые защищали эту реформу; затѣмъ всѣ реформисты, находящіеся въ департаментахъ, должны быть приглашены къ устройству подобныхъ же манифестацій.

Сверхъ того было условленно, что, для установленія болѣе тѣсной связи, представители всѣхъ уже существующихъ комитетовъ — лѣваго центра, лѣвой стороны, радикаловъ, крайней лѣвой стороны и центральнаго комитета — составятъ спеціальный комитетъ, въ которомъ будутъ участвовать представители всѣхъ реформистскихъ журналовъ и куда будутъ созваны самые вліятельные избиратели.

Такимъ образомъ общая цѣль оппозиціи заключалась въ избирательной и парламентской реформѣ; для достиженія же этой

цѣли представлялись три средства: адрессъ, который долженъ обнаружить всѣ недостатки закона 1831 года; банкеты въ Парижѣ и департаментахъ, съ цѣлью выказать и укрѣпить согласіе всѣхъ частей оппозиціи, и наконецъ смѣшаный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направленіе реформистскаго движенія.

IV.

Нѣсколько дней спустя, въ концѣ мая, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, которыя были на первомъ собраніи, Паньеръ прочиталъ проектъ адресса. Этотъ проектъ былъ принятъ единодушно и безъ малѣйшаго колебанія. Вслѣдъ за тѣмъ секретарь комитета изложилъ вышеописанный планъ; онъ настаивилъ на необходимости открытаго дѣйствія, и указалъ, какъ на самое дѣйствительное средство къ достиженію успѣха, на устройство банкетовъ въ Парижѣ и департаментахъ. Онъ говорилъ, что если этого рода манифестаціи были иногда шумны, то обстоятельства, произведшія ихъ, были совсѣмъ другаго рода; на этотъ же разъ настроеніе умовъ и обстоятельства обезпечивали мирный и правильный характеръ этихъ манифестацій; притомъ же въ Лизье, въ Мирандѣ, въ Мирамбо, — Гизо, Лакавъ-Лаплань и Дюшатель своимъ примѣромъ показали важность и законность банкетовъ и что наконецъ, это самое энергическое средство добиться отвѣта народа на дерзкіе вызовы кабинета. Послѣ непродолжительнаго спора собраніе приняло мысль о реформистской пропагандѣ посредствомъ банкетовъ и о составленіи смѣшаннаго комитета. Такимъ образомъ союзъ былъ окончательно заключенъ.

V.

Вышедшіе отъ Одилона Барро радикальные члены собранія, Карно, Паньеръ, Бісста, Лабелони и Гарнье-Пажесъ,

шли нѣсколько времени вмѣстѣ. Подойдя къ бульварамъ, у министерства иностранныхъ дѣлъ, они должны были разойтись. „Право, сказалъ въ это время Паньеръ, я не надѣялся, чтобы наши предложенія были приняты такъ скоро и съ такимъ успѣхомъ. Хорошо ли понимаютъ эти господа, къ чему это можетъ ихъ привести? Что касается меня, то я сознаюсь, что для меня это не совсѣмъ ясно; но впрочемъ, намъ, радикаламъ, нечего пугаться.“ — „Видите ли вы это дерево? отвѣтилъ Гарнье-Пажесъ, — такъ вырѣжьте на немъ воспоминаніе этого дня; то, что мы рѣшили теперь, есть революція.“ Девять мѣсяцевъ спустя, на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ огнемъ взвода солдатъ пали первыя жертвы революціи. Возникшая изъ реформистскаго движенія съ одной стороны и изъ систематическаго сопротивленія всякому прогрессу съ другой, революція уже началась.

VI.

Вслѣдъ за принятіемъ рѣшенія послѣдовало его исполненіе. Центральный комитетъ, собравшійся въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца у Паньера, единогласно принялъ проектъ адресса, одобренный уже парламентскими комитетами. Бюро обязано было принять мѣры къ распространенію адресса. 8 іюня послѣдовало новое собраніе у Ластейри. Тутъ, въ первый разъ, встрѣтились лицомъ къ лицу главные члены трехъ частей лѣвой стороны, самые вліятельные члены центральнаго комитета, главные редакторы органовъ династической, либеральной и республиканской оппозицій: „National“ „Siècle“, „Constitutionnel“, „Courrier Français“, „la Démocratie pacifique“ и „Charivari“. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ лицъ и были удивлены такимъ близкимъ столкновеніемъ, но, не смотря на это, встрѣча была пріятна и согласіе—полнѣйшее.

На предложеніе Паньера, сдѣланное отъ имени комитета избирателей, единогласно были приняты слѣдующія рѣшенія:

Спеціальный комитетъ о реформѣ долженъ состоять изъ всѣхъ депутатовъ, состоящихъ въ настоящее время здѣсь на лицо; центральному комитету избирателей поручено принять всѣ мѣры для распространенія адресса; банкетъ, предложенный этимъ комитетомъ и окружными комитетами Сенскаго департамента парламентскимъ комитетамъ лѣваго центра, лѣвой и крайней лѣвой сторонъ, состоится въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца; число подписчиковъ опредѣлено въ тысячу человѣкъ, подписная цѣна — 10 франковъ; на этотъ банкетъ будутъ приглашены всѣ депутаты лѣвой стороны оппозиціи, подавшіе свой голосъ за реформу; всѣ тосты будутъ опредѣлены заблаговременно.

Послѣ этого собранія, управленіе реформистскимъ движеніемъ во всей странѣ перешло въ руки бюро центральнаго комитета. Подписка на 2 или 3 тысячи франковъ была достаточна для покрытія расходовъ на печать и распространеніе адресса.

VII.

Теперь надобно было во всѣхъ частяхъ центральнаго комитета возбудить одинаковую жажду дѣятельности; но успѣхъ въ этомъ дѣлѣ казался болѣе сомнительнымъ. Не всѣ окружные комитеты были одинаково хорошо организованы; не всѣ были приготовлены къ тому, чтобы дѣйствовать общими силами; различные элементы, сближенные между собой, не смѣшались еще въ общую массу; не смотря на стремленіе къ союзу, самаго союза еще не существовало. Рѣшено было, что окружные комитеты будутъ постепенно соединяемы и что депутаты центральнаго комитета вмѣстѣ съ главными членами парламентской оппозиціи сообщатъ имъ о принятыхъ

мѣрахъ. Это дѣло взяли на себя депутаты: Дювержье де Гораннъ, Малевиль, Г. де Бомонъ, Карно, Гарнье-Пажесъ, Вавенъ, Берже, Рекюръ, Лабелони, Паньеръ, Бьеста, Леконтъ, Гамеленъ, Тьерри, Зегаласъ, Ригле и другіе.

Эта попытка, какъ ясное выраженіе соединенія партій, достигла успѣха. Ни откуда не встрѣчалось ни возраженій, ни сопротивленія, ни равнодушія. Вліяніе центральнаго комитета значительно усилилось, и его авторитетъ былъ принятъ вездѣ и безусловно.

VIII.

Однакожъ осуществленіе самаго банкета встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. До сихъ поръ никто изъ лицъ, возбудившихъ мысль о немъ, не сомнѣвался въ законности своихъ дѣйствій; но какъ будетъ принято это дѣло правительствомъ? Благоразумно ли было компрометировать всю оппозицію въ публичной манифестаціи, значеніе которой еще неизвѣстно? Разумѣется, сами министры подали примѣръ банкета; но если они не захотятъ, чтобы слѣдовали этому примѣру, — что тогда дѣлать? Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ остановиться, или уничтожить препятствіе, а въ случаѣ надобности употребить и силу? Такъ разсуждали самые робкіе члены оппозиціи; самые же горячіе, тѣ, которые въ самомъ принципѣ не допускали никакаго сближенія съ лѣвымъ центромъ и даже съ лѣвой стороной, приходили въ негодованье при мысли о публичномъ заявленіи и укрѣпленіи союза между оппозиціонными партіями. Они дѣлали жестокіе нападки на Одилона Барро и Тьера, которые не пользовались у нихъ популярностью, были подозрительны для избирателей лѣвой стороны и не возбуждали симпатіи у большей части избирателей лѣваго центра. Такимъ образомъ парализированные насиліемъ и слабостью умы не приходили

въ возбужденіе; подписка на банкетъ шла медленно. Вскорѣ однакожъ, благодаря дѣятельной пропагандѣ окружныхъ комитетовъ и прессѣ, не перестававшей взывать къ патріотизму избирателей, обозначился одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые бываютъ такъ часты въ политическихъ движеніяхъ: явилось такое множество подписчиковъ, что многимъ нужно было отказать.

IX.

Все было готово. Манифестація была назначена на 7 іюля. Центральный комитетъ назначилъ президентомъ банкета почтеннаго старика Ластейри, который былъ президентомъ самаго комитета; Рекюръ и Паньеръ были назначены вицепрезидентами. Заботясь о томъ, чтобы поддержать во всей силѣ право составленія собраній, они не спрашивали позволенія на устройство банкета, не требуемаго закономъ, по смыслу котораго достаточно было одного объявленія въ префектурѣ полиціи, сдѣланнаго хозяиномъ помѣщенія, нанятаго для банкета. Въ этомъ помѣщеніи могло собраться отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ человѣкъ; мѣстомъ этого собранія былъ общественный садъ, Château-Rouge, странное названіе котораго сдѣлалось историческимъ.

Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ дней молчанія, почти на канунѣ 7 іюля, полиція запрещаетъ хозяину Château-Rouge отдавать помѣщеніе для банкета. Но, послѣ попытки центральнаго комитета поддержать право собраній, министерство, предупрежденное Жанвье о томъ, что на банкетѣ будутъ участвовать депутаты династической оппозиціи, сняло запрещеніе полиціи. Противъ своей воли министерство уже начало поддаваться вліянію общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе ли дурнаго расположенія духа, или можетъ быть изъ какаго нибудь соображенія, министры отказали даже поставить

возлѣ Château-Rouge муниципальныхъ гвардейцевъ для сохраненія порядка.

X.

Эти препятствія помѣшали приготовленіямъ къ банкету, и центральный комитетъ принужденъ былъ отложить его до пятницы, 9 іюля. Но кромѣ того они произвели еще другаго рода дѣйствіе: всѣ спрашивали себя, что значатъ эти колебанія министерства, это молчанье въ первые дни, это запрещеніе и вслѣдъ за тѣмъ снятіе его; не скрывается *ли во всемъ этомъ какой нибудь* западни? Если полиція отказываетъ въ средствахъ, необходимыхъ для поддержанія порядка, значитъ она нарочно хочетъ допустить безпорядокъ? Не думаютъ ли воспользоваться какимъ нибудь самопроизвольнымъ или возбужденнымъ безпорядкомъ, для того, чтобы въ одинъ день избавиться отъ главныхъ представителей оппозиціи? Вся эта тревога не имѣла никакого положительнаго основанія. Но все таки политика правительства была такъ подозрительна, что многіе, особенно въ провинціи, повѣрили этимъ тревожнымъ слухамъ. Но въ Парижѣ люди благоразумные были совершенно спокойны.

XI.

Въ назначенный день тысяча двѣсти человѣкъ приняли участье въ этомъ предвѣстникѣ революціи. Избиратели, депутаты, журналисты, всѣ представители оппозиціи встрѣтились на этомъ банкетѣ, забывъ всѣ прежнія несогласія, соединенные одною мыслью о благѣ общества, стремящіеся къ одной общей цѣли, соединенные подъ однимъ знаменемъ парлментской и избирательной реформъ.

Исключая легитимистовъ, всѣ реформистскіе депутаты получили приглашеніе отъ распорядителей банкета. Изъ нихъ во-

семьдесятъ четыре приняли это приглашеніе. Нѣкоторые же отклонили его отъ себя, другіе вовсе отказались отъ него. Считая себя на канунѣ занятія министерскаго поста, средняя парламентская партія рѣшилась прервать всякую связь съ оппозиціей, которая временно могла бы мѣшать ей; но въ то же время она съ одинаковою же заботливостью избѣгала всякаго случая, который ставилъ бы ее въ необходимость дѣйствовать гласно противъ реформы. Дюфоръ, Бильо, Токквиль, Ланжюине, Вивьенъ, Буде, Бино, Фердинандъ Барро и Удино — всѣ подъ разными предлогами отказались отъ приглашенія. Лакроссъ объявилъ, что онъ не одобряетъ подобныхъ ажитацій. Одинъ парижскій депутатъ, Мальгень, хотѣлъ сдѣлать условіе: онъ требовалъ, чтобы на банкетѣ предложенъ былъ тостъ за хартію и короля; центральный комитетъ не отвѣчалъ ему на это предложеніе. Нѣкоторые депутаты отправились въ департаменты и оттуда выразили свое сожалѣніе въ невозможности участвовать въ банкетѣ. Другіе депутаты, которые вовсе не боялись дать свое открытое согласіе на банкетъ, думали, что ихъ предыдущее поведеніе не позволяло имъ лично присутствовать на немъ. Тьерь увѣдомилъ черезъ своихъ друзей, что онъ вполнѣ одобряетъ и адрессъ и банкетъ; что онъ готовъ отъ всего сердца споспѣшествовать энергическому толчку, который хотятъ сообщить общественному мнѣнію; что реформисты могутъ разсчитывать на его содѣйствіе въ палатѣ, но что будучи прежде предсѣдателемъ совѣта, онъ не считаетъ для себя возможнымъ присутствовать въ собраніи, на которомъ, безъ сомнѣнія, будутъ дѣлать нападки не только на настоящую политику, но и на политику всего царствованія. То же самое высказалъ и Ремюза, главный двигатель парламентской реформы. Араго, который долженъ былъ произнести тостъ за рабочіе классы, былъ задержанъ болѣзнью. Строго порицая это движеніе, посредствомъ котораго собирались силы оппозиціи и которое

нѣсколько времени спустя должно было увлечь также ихъ;— предводители партіи исключительныхъ радикаловъ не присутствовали на банкетѣ; ни Ледрю-Ролленъ, ни Флоконъ, главный редакторъ журнала «la Réforme», не приняли въ немъ участья.

XII.

Погода была великолѣпная. Умѣренные вечерней прохладой, солнечные лучи не раскаляли болѣе воздуха; багряное зарево заката, пробившись сквозь листья деревьевъ, разсыпалось тысячью блестящихъ лучей и обливало залу банкета цѣлымъ потокомъ свѣта и тѣни. Вокругъ четырнадцати столовъ, разставленыхъ подъ навѣсомъ огромной палатки, толпились члены собранія, взволнованные, счастливые великимъ начинаніемъ, возвышенные въ собственныхъ глазахъ убѣжденіемъ въ нравственномъ величіи дѣла, съ сердцемъ исполненнымъ безконечныхъ и свѣтлыхъ надеждъ. Оркестръ, игравшій самые лучшіе революціонные гимны, звуки которыхъ уносились вечернимъ вѣтромъ, прославлялъ этотъ двойной праздникъ природы и мысли.

XIII.

Какъ только всѣ приглашенные заняли свои мѣста, Паньеръ, отъ имени центральнаго комитета, изложилъ цѣль собранія, сказавъ, что этотъ банкетъ есть „блистательная манифестація въ пользу реформы“, которая отразилась и распространилась по всей Франціи. Въ концѣ обѣда начались тосты. Первый тостъ былъ предложенъ президентомъ Ластейри „въ честь народнаго самодержавія.“ Независимо отъ положенія и возраста Ластейри, никто больше его не былъ достоинъ чести произнести этотъ тостъ. Товарищъ юности Лафайета, онъ подобно ему служилъ революціи 89 года, подобно ему имѣлъ счастіе ви-

дѣть революцію 1830 года и съ горестью смотрѣлъ на теперешнее правительство. Всею своею жизнью, чистой и ровной, онъ, подобно Лафайету, открыто и постоянно выражалъ свою глубокую преданность великому дѣлу свободы. Новое поколѣніе слушало этого представителя отжившаго вѣка, говорившаго съ твердостью духа и силою чувства тѣхъ избранниковъ судьбы, которыхъ всегда чистая совѣсть сохраняетъ въ ихъ душѣ вѣчную молодость.

Послѣ Ластейри, одинъ изъ вицепрезидентовъ банкета, Рекюръ, предложилъ тостъ за революцію 1830 года. Въ рѣчи, исполненной смѣлости и умѣренности, онъ вспомнилъ великія надежды того времени и горькіе обманы, испытанные довѣрчивостью народа. На эту рѣчь отвѣчалъ Одилонъ Барро. Слова его, торжественныя, краснорѣчивыя и проникнутыя негодованіемъ, выражали то мнѣніе, что іюльская революція была въ самомъ началѣ извращена правительствомъ, измѣнившимъ своему принципу.

Паньеру поручено было произнести тостъ за парламентскую и избирательную реформу. Онъ снова объяснилъ условія, на которыхъ составилась коалиція лѣвой стороны и радикаловъ. „Къ чему, сказалъ онъ, должны мы отыскивать причины нашего разъединенія, а не союза, искать то, что насъ раздѣляетъ, а не то, что насъ сближаетъ? Всякій изъ насъ можетъ нести знамя реформы, не отказываясь отъ своихъ принциповъ, потому что реформа есть въ одно и то же время средство и цѣль, начало и конецъ нашихъ надеждъ. Взывая къ реформѣ, никто изъ насъ не требуетъ отъ другого никакой жертвы образомъ мыслей, не запрещаетъ никакой осторожности. Мы поднимаемъ только общее знамя, подъ тѣнью котораго могутъ укрыться всѣ другія знамена. Развѣ потому именно, что мы хотимъ радикальной реформы, мы должны, послѣ семнадцатилѣтнихъ безполезныхъ усилій, сказать: мы хотимъ всего или ничего? Развѣ наши обязанности не до-

статочно выражены этимъ правиломъ: говорить то, что справедливо и требовать того, что возможно?“

На эту рѣчь долженъ былъ отвѣчать Дювержье де Гораннъ. Его положеніе было очень щекотливое: будучи въ продолженіи десяти лѣтъ связаннымъ съ Гизо политическою и личною дружбою, горячій противникъ оппозиціи, онъ самъ служилъ правительственной системѣ первыхъ лѣтъ царствованія. Теперь онъ стремился къ уничтоженію того самаго закона 1831 года, который прежде признавалъ, защищалъ и въ пользу котораго вотировалъ. Теперь онъ съ тою же энергіею вступался за дѣло реформы, съ какою прежде возставалъ противъ нее. Въ своей рѣчи онъ откровенно высказалъ это противорѣчіе, которымъ министерская пресса постоянно упрекала его. Присмотрѣвшись къ гибельнымъ послѣдствіямъ закона 1831 года, онъ сталъ яснѣе смотрѣть на дѣло и приглашалъ всю Францію послѣдовать въ этомъ случаѣ его примѣру. Его ѣдкая, умная сатира на политику Луи Филиппа, которой этотъ государь слѣдовалъ съ 1840 года, вызвала всеобщія рукоплесканія, которыя еще болѣе увеличились при этихъ заключительныхъ словахъ: „Солдатъ, вступающій послѣднимъ въ ряды,—я тѣмъ не менѣе буду принадлежать къ числу самыхъ рѣшительныхъ; я хочу реформъ потому, что не желаю видѣть въ какой бы то ни было формѣ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ личнаго правительства. Эта причина, сколько мнѣ кажется, стоитъ всякой другой.“

Затѣмъ были произнесены тосты: Сенаромъ, отъ имени избирателей департамента Нижней-Сены, „въ честь города Парижа“; Гризье, негоціантомъ и членомъ центральнаго комитета, „за улучшеніе судьбы рабочихъ классовъ“; Ригле, бывшимъ судьей въ коммерческомъ судѣ и членомъ центральнаго комитета, „за прессу“; Гамеленомъ, негоціантомъ и членомъ центральнаго комитета, „за оппозиціонныхъ депутатовъ“. На всѣ эти тосты отвѣчали Мари, Г. де Бомонъ, Шамболь и Фредерикъ Де-

жоржъ. Гарнье-Пажесъ, вписавшій свое имя въ списокъ ораторовъ, долженъ былъ молчать, потому что его политическіе друзья на предварительномъ собраніи не приняли предложеннаго имъ тоста. Банкетъ былъ законченъ рѣчью Малевиля, исполненной увлеченья, здраваго смысла и ума, въ заключеніе которой онъ предложилъ тостъ въ честь центральнаго комитета.

Въ десять съ половиною часовъ вечера собраніе разошлось.

Удивительный порядокъ поддерживался во все время этой великой манифестаціи. Никакого волненія, никакого приключенія, ни одного неприличнаго звука не было произнесено ни въ самомъ собраніи, ни вокругъ него, не смотря на то, что толпа, собравшаяся у Château-Rouge, состояла исключительно изъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ взобрались на стѣну, но достаточно было братской просьбы распорядителей банкета, чтобы они слѣзли оттуда. Громадныя и спокойныя массы народа выражали свою симпатію повтореніемъ куплетовъ Marseillaise, которые, какъ эхо революціи, раздавались послѣ каждой рѣчи.

XIV.

Таковъ былъ банкетъ въ Château-Rouge. Этотъ банкетъ, блистательнымъ образомъ выразившій свою связь съ революціей, будучи въ то же время протестаціей честной совѣсти въ пользу оскорбленнаго нравственнаго чувства, нанесъ настоящему порядку ударъ, направленный прямо противъ правительства. Достойно замѣчанія то, что эти раны были нанесены правительственной системѣ не руками республиканцевъ. Республиканцы главнымъ образомъ обращались съ своимъ воззваніемъ къ принципамъ. Борьба династическихъ партій, приносящая болѣе всего вреда, одна только служила предметомъ ихъ горькихъ нападокъ противъ вредной и личной политики, кото-

рая приближала къ гибели королевскую власть. Вотъ что говорилъ Одилонъ Барро:

„Не станемъ обвинять славную іюльскую революцію въ недостаткахъ настоящей политики. Мы достигли до этого позорнаго, опечаливающаго насъ, состоянія не потому, чтобы мы управляли на основаніи принциповъ этой революціи, но потому, что мы дѣйствовали на перекоръ этимъ принципамъ, потому что мы измѣнили имъ, отдалившись отъ условій, возложенныхъ ими на насъ.... Есть ли еще люди, сомнѣвающіеся въ этомъ? Развѣ мало было до сихъ поръ оскорбительныхъ поступковъ? Развѣ нравственная безъурядица, грозящая нашему обществу окончательнымъ распаденіемъ, не выражается уже достаточно важными безпорядками?... Есть только два способа управлять народомъ: или посредствомъ великодушія, или посредствомъ эгоизма. Правительство сдѣлало выборъ: оно обратилось къ болѣе низкимъ побужденіямъ человѣческаго сердца. Но можно исправить вредъ, нанесенный свободѣ!... Общественное мнѣніе можетъ одной своей свободой уничтожить всѣ ретроградныя и противосвободныя мѣры, которыми обременена теперь Франція.... Но удары, нанесенные общественнымъ нравамъ, но всеобщая деморализація, но безпечность властей, но недовѣрчивость между различными классами гражданъ, — вотъ что составляетъ глубокое зло, которое я считаю неисправимымъ.... Да, будемъ дѣйствовать во имя іюльской революціи. Пусть насъ всѣхъ соединитъ ея славное знамя, пусть оно заставитъ умолкнуть всѣ ничтожные личные споры, на которые мы теряемъ силы въ виду общаго непріятеля, и пусть Франція, осѣненная этимъ славнымъ знаменемъ, исправитъ теперь то, чего она не успѣла исправить въ 1830 году!“

Дювержье де Гораннъ, въ свою очередь, сказалъ слѣдующее: „Я съ своей стороны не обратилъ достаточнаго вниманія на неисчислимыя и громадныя средства, которыми пользуется лукавое

и предательское правительство вслѣдствіе централизаціи власти. Я видѣлъ, какимъ образомъ политическій духъ исчезалъ въ большей части избирательныхъ коллегій, чтобы уступить мѣсто разсчету и торгу. Я видѣлъ массу избирателей, которые смотрѣли на право подачи голосовъ, какъ на право собственности, и разсматривали не мнѣнія своихъ депутатовъ о дѣлахъ политическихъ, но значеніе личныхъ услугъ, которыя они способны имъ принести. Я видѣлъ, какимъ образомъ между министромъ и депутатомъ съ одной стороны, и депутатомъ и избирателемъ съ другой, составлялся родъ общества соучастниковъ, издержки котораго падаютъ на бюджетъ. Тогда я задалъ себѣ вопросъ: развѣ для такихъ результатовъ Франція произвела революцію 1830 года? — Реставрація любила для достиженія своихъ цѣлей выбирать широкій путь и дѣлать много шуму; настоящее же правительство, болѣе скромное, ищетъ извилистаго пути и движется въ тишинѣ. То, чего реставрація хотѣла достигнуть угрозами и силою, настоящее правительство хочетъ достигнуть хитростью и подкупомъ. Оно не уничтожаетъ прежнихъ учрежденій, а только извращаетъ ихъ; на совѣсть оно не дѣйствуетъ насиліемъ, за то подкупаетъ ее. Думаете ли вы, что это лучше? Смотрите ли вы, какъ на чистую случайность, на всѣ эти безпорядки, на всѣ скандалы, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опечаливаютъ и пугаютъ сердца всѣхъ честныхъ людей? Нѣтъ, милостивые государи, все это не есть дѣло простой случайности, — все это есть необходимое и неизбѣжное слѣдствіе извращенной политики, которая нами управляетъ, этой политики, слишкомъ слабой для порабощенія Франціи, но усиливающейся погубить насъ. Настоящій порядокъ есть послѣдствіе постояннаго воззванія къ частнымъ интересамъ противъ интересовъ общихъ и возбужденія алчныхъ и низкихъ страстей противъ благородныхъ и великодушныхъ стремленій.“

Менѣе рѣзкимъ тономъ, но, можетъ быть, съ болѣе глубокою горечью, произнесъ свою рѣчь Г. де Бомонъ:

„Только что говорили о безстыдныхъ подкупахъ, о неприличныхъ скандалахъ, о мерзкой безнравственности, которыхъ ежедневное повтореніе возбуждаетъ печаль и отвращеніе въ душѣ всякаго честнаго человѣка. Гдѣ же слѣдуетъ искать причины всего этого? Не въ хижинѣ ли бѣдняка, не въ скромномъ ли углѣ работника? — Нѣтъ, милостивые государи, чтобы отыскать источники этихъ безчестныхъ поступковъ, надобно подняться въ самыя высокія сферы общества.“

Наконецъ Малевиль, съ тѣми смѣлыми и горячими выраженіями, которыми всегда исполнены его рѣчи, сказалъ:

„....Вы считаете зло очень великимъ! А что бы вы еще сказали, если бы видѣли его такъ же близко какъ мы? Если бы вы въ нѣкоторыхъ избирательныхъ коллегіяхъ пересчитали по одиночкѣ этихъ выродковъ между избирателями, которые превратились въ монаховъ — собирателей подаянья, выпрашивающихъ милостыню не для своей общины, а для самихъ себя!...“

Всѣ эти ораторы служили монархіи и защищали ее. Ни одинъ не думалъ о ея ниспроверженіи; всѣ, напротивъ того, хотѣли избавить ее отъ бѣдствій и спасти возвышеніемъ ея нравственнаго достоинства; но истина давила ихъ совѣсть: она дѣйствовала на сердца оскорбленныя, но еще сохранившія надежду.

XV.

Дѣйствіе банкета было громадно. Это живое движеніе, значеніе котораго такъ мало было извѣстно; это соединеніе столь разнородныхъ элементовъ, это сближеніе, послѣдовавшее за взаимнымъ охлажденіемъ, а можетъ быть и враждеб-

нымъ расположеніемъ; важное значеніе банкетовъ, постоянно характеризовавшее эту форму манифестацій, могущихъ служить предлогомъ къ безпорядкамъ; это министерство, не признающее въ началѣ права собранія, потомъ колеблющееся и наконецъ уступающее предъ закономъ; это громадное и мирное стеченіе рабочаго народа, это сохраненіе порядка даже тогда, когда обычные блюстители его добровольно отказывались его поддерживать; эти рѣчи, эти укоризны въ безчестіи, этотъ энтузіазмъ, эти обѣщанія, это возбужденіе великихъ надеждъ, — слухъ обо всемъ этомъ разнесся далеко по всему городу, по всей Франціи, по всей Европѣ, по всему міру. Это обстоятельство вездѣ возбудило одинаковыя чувства. Вездѣ поняли, что правительство Луи Филиппа и его вредная политика непремѣнно должны будутъ пасть въ такой борьбѣ. Европейскія правительства обратили на это обстоятельство свое вниманіе. Иностранные журналы, особенно англійскіе, видѣли въ чемъ дѣло и говорили съ чудесною проницательностью. „Times“ тогда же предсказалъ революцію. Чтобы испугать Францію и въ тоже время посмѣяться надъ банкетомъ, министерскіе журналы перепечатали это предсказаніе. Въ этомъ случаѣ ими управляла одна только злоба. Эти предсказанія не подѣйствовали ни на дворъ, ни на кабинетъ: тьма и свѣтъ одинаково ослѣпляли ихъ.

XVI.

Изъ Парижа движеніе вскорѣ распространилось по всей Франціи. Рѣчи, произнесенныя въ Château-Rouge, перепечатанныя всѣми реформистскими журналами и распространенныя въ большомъ количествѣ, посѣяли семя во всѣхъ частяхъ Франціи. Центральный комитетъ, возбужденный успѣхомъ, немедленно вступилъ въ сношенія съ избирательными комитетами оппозиціи всѣхъ департаментовъ, съ журналами всѣхъ зна-

чительныхъ городовъ, съ реформистскими депутатами, возвратившимися домой. Съ помощью множества циркуляровъ, безчисленнаго количества адрессовъ и энергической и постоянной пропаганды. Онъ успѣлъ сообщить всѣмъ свое усердіе и горячую преданность дѣлу реформы.

XVII.

Сѣверъ и Востокъ первые послѣдовали этому движенію. Банкетъ въ Кольмарѣ непосредственно слѣдовалъ за банкетомъ въ Château-Rouge. Предсѣдателемъ этого банкета былъ Россе, первый президентъ королевскаго суда.

Страсбургъ тоже послѣдовалъ этому примѣру. Болѣе семисотъ гостей собралось со всѣхъ концевъ Эльзаса, подъ предсѣдательствомъ Лихтенбергера, старшины адвокатскаго сословія и члена муниципальнаго совѣта.

Послѣ банкета въ Суассонѣ, на которомъ присутствовали Одилонъ Барро, Лербеттъ и Кинеттъ, Энскій департаментъ устроилъ большой банкетъ въ Сенъ-Кентенѣ подъ предсѣдательствомъ Дюфура, всѣми уважаемаго искренняго патріота и человѣка съ сердцемъ. Въ числѣ восьмисотъ человѣкъ гостей въ этомъ банкетѣ участвовали: городской меръ и его товарищи, почти всѣ депутаты Энскаго департамента, многіе депутаты сосѣднихъ департаментовъ, парижскіе и провинціальные журналисты, промышленники, меры многихъ городовъ и общинъ, генеральные и муниципальные совѣтники, командиръ и офицеры національной гвардіи и др. Центральный комитетъ послалъ на Сенъ-Кентенскій банкетъ Паньера, который долженъ былъ произнести рѣчь отъ имени комитета. Одилонъ Барро тоже произнесъ тамъ одну изъ большихъ рѣчей этой эпохи своей жизни, самой плодотворной, дѣятельной и вполнѣ знаменитой. Тысячи подписей были немедленно собраны на реформистскомъ адрессѣ, который быстро былъ распростра-

нень и подписанъ во всѣхъ классахъ жителей Сенъ-Кентена, этого благороднаго, либеральнаго и трудолюбиваго города, столь богатаго своею промышленностью и трудомъ.

XVIII.

Въ это же самое время и какъ бы для того, чтобы посредствомъ какихъ нибудь видимыхъ знаковъ оправдать обвиненія ажитаторовъ, новыя обстоятельства, страннаго и ужаснаго характера, поразили умы новымъ страхомъ. Въ Тулузѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, на разсвѣтѣ, одинъ работникъ нашелъ у наружной стѣны одной монашеской общины трупъ, осквернённый нечистотами. Это былъ трупъ тринадцатилѣтней дѣвушки Сесиліи Комбеттъ, которая наканунѣ была введена въ домъ однимъ изъ членовъ общины, Леотадомъ, и на другой день вышла оттуда мертвою. Убійство было самымъ меньшимъ преступленіемъ, совершеннымъ надъ этой дѣвушкой. Трепетъ негодованья пробѣжалъ по всей Франціи.

Еще не прошло впечатлѣніе, произведенное этимъ убійствомъ, какъ другое, еще болѣе ужасное злодѣйство поразило Парижъ и всю Францію. Герцогъ Праслень, перъ Франціи, наслѣдникъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій, зять маршала Себастьяни, человѣкъ, носившій вдвойнѣ историческое имя, убилъ свою жену, мать девяти дѣтей. Представленный на судъ перовъ, онъ, не смотря на присмотръ, успѣлъ посредствомъ яда избавиться отъ публичнаго наказанья, которому подвергаются самые грубые преступники. Ужасъ, поразившій общество, достигъ своего предѣла и разразился угрожающими толками. Каково же должно быть общество, въ самыхъ высшихъ классахъ котораго являются преступленія подобнаго рода?

XIX.

Правительство нисколько не тревожилось своею непопулярностью и съ запальчивостью вымѣщало свою злость на народѣ: полиція и солдаты стали силою разгонять народъ, мирно собравшійся въ улицѣ Saint-Honoré. Въ отвѣтъ на неудовольствія либеральной части общества и даже династической оппозиціи оно посылало свое презрѣніе и угрозы. На мѣсто маршала Бюжо оно назначило генералъ-губернаторомъ Алжира герцога Омальскаго, едва достигшаго двадцатипятилѣтняго возраста. Это назначеніе, отдававшее въ руки молодаго и способнаго, но недостаточно опытнаго человѣка, одинъ изъ самыхъ дорогихъ интересовъ Франціи, было слѣдствіемъ придворной лести и послѣднимъ дѣломъ политической дѣятельности маршала Сульта. Изнуренный годами, видя, можетъ быть, съ тѣмъ душевнымъ сознаніемъ, которое является съ приближеніемъ роковаго дня, скопленіе бѣдствій, Сультъ удалился отъ дѣлъ. Въ награду за свои заслуги, или вѣрнѣе услужливость, этотъ дряхлый сынъ республики и имперіи уносилъ съ собою въ отставку титулъ генералъ-фельдмаршала, эту негодную мишуру прежнихъ монархій, это пустое тщеславіе, украшавшее его старость, но не уменьшавшее пріобрѣтенной имъ славы.

Наконецъ, какъ послѣднее выраженіе королевской политики и политики всего царствованія, — Гизо сдѣланъ былъ президентомъ Совѣта. Дюшатель былъ оскорбленъ этимъ, и если онъ не покинулъ своего товарища, то зависть все таки озлобила его. Возвышеніе Гизо прошло спокойно; такъ какъ этого назначенія давно ожидали, то оно никого не удивило. При этомъ только всѣмъ пришло на память имя Полиньяка и оно снова появилось въ полемическихъ статьяхъ.

XX.

Ажитація, возбужденная посредствомъ банкетовъ, оживленная всѣми этими обстоятельствами, все болѣе и болѣе распространялась. Компьень, Периго, Орлеанъ, Мо, Куломье, Шарите-сюръ-Луаръ, Лудеакъ, Конъ, Мелюнъ, Данвиль, Шартръ, Сенъ-Марселенъ и другіе города одинъ за другимъ давали банкеты, на которыхъ присутствовали окружные избиратели, сами требовавшіе уничтоженія привиллегіи, которую возлагалъ на нихъ несправедливый законъ, и съ сознаніемъ удовлетворенной совѣсти видѣвшіе, какъ подкупъ обнаруживался передъ обществомъ и карался въ его глазахъ.

До сихъ поръ ни гдѣ не обнаружилось несогласія. Духъ примиренія, родившій реформистское движеніе, сопровождалъ и его развитіе. Вдругъ представилось затрудненіе, показавшееся тревожнымъ, потому что это было еще только первое затрудненіе. Нѣкоторые изъ организаторовъ банкета въ Конѣ, которые были требовательнѣе предводителей династической оппозиціи, хотѣли предложить тостъ за короля. Молодой судья и радикалъ Гамбонъ протестовалъ противъ этого тоста и удалился съ банкета. Его письмо, напечатанное въ журналахъ, было представлено министерствомъ въ кассаціонный судъ, который отрѣшилъ Гамбона на пять лѣтъ отъ его судебной должности. Пользуясь этимъ случаемъ, министерская пресса употребляла всѣ свои усилія, чтобы разъединить коалицію реформистовъ, но напрасно; однако стеченіе обстоятельствъ, на этотъ разъ очень грозное, едва не погубило дѣла.

XXI.

Извѣстно, что Ледрю-Роленъ, редакторы журнала «la Réforme» и ихъ друзья еще въ самомъ началѣ порицали коалицію

реформистовъ. Они могли бы довольствоваться непринятіемъ участія въ этомъ движеніи, но они этимъ не ограничились. Каждый день, съ постоянно возраставшей энергіей, они указывали на нерадѣніе парламентскихъ радикаловъ. Они только что не говорили объ измѣнѣ, и это слово чувствовалось въ глубинѣ ихъ мысли. Эти обвиненія не имѣли серьезнаго значенія. Реформистическіе радикалы, не обращая на нихъ вниманія, продолжали свою работу, и толчекъ, который они дали дѣлу, былъ таковъ, что ни критики, ни осужденія, ни нападки исключительныхъ радикаловъ въ Парижѣ не имѣли въ департаментахъ никакого дѣйствія на ихъ личныхъ друзей, которые вездѣ старались присоединиться къ реформистскому движенію, вступали членами въ комитеты коалиціи и всѣми своими силами способствовали этой войнѣ, поднятой противъ общаго врага. Тогда исключительные радикалы въ Парижѣ стали вдумываться въ дѣло, стали спрашивать себя, не избрали ли они ложнаго пути, и не будетъ ли въ этомъ болѣе ума и патріотизма, если они уступятъ общественному мнѣнію, высказавшемуся такъ рѣшительно; не пострадаетъ ли ихъ вліяніе на радикальную партію отъ того, что они такъ долго удерживаются отъ этого общаго движенія. Они начали наконецъ чистосердечно бояться, чтобы ихъ отчужденіе отъ дѣла, систематическое и добровольное въ началѣ, не сдѣлалось вскорѣ принужденнымъ и безвозвратнымъ. Объявивши во всеуслышанье, что они отказываются участвовать въ банкетѣ въ Château-Rouge, потому что тамъ будутъ присутствовать Одилонъ Барро и его друзья, Ледрю-Роленъ и Флокопъ рѣшились принять приглашеніе на банкетъ въ Лилѣ, не смотря на то, что на немъ также участвовали Одилонъ Барро и его друзья. Какъ ни неожиданно было это рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ оно было искренно. Они поняли наконецъ свою ошибку и хотѣли ее поправить. Они отправились на этотъ банкетъ, составъ котораго имъ былъ извѣстенъ, не для

того, чтобы чѣмъ нибудь помѣшать ему, чтобы какимъ нибудь непріятнымъ споромъ уменьшить важность реформистскаго движенія,—нѣтъ, они хотѣли только въ свою очередь высказать свои политическія убѣжденія. Но, вслѣдствіе какой то необъяснимой непослѣдовательности, они продолжали наносить оскорбленія тѣмъ, которымъ хотѣли подражать; статья, напечатанная въ „la Reforme“ наканунѣ самаго банкета, заставляла предполагать, что они вовсе не имѣли въ мысли того примирительнаго духа, подъ вліяніемъ котораго рѣшились присутствовать на банкетѣ.

Озабоченный этими соображеніями и въ минуту своего отправленія на банкетъ, Одилонъ Барро, узнавъ о прибытіи Ледрю-Роллена и Флокона, потребовалъ вдругъ измѣненія въ тостахъ, условленныхъ заранѣе. Онъ требовалъ, чтобы къ тосту за парламентскую и избирательную реформу прибавить слова: „какъ средство обезпеченья святости и неприкосновенности учрежденій іюльской монархіи.“ Это выраженіе, заключавшее въ себѣ ясное присоединеніе къ принципамъ монархической власти, по самому смыслу своему было равносильно исключенію Ледрю-Роллена изъ банкета. Распорядители банкета не согласились принять этого тоста, имѣя на это право, потому что всѣ тосты были условлены и приняты заранѣе. Одилонъ Барро оставилъ банкетъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, уступивъ свое мѣсто Ледрю-Роллену и Флокону. Люди, беспристрастно судившіе о дѣлѣ, обвиняли Ледрю-Роллена и Барро: перваго за то, что онъ напечаталъ въ „la Reforme“ статью, казавшуюся угрозой и преждевременнымъ объявленіемъ непріязненныхъ дѣйствій; втораго — въ томъ, что статья „la Reforme“ была во всякомъ случаѣ опрометчивой выходкой и что не было никакого смысла уступать дѣло исключительнымъ радикаламъ тогда, когда Барро со всѣмъ авторитетомъ своего великаго таланта и славнаго имени, могъ противоставить имъ побѣдоносное знамя примиренія.

Барро, считая себя послѣ этого обязаннымъ опредѣлить предѣлы своего поприща дѣйствій, отправился на банкетъ въ Авенъ, предсѣдателемъ котораго былъ Маршанъ и гдѣ долженъ былъ быть провозглашенъ тостъ за здоровье короля. Таковъ былъ результатъ столкновенія въ Лилѣ. Исключительные радикалы торжествовали послѣ этого заявленія Одилономъ Барро его монархическихъ убѣжденій, которыя онъ до сихъ поръ скрывалъ; и какъ имъ было не радоваться, когда заявленіе это было ихъ собственнымъ дѣломъ.

XXII.

Но, не смотря на всѣ эти затрудненія, толчекъ былъ данъ и реформистское движеніе продолжало свое дѣло. Большая часть депутатовъ, присутствовавшихъ на банкетѣ въ Château-Rouge, были проникнуты желаніемъ дѣйствовать. Въ Кастрѣ,— д'Арагонъ, человѣкъ слишкомъ рано похищенный у Франціи, воодушевлялъ своихъ слушателей своимъ горячимъ словомъ, выходившимъ изъ сердца, полнаго огня. Президентъ банкета, Леонъ де Малевиль, передавалъ своимъ слушателямъ свое могущественное воодушевленіе. Въ Ліонѣ, Ритіецъ съ замѣчательною энергіею возбуждалъ стремленіе къ примирительному радикализму. Валансъ, Бетюнъ, Валансіенъ, Монтаржисъ, Аррассъ, Амьенъ, Сенъ-Жерменъ en Laye, Шатоденъ, Кондомъ и Рошешуаръ поочередно вступали въ ряды этого движенія.

Впрочемъ послѣдствія этого движенія, значеніе котораго было еще впереди, начали уже ясно обнаруживаться. Организованныя силы начали уже проявляться. Многіе изъ генеральныхъ совѣтовъ, и во главѣ ихъ совѣтъ Сенскаго департамента, объявили себя въ сессіи 1847 года за реформу. Министерство потерпѣло послѣдовательныя пораженія на выборахъ во Флоракѣ, Тулузѣ и Діеппѣ. Въ Рошфорѣ Дюма, адъю-

тантъ короля не былъ вновь выбранъ. Наконецъ въ Парижѣ муниципальные избиратели втораго округа одержали безпримѣрную побѣду: всѣ двѣнадцать кандидатовъ на должность мера принадлежали къ оппозиціи. Поставленный въ такое безвыходное положеніе, король принужденъ былъ утвердить въ должности мера Берже, человѣка, оппозиціи котораго онъ особенно опасался.

XXIII.

Между тѣмъ Ледрю-Ролленъ и его друзья, послѣ разныхъ соображеній, стали иначе смотрѣть на свое положеніе. Если отстранять себя отъ движенія было опасно, то и прямое вмѣшательство въ дѣло было весьма трудно; доказательствомъ послѣдняго служилъ бенкетъ въ Лилѣ. Первое удаляло ихъ отъ дѣла; второе представляло двойное затрудненіе: надобно было или участвовать въ движеніи, или же помѣшать ему. Вслѣдствіе этихъ соображеній они рѣшились образовать, независимо отъ большаго реформистскаго движенія, исключительно радикальные банкеты. Они вступали на открытую уже дорогу.

Дижонъ и Шалонъ на Саонѣ отвѣчали на этотъ болѣе революціонный, чѣмъ реформистскій вызовъ. Ледрю-Ролленъ, Бонъ, Луи Бланъ, Этьенъ Араго и другіе обращались къ участвующимъ въ банкетахъ какъ народные трибуны, и съ большимъ талантомъ выражали всю откровенность и горячность своихъ убѣжденій. Воспоминанія первой республики занимали въ ихъ рѣчахъ то мѣсто, которое въ рѣчахъ болѣе умѣренныхъ радикаловъ занимали приготовленія къ новой республикѣ. Воскрешая событія и рѣчи прошлаго времени, они искали основаній успѣха въ примѣрахъ конвенціи и Геспубликанской Горы. Ихъ горячія и краснорѣчивыя слова должны были оставить глубокіе слѣды въ сердцахъ ихъ послѣдователей. Но, движимые своимъ исключительнымъ чувствомъ, они

увлеклись до того, что, не смотря на видимые уже результаты дѣйствій парламентскихъ радикаловъ, стали обвинять ихъ въ измѣнѣ своимъ принципамъ и въ союзѣ съ лѣвой стороной.

„Мы не понимаемъ значенія этихъ нападокъ, говорилъ „National.“ Мы не видимъ въ нихъ никакой пользы, ни цѣли, ни результатовъ.... Политика разъединенія повергнетъ Францію въ равнодушіе и апатію; союзъ же съ другими партіями, совершенный съ полнымъ сохраненіемъ принциповъ каждой, пробудитъ общественное мнѣніе, укрѣпитъ дѣло реформы и доставитъ радикаламъ множество послѣдователей.“

XXIV.

Впродолженіи пяти мѣсяцевъ дѣятельность реформистовъ не ослабѣвала ни на минуту. Наступилъ декабрь мѣсяцъ и палаты были созваны на 28 число. Оставался еще мѣсяцъ до начала засѣданій, и усердіе реформистовъ удвоилось. Послѣ сценъ, бывшихъ въ Дижонѣ и Шалонѣ, реформисты считали своимъ непремѣннымъ долгомъ добиваться, защищать и еще разъ провозгласить ту твердую и умѣренную, рѣшительную и миролюбивую политику, иниціативу которой они приняли на себя и основанія которой положили еще въ 1845 году. Мѣсто дѣйствія было выбрано очень удачно: Монпелье, городъ ученый и одна изъ крѣпостей революціи. Радикалы имѣли здѣсь множество умныхъ и просвѣщенныхъ послѣдователей. Сосѣдніе города: Нимъ, Аддъ, Клермонъ, Безьеръ и другіе прислали туда своихъ депутатовъ. Послѣ различныхъ тостовъ, предложенныхъ Лессакомъ, Жилемъ, Аллеманомъ, Антерье, Телономъ, депутатомъ Гардскаго департамента, Бривомъ, Оскаромъ Жерве, Жюлемъ Ренувье и Шарамолемъ, президентомъ банкета, которые въ своихъ умныхъ и задушевныхъ рѣчахъ развили значенье каждаго тоста предъ собраніемъ, состоявшимъ изъ бывшихъ депутатовъ, профессо-

ровъ медицинской школы, членовъ коммерческаго суда, офицеровъ національной гвардіи, промышленниковъ, земледѣльцевъ, купцовъ, ремесленниковъ и рабочихъ,—Гарнье-Пажесъ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ чувства, возбудившія реформистское движеніе, бывшее признакомъ пробужденія общественнаго мнѣнія во Франціи.

Нѣсколько дней спустя происходилъ банкетъ въ Нейбургѣ, на другомъ концѣ Франціи. Не смотря на зимній холодъ, болѣе тысячи человѣкъ со всѣхъ концовъ Эрскаго департамента собралось на этомъ банкетѣ. Президентомъ его былъ почтенный Дюпонъ, прежній министръ Луи Филиппа; уволенный отъ должности въ первые годы царствованія, за то, что хотѣлъ сохранить свое достоинство, теперь, въ послѣдніе дни правленія Луи Филиппа, онъ печальнымъ, но вѣрнымъ взглядомъ старика и честнаго человѣка смотрѣлъ на ошибки этого правленія, сбившагося съ прямаго пути. „Увы, милостивые государи, я не узнаю въ этомъ правительствѣ Іюльской монархіи; нѣтъ — это обманъ, это только пустой призракъ, который, благодаря Бога, никого болѣе не пугаетъ, потому что свѣтъ созданъ для всѣхъ и Франція не вѣритъ болѣе въ свои прежнія мечты.“ Послѣ него Пикаръ, Лежандръ, Дави, Саранъ, Виткокъ и другіе говорили съ чувствомъ и талантомъ. Гарнье-Пажесъ обвинялъ семнадцатилѣтнюю систему правительства, посредствомъ которой оно стремилось раздѣлить народъ на два класса—буржуазію и работниковъ; въ своей рѣчи онъ съ горячимъ воззваніемъ обращался къ союзу всѣхъ партій и всѣхъ гражданъ, чтобы дѣйствовать сообща на поприщѣ чести и нравственности. Наконецъ Паньеръ, депутатъ центральнаго комитета, который своею разумною дѣятельностью такъ могущественно споспѣшествовалъ успѣху реформистскаго движенія, отвѣчалъ своимъ клеветникамъ слѣдующими умными и твердыми словами: „будемъ искать то, что насъ соединяетъ, а не то, что насъ раздѣляетъ. Согласіе

партій совершилось открыто и законно, безъ всякихъ тайныхъ соображеній и разсчетовъ, безъ отступленія отъ своихъ убѣжденій, безъ пожертвованія принципами какъ съ той, такъ и съ другой стороны. (Такъ, такъ! Правда! Браво! браво!)

„Каждый могъ оставаться завтра тѣмъ, чѣмъ былъ вчера; всякій зналъ, что̀ ему предстоитъ дѣлать, къ чему надобно стремиться. Никто никому не ставилъ западни, никто не могъ быть обманутымъ. Если самые скромные изъ насъ вправѣ ограничиться первой побѣдой, за то самые смѣлые не отказываются добиваться болѣе рѣшительнаго успѣха для своихъ убѣжденій. (Браво!)

„Основаніе нашего союза лежитъ въ принципѣ народнаго самодержавія, который всѣмъ намъ служитъ символомъ, догматомъ и вѣрою. Это принципъ, изъ котораго все должно исходить и къ которому все должно стремиться, потому что онъ есть единственный источникъ неприкосновенности правъ всѣхъ гражданъ и законности властей.“ (Воодушевленныя рукоплесканья).

XXV.

На всѣхъ банкетахъ, въ которыхъ участвовалъ Од. Барро и его друзья, ажитація, какъ бы она ни была сильна, не переходила однакожъ границъ конституціонныхъ стремленій. Собранія въ Дижонѣ и Шалонѣ были революціонной демонстраціей стремленій той партіи, которою предводительствовалъ Ледрю-Ролленъ. Монпелье, гдѣ Гарнье-Пажесъ отвергнулъ тостъ въ честь короля, и Нейбургъ, гдѣ не было ни одного депутата ни лѣваго центра, ни лѣвой стороны, указали для будущаго времени программу радикаловъ реформистовъ, съ одинаковою рѣшительностью отвергавшихъ какъ монархію, такъ и анархію. Если несогласія, все болѣе и болѣе открытыя, давали пищу искуственному или естественному страху и

въ то же время презрѣнію и насмѣшкамъ министерской прессы, за то они нисколько не уменьшали движенія въ пользу банкетовъ. Въ Гренобле, Аррасѣ, Сентѣ (Seintes), гдѣ за отказомъ Дюфора, президентство было поручено Кремье, въ Сенъ-Дени, гдѣ собраніе было больше и восторженнѣе чѣмъ въ Château-Rouge, — вездѣ банкеты были встрѣчаемы выраженіемъ самаго горячаго сочувствія.

Банкетомъ въ Руанѣ завершилась эта блистательная манифестація. На этомъ банкетѣ, подъ предсѣдательствомъ Сенара, собрались тысяча восемьсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было двадцать депутатовъ. Дювержье де Гораннъ и Одилонъ Барро, которые въ продолженіе шести мѣсяцевъ подвергались самымъ сильнымъ нападкамъ со стороны министерскихъ журналовъ, громко радовались своему дѣлу. Одилонъ Барро, все еще не уставшій послѣ двадцати банкетовъ и столькихъ же рѣчей, разразился на этомъ банкетѣ полнымъ выраженіемъ своего презрѣнія къ новому президенту совѣта.

Лѣвая радикальная сторона вовсе не участвовала въ этомъ банкетѣ, потому что большинство коммиссіи распорядителей банкета согласилось на тостъ въ честь Іюльскихъ учрежденій. По этому поводу завязалась переписка между Гарнье-Пажесомъ и Сенаромъ. Гарнье-Пажесъ просилъ отъ имени своихъ друзей, чтобы этотъ тостъ былъ замѣненъ тостомъ: „за народное самодержавіе!“ Сенаръ отвѣчалъ, что затрудненія, поднятыя этимъ вопросомъ, сдѣлались такъ гласны, что оставленіе этого тоста, о которомъ условились уже заранѣе, будетъ имѣть смыслъ, враждебный самому учрежденію королевской власти. Это объясненіе удовлетворило радикаловъ. Редакторы „National“ рѣшились также молчать. Ни тѣ, ни другіе не давали огласки этому дѣлу. Для удовлетворенія ихъ достаточно было этого возраженія; споръ могъ бы помѣшать дѣлу.

XXVI.

Наконецъ, какъ послѣднее эхо этой продолжительной протестаціи, какъ послѣднее освященіе союза партій, какъ высшее проявленіе реформистскаго стремленія, рѣшено было устроить въ Парижѣ до начала сессіи послѣдній банкетъ. Въ то время, когда предполагали устроить этотъ банкетъ во второмъ округѣ, нѣсколько гражданъ начали уже устроивать его въ двѣнадцатомъ округѣ. Дёрль (Dheurle), батальонный командиръ національной гвардіи, капитаны Ренвиль и Деталь, членъ муниципальнаго совѣта Делестръ, Жоберъ, Боке и другіе, составившіе комитетъ подъ предсѣдательствомъ Буасселя, хлопотали у центральнаго и у парламентскихъ комитетовъ о разрѣшеніи банкета въ ихъ округѣ. Ихъ предложеніе было принято. Встрѣтившіяся однакожъ препятствія при устройствѣ банкета и приближеніе сессіи заставили бы вѣроятно оставить этотъ проэктъ, но новое насиліе власти сдѣлало для оппозиціи долгомъ чести защищать до послѣдней крайности право собранія. За этимъ несостоявшимся банкетомъ двѣвадцатаго округа останется въ исторіи самая громкая слава, потому что результатомъ его была революція 24 февраля 1848 года и республика.

XXVII.

Банкеты кончились, и теперь можно было узнать результаты этого движенія. Если справедливы слова одного великаго политическаго историка, который говоритъ, что цѣль всякой войны заключается въ томъ, чтобы начинающій войну усилился на счетъ своего противника, то въ этомъ смыслѣ оппозиція достигла своей цѣли. Ея вліяніе значительно увеличилось, вліяніе же правительства значительно ослабло. До банкетовъ

все преклонялось предъ правительствомъ: армія, судъ, административныя власти, — все помогало привительству, которому многочисленное парламентское большинство, преданное до крайности, на долго обезпечивало власть. И если справедливо то, что народъ не былъ вполнѣ равнодушенъ, то по крайней мѣрѣ онъ молчалъ. Гордые своею силою, министры забывали всякую осторожность и выражали свое безмѣрное презрѣніе къ людямъ, забывая въ то же время, какъ жестока бываетъ месть обиженнаго самолюбія.

Наступаетъ время банкетовъ: силы, до сихъ поръ разсѣянныя, а иногда даже взаимно враждебныя, соединяются. Всеобщее оскорбленіе выражается всеобщимъ неудовольствіемъ. Борьба начинается. Люди, до сихъ поръ мало или вовсе неизвѣстные, выказываютъ необыкновенную способность къ организаціи общественнаго мнѣнія; едва выступающіе на политическое поприще, они въ самомъ началѣ оказываются искусными въ этомъ дѣлѣ. Таланты, уничтожаемые политическимъ соперничествомъ, проявляются въ соревнованіи къ общему благу. Самые извѣстные изъ нихъ обнаруживаютъ способности, которыхъ никто за ними не замѣчалъ. Между ними Одилонъ Барро удивляетъ даже своихъ поклонниковъ. Его обвиняли въ бездѣйствіи, — онъ дѣлается неутомимымъ. Его рѣчи считали однообразными, — на двадцати банкетахъ и въ двадцати своихъ рѣчахъ онъ разнообразитъ, всегда съ новымъ жаромъ, характеръ и силу своего краснорѣнія. Холодный до сихъ поръ, согрѣваетъ онъ все священнымъ огнемъ своего слова и сердца.

Тогда страною овладѣваетъ трепетъ; общественное мнѣніе пробуждается общими усиліями всѣхъ людей, преданныхъ дѣлу: депутатами всѣхъ партій, центральными и мѣстными комитетами, журналистами, гражданами всѣхъ сословій; жизнь снова устремляется по всѣмъ артеріямъ страны и выбрасываетъ ядъ, убивавшій жизненныя силы народа.

Всѣ препятствія, встрѣтившіяся на этомъ пути, уничтожены. Правительство, желавшее остановить первое усиліе, принуждено было уступить. Сначала это движеніе возбуждаетъ его насмѣшки, потомъ оно снова начинаетъ опасаться и хочетъ остановить его, но оно уже не въ силахъ этого сдѣлать. Министерская пресса, столь же неосторожная, какъ и само министерство, разражается ироніей и оскорбленіями. Вмѣсто того, чтобы усмирить волненіе, она еще болѣе раздражаетъ его; всякое ея презрительное слово наноситъ новыя раны. Предусмотрительность короля входитъ въ поговорку: онъ не видитъ ничего. Судьба какъ будто нарочно посылаетъ въ такое время людей, способныхъ ускорить паденіе: ни Гизо, ни Дюшатель не понимаютъ опасности. Ихъ предупреждаютъ: но они не вѣрятъ ни лжи, ни правдѣ.

Этимъ дѣло не кончается. Нѣкоторые изъ предводителей радикализма, какъ будто повинуясь какимъ то исключительнымъ чувствамъ, пытаются остановить это движеніе, котораго иниціатива принадлежала не имъ. Члены ихъ партіи, самые ихъ друзья принуждаютъ ихъ присоединиться къ движенію. Однако они снова удаляются, сопротивляются и даже нападаютъ, — но напрасны всѣ усилія, всѣ препятствія: общественное мнѣніе такъ могущественно, движеніе на столько уже окрѣпло и воля виновниковъ этого движенія такъ сильна и непоколебима, что оно все уноситъ въ своемъ стремленіи и вездѣ является торжествующимъ.

Причина этой силы и успѣха заключалась въ томъ, что французскій народъ началъ борьбу на жизнь и смерть. Еще нѣсколько лѣтъ такого управленія — и Франція окончательно пала бы. Она имѣла право и должна была спасти себя; принужденная сдѣлать чрезвычайное усиліе, она сдѣлала его. Впослѣдствіи (мы слишкомъ хорошо испытали это) клевета съумѣла помрачить этотъ благородный порывъ. Но что за бѣда! Если клевета и наноситъ жестокія раны, то эти раны еще

не смертельны и правда всегда легко заживляетъ ихъ. Нѣтъ! Реформистское движеніе не было никогда заговоромъ честолюбцевъ, жаждавшихъ захватить власть въ свои руки. Всѣ эти депутаты, судьи, собственники земледѣльцы, торговцы, доктора, адвокаты, нотаріусы, всѣ эти граждане разныхъ классовъ и состояній никогда не были какой нибудь толпой отпущенниковъ, проигравшихся, развращенныхъ и порочныхъ, замышляющихъ завладѣть имперіей; нѣтъ! эти люди не походили на Прокула и Ветурія, свергшихъ съ трона стараго Гальбу ради какого нибудь новаго, менѣе скупаго развратника. Принципъ и цѣль этого соединеннаго усилія либерализма и демократическихъ стремленій заключались въ отмщеніи оскорбленной общественной нравственности. Франція чувствовала, какъ она съ каждымъ годомъ становилась слабѣе и ничтожнѣе, она чувствовала какъ съ каждымъ днемъ подрывались основанія ея общественной жизни и она поднялась съ полнымъ пробужденіемъ общественнаго сознанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Въ тронной рѣчи король прямо нападаетъ на оппозиціонныхъ дѣпутатовъ, мнѣнія которыхъ онъ называетъ враждебными или слѣпыми страстями; оппозиція сноситъ эту обиду и рѣшается не уступать правительству. — Попытка примиренія, отвергнутая Гизо; предвидѣніе герцога Омальскаго; его письмо къ герцогу Немурскому; попытки Монталиве, маршала Жерара и маршала Себастьяни; замѣчаніе принцессы Аделаиды; король не слушаетъ никого.—Смерть принцессы Аделаиды.—Вступленіе австрійцевъ въ герцгства Парму и Модену.— Паденіе Зондербунда, не смотря на поддержку со стороны Франціи и Австріи.—Взятіе въ плѣнъ Абдэль-Кадера.—Дѣло Пети, продажа мѣстъ докладчиковъ въ контрольной палатѣ.—Пренія объ адрессѣ въ палатѣ перовъ; рѣзкая рѣчь Монталамбера.—Палата перовъ; запросъ, сдѣланный Барро по дѣлу Пети; отвѣтъ Гизо; слова Лербета; одно изъ опредѣленій принято и заключаетъ въ себѣ выраженіе довѣрія;но нѣсколько консерваторовъ не согласились простить министру его проступокъ.—Пренія по поводу адресса.— Опредѣленіе финансоваго положенія Леономъ Фоше, Фульдомъ и Ластейри; защищеніе Дюмона, министра финансовъ; полный отчетъ, сдѣланный Тьеромъ; онъ предвидитъ близкую катастрофу; увѣренія Дюпателя.— Неутвержденный государственный долгъ въ 880 мил. (замѣтка, найденная въ бюро у Дюмона).— Внутренняя политика; измѣненія въ законахъ о нравственности, предложенныя Бильо; его требованья; жесткія слова Леона де Малевиля и Эмиля де Жерардена; мнѣніе Дюфора; предложеніе Бильо отвергнуто. — Иностранная политика: Франція, по словамъ Ламартина, повсюду потеряла свой истинный характеръ; Гизо, угрожающій коалиціей; бомбардированье Палермо; нападки Тьера на политику правительства; Гизо отвѣчаетъ ему, что вся разница между ними заключается въ различіи ихъ положеній; Барро объявляетъ, что трактаты 1815 года существуютъ только на бумагѣ; Тьеръ, по поводу швейцарскаго вопроса, увѣряетъ, что не будучи даже радикаломъ, онъ будетъ всегда на сторонѣ революціи, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ; Гизо возбуждаетъ ропотъ своимъ объявленіемъ, что правительство хочетъ вмѣшаться въ дѣла гельветическаго союза, въ которомъ восторжествовалъ радикализмъ. — Вопросъ о банкетахъ. — Новыя усилія

нѣкоторыхъ изъ друзей министра, предлагающихъ ему сдѣлать измѣненія въ примирительномъ духѣ; нерѣшительность Дюшателя; рѣшительный отказъ Гизо; оппозиціонные депутаты, собравшіеся у О. Барро, рѣшаютъ, что вопросъ о банкетѣ двѣнадцатаго округа будетъ поднятъ послѣ преній объ адрессѣ, такъ какъ всѣми признана необходимость поддержать это дѣло. — Рѣчи Дювержье де Горанна, Мари и Малевиля; задѣтый словами этого послѣдняго, Дюшатель не колеблется болѣе и рѣшается на стѣснительныя мѣры; Барро отстраняетъ отвѣтственность своей партіи за послѣдствія его дерзкихъ словъ; Буассель доказываетъ непослѣдовательность между разрѣшеніемъ прежнихъ банкетовъ и запрещеніемъ банкета двѣнадцатаго округа; Геберъ доказываетъ, что все, на что нѣтъ положительнаго дозволенія, запрещено; Ледрю-Ролленъ нападаетъ на это толкованье и уничтожаетъ его; Геберъ настаиваетъ на своемъ и доходитъ до угрозъ; ропотъ въ палатѣ; слова Одилона Барро; смятеніе увеличивается; президентъ скрывается; общій споръ оканчивается шумомъ; ропотъ въ городѣ, произведенный этимъ бурнымъ засѣданьемъ: записка Дюшателя къ Гизо. — На другой день шумъ увеличивается; измѣненіе, предложенное Дарбле; горячій разговоръ между Барро, Тьеромъ и Гизо; предложеніе объ измѣненіи отвергнуто; измѣненіе, предложенное Демуссо де Живре, которымъ исключаютъ изъ адресса оскорбительныя слова королевской рѣчи; Ламартинъ поддерживаетъ его; глубокое впечатлѣніе, произведенное его рѣчью; измѣненіе не принято 228 голосами противъ 185; такъ какъ президентъ палаты подалъ свой голосъ, то оппозиція объявляетъ ему, что ни одинъ изъ членовъ ея не будетъ больше посѣщать его; параграфъ, заключающій въ себѣ оскорбительныя слова противъ оппозиціи, принятъ 223 голосами противъ 18; оппозиція не подавала голоса; измѣненіе предложенное Саландрузомъ; Морни предлагаетъ, чтобы министерство дало обѣщаніе произвести выгодныя реформы; Гизо на отрѣзъ отказываетъ; безпорядки; безпокойство консерваторовъ; ихъ настоятельныя требованья у президента совѣта: Гизо непоколебимъ: опасность, угрожающая министерству отъ вотированья; тактика Тьера и Ремюза, считающихъ себя кандидатами въ министры, спасаетъ министерство; измѣненіе отвергнуто; вотированье цѣлаго адресса; 244 голоса за него. — Критическое положеніе оппозиціи, министерства и короля.

I.

Сессія 1848 года.

Угрозы и оскорбленія нисколько не ослабляютъ врага: первыя дѣлаютъ его осторожнымъ, вторыя возбуждаютъ его. Воздержаніе есть одно изъ великихъ правилъ благоразумія и политики. Но тѣ, которые поддаются вліянію самолюбія или ненависти,—пренебрегаютъ самыми полезными совѣтами, кото-

рые даетъ имъ исторія, и не научаются даже собственнымъ опытомъ. Что было рѣшительнымъ поводомъ къ банкетамъ, какъ не вызовъ Дюпателя? Что болѣе всего послужило къ этому возбужденію, какъ не выраженія презрѣнія, безпрестанно повторяемыя министерской прессой? Эти первыя ошибки должны были по крайней мѣрѣ сдѣлать кабинетъ сколько нибудь осторожнымъ. Но вмѣсто этого, онъ сталъ еще болѣе язвительнымъ и неосторожнымъ. Озлобленный всеобщимъ порицаніемъ, направленнымъ противъ него и противъ его дѣйствій, преслѣдуемый неотразимою необходимостью мести, кабинетъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы обратиться за помощью къ своему большинству. Забывая всѣ правила благоразумія, онъ вмѣшалъ въ дѣло самаго короля. Въ тронной рѣчи заключались слѣдующія слова:

„Среди волненій, возбуждаемыхъ враждебными и слѣпыми страстями, одно только убѣжденіе оживляетъ и поддерживаетъ меня: это то, что въ конституціонныхъ учрежденіяхъ и въ союзѣ главныхъ властей государства мы имѣемъ вѣрныя средства одолѣть всѣ препятствія и удовлетворить всѣмъ матерьяльнымъ потребностямъ нашего дорогаго отечества.“

II.

Такимъ образомъ кабинетъ вызвалъ на арену самаго короля, сдѣлалъ его человѣкомъ партіи и влагалъ даже въ его уста оскорбительныя для оппозиціи слова, направленныя прямо противъ нее!... Эта рѣчь была явнымъ отреченіемъ отъ королевской безотвѣтственности; это былъ первый шагъ на пути отреченій. Видно было, что Гизо это чувствовалъ. Въ предварительныхъ преніяхъ по поводу этой рѣчи онъ старался ослабить выраженія короля, направленныя слишкомъ прямо и сваливалъ на кабинетъ отвѣтственность за нихъ, не смотря на то, что король, какъ бы для того, чтобы придать этимъ

оскорбленіямъ отпечатокъ своего личнаго характера, старался въ то же время замять эти жесткія слова разсужденіями о своей старости и своемъ семействѣ. Но даже самые услужливые люди были оскорблены этою несвоевременною предосторожностью, въ которой они видѣли преступную слабость. Если банкеты оскорбили лично короля, то онъ и имѣетъ право лично обратить свое неудовольствіе на своихъ противниковъ; онъ имѣлъ основаніе нанести ударъ своимъ врагамъ, — ослаблять этотъ ударъ почти равносильно измѣнѣ. Гизо смирился предъ гнѣвной грозой придворныхъ. Такимъ образомъ онъ согласился выступить на битву, въ которой монархія должна была служить ставкой для сражающихся. Играя, онъ легко могъ потерять ее: менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ дѣйствительно ее потерялъ.

III.

Оппозиція отозвалась на это оскорбленіе. Обиженная въ справедливости своего дѣла, оскорбленная въ правѣ народа даже среди самаго парламента, она рѣшилась не дѣлать ни малѣйшей уступки. Если самъ король объявляетъ безпощадную войну, то честь приказываетъ поддержать эту войну до послѣдней крайности.

Министерская партія была не менѣе воодушевлена: нападки, испытанные ею въ продолженіи шести мѣсяцевъ, невозможность отвѣчать на нихъ, а болѣе всего сознаніе своей непопулярности и безсилія передъ общественнымъ мнѣніемъ, все это раздражало ее до крайности. Ея нетерпѣніе, долго сдерживаемое, теперь выразилось. Возгордившись тѣмъ, что самъ король присоединился къ ней, она надѣялась нанести новое безчестіе враждебнымъ партіямъ.

IV.

Однакожъ нѣкоторые изъ депутатовъ консерваторовъ, имѣвшіе болѣе умѣренный или болѣе политическій взглядъ на дѣло, очень ясно видѣли опасность такого натянутаго положенія. Они сдѣлали нѣсколько попытокъ съ цѣлью усмирить грозную бурю, которой они по справедливости опасались. Дюшатель колебался, но вѣроятно охотно уступилъ бы. Но Гизо, изъ гордости или изъ разсчета постоянно игравшій роль непреклоннаго гордеца, отказался отъ всякой мысли о примиреніи.

Другіе консерваторы испытали противъ этой грозы иныя, одинаково недѣйствительныя средства. „Къ чему, говорили они, всѣ эти политическіе споры? Они только волнуютъ и утомляютъ всѣхъ. Кромѣ того, что они опасны, они еще и безплодны. Займемся же наконецъ серьезно положительными дѣлами. Станемъ изучать соціальные вопросы, которые въ одно и тоже время и болѣе важны и болѣе настоятельны.“ Но и эта диверсія не помогала. Одинъ членъ прежняго большинства, Морни, указалъ въ своей статьѣ въ „Revue des Deux-Mondes“ на успѣхи коммунизма и близкую опасность, которою онъ угрожаетъ обществу, но и эти разсужденія произвели только мимолетное впечатлѣніе.

При дворѣ, между людьми самыми близкими къ королю, также видна была тревога. Между дѣтьми короля былъ одинъ принцъ, который своимъ открытымъ характеромъ и живостью ума заслужилъ нѣкоторое расположеніе короля. Пользуясь этимъ расположеніемъ, принцъ Жуанвильскій осмѣлился первый заговорить. Но его предостереженіе было принято за обиду, за смѣшную смѣлость молодаго человѣка. И такъ какъ онъ настаивалъ на своей мысли и притомъ въ выраженіяхъ, непочтительныхъ къ Гизо, то король строго прика-

залъ ему отправиться въ Алжиръ, къ своему брату, герцогу Омальскому. Несчастный принцъ съ отчаяніемъ въ душѣ оставилъ Парижъ. Письмо, написанное имъ въ это время и впослѣдствіи напечатанное, ясно показывало, что онъ считалъ для себя уже потерянным и тронъ и отечество.

„....Я смущенъ — писалъ принцъ Жуанвильскій герцогу Немурскому — событіями, скопляющимися со всѣхъ сторонъ. Я начинаю серьезно безпокоиться, а въ такія минуты пріятно побесѣдовать съ тѣми, кому довѣряешь. Король непоколебимъ; онъ не слушаетъ болѣе никакого совѣта. Онъ считаетъ свою волю выше всего.... Самую большую опасность я вижу въ томъ, что король самъ хочетъ дѣйствовать во всемъ, и это желаніе такъ непоколебимо, что если какой нибудь государственный человѣкъ не можетъ побѣдить воли короля, то ему не остается ничего болѣе, какъ самоубійство *). Мнѣ кажется, что въ этомъ году очень трудно будетъ избѣжать преній въ палатѣ по поводу этого неестественнаго положенія дѣлъ, въ которомъ исчезла всякая тѣнь конституціоннаго порядка и которое поставило короля въ отвѣтственность по всѣмъ вопросамъ. Нѣтъ болѣе министровъ; они не несутъ на себѣ никакой отвѣтственности, потому что король всѣмъ управляетъ. Король дошелъ до того возраста, въ которомъ не любятъ слушать замѣчаній; онъ привыкъ управлять самостоятельно. Онъ любитъ показать, что онъ одинъ управляетъ всѣмъ; его громадная опытность, смѣлость и всѣ его великія качества дѣлаютъ его рѣшительнымъ въ опасности; но, не смотря на все это, опасность все таки существуетъ. Я думаю, что въ этомъ году болѣе чѣмъ когда нибудь будетъ разоблачено это ложное положеніе: скажутъ, что конституціонное правительство учреждается именно съ тою цѣлью, чтобы избѣжать вмѣшательства королей, когда они слишкомъ молоды

*) Намекъ на самоубійство Врессона, французскаго посланника въ Неаполѣ.

или слишкомъ стары, чтобы умѣрять ихъ излишній жаръ, или дополнять тѣ качества, которыхъ имъ недостаетъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы нуждаемся въ томъ и другомъ, но этого-то намъ и недостаетъ.

„Положеніе наше неутѣшительно. Состояніе финансовъ, не смотря на семнадцатилѣтній миръ, незавидно. Наша внѣшняя политика, въ которой мы могли бы найти для нашего самолюбія какое нибудь удовлетвореніе, столь дорогое для Франціи и которое даетъ возможность отвернуть иногда глаза отъ серьезнаго зла, — также не въ блестящемъ видѣ.

„Избраніе Пальмерстона первымъ министромъ, возбудивъ сильную недовѣрчивость короля, заставило насъ поспѣшить испанскимъ бракомъ и доставило намъ печальную репутацію людей, не крѣпкихъ на слово. Наши неудовольствія съ Англіей помѣшали намъ принять участье въ итальянскихъ дѣлахъ, а это участье, согласное съ нашими принципами, понравилось бы странѣ. Мы не смѣли обратиться противъ Австріи, боясь чтобы Англія не возстановила на насъ новаго священнаго союза. Мы открываемъ сессію при самомъ скверномъ положеніи дѣлъ внутри государства и при такомъ же почти положеніи внѣ государства. Всему этому причиною самъ король, все это есть слѣдствіе его старческаго упрямства — управлять всѣмъ самому, въ то время, когда у него не достаетъ силъ на то, чтобы смѣло рѣшиться на что нибудь.

„Хуже всего то, что я не вижу никакого средства помочь дѣлу. Во Франціи намъ мѣшаетъ наше запутанное финансовое положеніе. Внѣ — мы должны поднять нашу репутацію и слѣдовать политикѣ болѣе сообразной съ желаніями страны. Но какимъ путемъ достигнуть намъ всего этого? Не путемъ же австро-французскаго вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи, которое было бы для насъ тѣмъ, чѣмъ было для реставраціи вмѣшательство 1823 года. Я надѣялся, что мы найдемъ въ Италіи этотъ отводъ, въ которомъ мы

такъ нуждаемся; но теперь уже поздно: это дѣло потеряно для насъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать въ Италіи безъ помощи Англіи, и въ то время какъ она съ каждымъ днемъ идетъ все далѣе и далѣе, мы все болѣе и болѣе приближаемся къ враждебной политикѣ. Теперь намъ остается только устранить себя отъ итальянскаго дѣла, потому что продолжая идти прежнимъ путемъ, мы принуждены будемъ помогать ретроградной партіи, что приведетъ насъ къ гибели. Эти несчастные испанскіе браки! Мы еще не испытали всѣхъ ихъ горькихъ послѣдствій!

„И такъ, вотъ каково наше положеніе: внутри — разстроенные финансы; внѣ — мы поставлены между публичнымъ покаяніемъ передъ Пальмерстономъ за испанское дѣло, и союзомъ съ Австріей, цѣль котораго состояла бывъ исполненіи полицейской обязанности въ Швейцаріи и въ томъ, чтобы сражаться въ Италіи противъ нашихъ естественныхъ союзниковъ и наперекоръ нашимъ принципамъ. Всему этому виноватъ одинъ король, извратившій наши конституціонныя учрежденія. Я считаю это положеніе очень серьезнымъ, потому что боюсь, чтобы палата не оставила въ сторонѣ вопросъ о министрѣ и портфелѣ, и не обратилась къ разбору принциповъ конституціонныхъ учрежденій, что при настоящихъ обстоятельствахъ очень опасно. Если бы еще могло явиться на помощь какое нибудь обстоятельство, какое нибудь дѣло, которое возбудило бы живой интересъ и которое могло бы своимъ успѣхомъ заинтересовать наше общество, тогда еще можно было бы разсчитывать на побѣду, но я не вижу ничего подобнаго.

„Извини меня за это посланіе, но мы должны же наконецъ понять наше положеніе. Ты простишь мнѣ то, что я говорю объ отцѣ; но я говорю объ этомъ только тебѣ. Ты знаешь мое уваженіе и привязанность къ отцу, но я въ то же время не могу отвести глазъ отъ того, что насъ ожидаетъ въ будущемъ: а это будущее пугаетъ меня.“

Оппозиція не могла выразиться болѣе ясно и опредѣленно, и исторія описываемыхъ мною событій есть только развитіе, доказательство и выводъ тѣхъ чувствъ и фактовъ, которые изложены въ этомъ письмѣ, выражающемъ изліяніе открытой души и предусмотрительнаго разума передъ совѣстью любимаго брата.

Монталиве былъ второй, рѣшившійся высказаться передъ королемъ. Просьбы королевы заставили его объяснить королю настоящее положеніе дѣлъ. Король выслушалъ его, какъ преданнаго слугу, ослѣпленнаго излишнимъ усердіемъ, новое выраженіе котораго будетъ совершенно безполезно, если даже не непріятно.

Вслѣдъ за тѣмъ обратился къ королю маршалъ Жераръ. Личный другъ короля, связанный съ нимъ воспоминаніями временъ реставраціи и переворота 1830 года, долго командовавшій парижской національной гвардіей и вслѣдствіе этого знавшій настоящія чувства парижанъ, въ то же время проницательный и опытный въ дѣлахъ политическихъ, маршалъ вполнѣ заслуживалъ вниманія государя. Король выслушалъ его и дружелюбно отвѣтилъ ему, что онъ не знаетъ ни Парижа, ни Франціи.

Другой маршалъ, дипломатъ временъ имперіи и Іюльской монархіи, перешедшій въ 1814 году на сторону орлеанистовъ за оскорбленіе, нанесенное его самолюбію,—Себастіани, былъ постоянно съ 1830 года въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ королю. Удалившійся отъ дѣлъ, самый независимый по своему уму и положенію между государственными людьми, оспаривавшими другъ у друга власть, маршалъ принадлежалъ ко двору, а не къ какой нибудь партіи. Будучи такъ долго политическимъ дѣятелемъ, онъ хорошо зналъ характеръ партій, хотя самъ не участвовалъ въ нихъ. Наконецъ страшное убійство его дочери, герцогини Прасленъ, кромѣ всеобщаго уваженія, возбуждало у всѣхъ сочувствіе къ его несчастью. Король принялъ его благосклонно, и послѣ непродолжитель-

наго спора сказалъ ему голосомъ участья, въ которомъ слышалась иронія неудачнаго сравненія„ Бѣдный мой маршалъ! вы рѣшительно старѣете!“ Оскорбленный этими словами, маршалъ Себастіани быстро удалился изъ Тюльери. Горечь этого оскорбленія такъ глубоко подѣйствовала на его сердце, что, получивъ 24 февраля отъ короля убѣдительное и нѣсколько разъ повторенное приглашеніе, прійти къ нему, онъ рѣшительно отказался. Утверждали даже, въ оскорбленіе его памяти, что онъ выразилъ свой отказъ самыми колкими словами.

Сестра короля, принцесса Аделаида, рѣшилась на послѣднее усиліе. Будучи немного моложе брата, она воспитывалась вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляла его ссылку, всѣ его несчастья и благополучія. Обладая высокимъ умомъ и мужественнымъ характеромъ, она давно и можетъ быть еще больше короля таила въ глубинѣ своего сердца горькое чувство испытанныхъ оскорбленій. Оттого то она съ такою страстною горячностью воспользовалась событіями 1830 года, которыя доставили ей въ одно и тоже время торжество и отмщеніе. Легитемисты обвиняли ее даже, впрочемъ безъ всякаго основанія, въ участіи въ Блейскомъ заговорѣ, посредствомъ котораго Луи-Филиппъ, какъ король, родственникъ, человѣкъ и отецъ обезчестилъ однимъ ударомъ, въ лицѣ герцогини Беррійской, принцессу, родственницу, женщину и мать. Но во всякомъ случаѣ она была единственною личностью, которой король довѣрялъ. Но теперь онъ и ее не слушалъ.

Нѣсколько времени спустя ее постигла неожиданная смерть, наступившая мгновенно и безъ всякихъ мученій. Король былъ глубоко опечаленъ этимъ событіемъ. Принцесса умерла въ ночь съ 30 на 31 число и по этому случаю должны были отложить оффиціальное поздравленіе съ новымъ годомъ. Однакожъ король, подавивъ въ себѣ скорбное чувство, хотѣлъ принять обѣ палаты. Онѣ безмолвно прошли мимо короля и его опе-

чаленнаго семейства. Имъ и не приходило на мысль, что они въ послѣдній разъ видятъ этихъ людей.

V.

Въ это же время обнаружились два обстоятельства, которыя снова вызвали ропотъ негодованья. Пренебрегая трактатами, австрійцы, изъ боязни возмущеній, поводомъ къ которымъ могла служить смерть Маріи-Луизы и волненія въ Римѣ, вступили съ оружіемъ въ рукахъ въ герцогства Парму и Модену. По всей Италіи разнесся крикъ негодованья. и этотъ крикъ отозвался эхомъ во всей либеральной Европѣ. Въ Швейцаріи, напротивъ того, контръ-революція испытала рѣшительное пораженіе. Зондербундъ, эта грозная лига, которая угрожала всему Швейцарскому Союзу, комическимъ образомъ кончила свое существованіе. Поражаемая при всякомъ случаѣ, она печально оканчивала свое существованіе, не имѣя даже времени, чтобы воспользоваться помощью Гизо. Было ли французское правительство въ заговорѣ съ Австріей противъ Италіи — неизвѣстно; но извѣстно то, что оно дѣйствовала за одно съ Австріей въ Швейцаріи, и, отдѣлившись отъ Англіи, поддерживавшей гельветическій союзъ, заставило федеральное правительство положить оружіе предъ революціей.

VI.

Само счастье, помогавшее правительству, сопровождалось неудовольствіями. 1-го января въ Парижѣ узнали о сдачѣ и плѣнѣ Абд-эль-Кадера. Отвергнутый Марокскимъ правительствомъ, эмиръ отдался наконецъ въ руки генерала Ламорисьера, но на условіяхъ личной свободы. Торопясь завладѣть этой богатой добычей, генералъ обѣщалъ плѣннику, что онъ будетъ перевезенъ въ Александрію или въ Сенъ-Жанъ-

д'Акръ; это неблагоразумное обѣщаніе было ратификовано молодымъ губернаторомъ. Кабинетъ поставленъ былъ въ печальную необходимость выбрать одно изъ двухъ — или измѣнить слову, данному французскимъ генераломъ и королевскимъ сыномъ, или же возвратить свободу вѣчному врагу французскаго правительства въ Африкѣ. Общественное мнѣніе было на столько же оскорблено этими условіями, на сколько оно было удовлетворено успѣхами французскаго оружія, и даже самые блогонамѣренные люди вспоминали съ какимъ-то суевѣрнымъ безпокойствомъ, что покореніе Алжира совершилось не задолго до паденія Карла X.

VII.

Приближались пренія объ адрессѣ. Ихъ характеръ извѣстенъ былъ заранѣе: ни одинъ оппозиціонный членъ не участвовалъ въ коммиссіи, находившейся подъ предсѣдательствомъ Созе, вновь назначеннаго президентомъ палаты.

Въ это время, какъ бы для того, чтобы связать рядъ печальныхъ фактовъ, сопровождавшихъ обѣ сессіи, «National» открылъ одинъ подлогъ, можетъ быть еще болѣе ужасный чѣмъ всѣ, до сихъ поръ открытые и наказанные.

На этотъ разъ — обстоятельство, еще болѣе увеличивающее вину — было открыто и доказано участье министра въ продажѣ мѣстъ.

„Пе́тя, бывшій сборщикъ податей въ Корбейлѣ, хлопоталъ о разводѣ съ женой. Обвиненный въ пріобрѣтеніи своего мѣста посредствомъ какихъ-то услугъ, оказанныхъ одному перу Франціи, лицу очень приближенному къ королю,—Пети, чтобы защитить свою честь отъ этихъ нападеній, написалъ и роздалъ своимъ судьямъ записку, въ которой объяснялъ, какими средствами онъ достигъ своей должности. Средства эти наносили ему новое безчестіе; но еще большее безчестіе нано-

сили онѣ тому, кто далъ ему занимаемое имъ мѣсто. Въ этой запискѣ, подробности которой ручались за достовѣрность фактовъ, Пети открыто сознался, что въ первый разъ онъ купилъ свое мѣсто, смѣнивъ собой докладчика втораго класса контрольной палаты и заплатилъ за него 30 тысячъ франковъ. Принужденный впослѣдствіи уничтожить эту сдѣлку, онъ, въ 1844 году, вступилъ въ другую такаго же рода сдѣлку, еще болѣе важную. На этотъ разъ онъ долженъ былъ вознаградить посредствомъ пожизненной пенсіи въ 6000 франковъ однаго докладчика перваго класса и даже старшаго совѣтника, должности которыхъ нужны были кабинету для награды за парламентскія услуги. Для заключенія торга были назначены два посредника: Жени, начальникъ кабинета Гизо и ближайшій его агентъ, и самъ Гизо, который дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не изъ корыстныхъ видовъ, — потому что его честность не подлежала никакому сомнѣнію; но въ видахъ своей политической системы онъ рѣшился участвовать въ этомъ грязномъ дѣлѣ и допустить продажность даже въ парламентѣ, — этомъ исключительномъ учрежденіи, которое по закону обязано было наблюдать и заботиться о правильномъ распоряженіи финансами.“

Впечатлѣніе, произведенное этимъ преступленіемъ, было такъ сильно, что во время преній объ адрессѣ, начатыхъ на слѣдующій день въ палатѣ перовъ, Буасси могъ сказать, не возбуждая сильнаго протеста: „Я бы желалъ, чтобы министерство перешло съ этой скамьи на скамью обвиненныхъ.“

VIII.

Этотъ адрессъ былъ не болѣе, какъ обычная перестановка фразъ тронной рѣчи. Въ немъ подтверждались заимствованные изъ рѣчи короля нападки на депутатовъ, участвовавшихъ въ банкетахъ. Забывая свою посредническую роль,

принадлежавшую имъ въ конституціонномъ правленіи, перы увеличивали этимъ опасность, которую имъ слѣдовало бы предупредить, и сверхъ того этимъ самымъ возбуждали грозные толки относительно важности учрежденія палаты перовъ.

Въ это время случилось происшествіе, достойное вниманія только потому, что въ немъ въ новомъ свѣтѣ выказался человѣкъ, одаренный рѣдкими способностями, который до сихъ поръ не переставалъ вездѣ отстаивать права свободы. Дѣло шло о Швейцарскомъ союзѣ. Неудача Зондербунда, возбудившаго насмѣшки своимъ хвастовствомъ, не могла, разумѣется, опечалить истинно религіозныхъ людей въ Европѣ; но она возбудила сильное негодованіе въ тѣхъ, которые смѣшиваютъ религію съ политикой. Католическая религія, столь достойная уваженія, когда она искренна, столь пріятная каждому человѣку, когда онъ ищетъ въ ней утѣшеніе и совѣты, — казалось, возбуждала въ другихъ людяхъ чувства совершенно противоположныя. Чувства эти какъ нельзя лучше проявились въ рѣчи Монталамбера. Вооружась религіознымъ фанатизмомъ, онъ сильно нападалъ на революцію, радикализмъ, свободу, на всѣ чувства, которыя такъ прямо выводятся изъ самаго смысла христіанской религіи. Его слушатели, волтерьянцы, встрѣтили эту рѣчь восторженными рукоплесканіями, и самъ герцогъ Немурскій, участвовавшій въ засѣданіи, также аплодировалъ ему. Внѣ палаты эта рѣчь произвела впечатлѣніе другаго рода.

IX.

Между тѣмъ наступило время для болѣе серьезныхъ объясненій. Оппозиція готовилась разоблачить длинный рядъ дипломатическихъ ошибокъ и промаховъ, характеризующихъ послѣдніе дни царствованья Луи-Филиппа.

21 января, Барро, среди глубокаго молчанья, всходитъ на трибуну, чтобы изложить дѣло Пети въ двухъ его фазисахъ,—въ 1841 и 1844 годахъ. Его печальный разсказъ раскрываетъ всѣ факты и всѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ. „Же́ни, личный секретарь Гизо, заключалъ условіе; сдѣлка была совершена въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ министра, и если бы случилось что нибудь, то Жени долженъ былъ спрятаться въ кабинетъ министра; наконецъ, какъ характеристическая черта нравственнаго значенія этой сдѣлки,—Жени, въ награду за эту услугу, получилъ титулъ кавалера почетнаго легіона.“

До этого времени Гизо, котораго ограниченное состояніе доказывало его безкорыстіе и заставляло противниковъ уважать его честность въ частной жизни,—казалось, не былъ запятнанъ взяточничествомъ. Но его посредничество въ этомъ дѣлѣ было несомнѣнно, непосредственно и неопровержимо. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ и былъ видимо взволнованъ. Это волненіе было такъ сильно, что для того, чтобы маскировать свое поведеніе, онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, которое еще болѣе компрометировало его. За нѣсколько дней до начала преній, Дюпенъ предложилъ палатѣ назначить самыя строгія наказанія за продажу мѣстъ по общественнымъ должностямъ; по этому поводу Гизо поспѣшилъ представить черезъ канцлера Гебера проектъ закона о томъ же предметѣ. Это обстоятельство, въ глазахъ всякаго кто знаетъ человѣческое сердце, ясно выражало безпокойство его совѣсти.

Этотъ гордый человѣкъ старался замаскировать себя передъ обществомъ выраженіемъ страшнаго презрѣнія. Онъ обвинялъ своихъ враговъ въ злобной придирчивости. И наконецъ, въ чемъ же состояла его вина? Въ томъ, что онъ слѣдовалъ примѣру множества другихъ людей, что онъ воспользовался стариннымъ обычаемъ? Обычай можетъ быть дурной, но который не преслѣдовался закономъ, и даже самъ при-

нялъ форму закона, болѣе строгаго чѣмъ предыдущіе. Наконецъ онъ приводилъ еще въ оправданіе свою откровенность, дѣлалъ отчаянное воззваніе къ министерской партіи и въ заключеніе стращалъ палату своимъ удаленіемъ изъ министерства, въ случаѣ, когда его поведеніе будетъ подвергнуто малѣйшему порицанію.

Не смотря на это, пренія продолжались долго и оживленно. Лербетъ, возбужденный борьбой, осыпалъ сарказмами этихъ тартюфовъ политической честности.

По поводу этого дѣла было предложено два опредѣленія; одно изъ нихъ, порицавшее поступокъ Гизо, было отвергнуто 225 голосами противъ 146. Другое опредѣленіе, заключающее въ себѣ выраженіе довѣрія къ министру, было принято большинствомъ голосовъ.

X.

Это вотированье выражало не одобреніе, а только амнистію; оно было дѣломъ политическаго соображенія. Между прочимъ двадцатъ консервативныхъ депутатовъ, въ томъ числѣ Саландрузъ и Лепелетье-д'Оне, не подали своего голоса, боясь, съ одной стороны, вотировать противъ министра, съ другой — не рѣшаясь выразить ему свое одобреніе. Во время преній многіе изъ консерваторовъ еще болѣе отдалились отъ министра. Демуссо де Живре съ болѣзненнымъ предчувствіемъ указалъ на то, что слова, сказанныя Луи-Филипомъ, были похожи на тѣ, которыя Карлъ X такъ неосторожно высказалъ наканунѣ революціи 1830 года. Онъ объявилъ, что впередъ станетъ вотировать противъ такого министерства, которому не довѣряютъ даже консерваторы. Его примѣръ подѣйствовалъ на многихъ изъ его друзей.

XI.

Затѣмъ выступили на сцену спеціальные вопросы, и на первомъ планѣ финансовый вопросъ.

Извѣстно уже, въ какомъ положеніи находилась эта часть; но со времени послѣдней сессіи положеніе финансовъ сдѣлалось еще тяжелѣе. Одинъ изъ ораторовъ, Леонъ Фоше, сочиненія котораго, еще мало извѣстныя публикѣ, но замѣчательныя по своей добросовѣстности уже составили ему нѣкоторый авторитетъ, описывалъ главныя черты финансоваго положенія слѣдующими словами:

„Состояніе финансовъ озабочиваетъ насъ всѣхъ; оно гораздо хуже, чѣмъ состояніе нашей политики.

„Во всякомъ случаѣ, характеръ того и другаго одинаковъ: та же распущенность администраціи, тотъ же безпорядокъ въ дѣлахъ. У насъ едва только кончается кризисъ, порожденный неурожаемъ, и торговля и промышленность еще далеко не оправились отъ понесенныхъ ими убытковъ. Если на фабрикахъ и возобновились работы, то плата понизилась до такой степени, что она едва удовлетворяетъ первымъ потребностямъ работниковъ. Общественный кредитъ нашъ упалъ до крайности. Только что заключенный заемъ очень дорого обошолся государству, и, между прочимъ, требовалъ большой рѣшимости со стороны лицъ, заключившихъ его.... Доходы истощены на восемь лѣтъ впередъ. Я не колеблясь скажу, что мы давно не находились въ такомъ трудномъ и опасномъ положеніи.... Я говорю, что эти факты рождаютъ сильную заботу; что не только палата, но все общество понимаетъ всю трудность нашего финансоваго положенія, что опасность является со всѣхъ сторонъ, что министерство должно видѣть это положеніе и что палата, волей не волей, должна принять какія нибудь мѣры.“

Послѣ Фоше говорилъ Фульдъ. Выразивъ съ такою же энергіею тѣ же самыя опасенія, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Мы истощили наши финансы и находимся въ настоящее время въ весьма опасномъ положеніи, въ которомъ мы сами виноваты.“

Затѣмъ говорилъ Жюль Ластейри; онъ напомнилъ слѣдующее мѣсто изъ доклада, представленнаго въ предыдущемъ году министерскимъ депутатомъ Биньономъ, отъ имени бюджетной коммиссіи 1847 года:

„Государственные финансы истощены на одиннадцать лѣтъ..... Такимъ образомъ палатѣ должно быть понятно, что уже заключенные и еще имѣющіе быть заключенными заемы могутъ быть погашены въ продолженіи этихъ одиннадцати лѣтъ не иначе, какъ на слѣдующихъ четырехъ условіяхъ: мы не должны вести войны; никакое обстоятельство, даже при сохраненіи мира, не должно уменьшить фондовъ, назначенныхъ для погашенія долговъ, ниже пари; обыкновенный бюджетъ не долженъ болѣе требовать уплаты по новымъ долгамъ и не долженъ трогать фондовъ; и наконецъ мы не должны предпринимать болѣе никакихъ публичныхъ работъ.“

Далѣе ораторъ продолжалъ:

„Да будетъ всѣмъ извѣстно, что бюджетъ Франціи, въ такомъ видѣ какъ его представляетъ министерство, исполненъ лжи и обмана; всѣ его предположенія ликвидировать наши финансы основываются на такихъ условіяхъ, которыя никогда не могутъ быть осуществимы, какъ напримѣръ, чтобы бюджетъ былъ постоянно въ равновѣсіи (въ этомъ положеніи онъ былъ только разъ въ продолженіе десяти лѣтъ); чтобы не дѣлать новыхъ расходовъ (но это невозможно); чтобы смѣты были всегда вѣрны (вы знаете, что этого никогда не бываетъ); наконецъ, чтобы никогда не было неурожая, дож-

дя, вѣтра, солнца и т. д.,—словомъ, на какихъ-то невообразимыхъ условіяхъ."

При этихъ тяжелыхъ обвиненіяхъ, вышедшихъ изъ устъ людей, глубоко преданныхъ монархіи, изъ которыхъ нѣкоторые даже были консерваторами, министръ финансовъ, Дюмонъ, старался оправдать правительство. „Наши долги въ самомъ дѣлѣ обременительны, но хорошая политика можетъ всегда исправить финансы. Пусть только настоящая политика останется въ своей силѣ, и финансы немедленно прійдутъ въ лучшее положеніе. Притомъ же доходы со страны такъ громадны!" Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе министръ старался подкрасить картину, тѣмъ она становилась темнѣе. Тогда на трибуну всходитъ Тьеръ, — „чтобы указать странѣ на опасности, которыя стараются отъ нее скрыть."

„Несомнѣнно, продолжаетъ онъ, что я принадлежу къ самой рѣшительной оппозиціи, но въ настоящую минуту дѣло идетъ не объ интересахъ оппозиціи: я намѣренъ открыть вамъ истину, которую вы должны узнать во всей ея наготѣ, потому что только тогда, когда эта истина будетъ хорошо извѣстна, только тогда можетъ явиться сознаніе, могущее спасти наши финансы. Если мы будемъ продолжать идти по прежней дорогѣ (а этого надобно опасаться, судя по словамъ докладчика бюджета и по отвѣту министра), то можете быть увѣрены, что нашимъ финансамъ угрожаетъ страшная опасность.

„Я обращаюсь ко всѣмъ добросовѣстнымъ и разумнымъ людямъ, и жду отъ нихъ отвѣта: вѣритъ ли здѣсь кто нибудь, кромѣ министра, въ утѣшительное состояніе нашихъ финансовъ? Нѣтъ — никто этого не скажетъ! Внѣ палаты, вдали отъ этого спектакля, въ интимномъ кружкѣ, мы всегда соглашаемся въ нашихъ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ."

Ораторъ подтверждаетъ свои слова таблицами, цифрами, фактами, выводитъ изъ нихъ заключенія, разоблачаетъ обманъ министра, раскрываетъ всю опасность положенія и,

сходя съ трибуны, произноситъ слѣдующія слова, исполненныя невыразимой печали:

„Если вы называете себя министерствомъ общественнаго благосостоянія, то эти финансы соотвѣтствуютъ вашему названію. Я въ страшномъ безпокойствѣ оставляю эту трибуну.

Эта рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе. Независимо отъ пониманія всѣхъ подробностей дѣла, высказаннаго Тьеромъ, слова его имѣли огромный авторитетъ, благодаря его положенію: въ продолженіи восемьнадцати лѣтъ онъ служилъ этому правительству и никто подобно ему не старался укрѣпить его. Эта политика, о гибельныхъ послѣдствіяхъ которой онъ говорилъ, была ему извѣстна, такъ какъ онъ въ свою очередь служилъ ея орудіемъ; но онъ любилъ королевскую фамилію, онъ былъ преданъ монархическому правленію и, разумѣется, не желалъ сверженія ни того, ни другаго. Оттого то его мрачныя предсказанія и отозвались такъ болѣзненно. Въ палатѣ и во всей странѣ его слова были приняты какъ упрекъ монархіи и какъ печальное оправданіе нападокъ, направляемыхъ до сихъ поръ на нее. Напрасно Дюшатель старался опровергнуть слова Тьера, напрасно силился онъ защищать это дѣло своими ловкими доводами, напрасно онъ прибѣгалъ къ разнымъ натяжкамъ, чтобы доказать, что производительныя издержки были для страны скорѣе условіемъ богатства, чѣмъ раззоренія, напрасно онъ старался перечислить всѣ шоссе, желѣзныя дороги и другія работы уже оконченныя, неоконченныя и проектированныя, всѣ эти предпріятія, составляющія славу царствованія Луи-Филиппа, — всѣ его доводы уничтожались предъ настоящимъ положеніемъ дѣла. Результатомъ этихъ преній было всеобщее и ясное убѣжденіе въ томъ, что близкимъ и неотразимымъ слѣдствіемъ этой системы будетъ, по словамъ Тьера, катастрофа, то есть банкротство.

Независимо отъ этой, не подлежащей сомнѣнію, истины,

всѣ вѣрили еще въ другую, неизвѣстную, но болѣе страшную истину. Относительно цифры неутвержденнаго долга увѣренія министровъ были встрѣчены всеобщей и упрямой недовѣрчивостью. Тьеръ считалъ этотъ долгъ въ 750 или 800 милліоновъ. Министры сознавались только въ 623 милліонахъ. Гарнье-Пажесъ замѣтилъ, что какова бы ни была эта цифра, но къ ней надобно прибавить 289 милліоновъ суммъ сохранныхъ кассъ, составляющихъ предметъ постояннаго долга и займа. Этотъ доводъ показался сомнительнымъ. Но послѣ февральской революціи, Гарнье-Пажесъ, сдѣлавшійся министромъ финансовъ, нашелъ между оффиціальными бумагами Дюмона записку, составленную главнымъ директоромъ государственнаго казначейства для самаго министра и поданную ему наканунѣ преній; эта записка заключала въ себѣ ту же цифру, которую приводили Тьеръ и Гарнье-Пажесъ. Такимъ образомъ одна только необходимость защищаться заставила Дюмона и Дюшателя увѣрять въ дѣйствительности приводимыхъ ими цифръ. Къ несчастью, не одно только это подтвердилось впослѣдствіи на дѣлѣ.....

XII.

Относительно фактовъ, главнымъ образомъ характеризующихъ внутреннюю политику, Билью выразилъ мнѣніе общества въ слѣдующемъ предложеніи:

„Мы соединяемъ свои желанія съ желаніями вашего большинства, требуя отъ вашего правительства, чтобы оно неутомимо заботилось о развитіи нравственности народа и не демонализировало его своимъ пагубнымъ примѣромъ.“

Это предложеніе окончательно позорило правительство, и Билью при этомъ случаѣ не пощадилъ Гизо. Въ своей рѣчи онъ объяснилъ всю политику кабинета и предалъ ее карѣ общественнаго мнѣнія. Въ ней было высказано все: уловки

министерства, съ которыми оно дѣйствовало, начиная съ заключенія коалиціи и установленія права обыска до рѣчи Гизо въ Лизье; всѣ несправедливости его, начиная съ дѣла Бенье до дѣла Пети; всю ложь въ процессѣ о продажѣ мѣстъ, въ вспомоществованіи журналамъ, въ различныхъ порученіяхъ, даваемыхъ чиновникамъ-фаворитамъ, въ дѣлѣ о статутахъ Сенъ-Денисскаго капитула и компіенскаго лагеря, въ продажѣ театральныхъ привиллегій и въ проектахъ законовъ, предлагаемыхъ съ условіемъ денежнаго вознагражденія.

Всякое поношеніе казалось возможнымъ противъ людей, которые, сами подавъ поводъ къ нему, должны были выносить его. Леонъ де Малевиль, съ возмущеннымъ чувствомъ настаивая на участіи министерства въ дѣлѣ Пети, рѣшился назвать Гизо тѣмъ именемъ, которое дается людямъ, пользующимся чужимъ преступленіемъ. Послѣ словъ Гебера, министра юстиціи: — „никто никогда не сомнѣвался въ моемъ словѣ честнаго человѣка и судьи“, — Эмиль де Жирарденъ сказалъ знаменательнымъ тономъ: „позвольте мнѣ говорить“ и, всходя на трибуну, произнесъ: „все это время говорили о тартюфѣ религіи, о тартюфѣ честности, но забыли говорить о тартюфѣ справедливости.“ Министръ, смолчавшій Малевилю, рѣшился призвать Жирардена къ порядку. Но это не дѣйствовало на него и онъ продолжалъ свою рѣчь, обвиняя Гебера въ несправедливыхъ и смѣшныхъ преслѣдованіяхъ журнала «la Presse», съ тѣхъ поръ, какъ эта газета отказала въ своемъ содѣйствіи политикѣ кабинета, и въ заключеніе обвинялъ его въ томъ, что онъ преступилъ всякій долгъ честнаго человѣка и судьи, отказавшись преслѣдовать самые позорные поступки, которые одинаково преслѣдуются и нравственностью и закономъ.

Это безпрестанное накопленіе фактовъ, обвиненій, уликъ и даже оскорбленій достигало своей цѣли. Министерство было видимо смущено и парламентское большинство если не уменьшилось, то значительно поколебалось. Но одно неожиданное

обстоятельство помогло министерству: желая уменьшить силу нападеній на кабинетъ, Дюфоръ выразилъ то преднамѣренно-примирительное мнѣніе, что если поступки были дѣйствительно преступны, то самые ихъ виновники не были преступны. Эти слова давали министерству выходъ изъ затруднительнаго положенія и оно имѣло скромность воспользоваться ими. Но общественное мнѣніе отвергло это объясненіе.

Предложеніе Бильо было отвергнуто и палата приступила къ обсужденію внѣшней политики.

XIII.

„Франція — началъ Ламартинъ — могла выбрать себѣ одно изъ трехъ политическихъ направленій: революціонное, конституціонное или консервативное. Кабинетъ остановился на послѣднемъ и самомъ худшемъ; это доказываетъ его итальянская политика, которая состоитъ въ поддержаніи чужеземнаго ига и всѣхъ злоупотребленій, происходящихъ тамъ, въ поддержаніи безсилія и раздробленности итальянскихъ государствъ. Кабинетъ соглашается относительно итальянскихъ государствъ на однѣ только административныя реформы, въ то время какъ народы Италіи требуетъ конституцій. Вы опасаетесь радикализма, но знайте, что въ Миланѣ, Венеціи, Генуѣ, во главѣ его стоятъ люди самые значительные и богатые.... Со времени испанскихъ браковъ французская политика, на перекоръ своему характеру, своей исторіи и своимъ преданіямъ, стала гибелинскою въ Римѣ, религіозною въ Бернѣ, австрійскою въ Піемонтѣ, русскою въ Краковѣ, нигдѣ она не была французскою и вездѣ — контръ-революціонною“.

Эта рѣчь, исполненная пылкости и здраваго ума, привела Гизо въ замѣшательство. Ясно было видно, что внѣшняя политика была такъ же печальна, какъ и внутренняя; что министерство, колеблясь между боязнью вооружить противъ себя Ав-

стрію и страхомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, не смѣло ни поддержать, ни подавить либеральнаго движенія въ Италіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ забыло настоящую роль Франціи— покровительницы конституціонной свободы въ цѣломъ мірѣ. За отсутствіемъ болѣе серьезныхъ доводовъ, Гизо приводилъ въ свое оправданіе опасеніе парламентскаго большинства и старался доказать, что если бы Франція дѣйствовала болѣе энергически, то ей пришлось бы, какъ въ 1840 году, возстановить противъ себя каолицію четырехъ великихъ державъ. „И зачѣмъ намъ дѣйствовать иначе? Чтобы возстановить свободу Италіи? Но Италія еще не созрѣла для свободы. Затѣмъ, чтобы обуздать Австрію? Но насилія Австріи — не болѣе какъ выдумка, или, по крайней мѣрѣ, поступки ея преувеличены клеветой. Либерализмъ Меттерниха ручается за гуманность австрійскаго правительства!...“

Совершившееся на другой день событіе было жестокимъ возраженіемъ и рѣзкимъ опроверженіемъ словъ министра. Возставшій во имя національности, свободы и ненависти къ притѣсненіямъ, Палермо выдержалъ въ продолженіи двухъ сутокъ огонь неаполитанскихъ эскадръ, распространившій въ городѣ смерть и разрушенье.

Подъ впечатлѣніемъ этой катастрофы Тьеръ является снова на трибунѣ. Онъ напоминаетъ объ убійствахъ, недавно совершенныхъ въ Миланѣ, онъ изображаетъ предъ глазами трепещущихъ слушателей всѣ жестокости, дозволенныя и поощряемыя австрійскимъ правительствомъ, котораго либерализмъ былъ такъ восхваленъ; затѣмъ онъ представляетъ Европу, раздѣленною на два лагеря: къ одному примыкаютъ либеральныя правительства, къ другому—абсолютивныя. Съ каждой побѣдой либерализма и паденіемъ абсолютивнаго правительства, Франція имѣетъ однимъ другомъ больше, однимъ врагомъ меньше. „Итальянцы, соединитесь вмѣстѣ! Государи и народы, заключите союзъ между собою! Тогда всѣ

будутъ уважать васъ. Но если бы кто нибудь сталъ угрожать вашей свободѣ и вашимъ правамъ—знайте, что сердце Франціи еще не остыло; Франція состарѣлась въ славѣ, но въ ней течетъ молодая кровь; она не измѣнилась, и кажется иною только для тѣхъ, кто думаетъ, что она создана по ихъ образцу!...“

Если бы эта великолѣпная рѣчь была вложена въ другія уста, она уничтожила бы министерство. Но предшествовавшая дѣятельность Тьера уменьшала силу его слова. Даже подъ вліяніемъ обаянья, личность Тьера двоилась: ораторъ затемнялся министромъ; въ ораторѣ была видна энергія и горячій патріотизмъ, въ министрѣ—слабость и постоянная борьба съ революціонными началами; мысленно раздѣляя дѣло какъ ораторъ, онъ какъ министръ останавливался предъ его исполненіемъ, и если бы въ будущемъ онъ опять достигъ министерства, то на это будущее никто не полагался. Что значитъ, между прочимъ, этотъ странный совѣтъ—соблюдать трактаты 1815 года, трактаты, которыми въ то же время онъ самъ пренебрегалъ? Не выражаетъ ли этотъ софизмъ непростительной слабости и въ то же время жажды къ пріобрѣтенію популярности. Оттого Гизо могъ, съ такою смѣлостью, послать Тьеру жестокій отвѣтъ, „что разница между ними заключается только въ различіи ихъ положеній, и что на его мѣстѣ Тьеръ говорилъ и поступалъ бы точно также, какъ говоритъ и поступаетъ онъ.“ При этомъ случаѣ Барро сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что если трактаты 1815 года существуютъ еще de facto, то они уже не существуютъ de jure; что съ паденіемъ краковской республики уничтожаются и самые трактаты, и что Франція, какъ въ Италіи, такъ и вездѣ, не связана никакими обязательствами, кромѣ обязательствъ, налагаемыхъ на нее ея собственною честью и ея интересами.

Тотъ же антагонизмъ и та же непослѣдовательность высказались въ преніяхъ по поводу швейцарскихъ дѣлъ. По мѣрѣ того, какъ пренія становились серьезнѣе, ораторскій та-

лантъ Тьера высказывался все болѣе и болѣе. Но какъ ни велико было его достоинство въ этомъ отношеніи, оно не могло маскировать его ложнаго положенія. Всѣ были согласны съ нимъ въ томъ, что Швейцарія въ продолженіи шестидесяти лѣтъ неизмѣнно подчинялась революціонному движенію во Франціи; что дѣло Зондербунда и Арговійскихъ монастырей было только однимъ изъ эпизодовъ борьбы за свободу; что іезуитская партія была партіей старыхъ идей; что убійства въ Ваатландскомъ кантонѣ заранѣе предсказывали насилія контръ-революціи, если бы, къ несчастью для цивилизаціи, она могла когда нибудь восторжествовать. Но смотря на то, что Тьеръ вполнѣ раздѣлялъ эти мысли, всѣ слушатели вспомнили, какъ онъ, въ 1836 году, хотѣлъ ввести французскія войска въ Швейцарію и за одно съ Австріей стращалъ ее своимъ вмѣшательствомъ.

Но краснорѣчіе Тьера поколебало наконецъ самыя упорныя убѣжденія. „Я не радикалъ, говорилъ онъ, я не радикалъ, — это знаютъ сами радикалы, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только слѣдить за ихъ журналами. Но пусть же наконецъ будутъ вамъ извѣстны мои убѣжденія: я принадлежу къ партіи, желающей революціи какъ во Франціи, такъ и въ цѣлой Европѣ. Я бы желалъ, чтобы революціонное правительство находилось въ рукахъ умѣренныхъ людей, и я употреблю всѣ свои силы, чтобы поддержать это желаніе. Но если бы правительство перешло даже къ людямъ не столь умѣреннымъ, какъ я и мои друзья, а къ людямъ горячимъ и даже, пожалуй, радикаламъ, то и въ этомъ случаѣ я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, и въ этомъ случаѣ я всегда буду стоять за дѣло революціи.“ Это обязательство, выраженное съ твердостью, которая придавала ему еще большую силу, обезоружило враговъ Тьера. Никто не сомнѣвался болѣе въ его рѣшимости, и каждый считалъ бы для него

оскорбленіемъ допустить возможность того, чтобы онъ измѣнилъ этому торжественному признанію.

Гизо, совершенно растерявшійся при видѣ торжества Тьера, хотѣлъ было прекратить пренія; онъ даже пробовалъ еще разъ изобразить противорѣчіе между словами и поступками Тьера, но его аргументы потеряли уже свою силу. Даже между парламентскимъ большинствомъ поднялось волненіе, когда министръ объявилъ, что Франція намѣрена вмѣшаться въ дѣла гельветическаго сейма, потому что на немъ восторжествовалъ радикализмъ.

Дѣло республики Ріо-де-ла-Платы, взятіе Абд-эль-Кадера и португальскія дѣла, въ которыхъ Франція принимала участье за одно съ Англіей, чтобы защищать насиліе и вѣроломство, — всѣ эти вопросы остановили вниманіе палаты на непродолжительное время. Затѣмъ перешли къ самому капитальному вопросу этого засѣданія, къ вопросу о банкетахъ.

XIV.

Поддерживаемое и усиливаемое различными причинами, нетерпѣніе общества все болѣе и болѣе увеличивалось. Къ чему приведетъ оппозицію справедливое негодованье за недавнюю обиду? Будетъ ли консервативная партія, испытавшая столько пораженій на банкетахъ, слѣдовать до конца своей политикѣ, гибельныя послѣдствія которой она уже предъугадывала? Что будетъ дѣлать дворъ? Пожертвуетъ ли король своимъ тономъ ради удовлетворенія своему самолюбію? Останется ли неизлечимымъ ослѣпленіе Гизо? Не воспользуется ли этимъ удобнымъ случаемъ Дюшатель, чтобы отдѣлиться отъ министерства? Наконецъ, каковъ будетъ послѣдній результатъ этой борьбы, такъ грозно начатой? — Вопросы эти, становившіеся все болѣе и болѣе настоятельными,

до крайности возбуждали любопытство, страсти и раздраженіе въ обществѣ.

Вскорѣ узнали, что идея о примиреніи все болѣе и болѣе распространялась между консерваторами. Не только консерваторы прогрессисты, но даже самые закоренѣлые изъ этой партіи уже начинали сомнѣваться въ спокойномъ окончаніи трудваго положенія дѣлъ. Эти мудрецы, собравшись въ третьемъ бюро палаты, рѣшились отправиться къ двумъ главнымъ министрамъ, чтобы убѣдить ихъ принять предложеніе о примиреніи. Дюшатель колебался принять его, но Гизо отказалъ на отрѣзъ. Посредники удалились побѣжденными и только небольшое число изъ нихъ все еще стояло на своемъ.

Съ своей стороны организаторы банкета двѣнадцатаго округа одно время колебались начать процессъ, но отказъ, объявленный префектомъ и объявленіе сдѣланное министромъ внутреннихъ дѣлъ въ палатѣ перовъ о томъ, что впередъ правительство не намѣрено разрѣшать банкетовъ, устранили всякую нерѣшительность. Когда исчезла надежда на примиреніе, рѣшено было обратиться къ защитѣ закона. Депутаты, журналисты и члены центральнаго комитета собрались у Барро и рѣшили, что честь требуетъ защищать право собранія и что послѣ окончанія преній объ адрессѣ будетъ приступлено къ дѣлу.

XV.

Наступило 7 февраля. Пренія по вопросу о банкетахъ начались. Дювержье де Гораннъ первый выступилъ съ своею ясною, открытою и энергическою рѣчью:

„Оппозиція предлагаетъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе не одной только палатѣ, но цѣлой странѣ. Оспаривать законность банкетовъ невозможно. Мы готовы помогать всякому законному дѣлу; повиноваться закону и сопротивляться произволу — вотъ

двойная обязанность свободныхъ народовъ.... Насъ упрекаютъ въ согласіи, существующемъ между лѣвой стороной и радикалами; но развѣ основаніе этого согласія не имѣетъ источникомъ коалицію 1839 года? А давно ли начали порицать эту коалицію? Развѣ въ ней не участвовали четыре теперешнихъ министра: Гизо, Дюшатель, Геберъ и Дюмонъ?... Оппозицію упрекаютъ въ томъ, что она не провозгласила тоста за короля; но развѣ пятидесятивосьмилѣтняя революція не даетъ права не провозглашать въ политическомъ собраніи королевскаго имени, и развѣ цѣль банкетовъ не заключается въ томъ, чтобы представить странѣ печальныя послѣдствія личнаго правленія?... Вы обвиняете насъ въ томъ, что нами двигаютъ слѣпыя и враждебныя страсти, — мы же съ своей стороны, обвиняемъ васъ въ низкихъ и алчныхъ страстяхъ, на основаніи которыхъ вы надѣетесь укрѣпить свою власть. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы волнуемъ страну для удовлетворенія какого то жалкаго самолюбія, — мы же обвиняемъ васъ, подобно тому, какъ вы обвиняли другихъ, въ стремленіи развратить народъ, чтобы потомъ поработить его и сдѣлаться навсегда его эксплоататорами. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы своими рѣчами хотѣли придать силы крайнимъ партіямъ, желающимъ ниспровергнуть общественный и политическій порядокъ, — мы же обвиняемъ васъ въ томъ, что вы своими поступками даете крайнимъ партіямъ ту точку опоры и тотъ рычагъ, котораго имъ недостаетъ.“ Въ заключеніе Дювержье объявилъ, что по его мнѣнію политическіе банкеты дозволены закономъ и что его друзья намѣрены продолжать пользоваться этимъ законнымъ средствомъ къ агитаціи. Эти слова были единогласно одобрены всей оппозиціей. Мари, въ своей рѣчи, замѣчательной возвышенностью идей, пылкостью и непоколебимостью убѣжденій, отъ имени радикаловъ утвердилъ это одобреніе.

Пренія разгораются. Малевиль уничтожаетъ Гизо важностью удачно приводимыхъ имъ фактовъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ

нападеніе на Дюшателя: „Вы жалуетесь на то, что мы на банкетахъ нападали на вашу политику. Развѣ вы въ вашихъ журналахъ не оскорбляли ежедневно оппозицію самыми жестокими обвиненіями? Но мы не обращаемъ на это вниманія, потому что понимаемъ значеніе этихъ оскорбленій, и вы сами знаете, чего онѣ стоятъ.“ Задѣтый за живое, Дюшатель всходитъ на трибуну. Если онъ и былъ одну минуту въ нерѣшительности, то теперь онъ не колеблется. По его мнѣнію, право собранія не существуетъ, и онъ рѣшился сопротивляться:

„Я не колеблясь скажу, что если кто нибудь думаетъ, будто правительство, исполняя свой долгъ, уступитъ предъ какими бы то ни было манифестаціями, тотъ ошибается; нѣтъ! правительство ни за что не уступитъ имъ.“

Въ отвѣтъ на эту неумѣренную выходку лѣвая сторона приходитъ въ волненіе и отвѣчаетъ: „Вы произносите низкія слова, вы употребляете собственныя выраженія Карла X.“ Пренія прерываются вопросами, криками; непрерывныя „браво“ центра покрываютъ все. Но министръ продолжаетъ: онъ опять повторяетъ только что сказанныя имъ королевскія выраженія, которыя, по его мнѣнію, далеко не оскорбительны и даже слишкомъ умѣренны.

Барро опровергаетъ и доктрину и слова министра; онъ видитъ опасность положенія, онъ указываетъ на нее и заранѣе снимаетъ съ себя и своей партіи всякую отвѣтственность: „Нравственное состояніе страны ужасно; она стоитъ на краю пропасти, въ которую хотятъ ее низвергнуть. Общественное мнѣніе возмущается и противодѣйствуетъ правительственной системѣ.... Есть еще средство успокоить Францію, но вы отвергаете это средство. И такъ, тотъ путь, по которому мы идемъ, грозитъ намъ насиліемъ и государственными переворотами, но мы не будемъ отвѣчать за нихъ.“

XVI.

Между тѣмъ одна важная несообразность бросилась всѣмъ въ глаза: если банкеты уже были, то значитъ они не запрещены закономъ; если же законъ дозволяетъ ихъ, то какъ же министерство, терпѣвшее ихъ до сихъ поръ, можетъ запрещать ихъ на будущее время? Буассель, депутатъ двѣнадцатаго округа, назначенный предсѣдателемъ банкета, объявилъ, что это запрещеніе оскорбляетъ его довѣрителей. Канцлеръ, увертываясь отъ этого вопроса, началъ развивать ту извѣстную деспотическую фразу, что все положительно не дозволенное—запрещено, и что общество не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ хартіи.—„А право дышать!...“ Но это восклицаніе не остановило его и онъ продолжалъ развивать свою теорію, сопровождая свою рѣчь выразительными жестами и игрой физіономіи.

Всеобщее удивленіе овладѣваетъ цѣлою палатою. Ледрю-Ролленъ съ необыкновеннымъ искусствомъ пользуется этою минутою. Ловко избѣгая вопроса о банкетахъ въ Лиллѣ, Шалонѣ и Дижонѣ, преднамѣренно поднятаго противъ него, онъ нападаетъ на доктрину министра и уничтожаетъ ее силою своихъ неопровержимыхъ доводовъ. Но министръ не отступаетъ: поблѣднѣвъ отъ злости, онъ снова всходитъ на трибуну, настаиваетъ на своей теоріи, доводитъ ее до крайности и увлекается до того, что обращается къ палатѣ съ угрозами. Необыкновенное движеніе овладѣваетъ всѣмъ собраніемъ; вся палата превращается въ одну общую трибуну. „Они перещеголяли реставрацію!“ говоритъ Барро. „Это настоящая контръ-революція!“ подхватываетъ Гарнье-Пажесъ. Эти два восклицанія производятъ на негодованье, таившееся въ сердцахъ, дѣйствіе искры на пороховой приводъ. Какъ бы по голосу одного человѣка, вся оппозиція поднимается съ своихъ мѣстъ,

протягивая руки къ скамьямъ министровъ: „Ни Полиньякъ, ни Пейронне́ никогда не выражались такимъ образомъ!“ восклицаетъ Барро. „Это низкія слова“, говоритъ Куртэ!— „Это вступленіе къ насильственнымъ мѣрамъ!“ — говоритъ Лараби. Крики ненависти и злобы раздаются со всѣхъ сторонъ, подобно огню перестрѣлки. Центръ, подъ вліяніемъ этого толчка, яростно сопротивляется; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „къ порядку! къ порядку!“ Геберъ, пользуясь минутной тишиной, обращается къ Барро и требуетъ отъ него отчета въ его словахъ, которыя, къ великому стыду легитимистовъ, называетъ оскорбительными. Барро обращается среди этого шума къ министру, блѣдному, разстроенному, съ слѣдующими громовыми слозами: „Да, вы, министры народной Іюльской революціи, вы, власть которыхъ была освящена кровью мучениковъ свободы, вы оспариваете право, которое признавали и уважали даже министры временъ реставраціи въ минуту ея паденія. Это фактъ и фактъ неизгладимый! Вы нарушили то, что уважалъ даже Полиньякъ!...“ Всѣ министры молчатъ, но консерваторы обращаются съ угрозами. Оппозиція раздражается до крайности. Смятеніе достигаетъ высшаго предѣла. Болѣе умѣренные обращаются къ посредству президента; но его нигдѣ не видно; начинаютъ искать его, но онъ исчезъ. Всеобщій споръ кончается сумятицей; депутаты выбѣгаютъ изъ палаты. Волненіе распространяется вмѣстѣ съ ними по городу, который приходитъ въ трепетъ отъ шума этой странной сцены, бывшей въ одно и то же время воспоминаніемъ и предсказаніемъ кризисовъ, предшествующихъ быстрому паденію.

Вечеромъ того же дня, 9 февраля, самъ Дюшатель подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній писалъ записку къ Гизо: „Это засѣданье подѣйствовало весьма неблагопріятно. Геберъ зашелъ слишкомъ далеко въ концѣ своей рѣчи. Такъ говорятъ всѣ, кого я видѣлъ послѣ засѣданья. Надобно успокоить па-

лату. Это можетъ повести насъ прямо къ возмущенію, противъ котораго впрочемъ я принялъ всѣ предосторожности.

„Преданный вамъ“

VXII.

Смятеніе, хотя менѣе шумное, но столь же глубокое, продолжалось и на другой день. Дарблé первый сдѣлалъ предложеніе о примиреніи. Хотя предложеніе это и было проникнуто разумнымъ духомъ примиренья, но основанье его было ложно: непріятное министерству и большинству, оно въ тоже время казалось обиднымъ и для оппозиціи. Барро энергически отвергнулъ его. Послѣ него Тьеръ съ такою же энергіей заступался за права меньшинства, въ рѣчи, въ которой слышались слѣдующія революціонныя выраженія: „Мое право написано въ хартіи, оно принадлежитъ мнѣ; это право также священно, какъ королевское достоинство!“ — „Если бы вы сидѣли на этой скамьѣ, дерзко отвѣтилъ Гизо, вы поступали бы также какъ и мы.“ — „Никогда, возразилъ Барро; я вамъ ручаюсь за противное!“ Никогда—великое слово, и Тьеръ остерегся произнести его. Предложеніе Дарбле было отвергнуто почти единогласно.

Демуссо-де-Живре сдѣлалъ предложеніе объ исключеніи изъ адресса оскорбительныхъ выраженій, заключавшихся въ рѣчи короля. Это повело бы къ настоящему мирному разрѣшенію вопроса. Ламартинъ, котораго впослѣдствіи обвиняли въ возбужденіи революціи, поддержалъ это предложеніе въ своей рѣчи, которая произвела глубокое впечатлѣніе даже на центръ.

„Какъ можно было,—говорилъ онъ,—этой странѣ чести не возмутиться противъ подкуповъ, которые подобно грязной волнѣ подступали уже къ самому подножью власти? Какъ

ей было молчать въ то время, когда наша иностранная политика приносилась въ жертву семейнымъ интересамъ и Франція была стѣснена контръ-революціей? Мы говорили тогда открыто, а теперь вы осмѣливаетесь запрещать выраженія патріотическихъ чувствъ и наложить полицейскую лапу на уста Франціи! Знаете ли вы, что такое было „Jeu de Pomme?“ Это было общественное собраніе, закрытое властью и вновь открытое народомъ!...“

Наконецъ нужно было приступить къ вотированію адресса. Если успѣхъ будетъ на сторонѣ министерства, оно объявитъ безпощадную войну, которая можетъ повести Богъ знаетъ къ чему; въ противномъ случаѣ — электричество разрядится и монархія спасена. Послѣдовательно вотируютъ за и противъ адресса. Бюро колеблется; успѣхъ подлежитъ сомнѣнію. Томленіе, овладѣвшее сердцами, высказывается въ общемъ движеніи; всѣ необыкновенно изумлены, министры и ихъ приближенные выражаютъ озлобленіе. Они требуютъ прежде балотировки адресса по частямъ, а потомъ тайной балотировки. Перекличка происходитъ цѣлый часъ, часъ томленій, противоположныхъ надеждъ, разнообразныхъ чувствъ. Въ эту урну падаетъ жребій монархіи! Изъ 413 голосовъ, 228 были за министерство, 185 за оппозицію. Абсолютное большинство состояло только изъ 21 голоса.

Президентъ палаты, Созе, повинуясь приказанію министерства, тоже вотировалъ, въ то время, когда самыя простыя правила приличія требовали его молчанія. Оппозиція объявила ему, что ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ болѣе посѣщать его, и въ тоже время рѣшилась не являться къ королю.

Когда наступила очередь вотировать слѣдующій параграфъ проекта адресса: „Волненія, возбуждаемыя враждебными страстями и слѣпыми заблужденіями, падутъ предъ судомъ общественнаго мнѣнія, просвѣщеннаго нашими свободными пре-

ніями,“ — оппозиціонные депутаты безмолвно и неподвижно оставались на своихъ скамьяхъ во все время балотировки. 223 голоса было подано за этотъ параграфъ, 18 противъ него. Безъ этихъ восемнадцати голосовъ балотировка не имѣла бы никакого значенія. Но эта маленькая фаланга посредниковъ не рѣшилась допустить такой крайности.

XVIII.

Такимъ образомъ оппозиція была окончательно побѣждена. Большинство, соединенное съ королемъ, подобно ему отомстило за свои обиды. Въ ожиданіи рѣшенія, которое будетъ внушено меньшинству заботою объ удовлетвореніи своей оскорбленной чести, палатѣ оставалось еще вотировать эти послѣднія слова адресса: „.... и посредствомъ выраженія всякихъ законныхъ мнѣній....“ Балотировка этого послѣдняго мѣста адресса была отложена по поводу предложенія Саландруза, заключавшагося въ слѣдующихъ словахъ: „Среди этихъ различныхъ манифистацій, ваше правительство съумѣетъ различить истинныя и законныя желанья страны; оно, мы надѣемся, возьметъ на себя иниціативу благоразумныхъ и умѣренныхъ реформъ, требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ парламентская реформа. Въ конституціонномъ государствѣ союзъ главныхъ властей государства даетъ возможность безопасно слѣдовать политикѣ прогресса и въ то же время удовлетворять всѣмъ нравственнымъ и матерьяльнымъ нуждамъ страны.“

Саландрузъ, извѣстный промышленникъ, товарищъ по воспитанію герцога Орлеанскаго, былъ связанъ съ нимъ тѣсной дружбой и даже послѣ смерти герцога очень дружелюбно былъ принятъ во дворцѣ. Онъ благородно сопротивлялся убѣдительнымъ просьбамъ короля, который приглашалъ его взять назадъ свое предложеніе, изложенное имъ въ прилич-

номъ и умѣренномъ тонѣ. Такъ какъ оппозиція не вступала въ преніа, то онѣ и ограничились обѣими консервативными партіями. Клапье (изъ Марсели) и Бланки старшій искусно поддерживали Саландруза. Но всѣ усилія ихъ должны были пасть передъ сопротивленіемъ, дѣлавшимся все болѣе и болѣе безпощаднымъ и не подававшимъ ни малѣйшей надежды на какую нибудь уступку. Самъ Морни не выдержалъ. Устраняя всѣ положительныя редакціи адресса, онъ требовалъ отъ министерства, чтобы оно обѣщало приступить къ какимъ бы то ни было реформамъ. Можетъ быть это было не болѣе какъ диверсія или отговорка, но во всякомъ случаѣ она представляла путь къ выходу. Дыханье становится свободнѣе: кажется, что вотъ сколько нибудь ослабнетъ это напряженное состояніе и опасность пройдетъ мимо. Гизо принужденъ говорить; онъ всходитъ на трибуну среди глубокаго молчанья. Рѣшенье его твердо и ясно: въ этомъ году онъ ничего не намѣренъ предпринимать; въ будущемъ онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ; и такъ какъ консервативная партія не соглашается съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы добиться этого согласія; если же онъ не успѣетъ въ этомъ, если главная партія, во главѣ которой онъ стоитъ, не прійдетъ къ соглашенію по этому важному вопросу, то онъ скорѣе удалится изъ министерства, но не разстроитъ консервативной политики.

Это формальное объявленіе, этотъ положительный отказъ не только во всякой реформѣ, но даже въ малѣйшей надеждѣ на нее, возбудили въ палатѣ сильнѣйшіе безпорядки. Засѣданіе закрывается. Беррье всходитъ на трибину, но оппозиція хочетъ, чтобы вотированье происходило тотчасъ же, подъ впечатлѣніемъ этого отказа,—и Беррье сходитъ съ трибуны. Многіе изъ членовъ большинства, изумленные, бросаются къ министрамъ; они умоляютъ президента совѣта возвратиться снова къ этому важному вопросу; его окружаютъ со всѣхъ

сторонъ, уговариваютъ. Но онъ, безмолвный, непоколебимый, похожій на статую слѣпой воли, не отвѣчаетъ даже на просьбы своихъ друзей. Въ другой части палаты такое же волненіе. Вездѣ слышатся одни и тѣже слова. „Вотировать, вотировать! Ни слова болѣе! Теперь все рѣшено! Страна предупреждена: теперь она только сама можетъ помочь себѣ!“ Саландрузъ всходитъ опять на трибуну; онъ умоляетъ министерство подумать; онъ требуетъ отъ него только одного обѣщанія и готовъ ради него пожертвовать своимъ предложеніемъ. Министры по прежнему безмолвствуютъ.

Но надобно было вотировать. Каковъ то будетъ результатъ балотировки? Прогрессивные консерваторы уже рѣшились; другія партія озлоблены за пренебреженіе къ ихъ доводамъ, и многія изъ нихъ начинаютъ сознавать опасность. Результатъ вотированья сомнителенъ; министерство вѣроятно потерпитъ неудачу. Но Гизо, погубившій себя своею собственною ошибкою, спасенъ ошибкою своихъ антагонистовъ. Тьеръ и Ремюза, чувствуя, что они приближаются къ власти и стараясь съ этой минуты отыскать себѣ почву внѣ оппозиціи, хотятъ довершить уничтоженіе консервативной партіи. Тогда отдѣлившіеся консерваторы одумываются и примыкаютъ опять къ своей партіи. Побѣда оказалась на сторонѣ министерства. Но министерское большинство опять уменьшилось десятью голосами.

Теперь оставалось вотировать весь адрессъ; оппозиціи опять представлялся случай парализовать это вотированье. Если бы вся оппозиція рѣшилась не вотировать, то одна министерская партія никогда бы не могла имѣть 230 шаровъ, необходимыхъ для того, чтобы вотированье считалось дѣйствительнымъ, и адрессъ былъ бы отвергнутъ. Такимъ образомъ большинство доказало бы, что оно не раздѣляетъ королевскихъ оскорбленій; волненіе, можетъ быть, уменьшилось бы; положеніе сдѣлалось бы менѣе натянутымъ, и событія или не представлялись бы болѣе въ

угрожающемъ видѣ, или отдалились бы. Тьеръ и въ этомъ случаѣ былъ причиной запутанности. Рѣшившись не вотировать и ушедши даже изъ палаты, онъ снова возвратился, чтобы пригласить своихъ друзей не подавать собой дурнаго примѣра, удерживаясь отъ вотированья. Но и эта неожиданная помощь дала адрессу всего только 244 голоса.

Засѣданье кончилось среди угрожающаго волненія. Было семь съ половиною часовъ вечера.

XIX.

Эти пренія, начатыя 22 января и оконченныя 12 февраля, заняли собой двадцать два засѣданья. Эти засѣданья были исполнены той злобы, той ненависти, тѣхъ взаимныхъ обвиненій, того раздраженья страстей, которыя предсказываютъ большіе перевороты.

И между тѣмъ никто не думалъ объ этихъ переворотахъ; какъ бы ни было быстро ихъ приближеніе, ихъ еще легко можно было избѣжать.

Оппозиція могла бы быть удовлетворена немногимъ. Она достигла своей цѣли посредствомъ банкетовъ, открывшихъ глаза обществу; обратившись непосредственно къ общественному мнѣнію, она склонила его въ свою пользу. Разумѣется, въ палатѣ она потерпѣла оскорбительное пораженіе; но за то общественное мнѣніе начинало уже дѣйствовать на парламентъ. Парламентское большинство, столь могущественное наканунѣ выборовъ, теперь начинало колебаться и съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше, теряло свои надежды, свою рѣшимость, своихъ членовъ, и послѣ небольшихъ усилій готово было разстроиться. Оппозиція могла еще ожидать, ей слѣдовало только немедленно требовать одного,—чтобы безуміе ея враговъ не заставило ее выбирать одно изъ двухъ—позоръ или возмущеніе народа.

Что касается кабинета, то онъ могъ еще выбирать тотъ или другой путь. Не жертвуя ни однимъ изъ принциповъ консервативной политики, онъ могъ въ извѣстной мѣрѣ подчиниться требованьямъ страны; ни въ чемъ не уступая настояніямъ своихъ враговъ, онъ могъ по крайней мѣрѣ подать своимъ друзьямъ надежду въ будущемъ. Если необходимость реформъ, этого зла, котораго министерство прежде не признавало, казалась теперь страшною, то это служило еще большимъ поводомъ къ тому, чтобы примириться съ этимъ зломъ и не напрягать болѣе своихъ силъ, для унитчоженія его. Благоразуміе требовало прежде всего не увеличивать добровольно опасности. Въ вопросѣ о банкетахъ дѣло шло о чести оппозиціи; самолюбіе министерства нисколько не было въ немъ затронуто, и оно само сомнѣвалось еще въ незаконности права собранія. Было бы безуміемъ дальше сопротивляться требованіямъ оппозиціи, которой оставалось только выбирать между самоубійствомъ въ безчестіи и спасеніемъ въ сраженіи. Наконецъ если министерство, доведя свои оскорбленія до отказа въ реформахъ, не хотѣло даже отказаться отъ неосторожнаго вызова, то его разстроенное уже большинство, династическіе и особенно монархическіе интересы обязывали его не рисковать больше ничѣмъ, какъ только самимъ собой, и не проигрывать всего въ одну отчаянную ставку.

Король былъ ослѣпленъ не менѣе другихъ. Онъ могъ скорѣе чѣмъ его министры ослабить безъ всякой опасности это напряженіе умовъ, но онъ находился подъ двойнымъ вліяніемъ гордости и старости. Онъ давно уже лишился здраваго смысла и подчинялся одной только своей гордости. Онъ думать, что тѣ же самыя средства, которыя уже нѣсколько разъ послужили ему къ устраненію препятствій, могли пригодиться ему и теперь; онъ желалъ еще разъ испытать эти средства и считалъ слабостью прибѣгать къ другимъ. Онъ не хотѣлъ сознать того, что про-

должительное царствованіе всегда вызываетъ ненависть и надежды враговъ. Онъ не хотѣлъ также знать и того, какой громадной, разрушительной силой обладаетъ духъ нововведеній въ ту минуту, когда всѣмъ уже надоѣла безсильная власть. И, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые уже пресытились своимъ благосостояніемъ, король уважалъ только одного себя и слушалъ только однихъ льстецовъ.

Такимъ образомъ ничто не дѣйствовало на него, ни разсужденія, ни опытность, ни совѣты друзей, ни предостереженія враговъ, ни даже громко высказанная ими надежда на скорую побѣду. Король, министры и парламентское большинство всѣ вмѣстѣ стремились въ пропасть. Эта могущественная монархія, эта блитательная династія, этотъ мудрый король, эти искусные государственные люди, все должно было погибнуть отъ одного дуновенія народной силы. Судьбѣ угодно было сдѣлать баррикаду и колыбелью и могилой іюльской монархіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маррастъ совѣтуетъ депутатамъ выйти всѣмъ вмѣстѣ въ отставку; собраніе радикаловъ у Мари, съ цѣлью обсудить это предложеніе; рѣшеніе этого вопроса отложено. — Общее собраніе депутатовъ оппозиціи въ café Durand; предложеніе Марраста отвергнуто, равно какъ и предложеніе о подачѣ обвинительнаго акта противъ министерства; оппозиція намѣрена поддерживать право собранія; назначеніе редакціоннаго комитета, который на слѣдующій день публикуетъ во всѣхъ журналахъ цѣль этого собранія, пренія, въ немъ происходившія, и рѣшенія, къ которымъ онѣ привели. — Одинъ только депутатъ, Эм. де Жирарденъ, выходитъ въ отставку. — Представленіе адресса королю; ни одинъ изъ членовъ оппозиціи не участвуетъ въ депутаціи; безмолвное неудовольствіе короля. — Разговоръ герцога Монпансье съ Морни. — Частный пріемъ въ Тюльери; визитъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ консерваторовъ; холодный и презрительный пріемъ короля. — Недовѣрчивость къ національной гвардіи; всеобщія волненія; состояніе умовъ въ Парижѣ. — Собраніе у Барро членовъ комитета двѣнадцатаго округа; соединеніе ихъ съ общимъ комитетомъ депутатовъ, журналистовъ и избирателей; организація банкета пріостановлена; назначеніе коммиссіи для завѣдыванья приготовленіями къ банкету; затрудненія въ пріисканіи помѣщенія; предложеніе Морни; недовольство.—Journal des Debats старается ослабить рѣчь Гизо противъ реформъ; оскорбленіе, нанесенное этимъ самымъ ревностнымъ консерваторамъ.—Военныя приготовленія правительства.—Коммиссія назначаетъ банкетъ на 22 февраля; объявленіе объ этомъ въ журналахъ.—Собраніе 19 числа въ café Durand; отчетъ Барро о трудахъ коммиссіи; Дарбле пытается, отъ имени нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей консерваторовъ, отвлечь оппозицію отъ ея экстра-парламентскаго способа сопротивленія; Ламартинъ отвѣчаетъ, что въ виду позора и гибели страны остается одно только гражданское мужество; листъ покрывается подписями. — 20 числа оппозиціонные журналы даютъ отчетъ въ этомъ собраніи и его рѣшеніи и взываютъ къ спокойствію народа. Нѣсколько консервативныхъ депутатовъ дѣлаютъ новыя попытки къ примиренію; король, Гизо и Геберъ отвергаютъ ихъ; Дюшатель склоняется на примиренье и увлекаетъ за собою большинство совѣта; вслѣдствіе этого министерство

назначаетъ для веденія переговоровъ Морни и Вите, а оппозиція — Малевиля, Дювержье де Горанна и Берже; заключеніе условій; честь оппозиціи будетъ сохранена поддержкой права собранія: банкетъ долженъ быть отложенъ и вопросъ о немъ отданъ на судъ трибуналовъ. — Флоконъ сознается въ печальномъ положеніи журнала la Reforme.—Исключительные радикалы присоединяются къ реформистской коалиціи; Ледрю-Ролленъ будетъ участвовать въ банкетѣ. — Барро соглашается на предложеніе Луи Блана, чтобы работники занимали особенное мѣсто въ кортежѣ. — Согласіе со школами. — Условія мирной и торжественной манифестаціи приняты всѣми; департаменты выражаютъ свое согласіе и поздравленіе. — Будетъ ли національная гвардія вооружена саблями во время шествія кортежа? — Министерство отдаетъ приказанія, сообразныя съ заключенными условіями. — 21 числа журналы публикуютъ программу манифестаціи. — Программа.

I.

Въ день вотированья адресса, одинъ изъ журналистовъ, Маррастъ, предложилъ оппозиціоннымъ депутатамъ выступить всей массой изъ палаты. Это былъ новый способъ манифестаціи, и онъ соблазнилъ нѣкоторыхъ горячихъ людей. Рѣшено было обсудить этотъ вопросъ на слѣдующій день.

На другой день, въ десять часовъ утра, нѣсколько радикальныхъ журналистовъ, депутаты крайней лѣвой стороны и нѣсколько радикальныхъ членовъ центральнаго комитета собрались у Мари. Маррастъ изложилъ свою мысль: предлагаемое имъ средство представляетъ законную и безопасную манифестацію, на которую согласятся всѣ, даже самые робкіе, и посредствомъ которой можно успѣшно дѣйствовать на департаменты; съ своей стороны, оппозиціонная пресса приведетъ палату въ смущенье; отчеты объ избирательныхъ собраніяхъ заступятъ въ журналахъ мѣсто отчетовъ о засѣданіяхъ палатъ; страна будетъ удивлена и прійдетъ въ волненіе, парламентское большинство разстроится, — такимъ образомъ система министерства должна будетъ пасть.

Гарнье-Пажесъ съ большой энергіей напалъ на предложеніе Марраста: онъ считалъ его во всѣхъ отношеніяхъ опа-

снымъ (только, разумѣется не для себя, потому что избраніе его вновь было несомнѣнно), потому что если только на новыхъ выборахъ не будутъ вновь избраны десять депутатовъ на сто или даже на сто пятьдесятъ, то эта демонстрація послужитъ въ пользу министерства; сверхъ того она можетъ помѣшать банкету, а отказаться отъ банкета значило отказаться отъ самой манифестаціи, что могло повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ; наконецъ это было бы равносильно отреченію отъ дѣла, а кто отрекается отъ дѣла, того надо считать погибшимъ.

Мари, напротивъ того, одобрялъ предложеніе Марраста. „Если вы уже готовы къ революціи, говорилъ онъ, такъ давайте вашъ банкетъ; если же вы еще не готовы, то банкетъ будетъ только возмущеніемъ, а этого я вовсе не желаю!...

„Борьба возможна, возразилъ Мартенъ (Страсбургскій), я такъ думаю. Но замѣна банкета выходомъ изъ палаты можетъ быть одобряема только тѣми, которые боятся вмѣшательства восьмидесяти тысячной арміи. Что касается меня, то я скорѣе соглашаюсь на банкетъ, потому что я убѣжденъ въ томъ, что за него заступится наше право и народъ.“ Мнѣніе Мартена и Гарнье-Пажеса было поддержано Рекюромъ, Карно, Паньеромъ и Дорнесомъ.

Одинъ изъ членовъ палаты предложилъ среднюю мѣру: отставку парижскихъ депутатовъ. Но никто не согласился на это предложеніе.

Мнѣнія были раздѣлены и собраніе не пришло ни къ какому рѣшенію.

Радикальные депутаты отправились на собраніе, въ которомъ участвовали всѣ члены оппозиціи, и которое должно было происходить въ тотъ же день, въ воскресеніе 13 февраля, въ полдень, въ одной изъ залъ café Duland, на бульварѣ Madeleine.

II.

Всѣхъ депутатовъ, участвовавшихъ въ банкетѣ, было сто семь. Почти ни одинъ изъ нихъ не отказался теперь отъ приглашенія въ café Durand. Пренія начались съ предложенія Марраста. Къ извѣстнымъ аргументамъ, приведеннымъ уже въ поддержку этого проекта, Мари, Камболь, Друэнъ-де-Люизъ и другіе привели еще новые. Но ихъ мнѣнію, „выступленіе оппозиціи изъ палаты должно разстроить самую палату. Тогда настроеніе умовъ, при новыхъ всеобщихъ выборахъ, обѣщаетъ оппозиціи рѣшительную побѣду. Такимъ образомъ можно будетъ достигнуть реформы мирнымъ путемъ и избѣгнуть необходимости дать банкетъ двѣнадцатаго округа, который составляетъ теперь еще неразрѣшенный вопросъ, грозящій неизвѣстными бѣдствіями.“

На это имъ отвѣчали, что отставка депутатовъ вѣроятно не повлечетъ за собой закрытія палаты; что большинство останется совершенно спокойно на своемъ мѣстѣ и что оно будетъ продолжать свои пренія само, какъ будто при полномъ составѣ палаты; что дѣло свободы, лишившись своихъ защитниковъ, будетъ отдано на жертву министерству; что кабинету только и нужно отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, и проч. Дювержье де Гораннъ, Ламартинъ и Гарнье-Пажесъ особенно горячо говорили въ защиту этого послѣдняго мнѣнія. Тьеръ молчалъ, но весьма вѣроятно, что онъ сочувствовалъ предложенію Марраста, потому что при выходѣ изъ собранія онъ сказалъ Мари: „Вы вполнѣ правы: это единственная разумная мѣра. Правительство имѣетъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ солдатъ, и оно уже приняло всѣ стратегическія мѣры. Волненіе будетъ подавлено менѣе чѣмъ въ часъ времени.“ — „Такъ отчего же вы не поддержали моего

мнѣнія, сказалъ Мари; вы имѣете большее вліяніе на вашу партію, нежели я.“

Такимъ образомъ проектъ Марраста, который былъ тоже поддерживаемъ Жерарденомъ въ „Presse,“ былъ отвергнутъ. Еще менѣе обращено было вниманія на предложеніе одного изъ членовъ палаты — подать обвинительный актъ на министерство. Затѣмъ рѣшено было слѣдующее: 1) Оппозиція не измѣнитъ своему назначенію; 2) она будетъ во что бы то ни стало поддерживать право собранія; 3) ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ участвовать въ большой депутаціи, назначенной для поднесенія королю адресса палаты. Редакціонный комитетъ, составленный изъ Дювержье де Горанна, Барро, Беррье, Лессепса, де Малевила, Карно, Гарнье-Пажеса и Шамболя, обязанъ былъ опубликовать эти рѣшенія. Вслѣдствіе этого всѣ оппозиціонные журналы публиковали на другой день слѣдующую декларацію:

„Сегодня утромъ было собраніе, состоявшее болѣе чѣмъ изъ ста депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ оппозиціи, съ цѣлью рѣшить сообща: какой образъ дѣйствій слѣдуетъ принять послѣ вотированья послѣдняго параграфа адресса.

„Прежде всего собраніе приступило къ обсужденію того политическаго положенія, въ которое поставилъ его этотъ параграфъ. Оно пришло къ тому заключенію, что вотированный въ этомъ видѣ адрессъ составляетъ со стороны парламентскаго большинства дѣйствительное и дерзкое нарушеніе правъ меньшинства, и что министерство, увлекши такъ далеко свою партію, пренебрегло въ одно и то же время однимъ изъ самыхъ священныхъ принциповъ конституціи, нарушило, въ лицѣ представителей этой партіи, одно изъ самыхъ существенныхъ правъ гражданина, и этою мѣрою, клонившеюся къ спасенію министерства, посѣяло въ странѣ сѣмена раздора и волненій. При такихъ обстоятельствахъ министерство думаетъ, что его

обязанности стали болѣе серьезны, болѣе настоятельны, и что въ виду волненій, приводящихъ въ движенье Европу и безпокоющихъ Францію, ему не возможно ни на одну минуту покидать защиту національныхъ интересовъ. Съ своей стороны и оппозиція рѣшилась неутомимо защищаться и бороться съ контръ-революціонною политикою, дерзкія выходки которой безпокоятъ всю страну.

„Что же касается права собранія гражданъ, права, которое министерство намѣрено подчинить своему произволу и уничтожить для своихъ выгодъ, то собраніе, единогласно убѣжденное, что это право присуще всякой конституціи и сверхъ того положительнымъ образомъ утверждено нашими законами, рѣшилось поддержать и сохранить его всѣми средствами, дозволенными закономъ и конституціей. Вслѣдствіе этого назначена коммиссія для соглашенія съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и для распоряженія сообща сходкою депутатовъ на банкетѣ, который готовится въ смыслѣ протестаціи противъ притязаній произвола.

„Это рѣшеніе принято независимо отъ права, обращаться тѣмъ или другимъ путемъ къ избирателямъ и общественному мнѣнію, которое оставляютъ за собою оппозиціонные депутаты.

„Наконецъ собраніе думаетъ, что кабинетъ, извращая настоящій смыслъ тронной рѣчи и адресса и тѣмъ посягая на права депутатовъ, ставитъ оппозицію въ необходимость высказывать при всякомъ удобномъ случаѣ свое неодобреніе противъ такого злоупотребленія власти; а потому собраніе рѣшило, что ни одинъ изъ членовъ оппозиціи, не исключая и тѣхъ, на долю которыхъ выпадетъ жребій участвовать въ депутаціи къ королю, не будетъ присутствовать при поднесеніи адресса.“

Бильо, Дюфоръ и ихъ друзья не участвовали въ этомъ собраніи. Думали, что причиною ихъ отсутствія была возможность быть призванными правительствомъ къ развязкѣ дѣла.

Одинъ только депутатъ, Эм. де Жирарденъ, вышелъ изъ палаты. „National,“ первый предложившій эту мѣру, выразилъ сожалѣніе, что она была отвергнута; но и онъ все таки склонился на сторону мнѣнія, одержавшаго верхъ. Министерская пресса приняла рѣшеніе оппозиціи за вызовъ, сдѣланный правительству, что и было совершенно справедливо.

III.

14 числа, въ девять часовъ вечера, король принялъ большую депутацію, состоявшую изъ однихъ только министерскихъ депутатовъ; ни одинъ членъ оппозиціи не участвовалъ въ ней; король радовался, что онъ наконецъ обезпечилъ спокойствіе и будущность Франціи; онъ благодарилъ депутатовъ за то, что они явились въ такомъ большомъ числѣ, но въ глубинѣ души былъ оскорбленъ отсутствіемъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Онъ нѣсколько разъ высказалъ это въ кругу своего семейства.

Послѣ окончанія всѣхъ формальностей, пріемъ принялъ характеръ частнаго разговора. Достойны замѣчанья слова герцога Монпансье, сказанныя имъ при этомъ случаѣ. Обратившись къ Морни съ разными комплиментами по поводу его статьи, недавно напечатанной въ „Revue des Deux-Mondes,“ герцогъ просилъ его объяснить ему настоящее положеніе дѣлъ. „Ваше высочество, сказалъ ему въ заключеніе Морни, надобно подумать о томъ, что если всѣ усилія измѣнить положеніе дѣлъ останутся безъ успѣха, то въ день банкета неминуемо произойдетъ столкновеніе въ Парижѣ. Можете ли вы положиться на армію?“ — Герцогъ отвѣтилъ утвердительно; „во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ, мы будемъ дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовала старшая линія; мы падемъ всѣ до одного, а не покинемъ Франціи.“

Раздраженіе короля, дурно скрываемое передъ обществомъ, вскорѣ высказалось. Нѣсколько прогрессивныхъ консерва-

торовъ, вотировавшихъ противъ адресса, не считали нужнымъ присоединиться къ депутаціи; но для того, чтобы объяснить смыслъ своего поступка, они на другой день отправились въ Тюльери. Они были въ пріемной-королевы, гдѣ соблюдался всегда самый строгій этикетъ, когда вошелъ король, сопровождаемый папскимъ нунціемъ. Онъ принялъ ихъ очень холодно. Воздерживаясь отъ своей обычной разговорчивости, онъ старался не говорить ни слова о политикѣ. Клапье былъ депутатомъ департамента Устьевъ Роны; король началъ говорить съ нимъ объ Марсели и сказалъ, что это очень красивый городъ; съ Бланки, депутатомъ Жиронды, онъ говорилъ о бордосскихъ винахъ; наконецъ, обращаясь къ Саландрузу, имѣвшему въ Обиссонѣ фабрику ковровъ, онъ ироническимъ тономъ спросилъ его: „что же, какъ идетъ торговля коврами?“ Саландрузъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа отвѣтилъ ему: „такъ себѣ, довольно плохо, какъ и все прочее.“ Королева взглядомъ поблагодарила автора этого удачнаго отвѣта. Эти вѣрные друзья короля хотѣли предупредить его о томъ, что, судя по письмамъ, получаемымъ изъ департаментовъ, народъ находится въ сильномъ волненіи; но король въ отвѣтъ на это повернулся къ нимъ спиной. Послѣ этой неприличной выходки они удалились. Ихъ немедленно позвали къ принцамъ; это приглашеніе сдѣлано было изъ благосклонности или можетъ быть изъ политическихъ соображеній герцогини Орлеанской; но и тутъ они не нашли себѣ болѣе внимательныхъ слушателей. Принцы, подобно королю, полагались на свою смѣлость. Чѣмъ то они будутъ защищаться въ день битвы?

IV.

Угрозы двора, сдѣлавшись извѣстными всему Парижу, были вскорѣ подтверждены ясными доказательствами. Узнали.

что генералу Тибюрсу Себастіани, командиру первой линейной дивизіи, было поручено разъузнать о настроеніи умовъ въ войскѣ. Національная гвардія уже давно возбуждала подозрѣнія; не смотря на громкія увѣренія генерала Жакмино, командира гвардіи, въ томъ, что его войска останутся вѣрными правительству, многіе не довѣряли этимъ словамъ, и потому ему было приказано сдѣлать въ каждомъ легіонѣ самый строгій выборъ людей, которые могли бы быть призваны въ случаѣ тревоги. Въ то же время одинъ странный случай ясно доказалъ эту недовѣрчивость двора. Тюильерійскіе караулы были заняты отрядами войска и національной гвардіи. Вдругъ среди ночи раздался ружейный выстрѣлъ. Національные гвардейцы не имѣли при себѣ патроновъ, и такимъ образомъ они узнали, что солдаты были уже снабжены ими. Кромѣ того пронесся слухъ, что маршалъ Бюжо, слывшій человѣкомъ неумолимо жестокимъ, долженъ сдѣлаться военнымъ министромъ и что его назначеніе, уже подписанное королемъ, будетъ оффиціально объявлено при первомъ движеніи со стороны народа.

Всѣ эти слухи, всѣ эти факты возбуждаютъ различныя чувства.

Подозрительность двора раздражаетъ національную гвардію; ее возмущаетъ это инквизиціонное обращеніе съ ней.

Мелкіе торговцы, страдающіе отъ застоя въ торговлѣ, обвиняютъ кабинетъ, который своимъ упрямствомъ поддерживаетъ кризисъ и какъ будто хочетъ закрыть ему всякій выходъ; люди вполнѣ благомыслящіе заботятся о своемъ спокойствіи; тѣ, которыхъ состояніе поддерживается только спокойствіемъ, трепещутъ отъ страха при видѣ этихъ первыхъ симптомовъ уже знакомыхъ имъ бѣдствій; однихъ эти грозные признаки обуздываютъ, другихъ же, напротивъ, подстрекаютъ; подъ вліяніемъ любопытства, несбыточныхъ

надеждъ и патріотическаго энтузіазма, народъ не страшится никакихъ случайностей столкновенія.

V.

До сихъ поръ никто еще не рѣшался переступать мѣры законнаго сопротивленія. Паньеръ говорилъ въ это время радикальнымъ депутатамъ: „мнѣ кажется, что оппозиціонные депутаты идутъ дальше, чѣмъ они думаютъ и желаютъ идти. Они надѣятся поддерживать движеніе, упираясь на законность; но мнѣ кажется, что они этого не достигнутъ. Что они будутъ дѣлать, что вы будете дѣлать, если это движеніе не остановится?“ — „Мы будемъ поддерживать его, отвѣчали радикалы. Если въ дѣло вмѣшается сила, тогда, какъ это часто повторяли наши товарищи лѣвой стороны, вся отвѣтственность за событія падетъ на министровъ и даже на самаго короля, такъ какъ они вызвали эти событія; мы же, радикалы, съ своей стороны никогда не оставимъ дѣла революціи.“

Такимъ образомъ умѣренные радикалы предвидѣли возможность столкновенія; они принимали это въ соображеніе, зная, что оппозиція публично заявила обязательство поддерживать права народа. Честь ея настоятельно требовала, чтобы законное сопротивленіе было организовано и доведено до конца; но по чувству той же чести, по убѣжденію въ томъ, что торжество ихъ дѣла будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ скорѣе и неожиданнѣе оно совершится, они искренно предпочитали вооруженной битвѣ — громадную мирную манифестацію общественнаго мнѣнія.

Члены комитета двѣнадцатаго округа были созваны на 14 февраля къ Барро. Это были большею частью люди очень горячіе и крайнихъ мнѣній; они не колеблясь рѣшились подчиниться управленію главнаго совѣта депутатовъ, журнали-

стовъ и избирателей. Немедленно же были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Банкетъ долженъ имѣть тысячу подписчиковъ; для составленья картежа будутъ призваны реформистскіе депутаты и возможно большее количество гражданъ, національныхъ гвардейцевъ, избирателей, рабочихъ и воспитанниковъ разныхъ училищъ. Толпа будетъ совершенно безмолвна; ей даже не позволено будетъ кричать: „Да здравствуетъ реформа!“ Президентъ банкета долженъ предложить тостъ за право собранія и за парламентскую реформу; ораторы, назначенные заранѣе, выскажутъ свои мысли на темы, также заранѣе условленныя. Толпа разойдется такъ же спокойно, какъ собралась; каждый гражданинъ обязанъ наблюдать, чтобы никакое подстрекательство или частное столкновеніе не превратило этой великой патріотической демонстраціи въ ничтожное уличное волненіе. Бунтъ можетъ только укрѣпить уже колеблющуюся систему; законная же протестація, совершенная съ сознаніемъ силы и права, съ достоинствомъ людей, чувствующихъ свое право на свободу, сознающихъ то, что они дѣлаютъ и дѣлающихъ только то, чего они желаютъ, можетъ одна низвергнуть кабинетъ или, что все равно, обезпечить успѣхъ реформы. И если, не смотря на всѣ эти предосторожности и энергическое желанье поддержать порядокъ, какая нибудь неосторожная ссора кончится страшной рѣзней, которую исторія запишетъ на своихъ страницахъ, то въ этомъ случаѣ реформисты не несутъ никакой отвѣтственности ни предъ общественнымъ мнѣніемъ, ни предъ потомствомъ, ни предъ совѣстью. Вся отвѣтственность падетъ на настоящихъ виновниковъ катастрофы, на тѣхъ, которые, не признавая ни чьихъ правъ, пренебрегаютъ всѣми требованьями и всѣми предостереженьями.

Эти благоразумныя мѣры были приняты всѣми. Передовые люди изъ республиканцевъ, воспитанники различ-

ныхъ школъ, работники, занимавшіеся политикой, всѣ взяли на себя обязанность сопротивляться всякому возбужденію публики, не давать никакого повода къ ссорѣ, не позволять ничего такого, что могло бы измѣнить характеръ манифестаціи и погубить ожидаемые отъ нея громадные результаты. Съ этой минуты приготовленія къ банкету шли быстро, подъ управленіемъ коммиссіи, состоявшей изъ парижскихъ депутатовъ: Буасселя, Фердинанда де Ластейри и Вавена; изъ членовъ центральнаго комитета: Рекюра, Паньера и Лабелони, и представителей комитета двѣнадцатаго округа: Гобера, Делестра и Боке. Къ нимъ впослѣдствіи присоединился Альтонъ-Се, перъ Франціи.

На другой день въ журналахъ явилась замѣтка слѣдующаго содержанія: „Собраніе, о которомъ мы говорили сегодня утромъ, состоялось сегодня же, какъ было условлено; въ надлежащее время оно сообщитъ публикѣ рѣшенія, уже принятыя имъ, равно какъ и тѣ, которыя будутъ вновь приняты.“

„Относительно этихъ рѣшеній мы должны до извѣстнаго времени хранить молчаніе; но мы можемъ смѣло сказать, что не долго прійдется дожидаться этой манифестаціи, исполненной торжественности, силы и спокойствія, которая будетъ тѣмъ величественнѣе, что, будучи вызвана необходимостью поддержать священное право, она сохранитъ характеръ самой строгой законности.“

VI.

Между тѣмъ встрѣтилось самое обыкновенное препятствіе, которое одно время, казалось, должно было заставить оппозицію отказаться отъ своего дѣла и доставить кабинету торжество. Хотя помѣщеніе для банкета и было назначено въ публичномъ мѣстѣ, но полиція отказывалась дать разрѣшеніе, — не оппозиціи, а хозяину заведенія. Такимъ образомъ

разрѣшеніе вопроса было затруднено. Надобно было искать частное помѣщеніе. Но гдѣ же найти въ Парижѣ такое частное помѣщеніе, которое могло бы вмѣстить въ себѣ тысячу человѣкъ? Гдѣ найти такое мѣсто, котораго окрестности были бы въ состояніи вмѣстить въ себѣ эту громадную парижскую толпу, которую любопытство или необходимость сильныхъ ощущеній привлекаетъ къ великимъ зрѣлищамъ, которую симпатія призываетъ къ сильнымъ выраженіямъ патріотическихъ чувствъ, если даже эти демонстраціи сопряжены съ опасностью? Одинъ изъ консервативныхъ депутатовъ, ясно предвидѣвшій кризисъ въ самомъ началѣ его развитія и искавшій для него мирнаго исхода, Морни, предложилъ для банкета землю, находящуюся въ кварталѣ Beaujon, которая пренадлежала ему вмѣстѣ съ другими владѣтелями. Въ началѣ хотѣли было отказаться отъ этого предложенія, сдѣланнаго противникомъ, но потомъ по необходимости должны были принять его; тогда одинъ изъ совладѣтелей Морни отказалъ въ своемъ согласіи. Наконецъ, послѣ множества усилій, это важное препятствіе было устранено. 20 февраля, Нито уступилъ для банкета свою землю въ Chaillot, подлѣ арки Звѣзды, въ улицѣ, называвшейся тогда rue du Chemin de Versailles, и получившей потомъ названіе, въ память самаго событія, Rue du Banquet.

VII.

Въ это время повсюду распространялись слухи, которые уже одной своей неопредѣленностью и противорѣчіемъ увеличиваютъ возбужденіе умовъ. Такъ какъ „National“ преждевременно объявилъ, что банкетъ будетъ 20 февраля, а между тѣмъ ничего еще не было готово, ни помѣщеніе, ни порядокъ кортежа, ни программа манифестаціи, то надобно было попра-

вить эту ошибку. Обстоятельство это было причиной того, что нѣкоторые подумали, будто оппозиція намѣрена уступить.

Въ это же время „Journal des Débats“ напечаталъ примирительную статью, которая утверждала, что слова Гизо, произнесенныя имъ въ засѣданье 1 февраля, не должны быть понимаемы въ смыслѣ рѣшительнаго отказа во всякой реформѣ; что они, напротивъ того, заключали въ себѣ формальное обязательство привести ихъ въ исполненіе въ продолженіе засѣданій законодательнаго собранія. Самые отчаянные изъ консерваторовъ оскорбились этой статьей: желая польстить государю и думая, что лучшее средство къ этому заключается въ возбужденіи его упрямства, они стали ругать Гизо, котораго считали виновникомъ этой статьи. Начальникъ принужденъ былъ оправдываться предъ солдатами въ своей невинности. Такъ справедливо, что люди, дѣйствующіе подъ вліяніемъ страстей, всегда находятъ еще такихъ, которые превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ и то, что военный министръ велѣлъ поставить весь парижскій гарнизонъ на военную ногу; что онъ приказалъ раздать войску топоры, лопаты, заступы и провизію на четыре дня; что въ Венсенскомъ замкѣ все готовилось какъ бы для осады; что тамъ день и ночь приготовляли боевые снаряды; что по приказанію герцога Монпансье изъ этой крѣпости велѣно прислать въ военную школу пушки, ящики и повозки съ боевыми матерьялами. Всѣ узнали, что въ національной гвардіи происходитъ оскорбительная сортировка людей на преданныхъ и подозрительныхъ; разувѣренія Карбонеля, начальника генеральнаго штаба, не могли уничтожить неопровержимыхъ свидѣтельствъ въ пользу этого факта. Наконецъ военный министръ, на вопросы о причинахъ вооруженія парижскихъ укрѣпленій, отвѣчалъ какими то грозными двусмысленными словами.

Всѣ эти объявленія, задержки, откладыванія, умалчиванія, слухи и различные толки постепенно возбуждали самыя противоположныя опасенія и надежды. Безпокойство общества все болѣе и болѣе усиливалось; всѣ чувствовали невозможность оставаться дальше въ нерѣшительности и всѣ видѣли настоятельную необходимость довести дѣло до конца.

VIII.

Вслѣдствіе этого общая коммиссія собралась 18 числа и рѣшила, что банкетъ будетъ въ среду 22 февраля, въ полдень. На другой день журналы объявили объ этомъ окончательномъ рѣшеніи. Назначена была вспомогательная коммиссія для составленія программы манифестаціи и для обсужденія всѣхъ ея условій, съ цѣлью предупредить всякій поводъ къ ошибкамъ и случайностямъ. Чтобы не пренебречь никакой предосторожностью, рѣшено было подвергнуть всѣ принятыя коммиссіей мѣры контролю новаго собранія депутатовъ, вотировавшихъ измѣненія благопріятныя для реформы.

На другой день, 19 числа, всѣ созванные члены собрались въ café Durand, тамъ же, гдѣ было первое засѣданіе. Не смотря на свое воодушевленіе, депутаты были непоколебимы въ своемъ рѣшеніи. Барро прочиталъ отчетъ въ трудахъ общей коммисіи; онъ изложилъ всѣ мѣры, принятыя для того, чтобы сдѣлать манифестацію какъ можно болѣе блистательною и чтобы устранить всякую случайность, которая могла бы измѣнить ея законный и мирный характеръ; онъ утверждалъ, что если агенты правительства удержатся отъ всякаго возбужденія, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что порядокъ не будетъ нигдѣ нарушенъ, даже въ самой энергической средѣ парижскаго населенія; онъ заключилъ свой отчетъ предложеніемъ членамъ собранія утвердить эти мѣры.

Въ этомъ собраніи участвовалъ одинъ изъ консервативныхъ

депутатовъ, Дарбле; онъ явился сюда отъ имени своихъ товарищей, поручившихъ ему представить оппозиціи планъ дѣйствій, относительно котораго консерваторы давали имъ совѣты, изложенные въ письмѣ, публикованномъ на другой день. Въ этомъ письмѣ сказано было слѣдующее: „Мы вотировали вмѣстѣ съ вами, слѣдовательно, наши намѣренья не должны быть для васъ подозрительны. Вы хотите, не выходя за предѣлы законности, сдѣлать манафистацію съ цѣлью поддержать право собранія. Но въ этомъ случаѣ представляются два соображенія: правительство можетъ или воспрепятствовать осуществленію вашего проекта, или допустить его. Въ первомъ случаѣ вы будете сопротивляться, и никто не въ состояніи предвидѣть, какъ далеко это васъ заведетъ. Во второмъ случаѣ правительство унизитъ себя и потеряетъ всякій призракъ своего значенія. Отчего же вамъ лучше не продолжать борьбы въ парламентѣ? Вашъ голосъ будетъ услышанъ даже большинствомъ. Справедливость вашего дѣла уже лишила министерскую партію значительной части ея членовъ; благоразумное поведеніе можетъ еще болѣе увеличить число вашихъ приверженцевъ. Тогда кабинетъ погибнетъ, ваше торжество будетъ достигнуто законнымъ путемъ; правильное пониманіе нашихъ учрежденій дѣлаетъ священнымъ право, которое вы защищаете; вы достигнете всѣхъ реформъ, которыя дѣйствительно желаетъ имѣть страна, не дѣйствуя на удачу, не рискуя борьбой, въ которой побѣда и пораженіе будутъ одинаково гибельны для страны и для васъ самихъ“.

Хотя въ сущности слова эти были справедливы, но они были приняты съ видимою холодностью. Разумѣется, опасно было идти впередъ; самые рѣшительные люди ясно видѣли это, но отступиться отъ дѣла было позорно и этотъ добровольный позоръ былъ бы для оппозиціи гибелью. Ламартинъ высказалъ эти чувства, тяготѣвшія надъ всѣми, въ рѣчи, исполненной необыкновеннаго здраваго смысла и вѣрности взгляда.

„Говорятъ, что кризисъ увеличивается, что положеніе натянуто и что большая отвѣтственность можетъ пасть на людей, твердо рѣшившихся дѣйствовать во имя народа. Милостивые государи, я въ этомъ убѣжденъ болѣе чѣмъ тотъ, кто первый замѣтилъ это; не видѣть этой опасности было бы ослѣпленіемъ; скрывать ее отъ васъ было бы слабостью. Толпа всегда представляетъ опасность.... Но каково же наше положеніе? Дерзкіе вызовы правительства поставили насъ между позоромъ и опасностью. Вотъ настоящее положеніе дѣлъ; мое сознаніе въ этомъ и ваше согласіе доказываютъ, что я не ошибаюсь. (Такъ! Такъ!). Мы поставлены между позоромъ и опасностью. (Одобреніе).

„Господа! будемъ ли мы достаточно тверды, достаточно великодушны, чтобы снести этотъ позоръ!... Я чувствую себя способнымъ на эту жертву; вы также готовы на это. Да! лучше позоръ, чѣмъ капля крови народа или войска, которая падетъ на нашу отвѣтственность.... Но позоръ Франціи, позоръ конституціонному дѣлу, позоръ самолюбію и праву народа! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мы не смѣемъ, мы не можемъ этого допустить; ни честь, ни совѣсть не позволяютъ намъ рѣшиться на это.... И что мы скажемъ, возвратившись въ наши департаменты, тѣмъ, которые ввѣрили намъ защиту своихъ правъ и заботу о сохраненіи чести свободнаго народа? Каково будетъ наше положеніе, какую роль мы будемъ играть предъ ними? Какъ!—мы пользовались вмѣстѣ съ народомъ законнымъ правомъ собранія, основаннымъ на обычаяхъ и правахъ всѣхъ свободныхъ народовъ, на реставраціи и наконецъ на примѣрѣ, поданномъ намъ самыми министрами Іюльской революціи, мы освятили эти мирныя сходки, на которыхъ какъ депутаты, такъ и представители власти одинаково выражаютъ свои конституціонныя убѣжденія; мы сами побуждали гражданъ благоразумно и умѣренно пользоваться этимъ правомъ выраженья чувствъ, основанномъ на конституціонныхъ учре-

жденіяхъ; мы имъ говорили: если будутъ нападать на это право,—мы будемъ его защищать, мы спасемъ его для васъ, мы вамъ возвратимъ его въ цѣлости или по крайней мѣрѣ гарантированнымъ и ограниченнымъ тѣми правилами, которыя можетъ создать только законъ для правильнаго пользованья этимъ правомъ.... Да! вотъ что мы имъ говорили. — А теперь, робко уступая, не предъ закономъ, котораго я самъ требовалъ для Франціи, а предъ своевольнымъ и надменнымъ повелѣніемъ министра, мы примемъ его произвольное запрещеніе за законъ!

„И, возвратившись въ наши департаменты, мы скажемъ нашимъ вѣрителямъ: смотрите, съ чѣмъ мы возвращаемся съ этого поля битвы закона, на которое вы послали насъ сражаться за себя: мы вамъ приносимъ обломки вашей конституціи, развалины вашей свободы мнѣній и министерскій произволъ на мѣсто народнаго права.

„Мы предали Францію въ руки одного министра! (Восклицанія).

„Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Тогда мы не достойны будемъ называться людьми! Тогда мы должны будемъ сейчасъ же оставить палату и исчезнуть, уничтоженные общественнымъ презрѣніемъ. (Восклицанія продолжаются).

„Господа, будемъ говорить хладнокровно; этого требуетъ настоящая минута. Процессъ, который мы ведемъ съ правительствомъ — весьма важенъ. Вспомнимъ, что намъ предстоитъ исполнить во вторникъ для цѣлой Франціи. Бунтъ ли это?— Нѣтъ. Революція? — Нѣтъ. Богъ да хранитъ какъ можно дольше нашу страну отъ необходимости въ ней! Что же это такое? Выраженіе вѣры народа во всемогущество законнаго права великой страны. Франція въ продолженіи пятидесяти лѣтъ часто, очень часто и, можетъ быть, слишкомъ порывисто, дѣлала революціи, но она никогда еще не сдѣлала великаго національнаго гражданскаго дѣла; теперь мы

собираемся совершить для нее это гражданское дѣло законнаго сопротивленія произволу, противъ котораго она еще не могла до сихъ поръ защищаться конституціонными средствами, и нашимъ оружіемъ въ этомъ дѣлѣ будетъ ея воля.“ (Такъ! Такъ!).

Въ этой рѣчи геніально выражено чувство чести и общественное мнѣніе. Всѣ убѣжденія соединились въ одну волю, всѣ подписали свое согласіе. Только нѣсколько легитимистовъ начали колебаться; ихъ пугала быстрота движенья; ихъ симпатія, охладѣвшая на этотъ разъ, выказалась только въ день побѣды. Всѣ оппозиціонные журналы напечатали на другой день замѣтку слѣдующаго содержанія:

„Оппозиціонные депутаты снова собрались сегодня утромъ, съ цѣлью разсуждать о томъ, какое участье они должны принимать въ минифестаціи, готовящейся для поддержанія права собранія, оспариваемаго и нарушаемаго министерствомъ. Выслушавъ отчетъ своей коммиссіи, собраніе признало единогласно, что теперь болѣе чѣмъ когда нибудь необходимо посредствомъ законнаго сопротивленія протестовать противъ мѣры, несогласной съ принципами конституціи, а также и съ текстомъ самаго закона; въ слѣдствіе чего и было рѣшено, что въ будущій вторникъ вся оппозиція отправится на мѣсто собранія.

„Такое рѣшеніе есть самое лучшее выраженіе того уваженія, которое депутаты питаютъ къ благоразумію, патріотизму и великодушнымъ чувствамъ парижскаго народа. Оппозиціонные депутаты не могутъ согласиться, вмѣстѣ съ врагами свободы, чтобы народъ, право котораго не признаютъ, былъ осужденъ на выборъ между рабскимъ послушаніемъ и насиліемъ. Такимъ образомъ они напередъ увѣрены, что весь народъ пойметъ, что манифестація права противъ произвола измѣнитъ своей цѣли, если она не будетъ совершена правильно и спокойно. Парижъ часто дѣлалъ геройскія усилія, великія

революціи. Въ настоящее время онъ призванъ, чтобы дать примѣръ народамъ и показать имъ, что въ свободныхъ странахъ спокойное и твердое поведеніе гражданина, уважающаго законъ и защищающаго свое право, есть самое непреодолимое и самое величественное національное могущество. Этимъ путемъ будутъ достигнуты два великихъ результата: освященіе права, присущаго всякой свободной конституціи и блистательное доказательство прогресса въ нашихъ политическихъ нравахъ. Депутаты разсчитываютъ на сочувствіе и поддержку всѣхъ добрыхъ гражданъ, точно также, какъ эти послѣдніе могутъ полагаться на ихъ неутомимую преданность и твердую рѣшительность.

„Въ засѣданіи было прочитано письмо, которымъ депутаты выражаютъ свое согласіе принять приглашеніе коммиссаровъ двѣнадцатаго округа. Восемьдесятъ депутатовъ уже подписались.“

Это приглашеніе приняли также бывшіе депутаты: генералъ Лайде, Мартенъ де Страсбургъ, Кормененъ, Лежандръ, Маршанъ, Эрнестъ де Жирарденъ, Ташеро, Вьелляръ, Кульманъ и Дюшафо, и три пера: герцогъ д'Аркуръ, де Буасси и Альтонъ-Се. Де ла-Москова отказался отъ приглашенія.

IX.

Случайность извиняетъ ошибки человѣка, но она рѣдко мѣшаетъ великимъ историческимъ событіямъ. Когда событія эти уже прошли, когда современныя имъ страсти потухли, тогда легко отыскать причины этихъ событій въ ихъ послѣдствіяхъ; легко можно видѣть, что причины событій были всегда ясны; что люди предусмотрительные видѣли ихъ, указывали на нихъ; что ихъ предостереженія были оставляемы безъ вниманія, ихъ совѣты пренебрегаемы; что слѣпая страсть преодолѣла всѣ усилія благоразумія. Конечно,

на канунѣ 24 февраля легко было предвидѣть столкновеніе между озлобленнымъ кабинетомъ и оскорбленной оппозиціей; легко было также предвидѣть и то, что при какомъ бы то ни было результатѣ, это столкновеніе будетъ гибельно для монархической власти. Зачѣмъ же правительство такъ упрямо добивалось этого столкновенія? Отчего оно не искало мирнаго разрѣшенія вопроса? Зачѣмъ, желая одно время уступить, оно изъ ничтожнаго самолюбія снова бросилось къ пропасти?... Дальнѣйшій разсказъ объяснитъ всѣ эти вопросы.

Слабыя усилія къ примиренію были до сихъ поръ неудачны. Обѣ стороны, желая избѣжать опасности, стремились къ ней. Но приближеніе великой минуты вызвало болѣе энергическія усилія. Нѣсколько членовъ консервативной партіи не переставали доказывать министрамъ и главнымъ членамъ оппозиціи, что для обѣихъ сторонъ благородное примиреніе гораздо лучше войны. Они говорили министрамъ, что, не смотря на ихъ рѣзкія увѣренія, право собранія не подлежитъ сомнѣнію; что результатъ борьбы,—не противъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ бунтовщиковъ, а противъ большей части столицы, взволнованной во имя закона усиліями цѣлой оппозиціи, — болѣе чѣмъ сомнителенъ; что если дѣло шло только о самолюбіи кабинета, то честь его остается еще неприкосновенною; что наконецъ, во сто разъ лучше окончить борьбу въ палатѣ, чѣмъ рѣшиться на битву. Обратившись къ оппозиціи, они говорили: самое важное дѣло для васъ заключается въ томъ, чтобы манифестація состоялась, и при томъ безъ вмѣшательства полиціи и при полной увѣренности, что она не превратится въ бунтъ. Вы предпочитаете торжественное и мирное доказательство вашего права кровавому столкновенію, исходъ котораго неизвѣстенъ; если такъ, то поищемъ вмѣстѣ средства къ мировой сдѣлкѣ, которая, поддержавъ всѣ ваши права, не была бы ни для кого унизительна.

При дворѣ эти увѣщанья были принимаемы различнымъ образомъ. Король, Гизо и Геберъ отвергали всякую мировую сдѣлку; Дюшатель, напротивъ того, соглашался на примиренье и большинство членовъ совѣта раздѣляло его мнѣніе. Оппозиція не представляла никакого затрудненія: вопросъ нечувствительно измѣнился; демонстрація всего парижскаго населенія, призваннаго депутатами, стала самымъ важнымъ, самымъ значительнымъ дѣломъ; чтобы устранить это дѣло, стоило только уступить что нибудь въ пользу банкета, который тогда сдѣлался второстепеннымъ обстоятельствомъ. Самые рѣшительные радикалы предпочитали вѣрный успѣхъ битвѣ, на счастливый исходъ которой они не разсчитывали; такъ они думали до послѣдней минуты.

Вслѣдствіе этого министерство назначило двухъ своихъ преданныхъ друзей, Морни и Вите, для переговоровъ о соглашеніи съ оппозиціей, которая съ своей стороны назначила представителями на эти конференціи Малевиля, Дювержье де Горанна и Берже.

X.

Послѣ продолжительнаго и горячаго спора, эти пять посредниковъ заключили, съ общаго согласія, слѣдующія условія:

Оппозиціонные депутаты употребятъ всѣ усилія, чтобы поддержать порядокъ. Полицейскій коммиссаръ, поставленный у наружныхъ дверей бенкетной залы, будетъ ожидать прибытія кортежа и закроетъ ему входъ; но, не обращая вниманія на это запрещеніе, кортежъ войдетъ въ залу. Приглашенные сядутъ за столъ. Тогда полицейскій коммиссаръ объявитъ о нарушеніи закона, составитъ протоколъ противъ президента банкета и потребуетъ, чтобы собраніе разошлось, объявляя при этомъ, что въ случаѣ надобности онъ употребитъ силу.

Вслѣдъ за этимъ Барро будетъ протестовать противъ этого злоупотребленія власти; онъ будетъ отстаивать право собранія и скажетъ, что оппозиція имѣла цѣлью обратиться къ судебной власти для защиты законовъ, нарушенныхъ политическою властью; потомъ онъ объявитъ, что онъ уступаетъ передъ силою и пригласитъ собраніе спокойно разойтись; наконецъ онъ обратится къ самому капитальному вопросу о томъ, что всякое возмущеніе или насиліе противъ какого бы то ни было представителя общественнаго спокойствія будетъ имѣть послѣдствіемъ извращеніе смысла и характера демонстраціи и слѣдовательно уничтожитъ ея дѣйствіе. Послѣ этой рѣчи, депутаты первые подадутъ примѣръ и употребятъ свои усилія, чтобы убѣдить толпу спокойно разойтись.

Палата безъ всякихъ преній дастъ свое полномочіе представить это дѣло на разрѣшеніе суда.

До рѣшенія кассаціоннаго суда оппозиціонные депутаты не будутъ участвовать ни въ какомъ банкетѣ, безъ разрѣшенія муниципальной власти.

Коммиссары взаимно обязываются употребить все свое усиліе, чтобы устранить съ обѣихъ сторонъ всякую полемику, которая могла бы извратить факты и усилить враждебное расположеніе.

Въ заключеніе, они обѣщали дѣйствовать при исполненіи условій съ тѣмъ примирительнымъ духомъ, который руководилъ ими при ихъ заключеніи *).

XI.

Очиведно, эти условія равно удовлетворяли обѣ стороны.

---

*) Главныя основанія этого условія были приняты оппозиціей; но послѣдующія событія помѣшали сообщенію этихъ условій членамъ главной коммиссіи банкета, которые вовсе не знали о нихъ.

Правительство было увѣрено, что до рѣшенія кассаціоннаго суда банкетовъ не будетъ, и такимъ образомъ ажитація успокоится. Разумѣется, ему было непріятно терпѣть эту демонстрацію, но за то оно было убѣждено, что законное вмѣшательство оппозиціи послужитъ къ поддержанію порядка и къ устраненію всегда страшныхъ послѣдствій борьбы на улицахъ Парижа.

Оппозиція, съ своей стороны, имѣла такія же, если не гораздо большія выгоды. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ она обращалась съ воззваніями къ странѣ; со всѣхъ сторонъ отвѣчали на этотъ призывъ; общественное мнѣніе перешло на ея сторону и это мнѣніе, отразившись въ палатѣ, ослабило парламентское большинство. Само министерство было поколеблено; неудачная перемѣна нѣкоторыхъ министровъ только ускорила это разрушеніе. Оппозиція была увѣрена, что она счастливо кончитъ начатое дѣло и что успѣхъ его не подлежитъ сомнѣнію. Къ тому же какое значеніе могли имѣть новыя рѣчи на прерванномъ банкетѣ послѣ горячихъ споровъ въ палатѣ? Одна только демонстрація сохранила серьезное и дѣйствительное значенье и она состоится. Свѣтъ долженъ былъ увидѣть это великолѣпное зрѣлище цѣлаго народа, поднявшагося на защиту своихъ правъ, требующаго уваженія къ его законамъ, выступающаго спокойно, но твердо, всею своею величественною массою и такимъ образомъ совершающаго безъ шума, съ высокимъ величіемъ, благородное дѣло своего политическаго могущества. Конечно, этого результата было достаточно, и оппозиція никогда даже не надѣялась на такое торжество.

XII.

Все заставляло думать, что соглашеніе, принятое съ обѣихъ сторонъ, будетъ также приведено въ исполненіе. Самая горячая демократическая партія не хотѣла мѣшать

этому дѣлу, потому что, во первыхъ, она не вѣрила въ близкое осуществленіе своихъ надеждъ и, во вторыхъ, она чувствовала себя безсильною. 20 февраля, Флоконъ просилъ одного изъ членовъ комитета редакціи журнала „la Reforme“ выдать ему послѣднюю сумму 300 франковъ, чтобы заплатить за наборъ 21 № этого журнала, сознаваясь, что всѣ средства журнала уже истощены, что его друзья въ Парижѣ и въ департаментахъ остались совершенно безъ денегъ и что такъ какъ осуществленіе республики отложено до смерти Луи-Филиппа, то журналъ „la Reforme“ устраняетъ себя отъ дѣла; что изданіе журнала прекращается и будетъ существовать только до среды, т. е. до слѣдующаго дня послѣ банкета, чтобы умереть вмѣстѣ съ торжествомъ демократіи, и что для издержекъ на № № 22 и 23 ему остается только — продать свою мебель.

Сверхъ того, въ среду радикаловъ начинали проникать болѣе вѣрныя мысли. Тѣ изъ нихъ, которые порицали реформистскую коалицію, которые соединились съ ней, чтобы потомъ опять оставить ее, которые устроили вслѣдъ за тѣмъ контръ-манифестацію, — рѣшились наконецъ стать подъ общее знамя. Удивленные громадностью движенія, они ясно видѣли, что манифестація, организованная центральнымъ комитетомъ, депутатами лѣвой стороны и парламентскими радикалами, состоится и при ихъ содѣйствіи, если они этого желаютъ, но что въ нихъ не будутъ нуждаться и сдѣлаютъ ее даже противъ ихъ желанія; еще нѣсколько минутъ колебанья, и предводители этой части партіи радикаловъ остались бы одни. Не будучи сперва въ числѣ приглашенныхъ, Ледрю-Ролленъ объявилъ 21 числа въ „la Reforme,“ что онъ получилъ дозволеніе присоединить и свое имя къ числу депутатовъ, участвующихъ въ банкетѣ. Въ то же самое время коалиція пріобрѣтала другое, столь же важное согласіе. Въ продолженіе почти двухъ недѣль собирался у Овена, начальника батальона 3 легіона, из-

бирательный комитетъ, устроенный отдѣльно отъ центральнаго комитета и заключавшій въ себѣ элементы самаго яраго радикализма. Въ немъ принимали участье Луи Бланъ, Гинаръ, Феликсъ Піа, Давидъ д'Анжеръ и нѣсколько другихъ болѣе умѣренныхъ,, какъ напримѣръ: Гудшо, Мартенъ де Страсбургъ, Дофенъ и другіе. Этотъ комитетъ рѣшилъ отправить къ Барро депутацію, состоявшую изъ Луи Блана, Овена и Гинара, которая отъ его имени должна была потребовать, чтобы работники заняли особенное мѣсто въ кортежѣ. Барро, Паньеръ и Гарнье-Пажесъ приняли эту депутацію и сказали ей, что эта просьба унижаетъ принципъ равенства; что работники имѣютъ право занять мѣсто въ кортежѣ наравнѣ съ прочими гражданами; что банкетная коммиссія считаетъ своимъ долгомъ высказать предъ всѣми идею соединенія всѣхъ классовъ народа; что раздѣленіе между ними будетъ выражать не согласіе, а скорѣе сдѣлается обидою, нежели почетомъ. Но Луи Бланъ настоялъ на своемъ и Барро уступилъ. Было условлено, что работники составятъ колонну, отдѣленія которой будутъ различаться значками.

XIII.

Тотъ же духъ благоразумія одержалъ верхъ и между воспитанниками различныхъ школъ. До сихъ поръ это юношество, изъ подраженія республиканцамъ, было раздѣлено на партіи. Въ средѣ его, какъ мы уже видѣли, были партизаны обоихъ журналовъ: «la Reforme» и «National». Но въ виду этихъ двухъ важныхъ обстоятельствъ, это раздѣленіе между ними казалось одно время исчезнувшимъ. Съ общаго согласія студенты устроили банкетъ въ честь Фердинанда Гамбона, этого судьи города Кона, который былъ смѣненъ съ своей должности кассаціоннымъ судомъ и который считался однимъ изъ основателей «Journal des Ecoles». За нѣсколько

дней до банкета, 3 февраля, колонна изъ тысячи пятисотъ студентовъ отправилась въ палату для представленія просьбы о разрѣшеніи открыть снова курсы Мишле и Кине; просьбу эту принялъ отъ нихъ Кремье; за тѣмъ эта колонна отправилась въ томъ же порядкѣ въ конторы «National» и «la Réforme» для скрѣпленія союза съ республиканцами. Но нѣсколько дней спустя между ними опять произошло раздѣленіе. 11 февраля, шестьсотъ студентовъ собрались въ залѣ нижняго этажа одного изъ домовъ улицы des Fossés-Saint-Victor, чтобы обсудить свои отношенія къ общей банкетной коммиссіи; споры привели къ разрыву и студенты разошлись недовольными. Каждая партія составила свой комитетъ. Но 19 февраля со всѣхъ сторонъ опять почувствовали необходимость соединиться. Въ то время, когда члены различныхъ партій разсуждали о сближеніи, явились депутаты первой коммиссіи для заключенія мира. Съ той и другой стороны примиреніе совершилось съ одинаковою искренностью и полнотою. Рѣшено было послать къ Барро депутацію отъ училищъ, состоящую изъ пяти членовъ, съ порученіемъ просить еще десять билетовъ на банкетъ для работниковъ, сверхъ десяти уже предложенныхъ училищамъ. Общій банкетный комитетъ поспѣшилъ исполнить эту просьбу, которая служила новымъ ручательствомъ того, что вліяніе этой молодежи, столь любимой народомъ, послужитъ къ поддержанію порядка и будетъ способствовать сохраненію законнаго и мирнаго характера манифестаціи.

XIV.

Свѣдѣнья, собранныя въ Парижѣ другими комитетами, были также успокоительны. Работники приняли манифестацію съ энтузіазмомъ и вслѣдствіе этого желали, чтобы никакое обстоятельство не помѣшало ей сохранить свой характеръ.

Департаменты придавали манифестаціи еще болѣе значенія, выражая это своимъ сочувствіемъ. Находясь подъ вліяніемъ возбужденія парижанъ, департаменты присылали свои поздравительные адрессы на имя различныхъ комитетовъ; они убѣждали депутатовъ продолжать до конца законную защиту права собранія, составлявшую вѣрный залогъ мирной побѣды.

Наконецъ, — подробности мелочныя, но знаменательныя, — эти ничтожные споры, которые неотступно сопровождаютъ всякій великій переворотъ и составляютъ комическую сторону исторіи, начинали мало по малу утихать. Центральный комитетъ и распорядительная коммиссія, исключительно назначенныя для наблюденія за порядкомъ, серьезно разсуждали о мѣрахъ къ поддержанію его, какъ вдругъ поднялся споръ о слѣдующемъ важномъ вопросѣ: должны ли національные гвардейцы, которые будутъ участвовать въ кортежѣ, имѣть при себѣ сабли? Споръ становился очень горячимъ, какъ вдругъ одинъ изъ членовъ замѣтилъ шутя, что носить саблю не приказано, но и не запрещено. Это возбудило общій смѣхъ и затѣмъ приступили снова къ серьезнымъ вопросамъ.

XV.

Министерство съ своей стороны честно исполняло конвенцію, заключенную при посредствѣ Морни, Малевиля и другихъ. Черезъ посредство префекта полиціи, оно приказало полицейскимъ коммиссарамъ отправиться на площади de la Madeleine и Concorde и къ дверямъ банкетной залы. Инструкціи, данныя этимъ агентамъ, были самаго мирнаго характера. Правда, кабинетъ въ то же время принималъ мѣры для присмотра за порядкомъ и дѣлалъ большія военныя приготовленія; но это было его право и обязанность — обезпечить себѣ необходимыя матерьяльныя средства для предупрежденія

безпорядковъ, и, въ случаѣ надобности, для возстановленія нарушеннаго спокойствія.

Такимъ образомъ все въ эту минуту предвѣщало спокойствіе. Опасность, казавшаяся неминуемою, повидимому была устранена; всѣ не только надѣялись, но даже были увѣрены въ успѣхѣ полюбовнаго соглашенія, когда одно важное обстоятельство снова затруднило вопросъ и измѣнило ходъ событій.

XVI.

Утромъ 20 числа была созвана распорядительная коммиссія, исключительно назначенная для наблюденія за порядкомъ. Изъ всѣхъ депутатовъ, членовъ этой коммиссіи, собрались только Маррастъ, Перре, Меррюо, Паньеръ, Бьеста, Альтонъ-Се и Авенъ. Маррастъ составилъ сейчасъ программу, порядокъ кортежа и планъ расположенія каждаго отдѣла на площади Madeleine, которая назначена была сборнымъ пунктомъ. „Это скорѣе похоже на планъ сраженія, чѣмъ на программу“ сказалъ Перре, подписывая свое согласіе. Меррюо, главный редакторъ журнала „Constitutionnel,“ прежде всего требовалъ, чтобы эта программа была предварительно утверждена Барро и Дювержье де Горанномъ. Чтобы удовлетворить этому справедливому требованью, Маррастъ немедленно отправился къ Барро. Онъ искалъ его до вечера и не нашелъ. Барро обѣдалъ у Кульмана; Маррастъ отправляется туда, но дорожа временемъ, онъ не представляетъ ему всей программы, а излагаетъ однѣ только главныя основанія. „Хорошо, говоритъ Барро, но старайтесь не прибавлять къ этому ничего, что могло бы компрометировать оппозицію.“ Тогда программа была немедленно сообщена журналамъ: „Siecle,“ „Constitutionnel,“ „National“ и „Courrier français.“ Общая банкетная коммиссія узнала объ этой про-

граммѣ изъ журналовъ на другой день, 21 числа. Вотъ буквальное содержаніе этой статьи.

Реформистская манифестація.

„Общая коммиссія, назначенная для устройства банкета двѣнадцатаго округа, считаетъ своею обязанностью напомнить, что манифестація, назначенная на завтра (вторникъ), имѣетъ цѣлью воспользоваться законнымъ и мирнымъ образомъ конституціоннымъ правомъ, правомъ публичнаго собранія, безъ котораго представительное правленіе было бы только насмѣшкой.

„Такъ какъ министерство объявляло и утверждало въ палатѣ, что пользованье этимъ правомъ зависитъ отъ произвола полиціи, то, вслѣдствіе этого, оппозиціонные депутаты, перы Франціи, бывшіе депутаты, члены общаго совѣта, судьи, офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты національной гвардіи, члены центральнаго комитета, оппозиціонные избиратели и редакторы парижскихъ журналовъ приняли сдѣланное имъ приглашеніе для принятія участія въ манифестаціи, съ цѣлью протестовать въ силу закона противъ самопроизвольнаго и беззаконнаго притязанія министерства.

„Такъ какъ весьма естественно предвидѣть, что эта публичная протестація можетъ привлечь большое количество гражданъ; такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень возможно, что парижскіе національные гвардейцы, вѣрные своему долгу свободы и общественнаго порядка, захотятъ въ этомъ случаѣ исполнить свою двойную обязанность; что они своимъ присоединеніемъ къ манифестаціи будутъ защищать свободу, покровительствовать порядку и устранятъ своимъ присутствіемъ всякую попытку къ безпорядкамъ; наконецъ предвидя большое стеченіе гражданъ и національныхъ гвардейцевъ, намъ

кажется необходимымъ принять мѣры къ устраненію всякаго повода къ безпорядкамъ.

„Вслѣдствіе этого коммиссія нашла необходимымъ, чтобы манифестація была устроена въ такой части города, гдѣ широкія улицы и площади могли бы безпрепятственно вмѣщать большое количество людей.

„А потому депутаты, перы и другія лица, приглашенныя на банкетъ, соберутся во вторникъ, въ 11 часовъ, на площадь Madeleine, № 2, гдѣ обыкновенно собирается парламентская оппозиція.

„Подписчики на банкетъ, служащіе въ національной гвардіи, приглашаются собраться у церкви de la Madeleine и составить два параллельныхъ двойныхъ ряда, между которыми помѣстятся всѣ приглашенные.

„Во главѣ кортежа станутъ старшіе офицеры національной гвардіи, которые будутъ участвовать въ манифестаціи.

„Вслѣдъ за приглашенными гостями расположится рядъ офицеровъ національной гвардіи.

„За ними колонны національныхъ гвардейцевъ, расположенныя по нумерамъ своихъ легіоновъ.

„Между третьей и четвертой колоннами помѣстятся воспитанники различныхъ школъ, подъ предводительствомъ своихъ коммиссаровъ.

„За ними парижскіе національные гвардейцы и гвардейцы парижскаго городскаго округа въ вышесказанномъ порядкѣ.

„Кортежъ тронется въ одиннадцать съ половиною часовъ и направится чрезъ площадь de la Concorde и Champs Elysées къ мѣсту банкета.

„Коммиссія,—убѣжденная въ томъ, что эта манифестація будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ спокойнѣе она совершится, и вполнѣ величественною, если она не вызоветъ ни малѣйшаго предлога къ столкновенію,—приглашаетъ гражданъ не произносить никакихъ воззваній и не выставлять ника-

кихъ знаменъ и другихъ знаковъ; она приглашаетъ національныхъ гвардейцевъ, которые примутъ участье въ манифестаціи, явиться безъ оружія, потому что здѣсь идетъ дѣло о законной и мирной протестаціи, которой сила должна заключаться въ массѣ гражданъ и ихъ спокойномъ и твердомъ поведеніи.

„Коммиссія надѣется, что всякій, принимающій участье въ этой манифестаціи, считаетъ себя обязаннымъ поддержать порядокъ; она довѣряется присутствію національныхъ гвардейцевъ и чувствамъ парижскаго народа, желающаго мира и свободы, и сознающаго, что для поддержанія его правъ достаточно будетъ мирной демонстраціи, какъ это прилично разумной и просвѣщенной націи, убѣжденной въ неотразимомъ могуществѣ ея нравственной силы и увѣренной въ томъ, что ея законныя требованія восторжествуютъ путемъ спокойнаго и законнаго выраженія своего мнѣнія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Впечатлѣніе, произведенное программой; министерство видитъ въ ней оскорбленіе власти; оно уничтожаетъ условія; Морни и Вите отправляются къ Барро предупредить его о разрывѣ; Дювержье де Гораннъ передаетъ имъ для публикаціи замѣтку, въ которой заключаются измѣненія программы; министерство отвергаетъ ее; Морни не полагается на національную гвардію; генералъ Жакминo ручается за нее; Морни требуетъ устраненія своей отвѣтственности въ нарушеніи условій и проситъ разрѣшенія объявить прокламацію; Дюшатель даетъ ему свое согласіе; въ тотъ же вечеръ прокламація объявлена.—Министры отправляются къ королю, который очень доволенъ этимъ разрывомъ. — Разговоръ Гудшо съ Гарнье-Пажесомъ. — Слова короля, сказанныя Рамбюто и Дюшателю: его не застигнутъ въ расплохъ.— Министерство рѣшаетъ, что такъ какъ манифестація имѣетъ угрожающій характеръ, то банкетъ будетъ допущенъ, если на него отправятся по одиночкѣ, но что всякій кортежъ будетъ разсѣянъ; министерство отдаетъ приказанія въ смыслѣ этого рѣшенія. — Генералъ Тибюрсъ Себастіани собираетъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи; онъ сообщаетъ имъ рѣшеніе правительства и планъ сраженія, на случай битвы въ Парижѣ; его распоряженія приняты холодно. — Приготовленія префекта полиціи.— Засѣданія въ палатѣ депутатовъ; запросъ Барро министерству; горячій споръ съ Дюшателемъ; взаимные промахи обоихъ ораторовъ. — Собраніе у Барро послѣ засѣданія; оживленные споры; принятіе отсрочки банкета. — Прокламаціи, объявленія и распоряженія правительства. — Вечернее собраніе у Барро членовъ общей коммиссіи, депутатовъ центральнаго комитета и комитета двѣнадцатаго округа и журналистовъ; демонстрацію посредствомъ кортежа и банкета замѣняютъ обвинительнымъ актомъ противъ министерства.—Замѣчанья Тьера, Вивьена, общей коммиссіи и избирательнаго комитета втораго округа. — Собраніе у Перре, въ редакціи Siècle; депутаты посылаютъ на это собраніе двѣ депутаціи; озлобленіе противъ нихъ; предложеніе Перре; національная гвардія, созванная правительствомъ, устроитъ манифестацію. — Собраніе въ конторѣ Reforme; члены собранія отказываются начать битву; замѣчаніе Флокона; вооруженіе откладывается. — Школьный комитетъ предлагаетъ студентамъ быть

умѣренными.—Тайныя общества не будутъ дѣйствовать.—Революція 1848 года не была дѣломъ заговора.—При извѣстіи объ этомъ новомъ рѣшеніи оппозиціи, министры внутреннихъ дѣлъ и военный отдаютъ новый приказъ арміи и національной гвардіи.—Обѣ стороны пріостанавливаютъ свои приготовленія къ битвѣ.—Торжество въ Тюльери.—Народъ откладываетъ дѣло своего самодержавія до другаго времени.

I.

Этого объявленія никто не ожидалъ; не смотря на миролюбивый смыслъ его выраженій, оно произвело быстрое и глубокое впечатлѣніе. Если оппозиціи дозволяется распоряжаться такимъ образомъ въ Парижѣ, созывать національную гвардію, строить полки изъ народа, рабочихъ и воспитанниковъ; если приказанія ея будутъ приведены въ исполненіе, тогда значитъ министры не управляютъ больше страной, власть находится въ рукахъ оппозиціи и самая отставка Гизо становится совершенно лишнею. Но если, напротивъ, это посягательство на власть министерства не будетъ терпимо и если кабинетъ будетъ сопротивляться, то это поведетъ къ сильно войнѣ, войнѣ съ удвоенною ревностью, какая бываетъ обыкновенно результатомъ насильно прерваннаго мирнаго соглашенія.

II.

По прочтеніи программы минифестаціи, министерство, которое вначалѣ думало, что его дѣло заключается только въ разрѣшеніи вопроса о банкетахъ и правѣ собранія, увидѣло наконецъ настоящую опасность своего положенія. Съ этихъ поръ демонстрація постоянно представлялась ему во всемъ своемъ угрожающемъ видѣ, и если бы манифестація могла состояться, тогда министерство должно испытать еще большее пораженіе, чѣмъ то, которое оно испытало бы отъ вынужденнаго признанія банкетовъ. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что ми-

нистерство, оскорбленное нарушеніемъ его правъ, отрекается отъ своихъ словъ и готовится къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Въ девять часовъ утра министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ объявленіе Морни и Вите, съ которыми онъ собирался, какъ было условлено наканунѣ, осмотрѣть помѣщеніе банкета. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ имъ объявить оппозиціи объ этой важной перемѣнѣ въ образѣ мыслей министерства.

Самые дѣятельные изъ членовъ оппозиціи собрались у Барро. Удивленіе, возбужденное прокламаціей, было всеобщее и если кто ее и оправдывалъ, то скорѣе изъ снисходительности, чѣмъ изъ искренняго сочувствія. Нѣкоторые даже, подчиняясь вліянію своихъ слабостей, стали вооружаться противъ оскорбленія, нанесеннаго ихъ свободной волѣ дерзкою инціативою какой нибудъ распорядительной коммиссіи. Въ это время являются Морни и Вите. Они объявляютъ Барро, Дювержье, Малевилю, Паньеру и только что вошедшему Марасту, что всѣ условія прерваны и что министерство намѣрено рѣшительно сопротивляться манифестаціи. Имъ объясняютъ, что программа была составлена и публикована безъ всякаго враждебнаго умысла, что въ ней нѣтъ ничего, что не было бы логическимъ выводомъ изъ условій, заключенныхъ обѣими сторонами; что ни предъ ними, ни предъ министрами, ни предъ публикой никогда не скрывали предположенія устроить кортежъ изъ національной гвардіи и народа; что министерство было положительнымъ образомъ предупреждено объ этомъ, потому что оно требовало отъ оппозиціи ручательства ея честью въ томъ, что она употребитъ всѣ средства для поддержанія порядка въ народѣ; что слѣдовательно ничто не измѣнено въ сущности; что возвратиться уже нельзя и что пытаться такъ неожиданно остановить народный порывъ, значитъ раздражить его и вызвать какую нибудь катастрофу.

„Въ сущности, это очень возможно, возразилъ Морни; мы сознаемся даже, что это справедливо, но вы не можете отвергать того, что публикація вашей программы составляетъ значительный фактъ, который совершенно измѣняетъ характеръ дѣла и ставитъ министерство въ необходимость уничтожить заключенныя имъ условія.“

Въ отвѣтъ на это Дювержье де Гораннъ сказалъ, что если публикація программы есть единственная и дѣйствительная причина этой перемѣны рѣшенія, которую они сообщаютъ отъ имени министерства, то въ этомъ случаѣ очень легко возстановить надлежащій характеръ этой программы, помѣстивъ въ вечернихъ и утреннихъ журналахъ поправку. И онъ немедленно принялся за составленіе проекта этой замѣтки:

„Прокламація, появившаяся сегодня утромъ въ журналахъ, имѣла цѣлью только поддержать порядокъ въ кортежѣ, который отправится съ площади Madeleine къ мѣсту банкета. Сильно ошибутся тѣ, которые увидятъ въ этой замѣткѣ каковъ нибудь посягательство на власть правительства и претензію созывать національную гвардію. Послѣднее обстоятельство было бы и неестественно и беззаконно, и банкетная коммиссія никогда не желала дѣйствовать такимъ образомъ. Она хотѣла только избѣгнуть всякаго замѣшательства между національными гвардейцами, а потому и предложила имъ явиться по одиночкѣ и безъ оружія. Такимъ образомъ въ совѣтахъ коммиссіи нельзя найти ничего такого, что бы можно было принять за желаніе нарушить порядокъ правительственныхъ дѣйствій.“

Такъ какъ самъ авторъ программы, Маррастъ, нисколько не препятствовалъ принятію этой поправки, то Морни и Вите приняли ее, выразивъ надежду, что министры будутъ этимъ удовлетворены.

III.

Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Эта замѣтка могла дѣйствительно удовлетворить самолюбію министерства и спасти достоинство власти, но она все таки не уничтожала высокаго значенія манифестаціи. Отправившись къ Дюшателю, Морни и Вите встрѣтили у него Гизо и генерала Жакмино, начальника національной гвардіи. „Васъ обманываютъ," сказалъ Дюшатель, увидѣвъ вошедшихъ къ нему посредниковъ. Морни, давая отчетъ въ своихъ переговорахъ и представивъ министрамъ полученную имъ замѣтку, прибавилъ отъ себя: „Нѣтъ, насъ не обманываютъ.. Виною всему — недоразумѣніе; эти господа сами жалѣютъ объ этомъ; они предлагаютъ удовлетвореніе, которое по моему мнѣнію совершенно достаточно. Я ихъ очень хорошо знаю, для того чтобы поручиться за ихъ добросовѣстность".

Гизо слушалъ его съ сосредоченнымъ вниманіемъ. „Манифестаціи не бывать, сказалъ онъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Рядомъ съ нашимъ правительствомъ составляютъ другое; послѣ этого намъ ничего нельзя дѣлать!"

„Ну, — сказалъ Морни голосомъ глубокаго отчаянья — мы съ своей стороны сдѣлали все, чтобы предохранить страну отъ бѣдствія, которое должно наступить; теперь столкновеніе неминуемо. Но позвольте мнѣ дать вамъ послѣдній совѣтъ. Вы не должны пролить капли крови въ Парижѣ, иначе вы погибли. Если вы надѣетесь на армію, то убѣждены ли вы въ томъ, что за вами послѣдуетъ и національная гвардія?"

Жакмино, какъ бы оскорбившись этимъ замѣчаніемъ, поднимается при этомъ словѣ и восклицаетъ: „Столкновенье! Но этого только и желаетъ національная гвардія. Я вамъ объявляю, что національной гвардіи начинаетъ больше чѣмъ надоѣдать весь этотъ шумъ, который происходитъ съ нѣко-

торыхъ поръ въ Парижѣ; она уже хочеть отъ него отдѣлаться.“

Делессеръ, префектъ полиціи, вовсе не раздѣлялъ увѣренности этого тщеславнаго и ограниченнаго человѣка въ преданность національной гвардіи. Но онъ безмолвно удалился. Самъ Дюшатель, сопротивлявшійся до сихъ поръ всякому примиренію, колеблется послѣ словъ Жакмино и объявляетъ, что позже невозможно будетъ сойтись ни на какихъ условіяхъ.

„Я прошу еще объ одномъ, сказалъ Морни: я не хочу, чтобы меня подозрѣвали въ томъ, что я обнадеживалъ оппозицію пустыми обѣщаніями. Я прошу васъ объявить причины, которыя заставляютъ министерство уничтожить заключенную конвенцію. Поэтому я считаю необходимымъ чтобы вы издали прокламацію.“ — „Превосходно, сказалъ Дюшатель, ставьте ее сами.“ И Морни написалъ слѣдующую прокламацію, принятую министрами, напечатанную съ подписью префекта полиціи и прибитую вечеромъ на улицахъ.

„Жители города Парижа!

„Нѣсколько дней уже умы находятся въ безпокойствѣ, которое нарушаетъ обыкновенный порядокъ вещей. Причина этого заключается въ готовящихся манифестаціяхъ. Правительство, побуждаемое справедливою заботою о соблюденіи общественнаго порядка, во имя законнаго права, которымъ оно до сихъ поръ безпрепятственно пользовалось, запретило банкетъ двѣнадцатаго округа. Однакожъ, объявляя передъ палатою депутатовъ, что этотъ вопросъ подлежитъ судебному рѣшенію, правительство, вмѣсто того, чтобы силою сопротивляться предположенному собранію, рѣшилось ограничиться только указаніемъ на нарушеніе закона, дозволивъ входъ въ залу банкета и надѣясь при этомъ, что участвующіе въ немъ будутъ достаточно благоразумны, чтобы

удалиться при первомъ требованьи и тѣмъ не превратить простаго нарушенія закона въ открытое сопротивленіе. Только такой образъ дѣйствій можетъ повести къ разрѣшенію вопроса о банкетахъ высшимъ кассаціоннымъ судомъ.

„Правительство остается и теперь при своемъ рѣшеніи. Но манифестъ, опубликованный сегодня утромъ во всѣхъ оппозиціонныхъ журналахъ, выражаетъ иную цѣль и иныя намѣренья; онъ создаетъ другое правительство рядомъ съ настоящимъ правительствомъ страны, съ тѣмъ правительствомъ, которое утверждено хартіей и опирается на парламентское большинство; онъ вызываетъ публичную манифестацію, угрожающую спокойствію города; онъ, нарушая законъ 1831 года, созываетъ національныхъ гвардейцевъ, которыхъ заранѣе размѣщаетъ въ правильные ряды, по нумерамъ легіоновъ, съ офицерами во главѣ движенія. Тутъ не остается никакого сомнѣнія въ недобросовѣстности: самые ясные, самые твердые законы страны нарушены. Правительство съумѣетъ заставить уважать эти законы, составляющіе основаніе и гарантію общественнаго спокойствія.

„Я приглашаю всѣхъ добрыхъ гражданъ соображаться съ этими законами и не участвовать ни въ какомъ сборищѣ, чтобы не дать повода къ печальнымъ безпорядкамъ. Я обращаюсь съ этимъ воззваніемъ къ вашему патріотизму и здравомыслію, во имя нашихъ учрежденій, во имя общественнаго спокойствія и самыхъ дорогихъ интересовъ города.

«Парижъ, 21 февраля 1848 года.

«Перъ Франціи, префектъ полиціи,

„Делессеръ.“

IV.

Министры отправились немедленно въ Тюльери. Король, спокойный и довольный, ожидалъ ихъ. Съ отвращеніемъ со-

гласившись на переговоры, онъ теперь былъ доволенъ этимъ разрывомъ. Неудача посредниковъ возвышала его въ собственныхъ глазахъ. Легкое ли дѣло: въ самомъ началѣ еще нетвердаго царствованія онъ задушилъ страшное возмущеніе; послѣ восемьнадцатилѣтняго благополучнаго царствованія, всѣ усилія оппозиціи ничтожны противъ воинственной арміи, преданной ему и его дѣтямъ, противъ администраціи, наполненной его слугами, противъ цѣлой массы правительства, могущественно организованнаго и поддерживаемаго рѣшительнымъ парламентомъ.

Въ своемъ ослѣпленіи этотъ государь, извѣстный своимъ тонкимъ пониманіемъ вещей, не хотѣлъ даже знать, какого рода предостереженія заключаются въ гнѣвныхъ выходкахъ противника. Извѣстно, что всякая критика возбуждала въ королѣ только презрѣніе. Даже наканунѣ 24 февраля онъ не извлекъ никакой пользы изъ слѣдующаго разговора, переданнаго ему однимъ изъ его адъютантовъ, Гудшо. Смущенный обстоятельствами, Гудшо, при встрѣчѣ съ Гарнье-Пажесомъ спросилъ его: „Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе о положеніи дѣлъ?“ Радикальный депутатъ отвѣчалъ: „Повѣрите ли вы мнѣ, если я вамъ скажу правду?—Нѣтъ. Однакожъ я все таки скажу вамъ ее. Когда въ рукахъ кого нибудь находится тронъ и династія, то надобно быть дуракомъ, чтобы ставить ихъ на одну карту, рисковать ими на удачу сраженія. Если вы побѣдите, то вы только на одинъ день скрѣпите свою власть посредствомъ крови и ненависти,—разбитый народъ еще десять разъ возобновитъ борьбу. Если же вы будете побѣждены, тогда конецъ монархіи. И такъ благоразуміе требуетъ уступки съ вашей стороны; но я знаю вашего повелителя, онъ не уступитъ.“ Эти послѣднія слова оскорбили короля, а остальныя не вразумили его. Въ тотъ же день или около того національная гвардія, державшая караулъ во дворцѣ, кричала: „Да здравствуетъ реформа!“ Этотъ крикъ, сообщенный королю пол-

ковникомъ Бильфельдомъ, тюльерійскимъ комендантомъ, казалось, возбудилъ въ немъ скорѣе воспоминаніе, чѣмъ опасенія. Это была старческая впечатлительность, скоро исчезающая.

Вечеромъ 20 числа, къ королю пришелъ префектъ Сенскаго департамента отдать отчетъ о состояніи умовъ и о попыткахъ къ примиренью, возобновленныхъ нѣсколько разъ главными членами муниципальнаго совѣта. Король сказалъ ему съ выраженіемъ насмѣшливой доброты: „Любезнѣйшій Рамбюто, вы, какъ видно, хотите меня застращать! Немного погодя вы будете краснѣть за тотъ страхъ, который хотите мнѣ внушить.“ Дюшателю, котораго безпокоила эта упрямая безпечность, король говорилъ шутя, или по воспоминанію первыхъ дней своего счастья: „Вѣрьте мнѣ, зимой парижане никогда не дѣлаютъ революцій.“ Затѣмъ онъ сталъ экзальтироваться, дѣлая сравненія, въ которыхъ проглядывала его чрезмѣрная гордость: „Я вѣроятно поступлю иначе, чѣмъ старшая линія.... Меня не застанутъ въ расплохъ!... Я не повторю ошибокъ Карла X.... Я съумѣю немного лучше принять свои мѣры и лучше защищать себя!“

V.

Министерство, послушное этимъ внушеніямъ, быть можетъ воодушевленное этимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и чувствуя сверхъ того, что его отвѣтственность находится подъ защитой формально выраженной воли короля, рѣшило, что манифестація грозитъ опасностью общественному спокойствію. Вслѣдствіе этого подписчикамъ на банкетъ будетъ дозволено отправиться туда по одиночкѣ, въ силу конвенціи, заключенной съ цѣлью предоставить трибуналамъ разобрать вопросъ о правѣ собранія. Но если составится кортежъ, то, въ силу законовъ о сборищахъ, ему будетъ предложено разойтись, а въ случаѣ надобности будетъ употреблена сила. Тотъ часъ же

были разосланы надлежащія приказанія, согласныя съ этимъ рѣшеніемъ.

VI.

Очень хорошо извѣстна та истина, что если въ трудныя времена правительства бываютъ принуждены преклоняться предъ талантливыми людьми и пользоваться ихъ способностями, то въ мирное время они бываютъ благосклонны къ тѣмъ, кто обладаетъ большею ловкостью или богатствомъ или имѣетъ сильныя связи. Всякія правительства, монархическія и республиканскія, погибали и будутъ погибать отъ этой ошибки.— Извѣстно, что національная гвардія, ввѣряемая въ трудное время первыхъ лѣтъ царствованья знаменитымъ и опытнымъ полководцамъ, попала наконецъ подъ команду бывшаго полковника имперіи, храбраго солдата и придворнаго, генерала Жакмино, тестя министра внутреннихъ дѣлъ Дюшателя. Такой же генералъ, Тибюрсъ Себастьяни, братъ маршала, командовалъ первой армейской дивизіей. На долю котораго изъ нихъ выпадетъ главное начальство надъ парижской арміей? Этого вопроса никто не могъ разрѣшить. А между тѣмъ онъ впослѣдствіи послужилъ причиною бѣдственнаго и въ то же время жалкаго столкновенія.

Какъ бы то ни было, генералъ Тибюрсъ Себастьяни созвалъ въ дивизіонный штабъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи. Онъ передалъ имъ послѣднее рѣшеніе правительства, только что сообщенное ему самимъ королемъ и совѣтомъ министровъ.

По его приказанію полковникъ генеральнаго штаба Ролленъ прочиталъ очень длинную и подробно составленную записку. Это была инструкція уже давно составленная на случай сраженія въ Парижѣ, по плану, который долго обдумывалъ маршалъ Жераръ, и который былъ разсматриваемъ и

провѣряемъ нѣсколькими генералами разнаго рода войскъ. Въ немъ съ удивительной точностью были распредѣлены войска, пункты, которые они должны занять, казармы и кордегардіи, которыя они должны будутъ защищать, средства сообщенія съ различными частями войскъ, способъ ихъ сосредоточенья и главные стратегическіе пункты, какъ мѣста для расположенія второстепенныхъ командъ. Войскамъ приказано было не возбуждать народа, но ожидать аттаки; тогда полицейскіе чиновники должны сей часъ разогнать толпу и затѣмъ войска должны были сдѣлать наступленіе.

По прочтеніи записки, нѣкоторые изъ чиновниковъ сдѣлали нѣсколько замѣчаній по военной части. Кавалерійскіе полковники особенно обратили вниманіе на опасность, заключающуюся въ слишкомъ большомъ раздробленіи эскадроновъ. Генералъ Тьерри, адъютантъ герцога Монпансье, отвѣтилъ утвердительно на вопросъ — обезпечено ли снабженіе арміи патронами и въ достаточномъ ли количествѣ находятся артиллерійскіе снаряды. Затѣмъ главнокомандующій сказалъ своимъ офицерамъ, что „онъ не справляется у нихъ о состоянія духа арміи; что армія, подобно женѣ Цезаря, не можетъ быть даже заподозрѣна.“ Всѣ полковники молчали. Это молчанье, эта видимая холодность ихъ ясно указывала на то, что если армія и была вѣрна дисциплинѣ, то она была далеко не воодушевлена; что она не очень усердно будетъ сражаться противъ народа, возставшаго во имя закона, сражаться за людей, которые въ продолженіе столькихъ лѣтъ такъ слабо держали въ своихъ рукахъ то самое знамя, которое она обязана защищать и покрывать славой. Но для ограниченныхъ умовъ довѣрчивость доступнѣе бдительности. Увѣренность въ свои силы была всеобщею болѣзнью. Подобно королю и министрамъ, генералъ Себастьяни ничего не видѣлъ, ничего не зналъ и ничего не развѣдывалъ до самой минуты паденія.

VII.

Не въ лучшемъ положеніи былъ и префектъ полиціи. Привыкшій, послѣ долгаго опыта, видѣть опасность только въ заговорахъ, въ приготовленіяхъ къ бунту, онъ, въ разговорѣ съ д'Аргу, который ясно видѣлъ причину бѣдствія, сказалъ, что „уже болѣе не существуетъ тайныхъ обществъ, и что слѣдовательно не существуетъ никакой серьезной опасности.“ Утромъ онъ сообщилъ владѣтелю помѣщенія для банкета и Буасселю, который нанялъ это помѣщеніе, рѣшеніе, въ силу котораго банкетъ запрещается. Въ три съ половиною часа пришли въ префектуру Кабюше, Коломпъ, Марки и Безеленъ, полицейскіе коммиссары, назначенные для наблюденія за манифестаціей. Префектъ сообщилъ имъ инструкціи, составленныя наканунѣ, онъ указалъ имъ на средства, которыя нужно будетъ употребить для удаленія гостей и предписалъ имъ, на случай столкновенія, заботиться о безопасности членовъ парламента. Имъ дано было въ распоряженіе: 400 пѣшихъ муниципальныхъ гвардейцевъ, 150 конныхъ, нѣсколько эскадроновъ и батальоновъ войскъ, расположенныхъ у заставы de l'Étoile. Сверхъ того префектъ полиціи приготовилъ тринадцать окончательно утвержденныхъ приказовъ.

VIII.

Въ то время, какъ правительство дѣлало эти приготовленія, Парижъ готовился къ демонстраціи. Толчекъ былъ данъ. Одна депутація за другой являлась къ Барро. Вспомогательная коммиссія принимала всѣ мѣры для поддержанія порядка, сообщала свою дѣятельность окружнымъ комитетамъ, которые немедленно передавали ея рѣшенія вліятельнымъ людямъ въ кварталахъ и ротахъ. Студенты, составившіе коммиссію вмѣ-

стѣ съ редакторами школьныхъ журналовъ, назначили на среду, 22 числа, свиданье для всей молодежи латинскаго квартала, на площадяхъ du Panthéon и de l'École de Médecine. Въ воскресеніе и понедѣльникъ работники обошли всѣ мастерскія, чтобы согласиться на счетъ устройства кортежа цѣлой массой, который долженъ двинуться изъ предмѣстій къ площади Madeleine. Журналы передавали своимъ приверженцамъ пароль. Реформистскіе комитеты всѣхъ окрестныхъ городовъ присылали своихъ депутатовъ. Депутаты въ большомъ количествѣ являлись къ Барро, и не смотря на программу, не смотря на враждебное расположеніе кабинета, не смотря на мрачное будущее, — если нѣкоторые изъ нихъ и колебались, ни одинъ не падалъ духомъ.

IX.

Между тѣмъ наступило время засѣданій палаты. Оппозиціонные депутаты узнали отъ Морни и Вите объ окончательномъ и безусловномъ отказѣ министерства. Послѣ взаимныхъ вѣжливыхъ выраженій сожалѣнія, оппозиція рѣшила, что Барро сдѣлаетъ немедленно запросъ министрамъ для того, чтобы имѣть положительное доказательство перемѣны ихъ рѣшенія, и затѣмъ сложить на нихъ всю отвѣтственность.

Собраніе было немногочисленно и видимо находилось въ безпокойствѣ. Со времени оскорбительнаго вотированья адреса, оппозиція не принимала участья въ преніяхъ; но на этотъ разъ въ засѣданіи было мало представителей и другихъ партій. Слышно было, какъ народъ толпился возлѣ этихъ стѣнъ, внутри которыхъ нѣсколько спеціальныхъ ораторовъ одни только разсуждали о продолженіи срока привиллегіи Бордосскаго банка. Напрасно Гизо, пришедшій раньше другихъ, хотѣлъ дополнить собою пустоту собранія, — оно все таки было пусто; напрасно съ притворнымъ спокойствіемъ духа онъ

усиливался продолжать пренія, — эти пренія были мертвы. Глаза всѣхъ были устремлены къ дверямъ, всѣ наблюдали за хлопотливыми движеніями министровъ и главныхъ членовъ собранія. Вдругъ къ четыремъ съ половиною часамъ входитъ толпа оппозиціонныхъ депутатовъ, и пустыя скамьи наполняются. Встаетъ Барро, и наступаетъ глубокая тишина.

Ораторъ прежде всего излагаетъ факты: первоначальное сопротивленіе кабинета законнымъ дѣйствіямъ оппозиціи; взаимно принятое предложеніе о переговорахъ; заключеніе условій и прерваніе ихъ безъ достаточнаго повода. „Между прочимъ, продолжаетъ онъ, не смотря на справедливое и законное возбужденіе общественнаго мнѣнія, я не боюсь утверждать своимъ честнымъ словомъ предъ лицомъ моего отечества, что, благодаря прогрессу въ нашихъ политическихъ нравахъ, эта манифестація, эта законная борьба принциповъ совершилась бы безъ всякаго безпорядка и волненія. (Собраніе волнуется. Слушайте! слушайте!).

„Я вполнѣ убѣжденъ, что если бы политика кабинета и была нѣсколько оскорблена этой манифестаціей, то общественное спокойствіе было бы совершенно обезпечено. (Слушайте! слушайте!)

„Трибуналы утвердили бы законы, существующіе относительно банкетовъ.... и разумные друзья свободы убѣдились бы въ громадномъ прогрессѣ общественнаго мнѣнія....

„Кажется, что благоразуміе и осторожность уступили мѣсто другаго рода чувствамъ; правительство подъ предлогомъ желанія усмирить волненія, допускаетъ вмѣшательство власти, что послужитъ только къ возбужденію этого волненія (ропотъ въ центрѣ). Я не боюсь сказать, что по случаю этой свободной демонстраціи оно стремится утвердить насиліе власти....

„Нѣтъ такихъ министровъ, нѣтъ такой административной системы, которая была бы достойна пролитія капли крови. (Новое одобреніе).

„На правительствѣ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ и спокойствіе страны; оно обязано оцѣнить важность обстоятельствъ и на немъ лежитъ вся отвѣтственность за нихъ“. (Продолжительное волненіе).

Когда волненіе, произведенное этими словами, уменьшилось, министръ внутреннихъ дѣлъ, Дюшатель, возразилъ:

„Отвѣтственность падаетъ не на одно правительство, но и на всѣхъ.... Мы могли бы силою сопротивляться банкету.... Мы только въ судебномъ рѣшеніи видѣли выгодный для всѣхъ исходъ, и, поддерживая принципы правительства, мы были готовы и теперь еще готовы допустить это дѣло только въ такой степени, чтобы, по заявленіи властями нарушенія закона, предоставить этотъ вопросъ судебному рѣшенію. (Правда! правда!).

„Но, господа, случилось обстоятельство другаго рода.... манифестъ. Этимъ манифестомъ нарушаются всѣ законы страны, на которыхъ основано спокойствіе и общественный порядокъ. (Хорошо! хорошо!) Законъ о сборищахъ нарушенъ! Законъ о національной гвардіи нарушенъ!

„Изъ комитета образуется правительство, заступающее мѣсто конституціоннаго правительства.... Этотъ комитетъ обращается къ гражданамъ, сзываетъ отъ своего собственнаго имени національныхъ гвардейцевъ, возбуждаетъ сборища.... Нѣтъ, мы не могли этого вынести.

„Въ какомъ отношеніи правительственныя мѣры могутъ помѣшать судебному рѣшенію?... Послѣ манифеста, подобно тому какъ и до него, мы сохраняли положеніе, принятое правительствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотѣли, чтобы по поводу банкета была допущена въ Парижѣ манифестація противъ законовъ, и было провозглашено новое правительство, образовавшееся рядомъ съ законнымъ, конституціоннымъ правительствомъ.“ (Хорошо! хорошо! живое одобреніе центра).

Эта рѣчь противъ банкета и манифестаціи была вполнѣ справедлива, но неоспоримо то, что она была слишкомъ поздняя. Барро отвѣчалъ на нее слѣдующими словами:

„Если бы господинъ министръ ограничился выраженіемъ мнѣнія, что торжественная манифестація, въ которой участвовало бы большое количество гражданъ, могла тѣмъ болѣе безпокоить правительство, чѣмъ большимъ она сопровождалась бы порядкомъ и спокойствіемъ.... (отрицаніе центра, одобреніе лѣвой стороны)— тогда, я думаю, мы всѣ были бы равно близки къ истинѣ. Но я спрошу, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя выраженія, болѣе или менѣе приличныя для поступка, котораго я не признаю, и не отвергаю, хотя мнѣ и кажется страннымъ.... (Продолжительный ропотъ. Въ центрѣ: — „Надобно его признать или отвергнуть.“ Съ лѣвой стороны: „Не мѣшайте говорить, вы будете отвѣчать).“

О. Барро продолжаетъ: „Я постараюсь удовлетворить всѣхъ. Я громко признаю цѣль этого поступка; я отрицаю только выраженія....“ (Очень хорошо!).

Затѣмъ ораторъ объяснилъ намѣренья, выраженныя программой; онъ доказывалъ, что составители ея имѣли въ виду только сохраненіе порядка, который могъ быть нарушенъ большимъ стеченіемъ народа; что ими руководила только идея порядка и спокойствія; затѣмъ онъ продалжалъ:

„Національная гвардія, которой ввѣрено сохраненіе нашей свободы, не могла оставаться равнодушною къ преніямъ. Отъ нее требовали только, чтобы она явилась безъ оружія и оффиціальности, по одиночкѣ и мирно, выражая этимъ залогъ спокойствія, а не общественную силу.

„И такъ, я повторяю, что я далъ бы вамъ увѣреніе, обезпеченное моею честью, что не произошло бы никакого безпорядка.... (возраженіе центра, одобреніе лѣвой стороны), что не было бы никакого безпорядка, никакого замѣшательства. Но

насиліе, къ которому вы хотите прибѣгнуть — вы этого не скрываете и я говорю это съ прискорбіемъ—затрудняетъ положеніе и безъ того уже натянутое, увеличиваетъ раздраженіе еще однимъ поводомъ къ нему. Теперь, господа, на васъ лежитъ отвѣтственность за это положеніе дѣлъ (рѣчь прерываютъ восклицанія центра: „что вы говорите.“) Вы не хотѣли порядка и свободы, такъ несите же на себѣ послѣдствія положенія дѣлъ, вами созданнаго.“ (Одобреніе лѣвой стороны, волненіе).

Дюшатель: „Рѣшеніе правительства оправдывается словами господина Барро.... Почтенный Барро не можетъ ни признать, ни отвергнуть этого манифеста.“ (Волненіе).

„Этотъ манифестъ ни признанъ, ни отвергнутъ; но можетъ ли это служить намъ ручательствомъ спокойствія, намъ, которымъ ввѣрено общественное спокойствіе?... Какія причины приведете вы для оправданія если не формы, то сущности того, что сдѣлано?... Я спрашиваю: могутъ ли быть допущены комитеты, созывающіе національную гвардію?“

Де Курте: „Осмѣльтесь только созвать національную гвардію!“ (Ропотъ въ центрѣ).

Дюшатель: „Кажется вы стараетесь указать на то, будто мы хотимъ вопросомъ объ общественномъ порядкѣ прикрыть вопросъ о существованіи министерства.... Я повторяю только что сказанное: мы допускаемъ дѣло только до той степени, чтобы вопросъ о банкетахъ могъ перейти въ судъ. Мы разъ приняли это положеніе и остаемся при немъ и теперь. И это называютъ насиліемъ; нѣтъ, это не насиліе.... это не болѣе какъ исполненіе обязанности правительства, это только поддержаніе порядка и уваженія къ законамъ, на которыхъ основывается спокойствіе страны и безопасность нашихъ учрежденій.“ (Очень хорошо! очень хорошо! — Сильное одобреніе центра).

Послѣ этихъ словъ министра президентъ объявляетъ за-

сѣданіе оконченнымъ. Пренія о Бордосскомъ банкѣ отложены на слѣдующій день въ часъ утра, и собраніе было закрыто среди сильнаго волненія.

X.

Въ отношеніи къ принципамъ конституціи министерство было право: правительство, допускающее раздѣленіе власти, должно считаться погибшимъ. Но ничто не оправдывало его образа дѣйствій. Не оно ли первое нарушило законъ произвольнымъ запрещеньемъ собранія, допущеннаго закономъ, и не оно ли первое подало примѣръ этого собранія? Возбудивъ своей политикой благородное негодованье, оно еще болѣе усилило его этимъ послѣднимъ посягательствомъ. Что же оно дѣлало потомъ? Оно слушало и хорошіе и дурные совѣты, уступало, сопротивлялось, снова уступало и наконецъ снова сопротивлялось до крайности. Своими колебаньями оно ясно доказало сомнительность своего права и дало врагамъ увѣренность въ этомъ, то есть утвердило этимъ силу ихъ права. А теперь, умышленно допустивъ увеличенье опасности, оно хочетъ сразу уничтожить ее. Къ своей непредусмотрительности, къ своимъ уловкамъ, насилію и слабости, оно присоединяло неблагоразуміе самаго крайняго хвастовства. Оно посылало оппозиціи вызовъ, котораго нельзя было оставить безъ отвѣта! Оно угрожало силою разсѣять кортежъ, который готовился двинуться, и такимъ образомъ вызывало къ борьбѣ, полной гибельныхъ послѣдствій!

Такимъ образомъ отвѣтственность за событія падала всею своею тяжестью на кабинетъ, и Барро былъ правъ, взваливая на него эту отвѣтственность. Но развѣ въ то же время самъ Барро не сдѣлалъ той же ошибки, въ которой упрекалъ своихъ противниковъ? Отвергать выраженія программы значило ослаблять ихъ смыслъ. Этимъ Барро утверждалъ за ми-

нистрами наружный видъ права; онъ поселялъ между своими друзьями нерѣшительность и недовѣрчивость; людямъ умѣреннымъ давалъ предлогъ къ слабости, а самымъ горячимъ — къ раздраженію; онъ забывалъ, наконецъ, что для того, чтобы во время великихъ переворотовъ руководить народомъ, надобно умѣть управлять имъ.

XI.

Засѣданіе, прерванное сильнымъ волненіемъ, продолжалось внѣ палаты. Въ залахъ и коридорахъ депутаты образовали кружки; къ нимъ примкнули журналисты и люди, занимающіеся политикой, которые по привычкѣ пользовались правомъ присутствовать въ засѣданіяхъ. Среди общаго шума поминутно раздавались вопросы, упреки, сомнѣнія, насмѣшки, выраженія негодованія и сильныхъ надеждъ. Не нужно было имѣть много политическаго инстинкта, чтобы прочесть на всѣхъ этихъ лицахъ, открытыхъ предъ очевидной гибелью, тѣ страсти и интересы, которые владѣли ими. Одни, которыхъ до сихъ поръ увлекало честолюбіе, изъ честолюбія же хотѣли теперь остановиться. Другіе останавливались при мысли о кровавой стычкѣ. Нѣкоторые, еще прежде заявившіе свою слабость, видя теперь исполненіе своихъ предсказаній, представляли странную смѣсь удовлетвореннаго тщеславія и еще болѣе усилившейся трусости. Одни проникнуты были сознаніемъ важности своего долга, тяжелаго, неизбѣжнаго,—другіе горячились просто по врожденной горячности. Здѣсь пòшло радовались въ ожиданіи какого нибудь новаго зрѣлища, — тамъ нетерпѣливо, но съ неизмѣнною рѣшимостью ждали разрѣшенія политическихъ вопросовъ, близкихъ къ окончанію. И въ каждой группѣ были наблюдатели, изъ которыхъ одни дѣлали это по сочувствію, другіе изъ любопытства, третіе изъ угожденія кому нибудь. Вездѣ слышались однѣ и тѣ же за-

мѣчанія, одни и тѣ же отвѣты, разнообразившіеся только отъ различія характеровъ и впечатлѣній. „Поле борьбы измѣнено, говорили одни; намъ предстоитъ уже защищать не право собранія, а самое собраніе. Министерство имѣетъ на своей сторонѣ право и законъ. Неужели вмѣсто законной, правильной, торжественной и происходящей въ совершенномъ порядкѣ демонстраціи мы вынуждены будемъ сражаться? Намъ нужно было уничтожить министерство въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а теперь приходится подвергать монархію ружейнымъ выстрѣламъ? Неужели желаютъ того, чтобы эта великая, законная оппозиція, покорившая недавно, во имя права, цѣлую страну, исчезла теперь въ толпѣ бунтовщиковъ?....“ „Конечно, говорили самые твердые, положеніе измѣнилось, но кто въ этомъ виноватъ? Не отступать же намъ потому только, что министерству угодно сегодня допускать то, чего оно не допускало вчера, и что допускать уже слишкомъ поздно. Неужели намъ приносить въ жертву произвольному капризу законы нашей страны и нашу честь? Конечно, жаль, что движеніе превзошло наши ожиданія и желанія, но теперь уже не время отступать. Желая остановить это движеніе, вы только усилите его; отказавшись отъ него, вы потеряете возможность управлять имъ. Въ какія руки попадетъ тогда наше дѣло?“

XII

Тьеръ и Ремюза казались озабоченными болѣе всѣхъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ средней партіи, которые видѣли, что ихъ судно готово разбиться, они перебѣгали отъ одной группы къ другой, заклиная своихъ товарищей не терять напрасно времени и принимать какія нибудь мѣры. По ихъ настоянію, въ одномъ изъ отдѣленій палаты хотѣли было приступить къ обсужденію разныхъ вопросовъ, но шумъ, восклицанія

безпрестанный приливъ новыхъ посѣтителей мѣшали всякому серьезному дѣлу. Поэтому всѣ отправились къ Барро. Было уже пять часовъ. Нѣкогда было колебаться, нужно было рѣшиться на что нибудь, выбрать одно изъ двухъ—позоръ или опасность. Эта крайность положенія еще болѣе увеличивала смятеніе. Какъ только волненіе нѣсколько утихло, Лербетъ, желавшій, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ скоро, громко спросилъ: „Кто составлялъ программу?“ — „Я беру на себя всю отвѣтственность за нее“,—отвѣчалъ Гарнье-Пажесъ съ твердостью, которая положила конецъ дальнѣйшему спору. Вслѣдъ за тѣмъ Барро предложилъ на обсужденіе всѣ остальные пункты. „Въ дѣлѣ банкета, сказалъ онъ, право на сторонѣ оппозиціи, но министерство отнимаетъ это право, возбуждая законъ противъ сборищъ, съ единственной цѣлью помѣшать кортежу. Развѣ возможно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, отправиться на банкетъ отдѣльно, оставя кортежъ въ сторонѣ? Нужно ли, рискуя всѣмъ, настаивать до конца на необходимости одновременной демонстраціи посредствомъ банкета и кортежа“. Барро занималъ мѣсто президента и потому удержался отъ всякаго приговора. Но Тьеръ приступилъ прямо къ дѣлу. „Съ тѣхъ поръ, сказалъ онъ, какъ программа опубликована, банкетъ уже не мыслимъ, отъ него нужно отказаться. Наша настойчивость показала бы въ этомъ случаѣ не мужество, а безуміе. Безумно и преступно было бы со стороны оппозиціи добровольно подвергать столицу всѣмъ ужасамъ рѣзни, предоставить рѣшеніе своего дѣла силѣ, въ то время, когда вся сила на сторонѣ правительства. Отступить въ этомъ случаѣ не безчестно; но идти впередъ,—значитъ идти на явную смерть. Нужно покориться силѣ обстоятельствъ и уступить.“ Рѣчь эту, исполненную отчаяной энергіи, сопровождаемую самыми выразительными жестами, Тьеръ заключилъ предложеніемъ подать адрессъ королю.,.. „Адрессъ королю! вскричалъ Гарнье-Пажесъ, но это будетъ отрицаніе

всего дѣла банкетовъ, опроверженіе всей шести-мѣсячной политики оппозиціи. Мы возвели всѣ эти баттареи противъ личнаго правленія короля, и теперь станемъ прибѣгать къ самому же королю! Такая непослѣдовательность отдастъ оппозицію на посмѣяніе всей Франціи, всего свѣта. А какое дѣйствіе произведетъ это въ Парижѣ? Возбужденный народъ сочтетъ это измѣнной, и тогда не найдется уже руки довольно сильной, чтобы обуздать умы и усмирить волненіе....“

Не смотря на эти сильныя доказательства, Бетмонъ, соглашаясь съ Тьеромъ, продолжалъ настаивать на томъ, чтобы оппозиція отказалась не только отъ кортежа, но даже отъ банкета. Приводимые имъ доводы исходили изъ его благороднаго и великодушнаго характера: „Присутствіе наше на банкетѣ, говорилъ онъ, дастъ правительству поводъ къ какому нибудь нелѣпому поступку. Депутатамъ невозможно отправиться на банкетъ отдѣльно, они должны идти во главѣ кортежа. Но вѣдь кортежъ — это сраженіе! Противъ кого же это сраженіе? противъ депутатовъ? нѣтъ, правительство приказало щадить ихъ, заботиться объ ихъ безопасности. Значитъ противъ народа? И въ то время, когда депутаты, почтительно задержанные въ залѣ банкета, будутъ въ совершенной безопасности, народъ станутъ жать, рубить и стрѣлять по немъ. Вотъ что покростъ насъ безчестіемъ! Пока—позора еще нѣтъ, а истинная храбрость и состоитъ въ томъ, чтобы лучше перенесть упреки и обвиненія, чѣмъ брать на себя отвѣтственность въ пролитой крови.“

Ламартинъ выступилъ противъ этихъ софизмовъ политики и великодушія, высказанныхъ Бетмономъ и Тьеромъ. Онъ повторилъ мнѣніе, выраженное имъ въ собраніи 19 февраля. Онъ доказывалъ, что невозможно отказаться отъ банкета, не покрывъ себя стыдомъ, и энергически заклиналъ своихъ друзей не отступать отъ дѣла тогда, когда это отступленіе сопряжено съ потерей чести.

Дювержье-де-Гораннъ и Малевиль объявили, что они, давши торжественное обѣщаніе, уже не имѣютъ болѣе своей воли, и что слѣдовательно они должны идти на банкетъ. Лербетъ сказалъ, что при такомъ важномъ вопросѣ большинство собранія не имѣетъ права убѣждать меньшинство; что же касается до него лично, то онъ во всякомъ случаѣ присоединится къ манифестаціи.

Мари напомнилъ, что онъ еще прежде совѣтовалъ всѣмъ депутатамъ подать въ отставку и всегда былъ противъ банкета. Но такъ какъ теперь вопросъ о банкетѣ касается ихъ чести, то колебаться — непозволительно. Одинъ изъ друзей Тьера, молодой и храбрый д'Арагонъ, такъ скоро послѣ этого сраженный смертью, не могъ болѣе удерживать порывовъ своей страстной души и съ жаромъ началъ говорить, что отступить было бы подло! „Депутаты — говорилъ онъ—первые должны выйти на улицу и вмѣшаться въ кортежъ. Пусть ихъ разгоняютъ, пусть войска бьютъ ихъ, стрѣляютъ по нимъ. Если есть опасность, мы должны не бѣжать, а идти на встрѣчу гибели, стать между народомъ и солдатами. Идти инымъ путемъ значитъ покрыть себя стыдомъ, потерять всякое вліяніе и заслужить всеобщее презрѣніе!“

Споръ продолжался еще нѣсколько времени, но замѣтно было, что благоразуміе или слабость начали одерживать верхъ, такъ что когда начали вотировать отсрочку банкета, на сторонѣ ея оказалось 80 человѣкъ; 17 человѣкъ остались непреклонны.

Барро и Гарнье-Пажесъ вовсе отказались отъ вотированья, говоря, что такъ какъ это дѣло возбуждено ими, то они не хотятъ своимъ мнѣніемъ произвести вліяніе на мнѣнія своихъ товарищей, но что если хоть одинъ депутатъ останется на сторонѣ демонстраціи, то и они присоединятся къ ней.

Между тѣмъ наступила ночь. Необходимо было передать рѣшеніе депутатовъ членамъ главной коммиссіи банкета.

Въ 9 часовъ вечера назначено было новое собраніе у Барро, у котораго съ самаго утра продолжалось засѣданіе оппозиціи.

XIII.

Отправляясь къ Барро, члены главной коммиссіи могли прочесть прибитыя къ стѣнамъ прокламаціи правительства. Народъ читалъ ихъ при свѣтѣ фонарей, удивляясь и безпокоясь, потому что не зналъ еще всѣхъ событій этого дня.

Первая прокламація была написана генераломъ Жакмино. Въ силу указа 22 марта 1831 года онъ запрещалъ солдатамъ національной гвардіи собираться не только съ оружіемъ, но даже безъ оружія. Они должны были исполнять приказанія однихъ только гражданскихъ офицеровъ. Генералъ напоминалъ имъ всегдашнюю ихъ вѣрность и преданность. „Конечно, говорилъ онъ, нѣкоторые изъ васъ могутъ увлечься дурнымъ примѣромъ; но я бы желалъ, чтобы и этимъ немногимъ не пришлось раскаяватья въ своемъ поступкѣ и краснѣть предъ 85-ью тысячами человѣкъ, составляющихъ легіоны національной гвардіи.“

Чему слѣдуетъ болѣе удивлятся въ этой странной рѣчи — ослѣпленію ли правительства, или его тщеславію? Если приверженцевъ манифестаціи было немного, то не стоило обращать на нихъ вниманія; если-же ихъ было много, то къ чему лгать, когда истина всегда могла открыться? Или правительство было уже такого высокаго мнѣнія о себѣ, что, закрывая глаза, думало, что отъ этого вездѣ становится темно?

Настоящее положеніе правительства понято было національной гвардіей еще наканунѣ, когда изъ среды крайней лѣвой стороны раздалось восклицаніе — „только смѣйте созвать ее“, обращенное Курте къ министру внутреннихъ дѣлъ, когда послѣдній выразилъ свое негодованіе на самовольное созваніе національной гвардіи коммиссіей банкета. Министръ ничего не

отвѣчалъ на это. Уже семь лѣтъ національную гвардію постоянно жали, тѣснили, оскорбляли. Всякій зналъ, какое негодованіе произвели недавнія преслѣдованія, постоянное шпіонство и другія дѣйствія, лишенныя такта и политическаго смысла. Какъ же правительство могло разсчитывать на преданность людей оскорбленныхъ имъ? Это было просто глупо.

Вторая прокламація была та, которая была сочинена поутру у министра внутреннихъ дѣлъ и подписана префектомъ полиціи.

Особое постановленіе, подписанное тѣмъ же префектомъ, воспрещало сходки и банкетъ.

Полиція особымъ приказомъ предписывала гластямъ сенскаго департамента напечатать и обнародовать законъ о запрещеніи сходокъ.

Наконецъ одно объявленіе содержало въ себѣ всѣ статьи закона, постановленія и приказы полиціи, а также и уголовныя роспоряженія, касающіяся сходокъ. Послѣдняя статья указа 13 іюля 1831 года была напечатана самыми крупными буквами. Вотъ она:

„Статья 12-я. Согласно статьѣ 471-й Уголовнаго кодекса воспрещается засоривать проѣзжія дороги, оставляя на нихъ разные матерьялы и другія, какія бы то ни было вещи, затрудняющія свободный проѣздъ.“

Эти посторонніе предметы, матерьялы и разныя другія вещи, затрудняющія проѣздъ, это — баррикады! Правительство предвидѣло ихъ и заранѣе заявляло свои опасенія.

XIV.

Когда члены главной коммиссіи, уполномоченные отъ центральнаго комитета, депутаты 12-го округа и представители прессы собрались у Барро, Буассель сообщилъ всѣмъ полученное имъ предписаніе префекта полиціи. Не смотря однако

на это запрещеніе, не смотря на отступленіе депутатовъ и на враждебныя дѣйствія правительства, въ собраніи все таки преобладающее мнѣніе было на сторонѣ демонстраціи. „Намъ нельзя отступать — говорили одни — надо идти впередъ. Теперь поздно разсылать новыя приказанія въ отмѣну прежнихъ. Народъ уже въ дорогѣ, онъ уже зашелъ далеко. Его нельзя оставить одного. Да наконецъ, чего мы боимся? Отвѣтственности за пролитую кровь? Но вѣдь вся она падаетъ на министровъ. Очевидно, что они разставили народу сѣти. Вѣдь кабинетъ еще за двѣ недѣли зналъ, что національная гвардія, рабочіе и воспитанники училищъ должны принять участье въ демонстраціи. Зачѣмъ онъ не предупредилъ ихъ, а напротивъ принималъ мѣры, чтобы потомъ лучше притѣснить ихъ! Не онъ ли, чтобы окончательно обмануть депутатовъ и народъ, открылъ съ нами, черезъ своихъ приверженцевъ, фальшивые переговоры, которые теперь самъ прервалъ? Онъ ссылается на программу! Но это пустой предлогъ. Если бы ихъ аргументы были добросовѣстны, то министерству не нужно бы было отвергать нашу объяснительную замѣтку, которая отнимала у программы ея вызывающій характеръ. И теперь, когда народъ подведенъ подъ выстрѣлы, кабинету угодно, чтобы онъ отступилъ или сталъ на колѣни! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! лучше идти впередъ!“

„Такъ! Но бунтъ, бунтъ! — говорили другіе; его то именно нужно избѣжать, потому что правительство желаетъ его. Не глупо ли будетъ съ открытыми глазами попасть въ разставленныя намъ сѣти. Возмущеніе въ одинъ моментъ погубитъ все, что было сдѣлано въ шесть мѣсяцевъ, уничтожитъ въ одинъ день обильные плоды прежней ажитаціи. Если бы еще депутаты твердо стояли, то они прикрыли бы народъ и созвали бы на банкетъ всѣ сословія. Но депутатовъ не будетъ, и примѣръ ихъ подѣйствуетъ заразительно. На сколько ослабнетъ тогда сила демонстраціи? Народъ останется одинъ

на жертву штыковъ правительства, которое уже не разъ заявляло свою жестокость. На кого же, какъ не на насъ, падетъ эта кровь? Мы должны употребить все наше вліяніе, чтобы остановить народъ на краю пропасти, къ которой ведетъ его гнусный заговоръ преступнаго правительства."

Отступленіе депутатовъ рѣшило невозможность демонстраціи, потому что кортежъ безъ ихъ участья повелъ бы къ неизбѣжной рѣзнѣ, а банкетъ безъ кортежа выражалъ бы слабость, равносильную забвенію всего дѣла. Чтобы спасти честь народа, нужно было пріискать какія нибудь другія средства.

Тогда опять явилась мысль о всеобщей подачѣ въ отставку. Нѣкоторые изъ членовъ считали это самой сильной и дѣйствительной мѣрой, особенно послѣ всѣхъ вѣроломствъ и насилій послѣднихъ дней. Но, по извѣстнымъ уже причинамъ, эта мысль была отвергнута. Абатучи предложилъ, чтобы нѣсколько депутатовъ вышли на улицу и допустили полиціи арестовать себя; объ этомъ насиліи слѣдовало тотчасъ составить обвинительный актъ и засвидѣтельствовать его. Но Паньеръ замѣтилъ, что не зачѣмъ пріискивать новыхъ предлоговъ къ обвиненію правительства, когда и безъ того ихъ слишкомъ много. При этомъ онъ снова поднялъ вопросъ, возбужденный нѣсколько дней тому назадъ, чтобы составить обвинительный актъ противъ министерства, подписать его въ Парижѣ и побудить къ тому же всѣ департаменты. „Нельзя придумать, сказалъ онъ, болѣе сильнаго средства къ возбужденію. И можетъ быть, если сегодня же вечеромъ разнесется слухъ объ обвинительномъ актѣ, завтра онъ будетъ подписанъ и засвидѣтельствованъ, и дурное впечатлѣніе, произведенное на народъ оставленіемъ банкета и кортежа, разсѣется.

Это предложеніе вызвало всеобщее одобреніе. Всѣ депутаты подписались на актѣ, прежде чѣмъ онъ былъ написанъ, послѣ чего члены собранія разошлись, чтобы сообщить это рѣшеніе всѣмъ комитетамъ и редакціямъ журналовъ, гдѣ долж-

ны были собраться главные представители училищъ, а также начальники предмѣстій и національной гвардіи.

XV.

На слѣдующій день въ журналахъ появились двѣ статьи. Одна изъ нихъ, составленная Тьеромъ и Вивьеномъ, заключала въ себѣ обзоръ послѣднихъ событій и разъясняла принятыя оппозиціей рѣшенія. Другая, написанная Маррастомъ отъ имени главной коммиссіи банкета, заключала въ себѣ слѣдующія слова:

„Главная коммиссія, которой поручено устройство банкета 12 округа, узнавъ о совѣщаніи депутатовъ оппозиціи;

„Принимая во вниманіе объявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ говоритъ, что допуститъ банкетъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на него отправились не толпою, а по одиночкѣ;

„Что исполняя требованіе министерства, мы дадимъ ему случай нарушить законъ и судить обыкновеннымъ полицейскимъ порядкомъ чисто политическое право, подлежащее суду палатъ и цѣлой націи;

„Что такія дѣйствія были бы совершенно согласны съ видами министерства и мы разыгрывали бы роль, недостойную людей, проникнутыхъ сознаніемъ своего дѣла;

„Принимая во вниманіе, что только общая манифестація, въ которой принялъ бы участіе весь народъ, придастъ настоящій смыслъ предполагаемому банкету;

„Что мѣры, принятыя военнымъ начальствомъ, должны неизбѣжно повести къ стычкамъ и кровопролитію, если бы нѣкоторые продолжали настаивать на томъ, чтобы идти на банкетъ массою;

„Что патріотизмъ и человѣколюбіе равно заставляютъ избѣгать такихъ крайностей;

„Принимая все это во вниманіе, коммиссія рѣшилась отложить банкетъ 12 округа; она слагаетъ на правительство отвѣтственность за всѣ возбужденія и насилія, и вполнѣ надѣется, что актъ, обвиняющій министерство, которое довело парижское народонаселеніе до междоусобной войны, завтра же будетъ представленъ палатѣ, и что Франція съумѣетъ силою общественнаго мнѣніи, уничтожить политику, давно уже возбуждающую негодованіе и презрѣніе всей страны.“

Кромѣ того избирательный комитетъ 2-го округа, воодушевленный газетою „National“, напечаталъ на слѣдующее утро ноту, въ которой выражалъ свое крайнее удивленіе тому, что депутаты, рѣшаясь отложить банкетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не подали всѣ въ отставку. Комитетъ приглашалъ ихъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, „какъ къ единственной, чтобы не унизиться въ общественномъ мнѣніи.“

Все было уже готово для банкета; разбили палатку, разставили столы, вырубили одну стѣну для свободнаго входа, — и вдругъ все остановилось, банкетъ былъ отмѣненъ.

Дюпонъ де л'Еръ, Лербетъ и еще нѣсколько человѣкъ, которые нарочно собрались у Ламартина, чтобы придумать средство участвовать въ банкетѣ, не смотря на отступленіе своихъ товарищей, узнавъ чрезъ Вавена и Ластейри о рѣшеніи главной коммиссіи, тотчасъ же разошлись.

XVI.

Между тѣмъ среди неясныхъ толковъ въ народѣ истина начала выясняться. Изъ объявленій правительства видѣнъ былъ вызовъ его; чрезъ любопытныхъ узнавали о рѣшеніяхъ депутатовъ. Даже самые равнодушные были увлечены предстоящимъ кризисомъ, казавшимся неизбѣжнымъ. Самое сильное волненіе обнаруживалось между солдатами національной гвардіи, членами комитета, студентами, избирателями и гражда-

нами всѣхъ сословій, которымъ предстояло, какъ коммиссарамъ или уполномоченнымъ, играть непосредственную, прямую роль въ демонстраціи. Со всѣхъ концовъ Парижа сбѣгались въ контору „Siècle“, главный пунктъ сходокъ. Скоро комнаты Перре, издателя этого журнала, были полны. Толпа волновалась, кричала, требовала новостей и рѣшеній и предлагала свои совѣты. Ничто не можетъ укротить страстей толпы; волненіе все больше усиливается. Каждый приливъ вновь прибывшихъ вноситъ въ эту волнующуюся массу новый ропотъ. Безпрестанно слышатся грозныя восклицанія. „Такъ депутаты оставляютъ демонстрацію! они преклоняются предъ самовластіемъ. Они отдаютъ законы и честь свою на жертву произволу! Они завлекли народъ, а теперь отступаютъ, когда пришло время дѣйствовать! Это подло! Надо устроить банкетъ и безъ нихъ, на зло имъ. Если на министерство падетъ отвѣтственность за пролитую кровь, то на нихъ падетъ стыдъ за ихъ малодушіе; и гдѣ они? почему ихъ нѣтъ здѣсь? краснѣютъ-ли они за свою слабость или презираютъ насъ на столько, что даже не хотятъ объяснить намъ свое поведеніе?...“

XVII.

Какъ только находящіеся у Барро узнали о такомъ расположеніи умовъ, то поспѣшили отправить къ Перре пять человѣкъ депутатовъ, которымъ поручено было разъяснить этому недовольному собранію образъ дѣйствій оппозиціи, основанный на высокомъ патріотизмѣ и человѣколюбіи. Эти уполномоченные были: Друэнъ-де-Люизъ, Булай (де-ла-Мертъ), Берже, Шамболь и Гарнонъ. Когда они пришли къ Перре, раздраженіе народа дошло до высочайшей степени. Ихъ приняли дурно, окружили, стѣснили, закидали вопросами. Не было возможности успокоить это собраніе, и депутаты могли читать

въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ недовѣріе и презрѣніе. Присутствіе ихъ, вмѣсто того, чтобы успокоить собраніе, только болѣе раздражало его. Но въ эту минуту туда явились Дювержье де-Гораннъ, Малевиль, Гарнье-Пажесъ, Карно, д'Арагонъ и Паньеръ, чтобы представить рѣшеніе главной коммиссіи.

Изъ всѣхъ депутатовъ Дювержье де-Гораннъ былъ самымъ яростнымъ противникомъ правительства. Всѣ знали, что дворъ былъ особенно раздраженъ противъ него. Кромѣ того знали его твердую рѣшимость, не останавливавшуюся ни предъ какими доводами, когда дѣло шло о его чести. Ему позволили говорить. Въ нѣсколькихъ словахъ, внятныхъ и ясныхъ, онъ разъяснилъ образъ дѣйствій своихъ товарищей и объявилъ о составленіи обвинительнаго акта. Но это объясненіе не успокоило народа. Болѣе всѣхъ казались раздраженными коммиссары училищъ: они созвали было на слѣдующій день всѣхъ товарищей, распространяли волненіе на публичныхъ курсахъ, организовали кортежъ въ латинскомъ кварталѣ, и послѣ этого они не могли уже допустить мысли о торжественномъ отступленіи. Затронутая честь не позволяла имъ этого. Одинъ изъ нихъ, Верне, не удержался и обратился къ Дювержье де-Горанну съ слѣдующими восторженными словами: „Депутаты обвиняются не въ слабости, а въ измѣнѣ! Публично обязавшись присутствовать на банкетѣ, они подло бѣгутъ наканунѣ дѣла!“ Остальные продолжали въ томъ же тонѣ. „Но вѣдь депутаты неприкосновенны, возразилъ Дювержье де-Гораннъ, они были бы внѣ опасности, и только одни граждане пострадали бы; потому то депутаты и не хотѣли пролитія чужой крови. Впрочемъ, продолжалъ онъ, ваши упреки не относятся ко мнѣ: я одинъ изъ тѣхъ, которые вотировали, чтобы оппозиція всей массой отправилась завтра на банкетъ.“ Эти слова, въ которыхъ сквозь личное извиненіе проглядывало сожалѣніе о принятомъ рѣшеніи, дали новую пищу къ спо-

рамъ; Дювержье де-Гораннъ ушелъ, глубоко взволнованный этимъ порывомъ страстей, страшнымъ признакомъ того, что кипѣло въ низшихъ слояхъ общества.

XVIII.

„Что вы скажете о расположеніи умовъ въ толпѣ и объ упрекахъ, дѣлаемыхъ вамъ,“ спросилъ въ одномъ кружкѣ офицеръ національной гвардіи у Гарнье-Пажеса.—„Я думаю, что насъ мало еще упрекаютъ, отвѣчалъ послѣдній. Депутаты должны были пасть въ общественномъ мнѣніи, и они пали.“ Разговоры, прерываемые шумомъ толпы, продолжались, когда Перре потребовалъ слова. Какъ офицеръ національной гвардіи, онъ только что возвратился изъ главнаго штаба своего легіона и объявилъ, что завтра, въ 6 часовъ утра, велѣно бить сборъ всѣмъ легіонамъ, вѣроятно съ двойной цѣлью: чтобы помѣшать національной гвардіи отправиться къ площади Madeleine и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы имѣть подъ ружьемъ всѣхъ друзей консервативной партіи. „Національная гвардія собрана! Вотъ, прибавилъ онъ, настоящая пора для демонстраціи. Уже 10 лѣтъ, король не смѣетъ или не хочетъ сдѣлать ни одного смотра гвардіи, боясь услышать выраженіе ея настоящихъ чувствъ. Завтра, при первомъ барабанномъ боѣ, выйдемъ всѣ на улицу. Пусть король противъ воли услышитъ, чего мы желаемъ; тогда онъ долженъ будетъ уступить общему желанію народа, единодушно выраженному національной гвардіей!“ Эта живая рѣчь тронула всѣ сердца: демонстрація національной гвардіи должна была произвести громадный, необыкновенный эфектъ; она выводила оппозицію изъ затруднительнаго положенія и спасала ея честь. Сильный и единодушный апплодисментъ облегчилъ сдавленную грудь каждаго. Споры прекратились, и всѣ ушли съ твердой рѣшимостью отправиться завтра къ своему

посту, созвать всѣхъ реформистовъ и съ непреклонной энергіей требовать реформы.

XIX.

Въ тотъ же вечеръ въ газетѣ „la Réforme“ напечатано было воззваніе ко всѣмъ приверженцамъ партіи радикаловъ, органомъ которыхъ была эта газета; воззваніе это было слѣдующаго содержанія:

„По рѣшенію главнаго редактора и управляющаго газетой «la Réforme», мы обращаемся къ вашему патріотизму. Завтра, въ 7 часовъ вечера, назначено собраніе въ конторѣ журнала для обсужденія важныхъ и затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся.“

Это двусмысленное объявленіе не обмануло никого. Всѣ горячіе приверженцы партіи радикаловъ поспѣшили прійти, и вмѣстѣ съ ними явились и тайные агенты полиціи. Извѣстно уже, изъ какихъ элементовъ состояло это собраніе. Радикалы питали глубокое презрѣніе ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ кружку. Чѣмъ болѣе волна общественнаго мнѣнья увлекала ихъ въ коалицію реформистовъ, тѣмъ болѣе росло въ нихъ чувство враждебности къ неспособности, холодности, почти измѣнѣ этихъ людей политическихъ, приверженцевъ династіи. Такими прозваніями старались они погубить во мнѣніи народа главныхъ двигателей этого движенія, за которымъ сами слѣдовали съ глубокимъ отвращеніемъ.

Собраніе состояло изъ 80 человѣкъ. Это былъ военный совѣтъ подъ видомъ общества акціонеровъ. Здѣсь не было восклицаній и шуму, какъ въ конторѣ „Siècle“; напротивъ, тутъ было сдержанное волненіе и почти торжественная важность. Не смотря на рѣшимость, изображавшуюся на всѣхъ лицахъ, всѣ чувствовали невольную дрожь, какую испытываетъ самый смѣлый заговорщикъ наканунѣ дня, въ который онъ долженъ взяться за оружіе.

*

По знаку президента все смолкло. Сказавъ нѣсколько словъ о закрытіи журнала, Флоконъ приступилъ прямо къ дѣлу и спросилъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ относительно настоящихъ событій. Бонъ, видя въ сраженіи какъ хорошую, такъ и дурную сторону, заранѣе объявилъ свое согласіе на все, что рѣшено будетъ большинствомъ собранія. Альтонъ-Се сообщилъ о рѣшеніи, принятомъ депутатами и главной коммиссіей банкета, и объявилъ, что, не смотря на это рѣшеніе, онъ готовъ дѣйствовать. Но ему замѣтили, что собранію вовсе нѣтъ дѣла до рѣшенія парламентской оппозиціи, и что нужно скорѣе радоваться, чѣмъ огорчаться тѣмъ, что она чрезъ свои поступки теряетъ нравственную силу и вліяніе.

Между тѣмъ наступала ночь, а собраніе еще ни на что не рѣшилось, полиція же хотѣла поскорѣе узнать объ этомъ рѣшеніи. Делагодъ, полицейскій агентъ, спросилъ Коссидьера, „нужно ли дать тайнымъ обществамъ приказаніе выступить?“ „Радикальная партія, отвѣчалъ Коссидьеръ, не имѣетъ на себѣ никакихъ обязательствъ: она ничего не обѣщала народу и потому свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ народъ не можетъ узнать во время объ отступленіи депутатовъ, то безъ сомнѣнія онъ выйдетъ на улицу: этимъ случаемъ нужно воспользоваться.“ Лагранжъ сказалъ, что не нужно вызывать борьбы, а только надо поддерживать ее всѣми силами, если она будетъ добровольно начата народомъ. Рей, человѣкъ болѣе точный, прямо предложилъ сраженіе: „если народъ, говорилъ онъ, выйдетъ на улицу, тотчасъ нужно взяться за оружіе и стрѣлять.“ Это энергическое мнѣніе нашло многихъ приверженцевъ, между прочимъ въ Бонѣ, Альбертѣ, Коссидьерѣ и другихъ; но его сильно оспаривали Луи-Бланъ и Ледрю-Ролленъ. Оба они спрашивали, все ли готово къ такому дѣлу? Гдѣ солдаты, оружіе, аммуниція? Правительство, говорили они, приняло всѣ мѣры; въ его рукахъ армія, давно подготовленная для междоусобной войны.

Давно уже обдуманы имъ планы, какъ наступательные, такъ и оборонительные. Дать народу сигналъ къ битвѣ, значитъ вести его на убой. Успѣхъ республиканской партіи и безъ того громаденъ; было бы глупо рисковать имъ, потому что пораженіе погубитъ ее. Власть правительства слабѣетъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ успѣхъ республиканской партіи все возрастаетъ. Гораздо лучше поддерживать еще нѣсколько времени теперешнее волненіе и отложить войну до болѣе благопріятнаго случая."

Какъ у Барро и въ редакціи „Siècle", такъ и здѣсь большинство отступаетъ предъ сраженіемъ. Вслѣдствіе этого Флоконъ написалъ статью, появившуюся на другой день, слѣдующаго содержанія:

„Граждане! Остерегайтесь завтра отъ всякаго смѣлаго движенія.

„Не давайте правительству давно желаемаго имъ случая имѣть кровавый успѣхъ.

„Не подавайте этой династической оппозиціи, оставляющей васъ, повода, которымъ она воспользуется, чтобы прикрыть свою слабость.

„Вы видите, каковы резутьтаты начинаній тѣхъ, кто не принадлежитъ къ нашей партіи.

„Терпѣніе! Когда демократической партіи угодно будетъ начать дѣйствовать, тогда увидятъ, что, разъ выступивъ, она уже не отступитъ!

(Журналъ «la Réforme»).

Общество временъ года (La Société des Saisons), управляемое въ то время Альбертомъ и Люсьеномъ Делагодъ, также получило приказаніе не браться за оружіе. Нѣсколько сотъ членовъ, составлявшихъ это общество, должны были продолжать свои засѣданія.

Комитетъ воспитанниковъ училищъ, узнавъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ о всемъ, происходившемъ у Барро, равно какъ въ конторахъ „Siècle“ и „la Réforme“, хотя рѣшился во всякомъ случаѣ идти вслѣдъ за народомъ, однако счелъ нужнымъ предупредить на слѣдующее утро студентовъ о томъ, что демонстрація отложена и потому совѣтовалъ имъ быть повоздержаннѣе.

XX.

Всѣ эти споры и рѣшенія бросаютъ яркій свѣтъ на организацію демократіи того времени. Если республиканская партія и становилась съ каждымъ днемъ сильнѣе по своимъ принципамъ, то все же она была слаба по количеству своихъ членовъ. Въ душѣ никто не надѣялся, не мечталъ даже о скоромъ успѣхѣ. Люди самые горячіе, энтузіасты по убѣжденію, даже тѣ, которыхъ неудача возбуждаетъ къ самымъ отчаяннымъ предпріятіямъ, говорили языкомъ политическимъ и принуждены были дѣйствовать умѣренно. Скрывая тщетность своихъ усилій, они главнымъ образомъ разсчитывали на время. Къ тому же могущество монархіи казалось несокрушимымъ. Матерьяльныя средства ея были громадны: огромная армія, пріученная къ войнѣ и до сихъ поръ вѣрная, занимала Парижъ. Казармы, зубчатыя стѣны и внутренніе форты перерѣзывали его. За стѣнами еще ограда и укрѣпленія, представлявшія страшныя средства къ оборонѣ и разрушенію. Наконецъ національная гвардія, желающая теперь реформы, была скорѣе враждебна, чѣмъ благопріятна крайней демократіи, и не было почти сомнѣнія, что она примкнетъ къ войску, если волненіе перейдетъ въ бунтъ. Что же могла сдѣлать противъ такихъ силъ горсть людей, при всемъ ихъ самоотверженіи? Однако изъ этого не слѣдовало, чтобы монархія была несокрушима: нѣтъ! еслибы этотъ чисто революціонный народъ поднялся, тогда

всякое сопротивленіе было бы напрасно. Но демократы, даже самые близкіе къ народу, очень плохо знали его настроеніе. Уже 10 лѣтъ онъ не подавалъ никакого признака жизни. Уже 10 лѣтъ онъ постепенно сердцемъ и душою отставалъ отъ всякаго движенія. Что сдѣлаетъ онъ теперь — этого никто не зналъ навѣрное. Потому то радикалы тайныхъ обществъ, приверженцы журнала „la Réforme“, не надѣясь на успѣхъ сраженія, отклоняли отъ него народъ. Потому то даже школьная молодежь, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, давала друзьямъ своимъ тѣ же совѣты благоразумной умѣренности.

XXI.

Между тѣмъ министерство, прислушиваясь къ городскимъ слухамъ, дѣятельно продолжало свои приготовленія. Въ то время, какъ главный штабъ національной гвардіи сзывалъ легіоны, главнокомандующій парижской арміей разослалъ по всѣмъ корпусамъ приказъ выступить изъ казармъ и готовиться къ бою. Въ 11 часовъ вечера 20—30 полицейскихъ коммиссаровъ собрались у префекта и получили отъ него инструкціи. Эти инструкціи состояли въ слѣдующемъ.

„Хотя депутаты оппозиціи и отказались отъ банкета, но все таки нужно опасаться сборищъ. Легко можетъ произойти какая нибудь стычка, и потому съ разсвѣтомъ Парижъ будетъ поставленъ на военномъ положеніи. Полицейскіе чиновники поступятъ въ распоряженіе военнаго начальства. Они должны поступать умѣренно съ тѣми, кто прійдетъ изъ одного любопытства, но при первой тревогѣ должны дѣйствовать рѣшительно и энергически. „Кто же будетъ распоряжаться?“ спросилъ одинъ изъ полицейскихъ, назначенныхъ на площадь Concorde. „Нѣкто посильнѣе насъ съ вами,“ отвѣчалъ префектъ.

Узнавъ потомъ черезъ своихъ агентовъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ на сходкахъ въ конторахъ „Siècle,“ „la Reforme“ и

въ обществѣ временъ года (Société des Saisons), префектъ поспѣшилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы сообщить ему эти драгоцѣнныя свѣдѣнія. У Дюшателя уже собрались военный министръ, генералы Себастьяни и Жакмино. Всѣ они сознавались въ томъ, что національная гвардія, требующая съ оружіемъ въ рукахъ реформы, представляетъ неминуемую опасность. При томъ они рѣшили, что такъ какъ демократія не хочетъ браться за оружіе, то и не слѣдуетъ задѣвать ее, и что наконецъ, если различныя партіи оппозиціи, парламентскія и экстра-парламентскія, отказались отъ банкета, то совершенно безполезно тревожить столицу, выводя безъ всякой цѣли военныя силы.

Всѣ эти разсужденія, вполнѣ одобренныя присутствовавшими членами, показались на столько разумными, что не спрашивая мнѣнія другихъ министровъ и короля, министры военный и внутреннихъ дѣлъ немедленно послали приказанія во всѣ легіоны и корпуса объ отмѣнѣ прежнихъ распоряженій. Эти приказанія дошли по назначенію между 4 — 5 часами утра. Исполненіе тринадцати прежнихъ приказовъ было временно остановлено. Нѣсколько часовъ спустя король и кабинетъ узнали объ этихъ распоряженіяхъ и остались вполнѣ ими довольны. *)

Мы скоро увидимъ что вышло изъ всего этого.

XXII.

Герцогиня Орлеанская прежде всѣхъ въ Тюльери узнала о миролюбивомъ рѣшеніи депутатовъ. Ари-Шеферъ, начальникъ эскадрона національной гвардіи, получивъ отъ Барро письмо съ этимъ извѣстіемъ, поспѣшилъ сообщить его герцогинѣ, чтобы уничтожить опасенія, которыя она обнаружи-

*) Король узналъ объ этомъ поздно ночью.

вала въ продолженіи цѣлаго дня. Обрадованная герцогиня побѣжала къ королю, чтобы сообщить ему эту пріятную новость; но король не обнаружилъ при этомъ извѣстіи ни малѣйшаго удивленія и сказалъ съ самодовольной улыбкой: „Я зналъ, что моя твердость заставитъ ихъ уступить.“ Придворные обрадовались случаю польстить королю. „Это извѣстно было, говорили одни, что депутаты уступятъ; эти учредители банкетовъ только издали храбрились, передъ строгими же мѣрами они пойдутъ назадъ“.—„Король такъ добръ, говорили другіе, что спасъ ихъ, давъ имъ предлогъ выпутаться изъ бѣды, въ которую завлекли ихъ слѣпыя страсти. Министры заслуживаютъ полной благодарности короля и націи за ихъ удивительную твердость.“ На другой день эта овація была напечатана во всѣхъ оффиціальныхъ журналахъ. „Рѣшеніе принято, сказано было въ одномъ изъ нихъ; оно должно быть исполнено и будетъ исполнено.

XXIII.

Но въ то время, когда король и его дворъ засыпали въ упаеніи гордости, буря собиралась тамъ, откуда ея вовсе не ожидали. Занятые трудомъ и дѣлами, народъ, буржуазія и рабочіе,—граждане всѣхъ классовъ и сословій, очень мало знали о положеніи дѣлъ. Каково будетъ окончательное рѣшеніе правительства? До чего оппозиціонныя депутаты доведутъ свое сопротивленіе? Что будутъ дѣлать комитеты реформистовъ, радикалы, тайныя общества? Народъ ничего этого не зналъ: до него доходили только глухіе и неясные слухи. Но эти слухи, которые всегда неизвѣстно откуда рождаются наканунѣ великихъ дней и разносятся неизвѣстно кѣмъ, эти слухи, передаваемые и потомъ отвергаемые очевидцами,—вся эта смѣсь лжи и истины возбуждали любопыт-

ство народа и усиливали его волненіе. Потому, какъ только закрылись магазины, лавки и мастерскія, улицы наполнились любопытными. Журналы, продававшіеся вдесятеро дороже настоящей цѣны и тѣмъ представлявшіе особенную важность, съ жадностью читаются при свѣтѣ фонарей, вмѣстѣ съ прокламаціями правительства, прибитыми къ стѣнамъ. Наконецъ постоянно прибывающія новости выясняютъ истину, и тогда народъ увидѣлъ себя совершенно оставленнымъ. Онъ увидѣлъ, что депутаты, комитеты и радикалы, которые вели дѣло оппозиціи, отказались отъ демонстраціи. Въ эту торжественную минуту народъ не потерялся и взялъ все дѣло на себя. Какой то необъяснимой силой вдругъ составились кружки и въ нихъ совѣщались въ полголоса. Не было ни криковъ, ни шуму, ни угрозъ, только изрѣдка тамъ и сямъ раздавались насмѣшки. Скоро всѣ разошлись, молча пожимая другъ другу руки, но это пожатіе ясно выражало надежду на скорое свиданіе; за тѣмъ по улицѣ воцарилось молчаніе, болѣе глубокое, чѣмъ обыкновенно. Пренебрегая разсчетами государственныхъ людей всѣхъ партій, народъ рѣшился дѣйствовать безъ нихъ. Цѣлый мѣсяцъ онъ ждалъ демонстраціи, ему назначили день, часъ и мѣсто, взывали къ его патріотизму, его чести, онъ былъ готовъ. И вотъ, въ самую торжественную минуту, когда правительство бросаетъ дерзкій вызовъ,—вмѣсто того, чтобы принять его, всѣ партіи отступаютъ, предоставляя каждому изъ своихъ членовъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію. Это благоразуміе, эти разсчеты политики, по мнѣнію народа — не болѣе какъ малодушіе; онъ не хочетъ разсуждать о нихъ, онъ не понимаетъ ихъ! Тѣ, которые называли себя его вождями, оставили его,—онъ самъ будетъ себѣ руководителемъ и вождемъ. Это уже не будетъ дѣло организованное, разсчитанное; это не будетъ порывъ нѣсколькихъ горячихъ головъ; это не будетъ заговоръ, порожденный нена-

вистью, честолюбіемъ, надеждами. Нѣтъ, безъ всякихъ организацій, безъ всякаго руководства, движимый только честью и сознаніемъ своего права, безъ оружія, безъ начальниковъ, народъ одинъ совершитъ великое, могучее дѣло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вторникъ, 22 Февраля. —Уничтоженіе приготовленій къ банкету; полицейскіе коммиссары и муниципальная гвардія уходятъ съ мѣста, назначеннаго для банкета; офицеры главнаго штаба національной гвардіи расходятся по домамъ.— Волненіе въ латинскомъ кварталѣ: на площади Пантеона составляется колонна изъ молодыхъ людей и рабочихъ; они идутъ на площадь Concorde, окружаютъ палату депутатовъ, но расходятся послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній.—Префектъ полиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ узнаютъ о случившемся. — Разговоръ короля съ Горасомъ Верне. — У Барро составляется обвинительный актъ противъ министерства.—Часть студентовъ отправляется къ Барро, другая завязываетъ схватку съ солдатами на Монтрейльскомъ постѣ и долго поддерживаетъ борьбу противъ прибывающихъ подкрѣпленій. — Борьба на площади Madeleine и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.— Студенты возвращаются въ свой кварталъ, дѣлаютъ покушеніе на политехническую школу и потомъ расходятся.— Первыя баррикады. — Стычки въ улицѣ Риволи и въ Елисейскихъ поляхъ.— Возрастающее раздраженіе между народомъ и муниципальной гвардіей. — Народъ кричитъ: «да здравствуютъ линейныя войска! Долой муниципальная гвардія!» — Встрѣча народа съ депутатами, отправляющимися въ палату. — Засѣданіе; Барро предъявляетъ обвинительный актъ; презрѣніе Гизо. — Палата перовъ; приключеніе съ Боасси.—Три депутата города Парижа отправляются къ Сенскому префекту; рѣзкія слова Рамбюто.—Волненіе на улицахъ усиливается; народъ отнимаетъ оружіе у оружейныхъ мастеровъ.—Правительственныхъ распоряженій нигдѣ не видно, и только вечеромъ городъ объявленъ на военномъ положеніи.—Изложеніе стратегическаго плана; его недостатки; исчисленіе войскъ.—Дурное управленіе войскомъ дѣлается еще хуже съ назначеніемъ герцога Немурскаго главнокомандующимъ; распредѣленіе войскъ по стратегическимъ пунктамъ.—Отсутствіе національной гвардіи.—Движеніе на заставахъ; первые выстрѣлы; первыя жертвы.—Сцена въ Тюльери между королевской фамиліей и батальоннымъ командиромъ національной гвардіи.—

Совѣщаніе герцога Немурскаго съ министрами; странное совпаденіе. Самоувѣренность префекта полиціи. — Спокойствіе правительства. — Ожиданія оппозиціи. — Войска получаютъ приказаніе разойтись по своимъ квартирамъ. — Правительство владѣетъ городомъ.

I.

22 ФЕВРАЛЯ.

Въ этотъ день съ самаго утра пошелъ дождикъ, мелкій, частый, разслабляющій душу и тѣло; для города это былъ вѣрный залогъ спокойствія. Къ 9½ часамъ на мѣсто банкета, въ улицу Chemin de Versailles, прибыли четыре полицейскихъ коммиссара. Тамъ они застали рабочихъ, которые дѣятельно трудились. Но вмѣсто окончанія приготовленій къ банкету они, напротивъ того, снимали палатки, убирали столы и поспѣшно укладывали на повозки всѣ вещи, привезенныя наканунѣ. Вокругъ стола расположился отрядъ муниципальной гвардіи, но въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ обѣщалъ префектъ полиціи. Возлѣ палатки не было ни пѣхоты, ни кавалеріи. Все это чрезвычайно удивило коммиссаровъ. Немного спустя пришелъ Элуэнъ, начальникъ муниципальной полиціи; онъ сообщилъ коммиссарамъ, что банкетъ отложенъ, что войска получили отмѣну прежнихъ приказаній, и велѣлъ имъ уйти. Муниципальные гвардейцы также отправлены были въ свои казармы.

За часъ до этого офицеры главнаго штаба національной гвардіи въ числѣ 30-ти человѣкъ явились на мѣсто своего назначенья. Генералъ Карбонель поспѣшилъ явиться туда же; онъ благодарилъ офицеровъ за исправность и объявилъ имъ, что такъ какъ банкета не будетъ, всѣ затрудненія улажены и городъ совершенно споксенъ, то они могутъ разойтись. Но офицеры, въ томъ числѣ Ари-Шеферъ и Бори-де-Ренодъ, думали, что довѣряться этимъ словамъ нѣсколько опасно, и потому замѣтили генералу, что новыя приказанія, данныя

войску, нисколько не касаются народа. Въ случаѣ, если бы онъ вышелъ на площадь, обыкновенныхъ карауловъ было бы недостаточно, и потому благоразуміе требовало нѣсколько усилить караульныя команды. Генералъ Карбонель снова успокоилъ ихъ, но изъ снисхожденія согласился на ихъ предложеніе. За тѣмъ нѣкоторые офицеры вышли изъ главнаго штаба, а главнокомандующій вовсе не показывался туда.

II.

Между тѣмъ городъ начиналъ волноваться. Воспитанники училищъ, согласно вчерашнему условію, поспѣшили явиться на площадь Пантеона. Въ 9 часовъ ихъ собралось уже болѣе тысячи; между ними было нѣсколько рабочихъ. Уполномоченные ихъ, посланные съ цѣлью развѣдать о положеніи дѣлъ, возвратились съ извѣстіемъ объ отмѣнѣ банкета. Сообщивъ рѣшеніе депутатовъ, комитетовъ и редакцій журналовъ, они стали совѣтовать толпѣ разойтись; но товарищи отвѣчали имъ точно также, какъ они сами отвѣчали депутатамъ. Голоса ихъ были заглушены яростнымъ крикомъ: „Vive la réforme! à bas les ministres! à bas Guizot“! При этихъ словахъ уполномоченные не сочли нужнымъ продолжать свои убѣжденія. Они сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, но общее увлеченіе прорвалось помимо ихъ воли. Раздѣляя въ душѣ чувства товарищей, они не хотѣли болѣе удерживать своихъ страстей и съ жаромъ пристали къ общему дѣлу. Въ нѣсколько минутъ составилась колонна и раздался крикъ: впередъ! Какой то молодой человѣкъ, имя котораго осталось навсегда неизвѣстнымъ, выступилъ изъ толпы и пошелъ впереди всѣхъ, напѣвая Marseillaise; громкій хоръ подхватилъ его голосъ. На площади de l'Ecole de Médecine къ нимъ присоединилась новая толпа студентовъ. Они пошли чрезъ Новый мостъ, улицы Arbre Sec, Сентъ-Оноре и Дюфо. Попадавшіеся

по дорогѣ рабочіе приставали къ нимъ, такъ что прійдя на площадь Madeleine, толпа состояла уже почти изъ 3000 человѣкъ.

III.

Ни одинъ изъ полицейскихъ коммиссаровъ, назначенныхъ наканунѣ, чтобы слѣдить за движеніемъ и въ случаѣ нужды подавать пособіе военной командѣ, не получилъ новыхъ приказаній. Коммиссары площадей Пантеона и l'Ecole de Medecine видѣли начинающуюся тревогу, но при всѣхъ стараніяхъ не могли удержать ее безъ помощи военной команды. Между тѣмъ помощь эта не приходила. Въ такомъ же положеніи были и коммиссары площади Madeleine и площади Concorde, когда до слуха ихъ дошли звуки революціонныхъ пѣсенъ и за тѣмъ появилась колонна студентовъ. Остановившись на минуту на бульварѣ, она въ порядкѣ, стройнымъ шагомъ направилась къ площади Concorde и къ палатѣ депутатовъ.

Коммиссары немедленно рѣшили что дѣлать. Одинъ изъ нихъ, Мартине, поспѣшилъ извѣстить префекта полиціи, который ничего не зналъ о происходившемъ. Другой, Лемуэнъ-Ташера, бросился на набережную къ Монтрейльскому павильону и предложилъ караульному офицеру немедленно занять со всѣми военными силами, находящимися въ его распоряженіи, мостъ, чтобы прикрыть палату депутатовъ. Всѣ эти силы состояли изъ 35 человѣкъ муниципальной гвардіи. Командиръ ихъ, лейтенантъ Бертонъ, тотчасъ взялъ 17 человѣкъ и выстроился съ ними поперегъ моста. Барабанщика же своего онъ отдалъ въ распоряженіе коммиссара, чтобы въ случаѣ нужды подавать сигналы. Такимъ образомъ одинъ коммиссаръ, одинъ субалтернъ-офицеръ, 17 солдатъ и барабанщикъ были единственныя силы, которыя предусмотрительное правительство выставило противъ главнаго движенія, рѣшившаго судьбу монархіи!

движеніе у дворца Бурбоновъ. Возлѣ него стоялъ Горасъ Верне, приглашенный въ Тюльери по какому то дѣлу. Король видѣлъ, какъ подошли драгуны и стали очищать мостъ и дворцовый подъѣздъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Дюма. „Что тамъ такое?“ спросилъ король. —„Ничего, ваше величество, толпа мальчишекъ взобралась на рѣшетки палаты, ихъ гонятъ прочь.“ Въ эту минуту въ сосѣднихъ улицахъ раздались звуки Marseillaise, а въ самомъ тюльерійскомъ саду послышались крики „Vive la réforme!“ Генералъ Дюма доложилъ королю, что онъ уже приказалъ выгнать всѣхъ изъ сада и запереть ворота. Король, повидимому спокойный, съ улыбкою на лицѣ, сдулъ кучку пепла, просыпаннаго на бумагу, и сказалъ, обращаясь къ Верне: „стоитъ только мнѣ захотѣть, и все это разлетится какъ этотъ пепелъ.“

Таково было начало этой замѣчательной борьбы. Король, министры, префектъ полиціи—никто ничего не зналъ, не видѣлъ, не понималъ. Можно было занять весь городъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Революція начиналась тамъ, гдѣ она должна была кончиться. Съ начала и до конца ея были люди преданные правительству, но они никѣмъ не были руководимы; были войска храбрыя, но они оставались безъ движенія. Правительство, увѣренное въ успѣхѣ, было захвачено въ расплохъ и — погибло.

VII.

Въ тотъ же самый часъ, когда происходило все это, Одилонъ Барро, Дювержье де-Гораннъ и Гарнье-Пажесъ приготовляли обвинительный актъ противъ министерства. По прибытіи многихъ журналистовъ и депутатовъ актъ былъ прочитанъ и заслужилъ всеобщее одобреніе. Обвинительный актъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Мы предлагаемъ объявить министровъ виновными въ слѣдующемъ:

1. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами они измѣнили чести и интересамъ Франціи.

2. Они исказили принципы конституціи и посягнули на свободу и права гражданъ.

3. Они систематическими подкупами старались подчинить общественное мнѣніе своимъ личнымъ интересамъ, чтобы измѣнить этимъ путемъ принципы представительнаго правленія.

4. Они, ради своихъ выгодъ, торговали общественными должностями, равно какъ и всѣми аттрибутами власти.

5. Изъ личныхъ выгодъ они разстроили государственные финансы, жертвуя такимъ образомъ силами и величіемъ націи.

6. Они отняли у гражданъ нераздѣльныя съ свободной конституціей права, дарованныя имъ хартіей и законами.

7. Наконецъ своей политикой, совершенно контръ-революціонной, они лишили насъ всего, что мы выиграли въ двѣ послѣднія революціи, и посѣяли въ цѣлой странѣ разстройство и уныніе.“

По прочтеніи акта поднялся вопросъ о томъ, должна ли подписывать его вся оппозиція или только нѣкоторые изъ депутатовъ. Изъ убѣжденія или просто изъ трусости многіе замѣтили, что нельзя быть въ одномъ и томъ же дѣлѣ обвинителемъ и судьею, и что наконецъ достаточно будетъ одной или двухъ подписей; но другіе, въ особенности Малевиль и Бюро де-Пюзи, не соглашались съ ними. „Актъ этотъ, говорили они, серьезный, торжественный. Судьей здѣсь будетъ цѣлая нація, а не палата, и потому вся оппозиція должна принять въ этомъ участіе. Было бы смѣшно и нелѣпо добиваться осужденія министровъ посредствомъ большинства голосовъ. И самый актъ этотъ есть ни больше, ни меньше, какъ средство къ политическому возбужденію, иначе онъ былъ бы недостойной игрой, лицемѣрной угодливостью общественному мнѣнію. Какъ

*

дополненіе къ банкетамъ и адрессу о реформѣ, онъ долженъ возбудить страну противъ правительства, въ пользу реформы. Другой цѣли здѣсь нѣтъ и быть не можетъ."

Такъ какъ это мнѣніе одержало верхъ, то немедленно было послано въ редакцію „Siecle" распоряженіе о напечатаніи акта въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. За тѣмъ положено было распространять его между солдатами національной гвардіи и вообще въ обществѣ. Бывшіе на лицо депутаты присоединили свои подписи къ вчерашнимъ. При открытіи засѣданія ихъ было 43. Большая часть подписывали смѣло, и только нѣкоторые колебались. Одинъ депутатъ уничтожилъ свою подпись на другой день, но когда революція совершилась, это малодушіе было забыто всѣми.

VIII.

Послѣ занятія палатъ студенты разсѣялись въ разныя стороны. Часть ихъ отправилась къ площади Madeleine и въ улицу Ferme des Mathurins, къ Барро, въ то самое время, когда тамъ подписывали обвинительный актъ. Нѣсколько молодыхъ людей подошли къ окнамъ и во имя народа, требовали, чтобы депутаты вышли къ нимъ и стали во главѣ ихъ колонны. Они были такъ взволнованы, что ихъ только съ трудомъ можно было успокоить. Барро представилъ имъ, что, отказываясь отъ банкета, оппозиція хотѣла избѣжать пролитія крови; что она поставила себѣ правиломъ дѣйствовать легально и что настоящее собраніе имѣло цѣлью отмстить за нарушеніе общественныхъ правъ. Уполномоченные остались довольны этимъ объясненіемъ и толпа удалилась съ пѣніемъ Marseillaise и крикомъ „Vive la réforme".

Другой отрядъ студентовъ встрѣтилъ на площади Concorde драгунъ, которые смяли и разсѣяли ихъ, но не на долго: толпа собралась снова. У Монтрейльскаго поста была сложена

куча камней; смѣльчаки бросились къ ней, но муниципальные гвардейцы угадали ихъ намѣреніе и понеслись на нихъ. Ихъ встрѣтили градомъ камней. Гвардейцы были смяты и принуждены укрыться въ постѣ вмѣстѣ съ полицейскимъ комиссаромъ Лемуэнъ-Ташера. Скоро однако на помощь къ нимъ подоспѣлъ отрядъ изъ 100 человѣкъ муниципальныхъ гвардейцевъ, рота пѣхоты и эскадронъ кавалеріи, и толпа въ свою очередь отступила.

Но студенты успокоились не на долго. Вооружась камнями, бревнами, всѣмъ, что попадалось имъ подъ руку, они сдѣлали новое нападеніе съ такою стремительностью, что гвардейцы, не смотря на свое хладнокровіе и твердую рѣшимость прибѣгнуть къ оружію только въ крайности, потеряли наконецъ терпѣніе и сдѣлали нѣсколько залповъ. Новый градъ камней былъ имъ отвѣтомъ; упорство нападающихъ усиливалось по мѣрѣ усиленія сопротивленія. Избитые камнями, солдаты разгорячились, стали наносить удары на право и на лѣво, давили лошадьми кого попало. Первою жертвою была женщина; ее подняли изуродованною, раздавленною и понесли въ госпиталь. Этотъ случай, весьма обыкновенный при подобныхъ стычкахъ, окончательно привелъ народъ въ ярость; всѣ кинулись на солдатъ. Ни штыки, ни сильный натискъ лошадьми, ничто не останавливало ихъ. Шагъ за шагомъ оспаривая поле битвы, они уступали силѣ, снова шли впередъ, снова нападали съ яростнымъ крикомъ: „Vive la réforme! à bas Guizot“!

IX.

На площади Madeleine, между домомъ Барро и Café Durand, гдѣ обыкновенно собирались члены оппозиціи, столпилось очень много народу. Парижскій народъ собирается скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ враждебными намѣреніями,

но онъ всегда страшенъ, потому что умѣетъ противодѣйствовать всякому движенію войскъ. Каждую минуту прибывали со всѣхъ сторонъ новыя толпы, уже не скрывавшія своего озлобленія. Мѣстные полицейскіе коммиссары имѣли въ своемъ распоряженіи только караульную команду, силу слишкомъ слабую противъ такой массы народа, еслибы эта масса вздумала сдѣлать нападеніе. По настоянію коммиссаровъ имъ прислали подкрѣпленіе изъ 50 человѣкъ конной муниципальной гвардіи подъ начальствомъ эскадроннаго командира Тиссерана. Этого было довольно, чтобы ускорить нападеніе, но слишкомъ мало, чтобы остановить его. Ни гордая осанка солдатъ, ни угрозы, ни аресты — ничто не помогло: свалка началась. Солдаты стрѣляли, народъ отвѣчалъ каменьями. Смѣлость его перешла въ какое то безуміе: многіе хватались за ноги кавалеристовъ, чтобы стащить ихъ съ лошадей. И чѣмъ болѣе тѣснили ихъ, тѣмъ сильнѣе они наступали.

Въ полдень, волненіе усилилось съ прибытіемъ толпы, уже отличившейся на площади Concorde и вытѣсненной оттуда упорными залпами муниципальныхъ гвардейцевъ. Вся эта толпа, съ криками и угрозами противъ Гизо, направилась къ министерству иностранныхъ дѣлъ.

Гизо пользовался такой непопулярностью, что въ случаѣ нападенія на этотъ пунктъ онъ подвергался большой опасности; поэтому назначенный туда полицейскій коммиссаръ Луаé еще съ утра совѣтовалъ Жени, управляющему кабинетомъ Гизо, принять нѣкоторыя предосторожности. Но этотъ господинъ, отголосокъ своего начальника, съ гордостью объявилъ, что бояться нечего. Жившій въ сосѣдствѣ другой министръ, канцлеръ Геберъ, равно нелюбимый народомъ какъ и Гизо, также объявилъ, что онъ ничего не боится, и единственная предосторожность, на которую онъ согласился, была та, чтобы запереть всѣ двери. Не смотря на всѣ убѣжденія коммиссаровъ, онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи.

Такимъ образомъ, когда толпа появилась предъ отелемъ Гизо, всю защиту его составляли 30 человѣкъ линейныхъ солдатъ, спрятанныхъ въ саду, взводъ пѣшей муниципальной гвардіи подъ командою капитана Пети и лейтенанта Казье-де-Комонъ, и во дворѣ архива 28 кавалеристовъ подъ начальствомъ лейтенанта Гамбона.

Аттака по обыкновенью началась угрозами и каменьями; какъ бы въ воспоминаніе дѣла Пети, въ окна полетѣли су, которыя перебили стекла и слегка ранили двухъ чиновниковъ. Находившіеся во дворѣ солдаты муниципальной гвардіи получили нѣсколько ударовъ камнями. Побуждаемая ненавистью, толпа съ крикомъ и яростью бросилась къ главной двери, съ намѣреніемъ высадить ее. Дверь не подавалась; но удары были такъ сильны и часты, что она не могла долго выдерживать ихъ. Тогда осаждающіе рѣшились напасть на кавалерію съ боку, изъ Ново-капуцинской улицы. Въ это самое время изъ дверей архива вышелъ квартирмейстеръ Лажоншъ, и дверь тотчасъ затворилась за нимъ. Разъяренный народъ напалъ на него, и не смотря на его мужественное сопротивленіе, онъ бы непремѣнно погибъ, если бы подоспѣвшіе солдаты не освободили его. Скоро прибыли изъ сосѣднихъ казармъ новыя подкрѣпленія, и по требованію Луаé толпа медленно удалилась, чтобы разносить дальше свою ярость и заражать ею другихъ.

Множество студентовъ перешли мосты. Имъ хотѣлось возбудить лѣвый берегъ Сены, также какъ они возбудили правый; раздѣлившись на двѣ колонны, они обошли 11 и 12 округи, и въ 2 часа направились къ политехнической школѣ. Тутъ они попытались вызвать воспитанниковъ, но муниципальная гвардія не допустила ихъ. Еще нѣсколько времени продолжалось сопротивленіе студентовъ, но наконецъ усталость или можетъ быть недостаточность силъ принудила ихъ разойтись.

X.

До этого времени нигдѣ еще не являлось попытки строить баррикады. Но въ 2 часа толпа народа, оттиснутая солдатами съ площади Concorde въ улицы Royale и Риволи, бросилась ломать рѣшетки, окружающія морское министерство. Въ одно мгновеніе, съ непостижимой силой, свойственной только парижскимъ рабочимъ, три рѣшетки были сломаны. Каждая желѣзная полоса сдѣлалась въ то же время оружіемъ и рычагомъ. Народъ принялся ломать мостовыя и камни полетѣли въ солдатъ и въ окна министерства. Нѣсколько солдатъ были ранены, а въ одной изъ залъ нижняго этажа камень попалъ въ д'Юрбека. Но въ это время въ тылъ толпы зашелъ отрядъ полицейскихъ. Выстрѣлы ихъ поразили многихъ и между прочимъ одну женщину. Это возбудило страшную ярость. Сотни рукъ подымаютъ мостовую, сваливаютъ камни на углу улицъ Риволи и Saint-Florentin, опрокидываютъ какую то карету и начинаютъ строить первую баррикаду. Новый залпъ муниципальныхъ гвардейцевъ остановилъ эту попытку.

Народъ отступилъ въ улицу Риволи; но, видя, что преслѣдованіе прекратилось, онъ остановился противъ министерства финансовъ и началъ вторую баррикаду. Выгнанный и оттуда, онъ бросился въ сосѣднія улицы Дюфо, Сентъ-Оноре, Marché des Jacobins, и вездѣ возобновлялъ свои попытки. Направляясь постепенно — по разсчету или просто по инстинкту — къ центру города, онъ на всемъ пути своемъ взламывалъ мостовыя, и такимъ образомъ составилъ какъ бы рядъ начатыхъ баррикадъ. Наконецъ онъ достигъ своего укрѣпленнаго лагеря—этихъ запутанныхъ кварталовъ, окружающихъ рынки, и остановился тамъ, сдѣлавъ изъ камней мостовой укрѣпленія, которыхъ однако не рѣшался защищать.

XI.

На другой сторонѣ площади Concorde драгуны занимали мостъ; народъ кричалъ имъ „Vive les dragons“! Въ это же время въ Елисейскихъ поляхъ происходила отчаянная схватка небольшаго отряда муниципальной гвардіи, съ толпой все болѣе и болѣе увеличивавшейся. Срубленныя деревья, опрокинутыя кареты, сваленныя скамьи составляли какъ бы рядъ редутовъ и представляли нападающимъ вѣрныя средства для обороны и наступленія. Лишь только выстрѣлы отгоняли ихъ нѣсколько, какъ они опять собирались и нападали съ новымъ ожесточеніемъ. Въ концѣ улицы Matignon была небольшая караульня, занятая линейными солдатами; по распоряженію начальства солдаты были выведены оттуда, и поэтому 25 человѣкъ муниципальныхъ гвардейцевъ, преслѣдуемые народомъ, избитые и перераненные камнями, бросились туда съ лейтенантомъ Дульме и заперлись. Ободренные этимъ призракомъ побѣды, осаждающіе окружили караульню. Неподалеку оттуда были сложены инструменты работавшихъ въ Елисейскихъ поляхъ. Эти инструменты послужили имъ оружіемъ. Они приставили лѣстницу, взобрались на верхъ, пробили крышу, положили у дверей кучи хворосту, облили его смолой и собирались уже поджечь. Гибель солдатъ была неизбѣжна, и однако они не рѣшались стрѣлять почти въ упоръ въ эту густую массу народа; да къ тому же и начальникъ ихъ боялся брать на себя отвѣтственность за пролитіе крови. Къ счастью на помощь осажденнымъ подоспѣлъ пикетъ конной муниципальной гвардіи съ отрядомъ 25 линейнаго полка, которые и спасли ихъ.

XII.

Правительство сдѣлало огромную ошибку, выставивъ противъ инсургентовъ прежде всего муниципальную гвардію.

Нужно замѣтить, что это войско было предметомъ старинной ненависти парижанъ. Перемѣна названія не заставила однако забыть, что это были тѣ же жандармы реставраціи, извѣстные въ народѣ своими звѣрскими поступками. И теперь, какъ прежде, ихъ обвиняли въ страшныхъ жестокостяхъ: говорили, что они безъ разбора бьютъ женщинъ и дѣтей, топчутъ ихъ лошадьми, нападаютъ на безоружныхъ и вообще обижаютъ людей самыхъ кроткихъ и безвредныхъ. Этотъ послѣдній упрекъ былъ отчасти справедливъ: обыкновенно подъ руку солдатъ попадаются прежде тѣ изъ толпы, которые сами не лезутъ на драку, а потому всего менѣе думаютъ объ опасности.

Всѣ эти обвиненія и упорное преслѣдованіе со стороны народа вывели наконецъ муниципальныхъ гвардейцевъ изъ терпѣнія. До сихъ поръ они всѣми мѣрами избѣгали настоящей битвы, и хотя многіе изъ нихъ были перебиты и изранены каменьями, однако они только слегка оборонялись прикладами или саблями плашмя. Но, видя что снисходительность ихъ не приноситъ никакой пользы, они рѣшились не щадить болѣе своихъ преслѣдователей, и почувствовали къ нимъ такую же ненависть, какую сами внушали имъ.

Это взаимное озлобленіе породило борьбу упорную, ожесточенную, ознаменованную подъ конецъ чертами самаго страшнаго звѣрства.

И такъ какъ народъ, дравшійся до сихъ поръ только съ муниципальной гвардіей, еще не имѣлъ дѣла съ линейными войсками, то каждый разъ, какъ только они встрѣчались, изъ толпы раздавались неистовые крики! „Vive la ligne! à bas la garde municipale“! Что руководило при этомъ народомъ — неизвѣстно: политическій ли разсчетъ или просто ненависть къ муниципальной гвардіи? Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе этого съ самаго начала борьбы установилось различіе между войсками. Такое положеніе возбуждало зависть

въ муниципальной гвардіи и въ то же время ослабляло суровость солдатъ противъ народа.

XIII.

Когда наступилъ часъ засѣданія палаты, площади Madeleine и Concorde представляли чрезвычайно интересное зрѣлище. Народъ узналъ депутатовъ оппозиціи, окружилъ ихъ и привѣтствовалъ, особенно самыхъ горячихъ изъ нихъ, съ истиннымъ восторгомъ. Тысячи голосовъ ободряли ихъ, умоляли держаться крѣпче, защищать права народа; тысячи рукъ протягивались, чтобы пожать имъ руки. Вмѣстѣ съ пѣніемъ Marseillaise раздавались крики: „да здравствуютъ депутаты оппозиціи!“ И не одинъ только народъ находился подъ обаяніемъ нравственнаго вліянія депутатовъ: мимо дворца Бурбоновъ проѣзжалъ съ Инвалидной набережной полкъ, предъ которымъ ѣхали музыканты и играли торжественный гимнъ. Но когда депутатъ Курте подошелъ къ полковнику и замѣтилъ ему, что подобная музыка вовсе неумѣстна при теперешнихъ обстоятельствахъ, — онъ велѣлъ въ ту же минуту перестать играть.

Депутаты министерства, напротивъ того, приходили въ смущеніе, стараясь не быть узнанными. Правда, никто изъ нихъ не былъ сильно оскорбленъ, но многимъ пришлось выслушать слова, доказывавшія ихъ непопулярность.

Предметомъ засѣданія было вчерашнее дѣло — отсрочка привиллегіи Бордосскаго Банка. Палата представляла обыкновенное зрѣлище: на скамьяхъ оппозиціи та же пустота, то же раздраженное безпокойство. На противоположныхъ скамьяхъ — тѣ же ораторы. Даже на губахъ Гизо блуждала его обыкновенная улыбка.

Вошелъ Барро и предъявилъ обвинительный актъ. Президентъ велѣлъ позвать Гизо и вручилъ ему этотъ актъ. Ги-

зо сначала посмотрѣлъ на него, потомъ прочелъ и съ презрительнымъ жестомъ возвратилъ бумагу Созе.

Въ 4 часа президентъ вдругъ хотѣлъ закрыть засѣданіе и собрался уйти, но Барро остановилъ его и просилъ предъявить палатѣ переданный имъ актъ. Созе сталъ возражать и объявилъ рѣшительно, что актъ будетъ прочтенъ не ранѣе слѣдующаго четверга и не въ присутствіи палаты, а въ канцеляріи. Съ этими словами онъ вышелъ. О происшествіяхъ того дня, о возмущеніи, происходившемъ подъ самыми окнами палаты, никто даже не упомянулъ! Оппозиція, какъ и министерство, соблюдали въ этомъ случаѣ церемонную вѣжливость, не касаясь предмета столь щекотливаго для обѣихъ. Это обыкновенная слабость всѣхъ собраній, — прикидываться предъ публикой равнодушными въ то время, какъ душа каждаго полна злобы или страха.

Въ палатѣ перовъ произошелъ въ это время замѣчательный случай. Боасси предложилъ палатѣ взять на себя роль посредника въ настоящихъ обстоятельствахъ. Кромѣ того онъ просилъ для себя позволенія — потребовать у министерства объясненія относительно положенія Парижа. Мнѣніе это, поддерживаемое Альтономъ-Се, Тюрго и Боасси д'Англасомъ, было отвергнуто благородными перами, которые отозвались тѣмъ, что у нихъ слишкомъ много своихъ дѣлъ. Тогда Боасси, никогда не упускавшій случая пооораторствовать, произнесъ слѣдующее: „Подумайте, Мм. Гг., какой опасности подвергается столица!“ — его прервали, и онъ опять повторилъ то же самое. Наконецъ ему велѣли замолчать. Было уже 3 часа, и перы спокойно разошлись, довольные собой и убѣжденные въ томъ, что Боасси — безумецъ.

Въ это самое время три депутата Парижа: Карно, Вавенъ и Телапдье, условившись предварительно со многими изъ членовъ оппозиціи, отправились къ Сенскому префекту. Они доложили ему, что парижскій народъ очень удивленъ и огор-

чемъ тѣмъ, что національная гвардія до сихъ поръ не созвана. „Я совершенно не знаю о томъ, что дѣлается въ Парижѣ," отвѣчалъ Рамбюто, „и мнѣ даже нѣтъ дѣла до политическихъ волненій. Притомъ же право созывать національную гвардію принадлежитъ исключительно министрамъ; что же касается меня, господа, то я тутъ ровно ничего не могу сдѣлать." Такъ какъ Рамбюто былъ извѣстенъ своею любезностью и учтивостью, то сухость его отвѣта чрезвычайно поразила депутатовъ. Они объяснили ее тѣмъ, что вѣроятно никто не обращался къ нему за совѣтомъ, что мнѣнія его не были приняты и что онъ не получилъ даже никакихъ приказаній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ первый сановникъ города, онъ былъ глубоко оскорбленъ ничтожествомъ той роли, которую ему пришлось играть при такихъ замѣчательныхъ событіяхъ.

XIV.

Между тѣмъ волненіе принимало все болѣе и болѣе грозные размѣры. Видны были всѣ признаки близкой революціи. Мы видѣли, что утромъ дѣло началось стеченіемъ народа; затѣмъ послѣдовали шествія колоннами; потомъ дѣло дошло до камней и до постройки баррикадъ. Теперь народъ отправился къ оружейникамъ. Первая попытка захватить оружіе была сдѣлана въ часъ по полудни, на набережной Mégisserie и de Gèvres. Позже, между 2 и 3 часами, толпа народа, вооруженная желѣзными прутьями, вырванными изъ рѣшетокъ морского министерства, явилась въ улицѣ Ville-l'Evéque, N 5. Послали за полицейскимъ коммиссаромъ, но онъ прибѣжалъ уже тогда, когда оружіе было взято. Въ то же время для защиты сосѣдней баррикады отняли все оружіе у мастера Прела въ улицѣ Сентъ-Оноре. Въ 3½ часа покушались ограбить магазинъ оружейника Брéна въ улицѣ Roule, но покушеніе

это было безъуспѣшно. Въ 7 часовъ толпа снова пришла къ нему. Въ 4½ часа толпа нахлынула къ Андре, на бульварѣ Saint-Martin. Видя неминуемую бѣду, онъ побѣжалъ за полиціей, но когда возвратился домой, магазинъ его былъ пустъ. Въ то же время часть толпы была у Девима, но онъ имѣлъ предосторожность заранѣе убрать ружья, а другаго оружія они не взяли. Въ улицѣ Ришелье, противъ Théatre Français, Лепажъ-Мутье, придворный оружейный мастеръ, заперъ свой магазинъ. Ставни его магазина, обитыя толстыми желѣзными полосами, представляли, казалось, надежную защиту отъ грабежа. Въ три часа, толпа, вооруженная желѣзными прутьями, саблями и палками, явилась къ нему изъ улицы Сентъ-Оноре и потребовала оружія. Имъ ничего не отвѣтили. Тогда они бросились на переднюю дверь, но дверь не подавалась. Разъяренная толпа бросилась на проѣзжавшій омнибусъ, выпрягла изъ него лошадей, вытащила дышло и принялась усердно колотить въ ставни. Желѣзо стало уступать, а между тѣмъ помощи не было ни откуда; въ сосѣднемъ постѣ въ Palais Royal было только 20 человѣкъ, и магазинъ былъ ограбленъ.

Овладѣвъ оружіемъ, народъ принялся искать пороху. Но въ ту пору охота была прекращена и всѣ запасы пороху истощены. Къ тому же правительство, заботясь всегда о пустякахъ и пренебрегая важными предосторожностями, велѣло отобрать у продавцевъ весь остававшійся у нихъ порохъ.

XV.

Что болѣе всего изумляетъ во всемъ этомъ дѣлѣ, это отсутствіе всякой иниціативы со стороны правительства. Оно ни о чемъ не позаботилось, не приняло никакихъ серьезныхъ предосторожностей. Оно какъ будто положилось на усердіе низшихъ властей и храбрость войскъ. Да и войско то по-

являлось или случайно, или по требованію какого нибудь субалтернаго чиновника. Такъ напримѣръ на площади Madeleine полицейскій коммиссаръ вызвалъ подкрѣпленіе на помощь своему караулу и только тѣмъ спасъ его. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ произошло то же самое. Полицейскій коммиссаръ защищалъ палату депутатовъ, и онъ же вызвалъ войска, которыя освободили ее.

Даже когда опасность стала очень серьезною — и тогда не было принято никакихъ мѣръ; во всемъ видна была медленность, нерѣшительность. Войска прибывали въ разбивку и всегда спустя долгое время послѣ нападенія народа на какой нибудь пунктъ. Полковникъ Безансонъ, командиръ 5 легкаго полка, только въ 11½ часовъ получилъ приказаніе идти къ дворцу Бурбоновъ; прибывъ на мѣсто, онъ расположилъ одинъ батальонъ на дворѣ, а два остальные между палатой и мостомъ. Командиръ 34 линейнаго полка, полковникъ Шамбонъ, съ генераломъ Таландье, въ 11 часовъ выступилъ изъ военнаго училища и въ нѣсколько минутъ прибылъ на площадь Инвалидовъ, но къ палатѣ потребовали его только спустя нѣсколько часовъ. На Allée des Veuves народъ зажегъ гауптвахту. Увидя пожаръ, полковникъ Друэ поспѣшилъ туда съ 25 линейнымъ полкомъ, очистилъ главную аллею Елисейскихъ полей и съ большимъ трудомъ спасъ отъ огня постъ въ улицѣ Понтье. Около 2 часовъ взведены были первыя баррикады предъ министерствами морскимъ и финансовъ, и лишь часъ спустя полковникъ Лелутерель, командиръ 21 линейнаго полка, получилъ приказаніе прикрыть эти два важные пункта, не смотря на то, что казармы этого полка находились въ трехъ стахъ шагахъ оттуда. Смѣлость народа дошла до того, что онъ воздвигъ баррикаду даже въ улицѣ Риволи, противъ самаго Тюльерійскаго дворца, и чтобы помѣшать ему, нужно было наскоро взять изъ главнаго штаба національной гвардіи единственный батальонъ, державшій тамъ караулъ. Такимъ

образомъ главный штабъ остался безъ всякой защиты и некому было даже разогнать толпу, безпрестанно съ яростнымъ крикомъ „vive la réforme!“ появлявшуюся на карусельской площади, противъ самаго королевскаго жилища!

О національной гвардіи всѣ какъ будто забыли. Офицеры главнаго штаба, распущенные поутру, даже въ 3 часа еще не были собраны. Командиры прислушивались къ новостямъ, но никто не думалъ дѣйствовать, и только личная опасность заставляла ихъ призадумываться. Видя, что главный штабъ остался безъ войска и слѣдовательно находится въ опасности, генералъ Карбонель отправился съ офицеромъ Брайе къ генералу Себастіани и потребовалъ пособія. Себастіани обнаружилъ при этомъ требованіи полное удивленіе; до него доходили одни только неясные слухи о всемъ происходившемъ. Ясно было, что наступило время дѣйствовать; однѣ быстрыя мѣры могли предупредить несчастье; но вмѣсто всякихъ мѣръ генералъ послалъ спросить у министерства, что̀ ему дѣлать. Наконецъ уже въ 4 часа, когда положеніе сдѣлалось страшнымъ, рѣшились объявить Парижъ на военномъ положеніи. Адъютанты и курьеры поскакали по всѣмъ направленіямъ. Генералы, корпусные командиры и полковники національной гвардіи получили приказанія выступать изъ казармъ. По всему городу потянулась пѣхота, кавалерія и артиллерія, и въ 9 часовъ вечера всѣ стратегическіе пункты были заняты.

XVI.

Пункты эти были уже давно назначены. Каждый корпусный командиръ зналъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать во время сраженія, сообразно плану, о которомъ мы говорили выше, и согласно съ инструкціями, изданными еще 1 іюля 1839 года. Мы представляемъ весь этотъ планъ въ подробности.—Сена пересѣкаетъ Парижъ во всю длину его. По обо-

имъ берегамъ ея тянутся широкія набережныя. Если смотрѣть съ средины рѣки къ сѣверу, то на правомъ берегу ея видна большая дуга, нѣсколько неправильная, образуемая бульварами. Дуга эта срединой касается набережной, а двумя противуположными концами примыкаетъ къ площадямъ Concorde и Bastille. На этой двойной линіи, составляющей, такъ сказать, центръ Парижа, было пять стратегическихъ пунктовъ, а именно: отъ востока къ западу, по набережной, площадь Concorde, Карусель и Ратуша; въ томъ же направленіи, по бульварамъ, шоссе, соединяющее ворота Сен-Дени съ Сен-Мартенскими, и наконецъ Бастилія; всѣ они соединяются въ срединѣ дуги двумя стратегическими пунктами, устроенными на „площади побѣдъ“ и на рынкѣ des Innocents, близъ церкви св. Евстафія. По ту сторону бульваровъ начинаются предмѣстья: Faubourg Montmartre, Faubourg Poissonnière, Faubourg Saint-Dénis, Faubourg Saint-Martin, Faubourg du Temple и Faubourg Saint-Antoine. Улицы этихъ шести предмѣстій открываютъ свободный доступъ войскамъ, расположеннымъ по бульварамъ. Съ высоты предмѣстья Saint-Martin до Бастильской площади, съ юга на сѣверозападъ, предмѣстья пересѣкаются діагонально широкой дорогой: это двѣ набережныя Сен-Мартенскаго канала.

На лѣвомъ берегу Сены, менѣе значительномъ, были четыре стратегическіе пункта, расположенные по теченію рѣки: военное училище—резервъ артиллеріи, площадь инвалидовъ—резервъ пѣхотныхъ войскъ; потомъ слѣдуетъ — полицейская префектура и наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ столицы, Пантеонъ, нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря съ тремя аванъ-постами: площадью Моберъ, перекресткомъ Одеона и площадью св. Сульпиція.

Казармы и зубчатыя караульни, расположенныя по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, находятся на всѣхъ пунктахъ сообщенія. Внѣшнія укрѣпленія дополняютъ этотъ страшный

ensemble. Представьте себѣ всю эту обширную цѣпь укрѣпленій; займите мысленно вѣрными и храбрыми войсками этотъ двойной рядъ набережныхъ и бульваровъ; поставьте на всѣхъ этихъ позиціяхъ сильные отряды; поддерживайте сообщенія между ними посредствомъ усиленныхъ патрулей, и вы не поймете, какъ можно было допустить развиться бунту въ Парижѣ, какимъ образомъ можно было даже помышлять о возстаніи, когда одной минуты было довольно, чтобы задушить его. Такова была слѣпая самоувѣренность и Карла X въ 1830 году, и Людовика-Филиппа въ 1848. Увѣренные въ томъ, что они всегда могутъ укротить Парижъ, они пренебрегали всякими предосторожностями. Всѣмъ извѣстны послѣдствія этой самоувѣренности.

XVII.

Извѣстно, что каждый военный планъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, всегда имѣетъ свою слабую сторону. То же самое оправдалось и теперь. Составленный первыми военными знаменитостями по всѣмъ правиламъ науки, планъ этотъ на опытѣ оказался никуда негоднымъ. Онъ былъ страшенъ и силенъ противъ бунта, но не противъ революціи. Если бы, напримѣръ, открылся заговоръ и вооруженная толпа людей появилась на площади, то правительству стоило только выдвинуть сильное и вѣрное войско и отдать приказъ національной гвардіи, и первая попытка бунта была бы задушена. Если бы даже бунтовщики были на столько сильны, что могли бы долго сопротивляться, то и тогда войско и національная гвардія, взаимно поддерживая другъ друга, имѣли бы нравственный перевѣсъ надъ толпой и, рано или поздно, побѣда осталась бы за ними. Но ежели, напротивъ, народонаселеніе Парижа враждебно правительству, если солдаты національноной гвардіи, вмѣсто того, чтобы сражаться за пра-

вительство, сражаются противъ него, или, равнодушные къ дѣлу, спокойно сидятъ въ своихъ домахъ, — тогда планъ, составленный на случай бунта, долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ. Полки, растянутые на огромномъ пространствѣ, легко могутъ быть окружены, отрѣзаны одинъ отъ другаго безчисленными баррикадами и ихъ храбрыми защитниками. Всякая возможность получать извѣстія, подкрѣпленія, провизію прекращается. Второстепенные начальники, предоставленные самимъ себѣ, впадаютъ въ нерѣшительность, потому что боятся отвѣтственности. Солдаты колеблятся, теряютъ бодрость, дерутся не изъ за побѣды, но изъ за чести знамени, не ради правительства, а ради собственнаго спасенія; и если для спасенія своего имъ не нужно жертвовать честью знамени, тогда ихъ легко убѣдить положить оружіе.

И такъ война въ самомъ Парижѣ есть вопросъ скорѣе политическій, нежели стратегическій; состояніе Парижа должно рѣшить — нужно ли сосредоточивать войска въ одномъ пунктѣ или занять ими весь городъ. Одинаково нелѣпо было, какъ совершеннымъ отсутствіемъ войскъ дать разгорѣться бунту, который можно было усмирить при самомъ началѣ, такъ и растянуть войска на огромномъ пространствѣ, котораго они не въ силахъ были охватить.

XVIII.

Въ февралѣ 1848 года правительство не должно было разсчитывать на національную гвардію. Самъ генералъ Жакмино, хотя на словахъ и ручался за ея вѣрность, однако видимо не довѣрялъ ей, потому что въ минуту явной опасности не рѣшался созвать ее.

Что касается арміи, то она въ это время состояла изъ 44 батальоновъ линейнаго войска (21.500 человѣкъ), 38 эскадроновъ кавалеріи (4.850 челов.), двухъ полковъ артиллеріи,

трехъ ротъ инженеровъ и трехъ ротъ обоза и военныхъ рабочихъ. Кромѣ того была еще муниципальная гвардія, батальонъ саперовъ-піонеровъ и нѣсколько ротъ ветеранъ унтеръ-офицеровъ, — всего 37.797 человѣкъ и 7.154 лошади. Всѣ эти силы были подчинены двумъ начальникамъ: армія — генералу Себастіани, національная гвардія — генералу Жакмино. Хотя ни тотъ ни другой не былъ способенъ къ тому, чтобы быть главнокомандующимъ, но, не смотря на то, они оба одинаково добивались этого. Это раздѣленіе власти, всегда опасное, потому что порождаетъ зависть, въ настоящемъ случаѣ весьма мѣшало успѣшному ходу дѣлъ. Правительство, сознавая это, рѣшило, что вмѣшательство герцога Немурскаго въ состояніи установить между ними согласіе и единство. Поэтому, не ввѣряя ему главнаго начальства, оно дало ему родъ какого-то почетнаго протекторства, конечно не за заслуги его, а только за титулъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы упростить командованіе, его еще болѣе запутали. Вмѣсто главнокомандующаго войску дали какого-то посредника. И этотъ посредникъ былъ принцъ, т. е. человѣкъ, передъ которымъ истина всегда робка, а усердіе преувеличено. Это тройное начальство — смѣшная и пагубная выдумка двора — еще болѣе увеличило безпорядокъ. Правительство убѣдилось въ этомъ только тогда, когда уже поздно было поправить ошибку!

XIX.

И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ были расположены войска въ Парижѣ, вечеромъ 22-го февраля:

На площади Concorde. Войска, занимавшія эту позицію, были сначала ввѣрены Деларю, бригадному генералу національной гвардіи; но въ 10 часовъ вечера его смѣнилъ генералъ Карреле. Кавалеріей командовалъ генералъ Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

На площади Каруссль. Одна часть войска прибыла туда между 5 и 6 часами вечера, другая въ 9. Командиръ перваго жандармскаго легіона полковникъ Ребильо, хотя и не получалъ ни отъ кого приказаній, но зная опасное положеніе дѣлъ, самъ явился туда въ 7 часовъ. Вечеромъ герцогъ Немурскій сдѣлалъ смотръ войскамъ, которыя при видѣ его кричали „vive le roi“; потомъ онъ расположилъ ихъ вокругъ дворца и поручилъ непосредственное начальство надъ ними генералу Прево.

На площади Ратуши. Нѣсколько отрядовъ кавалеріи и пѣхоты и два батальона 7-го легкаго полка, приведенные полковникомъ Люси-Пелисакъ, подъ командою генерала Таландье. Въ 9 часовъ къ нему присоединился полковникъ Шамбонъ, командиръ 34-го легкаго полка, съ своимъ полкомъ и двумя пушками. Онъ занялъ сильными аванъ-гардами площадь Шателе и окрестныя позиціи.

На площади Бастиліи. Первый прибылъ туда полковникъ Балиганъ съ 74 линейнымъ полкомъ. Затѣмъ явились батальоны 16-го легкаго, 23-го и 45-го линейнаго, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и двѣ пушки. Всѣмъ этимъ командовалъ генералъ Дюго. Сюда же прибылъ черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье командиръ 16-го легкаго полка, полковникъ Маршезанъ, для прикрытія 12-ти пушекъ артиллерійскаго резерва, находившагося на заставѣ du Trône. Сентъ-Антуанское предмѣстье защищено было сильными отрядами 23-го легкаго и 23-го линейнаго полковъ, подъ командой генерала Дешуи, занимавшими Попинкуртскія казармы.

Ворота Сен-Дени и Сенъ-Мартенъ. Этотъ важный пунктъ былъ занятъ двумя батальонами 45-го и 52-го линейнаго, эскадрономъ кавалеріи и двумя пушками, подъ начальствомъ генерала Гарроба. Сосѣднія казармы la Nouvelle France были усилены двумя батальонами 29-го линейнаго. Вся

трехъ ротъ инженеровъ и трехъ ротъ обоза и военныхъ рабочихъ. Кромѣ того была еще муниципальная гвардія, батальонъ саперовъ-піонеровъ и нѣсколько ротъ ветеранъ унтеръ-офицеровъ, — всего 37.797 человѣкъ и 7.154 лошади. Всѣ эти силы были подчинены двумъ начальникамъ: армія — генералу Себастіани, національная гвардія — генералу Жакмино. Хотя ни тотъ ни другой не былъ способенъ къ тому, чтобы быть главнокомандующимъ, но, не смотря на то, они оба одинаково добивались этого. Это раздѣленіе власти, всегда опасное, потому что порождаетъ зависть, въ настоящемъ случаѣ весьма мѣшало успѣшному ходу дѣлъ. Правительство, сознавая это, рѣшило, что вмѣшательство герцога Немурскаго въ состояніи установить между ними согласіе и единство. Поэтому, не ввѣряя ему главнаго начальства, оно дало ему родъ какого-то почетнаго протекторства, конечно не за заслуги его, а только за титулъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы упростить командованіе, его еще болѣе запутали. Вмѣсто главнокомандующаго войску дали какого-то посредника. И этотъ посредникъ былъ принцъ, т. е. человѣкъ, передъ которымъ истина всегда робка, а усердіе преувеличено. Это тройное начальство — смѣшная и пагубная выдумка двора — еще болѣе увеличило безпорядокъ. Правительство убѣдилось въ этомъ только тогда, когда уже поздно было поправить ошибку!

XIX.

И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ были расположены войска въ Парижѣ, вечеромъ 22-го февраля:

На площади Concorde. Войска, занимавшія эту позицію, были сначала ввѣрены Деларю, бригадному генералу національной гвардіи; но въ 10 часовъ вечера его смѣнилъ генералъ Карреле. Кавалеріей командовалъ генералъ Рейо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

На площади Карусель. Одна часть войска прибыла туда между 5 и 6 часами вечера, другая въ 9. Командиръ перваго жандармскаго легіона полковникъ Ребильо, хотя и не получалъ ни отъ кого приказаній, но зная опасное положеніе дѣлъ, самъ явился туда въ 7 часовъ. Вечеромъ герцогъ Немурскій сдѣлалъ смотръ войскамъ, которыя при видѣ его кричали „vive le roi“; потомъ онъ расположилъ ихъ вокругъ дворца и поручилъ непосредственное начальство надъ ними генералу Прево.

На площади Ратуши. Нѣсколько отрядовъ кавалеріи и пѣхоты и два батальона 7-го легкаго полка, приведенные полковникомъ Люси-Пелисакъ, подъ командою генерала Таландье. Въ 9 часовъ къ нему присоединился полковникъ Шамбонъ, командиръ 34-го легкаго полка, съ своимъ полкомъ и двумя пушками. Онъ занялъ сильными аванъ-гардами площадь Шателе и окрестныя позиціи.

На площади Бастиліи. Первый прибылъ туда полковникъ Балиганъ съ 74 линейнымъ полкомъ. Затѣмъ явились батальоны 16-го легкаго, 23-го и 45-го линейнаго, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и двѣ пушки. Всѣмъ этимъ командовалъ генералъ Дюго. Сюда же прибылъ черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье командиръ 16-го легкаго полка, полковникъ Маршезанъ, для прикрытія 12-ти пушекъ артиллерійскаго резерва, находившагося на заставѣ du Trône. Сентъ-Антуанское предмѣстье защищено было сильными отрядами 23-го легкаго и 23-го линейнаго полковъ, подъ командой генерала Депуи, занимавшими Попинкуртскія казармы.

Ворота Сен-Дени и Сенъ-Мартенъ. Этотъ важный пунктъ былъ занятъ двумя батальонами 45-го и 52-го линейнаго, эскадрономъ кавалеріи и двумя пушками, подъ начальствомъ генерала Гарроба. Сосѣднія казармы la Nouvelle France были усилены двумя батальонами 29-го линейнаго. Вся

эта позиція была прикрыта сильными отрядами и вокругъ нее были разложены боевые огни.

На площади Побѣдъ. Здѣсь находился генералъ національной гвардіи Фріанъ съ тремя батальонами 15-го, 21-го и 69-го линейнаго. Онъ послалъ эскадроннаго командира Гораса Верне еще за однимъ батальономъ, который прибылъ къ нему въ 10 ч. вечера. Этотъ отрядъ прикрывалъ банкъ и домъ мера 3-го округа.

Pointe Saint-Eustache. Въ 5 часовъ занялъ этотъ постъ генералъ Сентъ-Альдегондъ съ первымъ легкимъ, который былъ приведенъ изъ Поассоньерскихъ казармъ полковникомъ Саваномъ. Въ продолженіе вечера и ночи туда прибыли еще 69-й линейный, 6-й батальонъ пѣшихъ стрѣлковъ, выступившихъ изъ Венсена въ 8 часовъ вечера, и 2 пушки.

Военное училище. Здѣсь и на площади Инвалидовъ расположены были резервы пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Полицейская префектура. Этотъ важный пунктъ былъ занятъ нѣсколькими отрядами муниципальной гвардіи и батальономъ венсенскихъ стрѣлковъ подъ командой полковника Ламберъ-Ролена. Сильные отряды занимали набережныя и мосты. Городскіе сержанты еще съ утра переодѣлись въ обыкновенное платье горожанъ и поступили въ распоряженіе префекта.

Пантеонъ. На этой позиціи находился полковникъ Бюиссонъ съ 55-мъ линейнымъ, однимъ батальономъ 16-го легкаго и однимъ взводомъ 7-го кирасирскаго полка. Сообразно съ инструкціями, уже извѣстными читателю, онъ небольшими отрядами занялъ выдающіяся позиціи площадей Моберъ, Сенъ-Сюльписъ, Одеона, перекрестокъ Одеона и мостъ Сенъ-Мишель.

Кромѣ того каждый изъ командировъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи пикетъ легкой кавалеріи, служившій для сообщеній съ главной квартирой; для арестовъ, въ случаѣ на-

добности, у каждаго изъ нихъ было по одному капральству муниципальной гвардіи и по нѣсколько человѣкъ полицейскихъ коммиссаровъ.

Генералъ Перро завѣдывалъ всѣми этими войсками. Наконецъ военный министръ, генералъ Трезель, лишенный всякаго участія въ командованіи, долженъ былъ только по мѣрѣ надобности вызывать войска, расположенныя въ сосѣднихъ гарнизонахъ.

XX.

Мы старались какъ можно вѣрнѣе и точнѣе представить читателю порядокъ расположенія войскъ, потмуо въ особенности, что это даетъ понятіе о безпорядкѣ, существовавшемъ при самомъ началѣ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ видно, что планъ, такъ хорошо обдуманный, былъ уже испорченъ. Войска, порученныя различнымъ начальникамъ, то и дѣло переходили съ одной позиціи на другую. Случалось напримѣръ, что въ какой нибудь полкъ приходило приказаніе, и не заставало его уже на мѣстѣ; отправлялись искать его, а полкъ въ это самое время тоже искалъ мѣста своего новаго назначенія. Батальоны и даже роты полковъ были раздроблены, и изъ различныхъ батальоновъ, совершенно чуждыхъ одинъ другому, составлялись отряды. Это произвело страшный безпорядокъ, путаницу и тысячи недоразумѣній, и было причиной неправильности въ раздачѣ продовольствія и фуража. Все это самымъ печальнымъ образомъ дѣйствовало на войско: солдаты удивлялись, стали колебаться, теряли напрасно силы и время. Ясно было, что если такая анархія продолжится далѣе, то вмѣстѣ съ безпорядкомъ родится и нравственное разстройство.

Успѣхъ всякой войны зависитъ болѣе всего отъ ясности приказаній и быстроты дѣйствій. Въ уличной войнѣ эти мѣры

еще болѣе необходимы. На полѣ битвы главнокомандующій видитъ всѣ войска на лицо; на улицѣ онѣ скрыты отъ него, онъ можетъ только мысленно видѣть ихъ. Въ первомъ случаѣ ему легко замѣчать и поправлять всякое неправильное движеніе, во второмъ — онъ лишенъ даже возможности знать настоящій ходъ дѣла, потому что слухи, доходящіе до него, въ извѣстной степени невѣрны. Такимъ образомъ ему не остается болѣе ничего, какъ положиться на второстепенныхъ начальниковъ; а между тѣмъ безпрестанно встрѣчаются непредвидѣнныя обстоятельства, при которыхъ необходимо, чтобы солдаты имѣли довѣріе къ своимъ офицерамъ, а офицеры слѣпо исполняли высшія распоряженія. Но если въ этихъ высшихъ распоряженіяхъ замѣтна слабость, если начальники колеблятся, если солдаты замѣчаютъ въ нихъ недостатокъ энергіи, тогда довѣріе теряется; офицеры думаютъ только объ отвѣтственности, солдаты теряютъ бодрость, и тогда все потеряно!

XXI.

Еще большій безпорядокъ происходилъ въ національной гвардіи. Хотя генералъ Жакмино и увѣрялъ короля и министерство, что эта милиція горѣла нетерпѣніемъ скорѣе покончить съ бунтовщиками и что по первому барабанному бою выйдетъ 50 тысячъ человѣкъ, однако онъ все еще не рѣшался собрать ее.

„Предоставьте мнѣ дѣйствовать, говорилъ онъ; я человѣкъ опытный въ дѣлахъ такого рода. Самая благопріятная минута та, когда солдаты національной гвардіи сами потребуютъ, чтобы ихъ созвали для усмиренія бунта; погодите еще немного, они потребуютъ этого.“ Однако въ 5 часовъ вечера рѣшились не дожидаться болѣе этого требованія, и по всѣмъ кварталамъ забили тревогу. Но національная гвардія не собиралась. Нѣкоторые легіоны выставили не болѣе 150 человѣкъ; только

1-й и 10-й легіоны обнаружили нѣкоторую готовность. Такимъ образомъ тѣ стратегическіе пункты, которые предполагалось занять національной гвардіей, остались пусты. Солдаты тревожно глядѣли на это неожиданное хладнокровіе гвардіи.

Еще прежде назначенъ былъ въ каждый округъ пикетъ изъ 100 человѣкъ. Нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ замѣшались въ число ихъ. Меры, не получая никакихъ приказаній, распустили эти пикеты, точно также какъ и всѣ отряды національной гвардіи, которые по своей малочисленности не могли быть имъ полезны. Нѣсколько минутъ спустя, въ часъ ночи, изъ Тюльери пришелъ приказъ распустить національную гвардію.

XXII.

Таково было состояніе умовъ національной гвардіи и расположеніе войскъ вечеромъ 22 февраля. Зная это, легко можно рѣшить вопросъ, на чьей сторонѣ было физическое и моральное превосходство.

По мѣрѣ того, какъ войска занимали назначенныя имъ позиціи, народъ отступалъ къ самому центру города, этому лабиринту улицъ и перекрестковъ, вокругъ котораго расположены площадь Побѣдъ, la pointe Saint-Éustache, Ратуша и Сенъ-Денисскія ворота. Предмѣстья уже волновались и ждали только разсвѣта, чтобы взяться за оружіе, но попытки строить баррикады тамъ еще не было.

Другая партія инсургентовъ, отрѣзанная отъ общей массы сильными залпами муниципальной гвардіи на площади Concorde, отхлынула къ западнымъ заставамъ.

Прежде всѣхъ была захвачена ими застава Звѣзды. Часовъ въ 6 вечера нѣсколько сотъ человѣкъ съ храбростью бросились на нее, разрушили и зажгли одинъ изъ павильоновъ. Но при видѣ 14 и 15 линейныхъ полковъ, наскоро при-

бывшихъ изъ Курбъ-Воа и Сенъ-Клу, они закричали „Vive la Ligne!“ и побѣжали къ заставѣ де-Руль. Раззоривъ ее, они зажгли заставу Курсель и перерѣзали проволоки электрическаго телеграфа, проведеннаго отъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ Руанской желѣзной дорогѣ.

Между тѣмъ дождь, густой, холодный, непріятный, не переставалъ лить, наступила ночь, и темнота только усилила волненіе. Все предвѣщало близость кровавой раздѣлки. И дѣйствительно, въ 7½ часовъ вечера у заставы Монсо завязалась схватка. Первые выстрѣлы были сдѣланы инсургентами, но первая кровь была пролита солдатами. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: толпа народа, возвращаясь съ сосѣдней заставы, захватила оружіе у одного мастера въ Батиньолѣ, на бульварѣ Монсо, и съ этимъ оружіемъ явилась къ посту, находившемуся подъ защитой одного капральства жандармовъ и пикета національной гвардіи. Народъ сталъ стрѣлять, но пули не попадали въ солдатъ, защищеныхъ стѣнами. Солдаты отвѣчали залпомъ и въ толпѣ были убиты четыре человѣка. Въ 11 часовъ нападеніе повторилось, но подоспѣвшія двѣ роты 29 линейнаго полка отрѣзали его.

Въ центрѣ Парижа народъ перебилъ всѣ газовые фонари. Наступила совершенная темнота, которая еще болѣе способствовала разграбленію оружейныхъ магазиновъ и постройкѣ баррикадъ. Сильный и вооруженный отрядъ инсургентовъ аттаковалъ въ улицѣ Mauconseil военный постъ, порученный пикету 23-го линейнаго полка; солдаты едва успѣли войти въ караульню и запереть за собою дверь; но патруль 69-го линейнаго полка, услыхавъ выстрѣлы, подоспѣлъ на помощь и освободилъ ихъ. Въ кварталѣ Монторгейль и Пети-Карро начали было строить баррикады, потомъ бросили ихъ, но наконецъ опять заняли вооруженными людьми. Около 9-ти часовъ вечера инсургенты напали на отрядъ муниципальной гвардіи, которому ввѣрена была защита торговаго дома брать-

евъ Лепажъ, въ улицѣ Bourg-l'Abbé, гдѣ находился большой складъ оружія. Муниципальные гвардейцы защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ и скрылись въ домъ. Лепажъ самъ побѣжалъ въ префектуру за помощью и привелъ съ собою отрядъ подъ командою поручика Бувье.

Около 10 или 11 часовъ генералъ Гарробъ, узнавъ, что баррикады воздвигаются уже возлѣ его позиціи, отрядилъ двѣ роты подъ начальствомъ подполковника Пюча. Этотъ отрядъ занялъ улицу Гренета и, послѣ небольшаго сопротивленія, очистилъ баррикады. Не много далѣе, на углу улицъ Petit Hurleur и Bourg-l'Abbé, нѣсколько выстрѣловъ тоже были достаточны для того, чтобы согнать народъ съ баррикадъ.

Во всѣхъ этихъ стычкахъ одинъ только народъ терпѣлъ потери; солдаты же не потеряли ни одного человѣка. Причина этого понятна. Темнота ночи усиливала смѣлость бунтовщиковъ, но мѣшала вѣрности ихъ выстрѣловъ. Кромѣ того борьба между войскомъ и народомъ не дошла еще до сильной степени ожесточенія. Но довольно было одного убійства, безполезно совершеннаго офицеромъ муниципальной гвардіи, чтобы породить это ожесточеніе. Это случилось въ то время, когда улица Гренета была уже очищена отъ баррикадъ и когда въ ней не было никакого сопротивленія. Вдругъ по улицѣ прошелъ какой то молодой человѣкъ, безоружный и нисколько не казавшійся бунтовщикомъ. Офицеръ муниципальной гвардіи напалъ на него и со всего размаха ударилъ его саблей въ грудь. Несчастнаго подняли, понесли сначала въ аптеку, потомъ въ консерваторію наукъ и художествъ, но онъ былъ уже мертвъ. Вѣсть объ этомъ мгновенно разнеслась по всему городу и произвела страшную ярость, которая скоро должна была разразиться на этомъ самомъ мѣстѣ и противъ этого же отряда.

XXIII.

Изъ оконъ, выходившихъ въ Тюльерійскій садъ, король видѣлъ все происходившее. Въ глубинѣ аллеи Елисейскихъ полей видно было роковое зарево горѣвшихъ гауптвахтъ; со стороны Карусельской площади представлялась другая картина междоусобной войны: разставленныя войска, наведенныя пушки, звонъ оружія. Но ничто не трогало, ничто не безпокоило короля.

Королева, напротивъ того, была блѣдна, взволнована и бросала безпокойные взгляды на всѣхъ окружающихъ. Не увлекаясь подобно королю политическими соображеніями, она сердцемъ чуствовала опасность, и рѣшилась во что бы то ни стало узнать истину. Съ этою цѣлью она обратилась къ начальнику батальона 7 легіона, бывшему тогда дежурнымъ въ Тюльери. Тотъ съ полною откровенностью разсказалъ ей все и описалъ раздраженіе народа, равнодушіе буржуазіи, враждебную холодность національной гвардіи, всеобщую ненависть къ настоящему министерству и крайнюю необходимость перемѣнить его. Пораженная всѣмъ слышаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко тронутая почтительностью и откровенностью капитана, королева поспѣшила разсказать все королю, и настояла, чтобы онъ самъ распросилъ его. Король послалъ за нимъ своего адъютанта. Батальонный командиръ немедленно явился и засталъ у короля все его семейство, за исключеніемъ герцога Немурскаго. Тутъ же были и Гизо, еще нѣсколько министровъ, придворные, адъютанты короля и принца.

На вопросъ короля, какого онъ мнѣнія о настоящихъ событіяхъ, капитанъ прямо отвѣчалъ: „я считаю долгомъ чести и совѣсти ничего не скрывать передъ вашимъ величествомъ. Солдаты національной гвардіи, находящіеся въ карауль здѣсь въ Тюльери, исполнятъ свято свою обязанность, если нужно

будетъ защищать королевскую фамилію; но никогда не присоединятся къ войску, чтобы бить народъ.“

— „Такъ вы говорите, сказалъ король, принужденно улыбаясь, что національная гвардія не будетъ драться?

— Не будетъ, ваше величество!“

— „Но что же мы сдѣлали дурнаго для націи, сказала королева. Неужели дѣти мои не достойны любви французовъ?

— Но вѣдь народъ и не имѣетъ ничего противъ вашего семейства; онъ раздраженъ противъ политики министерства.“

— „Однако по вашему, продолжалъ король, есть средство поправить дѣло?

— Есть, ваше величество, но я не смѣю....“

— „Говорите, я хочу знать, я наконецъ требую.

— Если вы приказываете, государь, я говорю: нужно сегодня же вечеромъ перемѣнить министерство; завтра будетъ уже поздно.“—Король съ видомъ сомнѣнія пожалъ плечами и затѣмъ отпустилъ батальоннаго командира, который ушелъ въ полномъ убѣжденіи, что у короля помраченъ разсудокъ, и что онъ только тогда пойметъ свое положеніе, когда все будетъ для него потеряно.

XXIV.

Герцогъ Немурскій не выходилъ изъ главнаго штаба. Онъ видимо былъ встревоженъ и озабоченъ. Казалось, что донесенія офицеровъ возбуждали въ немъ не энергію, а только безпокойство. На все онъ отвѣчалъ вяло, нерѣшительно. Въ его распоряженіяхъ не было ни жизни, ни твердости.

Въ офицерской залѣ собрались генералы Маньянъ, Геке, Прево, Тьерри, Перро, адъютантъ герцога Монпансье, комендантъ Фіерекъ и нѣсколько офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи и арміи. На лицѣ каждаго изъ нихъ выражалось скорѣе сомнѣніе, чѣмъ увѣренность и твердость.

Въ 9 часовъ собрался совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ герцога. По странному совпаденію, достойному вниманія исторіи, засѣданіе это происходило въ той самой комнатѣ, и притомъ въ тотъ же день и часъ, въ который 18 лѣтъ назадъ министры Карла X, Полиньянъ и Пейронне, разсуждали о тогдашнихъ безпорядкахъ. Есть роковыя минуты и роковыя мѣста, на которыхъ суждено разыгрываться непредвидимымъ драмамъ.

Въ 10 часовъ генералы Трезель и Деларю, начальникъ Алжирской экспедиціи, вышли изъ дворца и отправились въ Елисейскія поля, съ цѣлью лично посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Гизо и Дюшатель еще довольно долго оставались въ Тюльери.

Въ полночь въ главный штабъ прибылъ префектъ полиціи съ самой сіяющей физіономіей; онъ сообщилъ герцогу, что по донесенію его агентовъ и по его личнымъ наблюденіямъ, все шло какъ нельзя лучше. Въ то же время министръ полиціи получилъ изъ префектуры рапортъ точно такого же содержанія.

И точно, судя по наружности, увѣренія Делессера были справедливы: Парижъ умолкъ. Тихо было на пустынныхъ улицахъ; только тамъ и сямъ слышался мѣрный и тяжелый шагъ обходовъ, да на площадяхъ разложены были бивуачные огни, на которые такъ весело смотрѣть на полѣ битвы, и такъ грустно, когда они пылаютъ на улицахъ города.

Съ своей стороны оппозиція тоже не знала, на что рѣшиться. Партіи, увлекаемыя до сихъ поръ быстрымъ движеніемъ реформы, теперь остановились. Нигдѣ не замѣтно было никакой дѣятельности. Даже собранія у Барро прекратились. Изрѣдка только приходилъ къ нему кое кто изъ любопытныхъ, предлагалъ вопросы, дѣлалъ свои предположенія, но всѣ скорѣе желали мирнаго исхода, чѣмъ побѣды. Тоже самое происходило въ редакціяхъ „Siècle“ и

„Constitutionnel“; только въ редакціи „National“ и „la Réforme“ замѣтна была нѣкоторая жизнь. Но нигдѣ не проявлялось твердаго желанія дѣйствовать, никому не приходило въ голову дать толчокъ движенію. Даже когда въ 8 часовъ вечера въ Palais-Royal собрались редакторы и сотрудники „la Réforme,“ весь разговоръ ограничился только кое какими толками о происшествіяхъ этого дня. За тѣмъ всѣ разошлись, назначивъ другъ-другу на завтра свиданіе у Сенъ-Мартенскихъ воротъ. Студенты, послѣ утреннихъ усилій, тоже ничего не дѣлали, выжидая результатовъ своихъ дѣйствій. Они оставались въ конторахъ журналовъ, напрасно ожидая какого нибудь приказанія или распоряженія. Наконецъ центральный комитетъ, собравшись у Паньера, ждалъ только призванія національной гвардіи, чтобы, сообразно рѣшенію, принятому наканунѣ у Перре, провозгласить реформу.

XXV.

И такъ въ первый же день революціи народъ успѣлъ заявить свою силу и смѣлость, а правительство своею медленностью доказало свою нерѣшительность. Ни король, ни министры не умѣли и не могли сообщить другимъ своей сильной увѣренности. Субальтернъ-офицеры сомнѣвались въ правотѣ дѣла и не вѣрили въ энергію и даже способности своихъ начальниковъ. Они видѣли, что противъ живаго, стремительнаго нападенія народа начальники ихъ защищались слабо, вяло, медленно. Безполезно утомленныя войска повиновались только по привычкѣ къ дисциплинѣ, а не по убѣжденію. У нихъ не было энтузіазма къ правительству, котораго они не уважали, не было симпатіи къ слабымъ и нерѣшительнымъ начальникамъ. И трудно было возбудить ихъ ненависть къ народу, который вездѣ, при всякой встрѣчѣ, окру-

жалъ и привѣтствовалъ ихъ криками восторга. Такъ напримѣръ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, около 8 часовъ вечера, проходилъ батальонъ линейнаго войска. Собравшаяся тамъ толпа, за минуту предъ этимъ кричавшая: „смерть муниципальной гвардіи“, окружила его съ радостными криками. Отсутствіе національной гвардіи также сильно тревожило солдатъ. Они съ удивленіемъ видѣли, что немногіе собравшіеся легіоны ея большею частью были враждебны правительству и открыто желали реформы. Притомъ между солдатами вовсе не было убитыхъ, и если нѣкоторые изъ муниципальныхъ гвардейцевъ были контужены или ранены, то ни одинъ не умеръ. Напротивъ того, въ народѣ было много раненыхъ и человѣкъ 5 или 6 убитыхъ. Это обстоятельство окончательно охладило солдатъ, и они съ величайшею радостью услыхали, что все кончено и что они могутъ возвратиться въ свои казармы. Это было въ 3 часа утра. Войска удалились, оставя улицы совершенно спокойными; не было замѣтно ничего угрожающаго. Городъ остался за правительствомъ, вполнѣ увѣреннымъ, что побѣда на его сторонѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

23 февраля; утромъ войска занимаютъ прежнія позиціи; командованіе надъ ними сосредоточено въ одномъ пунктѣ. — Борьба начинается въ широкихъ улицахъ пятаго округа; перекрестокъ улицы Neuve-Bourg l'Abbé; Сенъ-Мартенская площадь; площадь Шателе; баррикады улицъ Rambuteau и Beaubourg; улица des Filles-du-Calvaire. — Борьба усиливается. — Взятіе Моконсейльскаго поста. — Національная гвардія; ея настроеніе; манифестаціи, произведенныя ею; 1 легіонъ оскорбляетъ депутатовъ оппозиціи; 2 легіонъ при встрѣчѣ съ линейнымъ полкомъ кричитъ вмѣстѣ съ нимъ: vive la Reforme! и крикъ этотъ доходитъ до Тюльери; 3 легіонъ направляетъ штыки противъ кирассиръ; 4 легіонъ направляется къ палатѣ депутатовъ съ просьбой о немедленномъ удаленіи министровъ и преданіи ихъ суду; батальонъ 10 легіона пересѣкаетъ ему дорогу на мосту Concorde; неизбѣжность стычки; счастливое вмѣшательство депутатовъ оппозиціи; 5 легіонъ вмѣшивается, въ Сенъ-Мартенскомъ предмѣстіи, въ схватку народа съ отрядомъ муниципальной гвардіи, и заставляетъ послѣдняго возвратиться въ казармы; 6 легіонъ, связанный симпатіей и дѣломъ съ реформистскимъ движеніемъ; въ 7 легіонѣ убитъ одинъ гвардеецъ, желавшій примирить народъ съ войскомъ; офицеры этого легіона отправляются къ Сенскому префекту; въ 8 легіонѣ, національные гвардейцы, принадлежавшіе къ оппозиціи, являются только вечеромъ; 9 легіонъ остается безъ всякаго дѣйствія; 10 легіонъ, его раздѣленіе на консерваторовъ и либераловъ; протестъ одного батальона противъ полковника; 11 легіонъ и разговоръ линейнаго офицера съ офицеромъ національной гвардіи; 12 легіонъ призванъ послѣ всѣхъ, изъ опасенія его демократическаго направленія; конная національная гвардія объявляетъ своему полковнику о необходимости уступокъ. — Къ королю доходятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о настроеніи національной гвардіи; онъ тревожится ими. — Гизо и Дюшатель въ Тюльери; ихъ отставка — добровольная или вынужденная? — Засѣданіе палаты депутатовъ; пренія о привиллегіи Бордоскаго банка; паническій страхъ; случай съ 4 легіономъ; требованіе Вавена; Гизо объявляетъ, что король призвалъ Моле, чтобы составить новый кабинетъ; сильная агитація; прос-

той и ясный приказъ на слѣдующій день. — Засѣданіе палаты перовъ; требованіе Альтона-Се и Буасси; палата не хочетъ слушать ихъ; пренія о закладахъ и о беззаконіяхъ, совершавшихся въ Американскихъ колоніяхъ; созваніе засѣданія и на слѣдующій день для того, чтобы услышать мнѣніе морскаго министра, который былъ въ этотъ день нездоровъ; засѣданіе закрыто. — Это—послѣднее засѣданіе палаты перовъ.

23-е ФЕВРАЛЯ.

I.

Ночь была темная, непроницаемая. Густой дождь не переставалъ идти. Кое гдѣ догорали огоньки покинутыхъ бивуакъ. На улицахъ царствовало глубокое, тяжелое молчаніе, нарушаемое только мѣрными шагами патрулей, перекличкой часовыхъ, да отдаленнымъ гуломъ ломаемой мостовой.

II

Съ семи часовъ утра снова стали показываться войска. Медленно занимали они позиціи, указанныя имъ наканунѣ. Какъ и вчера, страшная неурядица въ распоряженіяхъ мѣшала согласію и быстротѣ дѣйствій. Прошло цѣлыхъ три часа, пока заняты были всѣ позиціи. Солдаты смотрѣли такъ же невесело, какъ и вчера. Нѣкоторые изъ нихъ всю ночь провели на бивуакахъ, другіе едва успѣли сомкнуть глаза, и потому всѣ казались усталыми. Однимъ словомъ, все было по вчерашнему; только на площадь побѣдъ, въ помощь генералу Фріану прислали еще генерала Геке, и назначили генерала Рено командиромъ войскъ, охранявшихъ Пантеонъ.

Правительство еще наканунѣ вечеромъ вызвало въ Парижъ сосѣдніе гарнизоны. Но приказанія отданы были такъ безтолково, что гарнизоны эти или вовсе не получили, или не поняли ихъ. О корпусѣ жандармовъ, силѣ весьма значи-

тельной, совершенно забыли. Начальникъ его рѣшился самъ идти на Карусельскую площадь. Въ раздачѣ продовольствія былъ такой-же хаосъ; запасовъ было множество, но вслѣдствіе неурядицы на многихъ пунктахъ чувствовался сильный недостатокъ въ нихъ. Кирасиры пришли въ 10 ч. изъ Мо на бульваръ du Temple, ничего не ѣвши, такъ что многіе изъ нихъ падали отъ истощенія. Имъ подали помощь изъ сосѣднихъ домовъ, потому что на мѣстѣ ихъ назначенія ничего не было приготовлено. — Однако къ 10-ти часамъ бульвары, набережныя, мосты и вообще всѣ стратегическіе пункты были заняты войсками. Въ мѣстахъ, наиболѣе подверженныхъ нападенію, поставлена была артиллерія. У Ратуши, у Pointe Saint-Eustache, у Сенъ-Денисскихъ воротъ и у Бастиліи стояло по двѣ пушки. На площадяхъ Карусель и Concorde — по четыре. Парижъ былъ точно опоясанъ желѣзнымъ обручемъ. Главная квартира помѣщена была на Карусельской площади для того, чтобы приказанія могли исходить изъ центральнаго пункта. Однимъ словомъ все было такъ подготовлено, что, казалось, довольно было одной минуты, чтобы задушить возстаніе, если бы оно возобновилось.

III.

И оно не замедлило возобновиться. Въ центрѣ Парижа бульвары, набережныя, улицы Монмартръ и улица Vieille du Temple образуютъ огромный четыреугольникъ, окруженный стратегическими пунктами площади Побѣдъ, Pointe Saint-Eustache, Ратуши, Сенъ-Денисскихъ воротъ и Бастиліи. По направленію отъ набережныхъ къ бульварамъ эту часть Парижа перерѣзываютъ четыре большія улицы, именно: Пуассоньеръ, Сенъ-Дени, Сенъ-Мартенъ и du Temple. На половинѣ своего протяженія эти улицы почти подъ прямымъ угломъ пересѣкаются улицею Рамбюто. Между всѣми этими

улицами находится цѣлый лабиринтъ улицъ и переулковъ до того запутанныхъ, что нѣтъ никакой возможности изучить ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ такъ узки, что два человѣка съ трудомъ могутъ пройти рядомъ.. Этотъ то лабиринтъ и былъ, такъ сказать, гнѣздомъ бунта.

Въ этихъ кварталахъ, населенныхъ большею частью рабочимъ классомъ, лавки обыкновенно отворяются очень рано. Но 23-го февраля все было заперто, улицы были совершенно пусты. Наконецъ стали показываться люди, одни вооруженные, другіе безъ всякаго оружія. Съ каждой минутой прибывали новыя толпы народа. Опять началась ломка мостовыхъ, опять принялись строить баррикады на всѣхъ главныхъ пунктахъ сообщенія. Чтобы препятствовать движенію кавалеріи, усѣяли улицы битыми стеклами. Покончивъ дѣло въ одномъ мѣстѣ, народъ отправлялся далѣе дѣлать свои приготовленія къ бою.

IV.

Уличная война представляетъ обыкновенно цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ происшествій. Вы встрѣтите въ ней отвагу и трусость, страшную жестокость и черты высокаго человѣколюбія. Въ ней обыкновенно отражается характеръ того, кто командуетъ. Передать во всей подробности эти тысячи случаевъ, которые въ одно и тоже время происходятъ въ разныхъ мѣстахъ, было бы невозможно, да и не интересно. Чтобы не утомлять вниманія читателя, я ограничусь тѣмъ, что изображу самыя замѣчательныя изъ происшествій того утра, преимущественно такія, которыя характеризуютъ эту замѣчательную эпоху.

Улица Bourg l'Abbé, узкая и не слишкомъ длинная, примыкаетъ однимъ концомъ къ улицѣ Гренета, а другимъ къ улицѣ aux Ours. Посредствомъ улицы Neuve-Bourg l'Abbé

она соединяется съ улицею Сенъ-Мартенъ, а посредствомъ улицы Petit-Hurleur — съ улицею Сенъ-Дени. Въ этомъ перекресткѣ сходятся еще три узкихъ прохода и маленькая улица du Grande-Hurleur. Эта позиція — единственная въ цѣломъ Парижѣ; для народа она чрезвычайно удобна какъ для нападенія, такъ и для обороны. Напротивъ того для войска она почти недоступна. Важность этого пункта, сцены, происходившія тамъ наканунѣ, ярость, которую произвело убійство беззащитнаго юноши въ улицѣ Гренетà и въ особенности огромный складъ оружія въ улицѣ Bourg l'Abbé,— все должно было привлечь сюда людей самыхъ предпріимчивыхъ и рѣшительныхъ.

Полицейская префектура, наученная опытомъ прежнихъ возстаній, должна была понимать всю опасность этой позиціи; однако она приняла противъ нее самыя ничтожныя предосторожности. Къ 85-ти солдатамъ подъ начальствомъ лейтенанта Бувье прибавили 30 человѣкъ муниципальныхъ гвардейцевъ съ однимъ подпоручикомъ. Съ такими слабыми силами можно было или отступить при первомъ натискѣ, или самимъ сдѣлать отчаянное нападеніе и тѣмъ довести до послѣдней степени раздраженіе народа.

Въ 8 часовъ утра крики часовыхъ дали знать о нападеніи. Войско въ ту же минуту составило карре. Народъ толпами прибывалъ чрезъ улицу Сенъ-Дени. Съ приближеніемъ его завязалось дѣло, но съ неравнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Невѣрные выстрѣлы народа не поражали никого; солдаты же, напротивъ, убили двухъ рабочихъ и многихъ переранили. Послѣ мужественнаго отпора мятежники отступили.

V.

Въ то же самое время въ полицейскую префектуру дали знать, что казармамъ Сенъ-Мартенскаго предмѣстья угрожаетъ

сильная опасность отъ огромнаго стеченія народа. Не смотря на то, что неподалеку оттуда, у Сенъ-Денисскихъ воротъ, было много войска, изъ префектуры рѣшились послать на рекогносцировку сильный отрядъ, состоявшій изъ орлеанскихъ стрѣлковъ, конной и пѣшей муниципальной гвардіи, подъ начальствомъ лейтенантовъ Денеля и Лебрена. Этотъ отрядъ встрѣтилъ на пути выстрѣлы и баррикады, и офицеры, возвратясь въ префектуру, донесли Делессеру, что общій видъ столицы возбуждаетъ сильное безпокойство.

Имѣя двойную цѣль — добыть для себя оружія и очистить свою главную позицію, инсургенты аттаковали постепенно всѣ посты, находившіеся по близости. Въ 11 часовъ сильная и вооруженная партія напала на муниципальныхъ гвардейцевъ, прикрывавшихъ Сенъ-Мартенскій рынокъ. Гвардейцы защищались храбро, но превосходство непріятельскихъ силъ принудило ихъ укрыться въ караульню. Тогда осаждающіе рѣшились взять ее приступомъ. Разбивъ топорами первую дверь, они принялись за вторую, но солдаты открыли изъ бойницъ самый убійственный огонь и стрѣляли въ упоръ въ густую массу нападавшихъ, такъ что послѣдніе принуждены были отступить.

Черезъ нѣсколько минутъ въ одно и тоже время завязались сраженія въ двухъ мѣстахъ: на площади Шателе и въ улицѣ Aubry le-Boucher; но на этотъ разъ народъ имѣлъ уже дѣло съ линейными войсками. Съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ и между прочимъ полковникъ де-Сентъ-Илеръ, убитый на площади Шателе. Пуля попала ему въ лобъ и прошла насквозь. Это былъ молодой Африканскій офицеръ, весьма замѣчательный и подававшій большія надежды. Вѣсть о его смерти мгновенно разнеслась по всему городу и произвела на всѣхъ самое тяжелое впечатлѣніе.

VI.

До этого времени народъ еще ни разу не защищалъ серьезно баррикадъ. При появленіи войскъ инсургенты обыкновенно дѣлали нѣсколько выстрѣловъ и наскоро разбѣгались. Солдаты занимали оставленную баррикаду, очищали ее, но съ удаленіемъ ихъ, инсургенты снова появлялись и снова возводили ее. Но съ двухъ часовъ сопротивленіе сдѣлалось упорнѣе. На углу улицъ Рамбюто и Beaubourg возвышалась большая баррикада изъ камней и опрокинутыхъ каретъ. При ней было 60 человѣкъ, изъ которыхъ только половина имѣла ружья. Командиръ 6-го батальона пѣшихъ стрѣлковъ, Бюро, получилъ предписаніе занять эту баррикаду, для чего и отправился туда съ отрядомъ въ 150 человѣкъ. Лейтенантъ Дешампъ пошелъ впередъ съ 50-ю человѣками. Съ опущенными штыками, смѣло, мѣрнымъ шагомъ, пошли они на приступъ, но жестокій залпъ отбросилъ ихъ назадъ. Новая колонна двинулась, но и ту постигла та-же участь. Наконецъ за третьимъ разомъ солдатамъ удалось преодолѣть это мужественное сопротивленіе: покрытая трупами своихъ отчаянныхъ защитниковъ, баррикада осталась за войскомъ.

На другомъ пунктѣ генералъ Перро, приказавшій уничтожить баррикады въ улицахъ Vieille du Temple, de l'Oseille, des Quatre fils и de la Perle, встрѣтилъ не менѣе сильный отпоръ. Въ улицѣ des Filles-du-Calvaire дѣло дошло до пушекъ. Пушечными выстрѣлами думали только напугать инсургентовъ, но вмѣсто того перепугали весь городъ, показавъ ему этимъ всю опасность положенія дѣла.

VII.

И въ самомъ дѣлѣ опасность увеличивалась съ каждой минутой. Запахъ пороху, кровь убитыхъ, потребность мести

все это болѣе и болѣе волновало народъ и приводило его въ ожесточеніе. Схватки дѣлались чаще и чаще. Въ одно и то же время дрались въ улицахъ Френильонъ и Рояль Сенъ-Мартенъ, на Каирской площади, на углу улицъ des Deux-Portes, въ улицѣ Сентъ-Оноре, на углу улицы Руль, на перекресткѣ улицъ Пуассоньеръ, Клери, Нети-Карро, Тевено, Гравилье и др. Иногда какой нибудь кровавый эпизодъ, которыми такъ изобилуетъ уличная война, удвоивалъ ярость сражавшихся. Такъ, на Каирской площади въ числѣ многихъ, убитыхъ солдатами, была одна женщина, а въ улицѣ Рояль Сенъ-Мартенъ убили трехъ рабочихъ. Тѣла ихъ выставили на показъ, прибивъ сверху бумажку съ надписью „мщеніе„. Въ улицѣ Сенъ-Дени толпа подняла одного убитаго и понесла его съ криками: „мщеніе! къ оружію!“ На встрѣчу имъ попался взводъ конной муниципальной гвардіи, который разогналъ толпу и принудилъ ее оставить свою ношу въ Моконсейльскомъ постѣ. Но едва гвардейцы отошли, какъ народъ окружилъ постъ и сталъ требовать, чтобы имъ отдали трупъ. Капитанъ 23-го легкаго полка, Беранже, едва успѣлъ войти и запереть за собою дверь. Разъяренный народъ опрокинулъ будку, навалилъ на нее солому, облилъ смолой и готовился уже зажечь кордегардію, но подоспѣвшій отрядъ національной гвардіи вмѣшался въ дѣло, освободилъ солдатъ и проводилъ ихъ здравыхъ и невредимыхъ къ Pointe Saint-Eustache. Оставленный постъ былъ разворенъ; бунтовщики взяли оттуда своего мертваго товарища и снова понесли его по улицамъ, какъ бы вызывая этимъ на всеобщее возстаніе.

VIII.

Таковы были главные эпизоды утра 23-го февраля. Долго дрались на разныхъ пунктахъ безъ всякихъ результатовъ. Народъ не выходилъ за предѣлы своего укрѣпленнаго ла-

геря, описаннаго нами. Нѣсколько разъ врывались туда войска, нѣсколько разъ генералы посылали и сами водили туда сильные отряды, но это нисколько не вредило инсургентамъ и не ослабляло ихъ энергіи. Убитыхъ было немного, особенно между солдатами; народъ тщательно избѣгалъ стычечъ съ линейнымъ войскомъ, по прежнему схватывался больше съ муниципальной гвардіей и упорно кричалъ „Vive la ligne! à mort les municipaux!“ Однимъ словомъ, настоящаго сраженія до сихъ поръ не было. Но легко было замѣтить, что съ одной стороны энтузіазмъ возросталъ все болѣе и болѣе, тогда какъ съ другой его вовсе не было.

IX.

Каковы однако были настоящія чувства и намѣренія національной гвардіи? Въ этомъ важномъ вопросѣ правительство предъугадывало горькую истину, но не хотѣло дать себѣ въ ней отчета. Оно снисходительно, но съ недовѣрчивостью слушало самонадѣянныя увѣренія вѣчно довольнаго генерала Жакмино. Оно знало, что прошло уже то время, когда національная гвардія единодушно собиралась по первому звуку барабана. Не будучи совершенно враждебной правительству, она была недовольна имъ. Между солдатами и офицерами было много приверженцевъ реформы. Правда, что консервативная партія также была въ ней сильна, но никто не зналъ, будетъ-ли она дѣйствовать, рѣшится-ли на спасеніе династіи и министерства? Можетъ быть она готова пролить кровь свою на защиту общественнаго порядка, но не согласится жертвовать ею для торжества упрямой гордости. Все это было очень возможно. Всего вѣроятнѣе было то, что національная гвардія останется въ совершенномъ бездѣйствіи, и только нѣкоторые изъ ея рядовъ подчинятся или увлекутся энергіей людей, преданныхъ реформѣ. А если въ самомъ дѣлѣ случится

такъ, что вся національная гвардія, вмѣсто того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовать противъ реформистовъ, провозгласитъ реформу? Что будетъ тогда, и къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ это?

Вдругъ среди всѣхъ этихъ печальныхъ недоумѣній изъ главнаго штаба вышелъ приказъ о назначеніи изъ каждаго легіона по 2 батальона и о размѣщеніи ихъ по стратегическимъ пунктамъ. Но вмѣсто того, чтобы отправить этотъ приказъ черезъ ратушу, его послали прямо въ легіоны и даже мерамъ не дали знать объ этомъ. Такимъ образомъ вышло то, что, не получивъ настоящихъ инструкцій отъ меровъ, національная гвардія должна была дѣйствовать по собственному благоусмотрѣнію, и вслѣдствіе этого въ каждомъ легіонѣ произошло множество безпорядковъ и недоразумѣній, подробности которыхъ весьма любопытны и поучительны, и потому мы представимъ ихъ читателямъ.

X.

1-й легіонъ, состоявшій изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, чиновниковъ, негоціантовъ и поставщиковъ двора и аристократіи, былъ вполнѣ преданъ правительству и потому собрался немедленно. Но такъ какъ волненіе въ первомъ округѣ прекратилось утромъ 23 февраля, то усердіе и готовность перваго легіона выразились только въ бранныхъ словахъ противъ нѣкоторыхъ депутатовъ, отправлявшихся въ палату.

XI.

2-й легіонъ собрался также поспѣшно и въ большомъ количествѣ. Командиромъ его былъ Талабо, зять одного изъ министровъ, Кюненъ-Гридена. 2-й батальонъ этого легіона, ко-

мандуемый биржевымъ маклеромъ Татте, получилъ приказаніе осмотрѣть Монмартрское предмѣстье. Штабъ этого батальона состоялъ большею частью изъ реформистовъ; въ ротѣ капитана Альтароша офицерами были депутаты Шельхеръ, Жанронъ, Демазюръ, Кюзонъ и др. Выходя изъ Монмартрскаго предмѣстья, между улицами Ружмонъ и Друо, отрядъ этотъ встрѣтилъ два полка линейной пѣхоты и баттарею артиллеріи. Мгновенно во всѣхъ рядахъ раздался крикъ: „Vive la réforme!“ Солдаты отвѣчали имъ: „Vive la garde nationale!“ и многіе изъ нихъ также закричали „Vive la réforme!“

Подобная демонстрація въ самомъ богатомъ кварталѣ столицы, въ самомъ центрѣ торговли, промышленности, роскоши, произвела глубокое впечатлѣніе, которое вскорѣ еще болѣе усилилось. Въ часъ по полудни тотъ же самый батальонъ пошелъ въ улицу Риволи, чтобы занять позицію предъ павильономъ Марсанъ. Болѣе 2000 человѣкъ провожали батальонъ на всемъ пути его, при громкомъ пѣніи „Marseillaise“ и крикахъ „Vive la réforme!“, которымъ національная гвардія усердно вторила. Эти восклицанія были слышны въ Тюльери и даже въ главномъ штабѣ національной гвардіи, и произвели такое дѣйствіе, что одинъ генералъ подъѣхалъ къ батальону и сказалъ: „я передамъ ваши желанія; впрочемъ, ихъ должно быть и безъ того уже слышатъ!“

XII.

3 легіонъ выставилъ въ семь часовъ утра не болѣе двухъ сотъ человѣкъ; но къ десяти часамъ къ нимъ присоединились роты Тирьона, Фалле, Жуана, Перре и другихъ. Всѣ эти роты были на сторонѣ реформы. Въ это время небольшой отрядъ муниципальной гвардіи, выходя изъ казармы Notre Dame des Victoires, увидалъ нѣсколькихъ рабочихъ, кричавшихъ „Vive la réforme“! и съ ожесточеніемъ напалъ на

нихъ. Одинъ національный гвардеецъ, Дегузе, вмѣшался въ это дѣло и хотѣлъ остановить драку; его самого окружили и вѣроятно излили бы на него свою ярость, но капитанъ Фалле, видя его опасное положеніе и желая въ тоже время вступиться за народъ, обратилъ свою роту противъ муниципальныхъ гвардейцевъ и заставилъ ихъ возвратиться въ свои казармы.

За этой серьезной демонстраціей послѣдовала другая, еще болѣе значительная. Генералъ Фріанъ, занимавшій позицію на площади Побѣдъ, потребовалъ себѣ въ подкрѣпленіе отрядъ кавалеріи. Вслѣдствіе этого къ нему послали два эскадрона 5 и 7 кирасирскаго полковъ и батальонъ пѣхоты 14 линейнаго. Народъ, видя себѣ поддержку въ національной гвардіи, встрѣтилъ эти войска восклицаніями, выражавшими симпатію къ нимъ и желаніе реформы. Между тѣмъ къ площадямъ Побѣдъ и des Petits-Pères со всѣхъ сторонъ стекался народъ. Встревоженный этимъ и предвидя, что положеніе его можетъ сдѣлаться опаснымъ, генералъ приказалъ кирасирамъ отогнать народъ отъ національной гвардіи. Кирасиры двинулись стремительно, народъ отступилъ и укрылся за національной гвардіей. Кирасиры продолжали наступать, но гвардія скрестила передъ ними штыки; два раза нападеніе возобновлялось и два раза повторялся тотъ же отпоръ. Предъ такимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ солдаты остановились: теперь имъ приходилось уже имѣть дѣло не съ народомъ, а съ національной гвардіей, съ которой они привыкли сражаться рука объ руку, и которая при прежнихъ возмущеніяхъ сама была противъ инсургентовъ, а не на сторонѣ ихъ. Все это до глубины души потрясло солдатъ и заставило ихъ призадуматься.

При этой сценѣ находились офицеры главнаго штаба національной гвардіи Альфредъ де-Брайе, Бурже и Горасъ Верне, вполнѣ преданные двору. Верне поскакалъ въ штабъ увѣдомить о случившемся герцога Немурскаго и ге-

нераловъ. — „Не можетъ быть!“ вскричалъ при первыхъ его словахъ Жакмино. „Не можетъ быть! Я знаю національную гвардію, она вѣрна!“ По мнѣнію этого генерала лучшій способъ отвратить опасность состоялъ въ томъ, чтобы не видѣть ея и не вѣрить ей. Точно также поступалъ и герцогъ Немурскій: хотя онъ и не имѣлъ причинъ раздѣлять ослѣпленія Жакмино, однако охотно повѣрилъ его объясненію, что причина измѣны батальона была та, что онъ весь состоялъ изъ редакторовъ, сотрудниковъ и кліентовъ журналовъ, но что всѣ другіе батальоны нисколько не раздѣляли ихъ образа мыслей, и потому примѣръ этотъ не можетъ быть заразителенъ. Но новые факты разсѣяли эти пріятныя иллюзіи. Офицеры 3 легіона поручили своему командиру полковнику Бессону, перу Франціи, отправиться къ королю и откровенно изложить ему образъ мыслей и положеніе дѣла. Полковникъ не утаилъ ничего, и даже рѣшился прямо объявить, что перемѣна кабинета есть единственное средство къ спасенію. Нѣсколько спустя самъ генералъ Фріанъ отправился въ Тюльери и подтвердилъ показаніе Гораса Верне, равно какъ и мнѣніе полковника Бессона.

Вскорѣ новыя событія еще сильнѣе подтвердили это. За отсутствіемъ Бессона начальство надъ легіономъ принялъ батальонный командиръ Говинъ. Собравъ весь легіонъ, онъ провелъ его мимо войскъ стоявшихъ на площади Побѣдъ. Гвардейцы вмѣстѣ съ народомъ закричали: „Vive la ligne!“, „vive la réforme!“, „à bas le système!“ Съ площади Побѣдъ манифестація распространилась по улицамъ Fossés-Montmartre, Saint-Eustache и Bourbon-Villeneuve до самыхъ Сенъ-Денисскихъ воротъ. При видѣ стоявшихъ здѣсь войскъ народъ громче прежняго закричалъ: „Vive la réforme!“ Войска было много, артиллеристы стояли у пушекъ съ зажженными фитилями, но никто изъ нихъ не пошевелился. Какъ и на площади Побѣдъ солдаты съ любопыт-

ствомъ глядѣли на невиданное зрѣлище, невольно симпатизируя ему.

XIII.

Въ 4 легіонѣ первые явившіеся въ округъ были на сторонѣ реформы. Прибывшіе послѣ были, напротивъ, враждебны ей. Нѣкоторые объявили, что они готовы содѣйствовать возстановленію общественнаго порядка, но не иначе, какъ при двухъ условіяхъ: перемѣнѣ министерства и реформѣ. Другіе протестовали противъ этого, но въ отвѣтъ имъ тотчасъ же былъ составленъ адрессъ, который подписали 500 человѣкъ національныхъ гвардейцевъ, въ томъ числѣ болѣе 30 офицеровъ. Адрессъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Мы, нижеподписавшіеся граждане 4 округа, симъ объявляемъ, что мы готовы стать въ ряды національной гвардіи, подъ командою нашихъ почтенныхъ начальниковъ, для того, чтобы содѣйствовать общественной безопасности, но никакъ не для защиты продажнаго и безсовѣстнаго министерства, политику котораго мы отъ всей души презираемъ, и требуемъ, чтобы оно было немедленно удалено и предано суду.“

Для представленія этого адресса палатѣ они избрали депутата Кремье, и послали спросить его согласія. Кремье выразилъ полную готовность. Тутъ же положено было отправиться къ палатѣ всѣмъ подписавшимся, но не брать другаго оружія, кромѣ сабель. Въ часъ по полудни кортежъ двинулся подъ предводительствомъ Виткока и другихъ офицеровъ. Агеттъ (Haguette), врачъ человѣколюбиваго общества, несъ адрессъ. Процессія шла въ глубокомъ молчаніи, но вокругъ нее шумѣла буйная и энергическая толпа. Раздававшіеся не вдалекѣ выстрѣлы,—этотъ вооруженный протестъ рядомъ съ протестомъ миролюбивымъ,—придавали процессіи ея настоящій характеръ. Если бы адрессъ былъ принятъ, огонь немедлен-

но прекратился бы. Одного этого результата развѣ не достаточно было, чтобы оправдать всю неправильность этого поступка противнаго конституціонному порядку? Масса кортежа сознавала это и обнаруживала это сознаніе своимъ спокойствіемъ, тишиною въ своихъ рядахъ и благоразумными совѣтами, съ которыми она обращалась ко всѣмъ на своемъ пути.

На Новомъ мосту кортежъ встрѣтилъ войска, принадлежавшія къ отрядамъ, занимавшимъ всѣ набережныя до самой площади Concorde. Этихъ войскъ было слишкомъ достаточно, чтобы загородить дорогу кортежу, но они безпрепятственно пропустили его. И здѣсь на лицахъ солдатъ выражалось то же грустное любопытство, и здѣсь преобладало отвращеніе къ пролитію крови гражданъ на защиту правительства. Кортежъ прошелъ мимо Тюльери, подъ самыми окнами короля.

Вѣсть о приближеніи его скоро достигла палаты и произвела всеобщее оцѣпененіе. Прійдя нѣсколько въ себя, депутаты, представители самыхъ противуположныхъ убѣжденій, выбѣжали изъ палаты подъ перистиль моста, откуда видны Елисейскія поля, площадь Concorde, Тюльери и вся линія набережныхъ. Тутъ были О. Барро, д'Удето, Гарнье-Пажесъ, Тьеръ, Кремье, Мари, Бомонъ де-ла-Соммъ, Курте и другіе. Всѣ задавали себѣ вопросъ: что это за колонна? какъ она могла пройти сюда? Съ какою цѣлью и съ какимъ намѣреніемъ? Всеобщее недоразумѣніе разрѣшилось, когда Кремье показалъ адрессъ, принятый имъ изъ рукъ Агетта, который, не надѣясь, чтобы кортежъ безпрепятственно достигъ палаты, отдѣлился отъ него еще на Карусельскомъ мосту и пришелъ одинъ по набережной лѣваго берега. Но разъясненіе дѣла мало успокоило консерваторовъ: колонна все таки казалась имъ опасною и потому они дали приказъ одному батальону 10 легіона немедленно занять мостъ.

Составленный весь изъ богатыхъ владѣльцевъ Сенъ-Жер-

менскаго предмѣстья и ихъ кліентовъ, этотъ батальонъ былъ или преданъ правительству, или враждебенъ демократіи, и потому онъ не колебался исполнить даннаго ему приказанія. Бѣгомъ понесся онъ на встрѣчу колоннѣ и остановилъ ее. Двадцать минутъ простояли другъ передъ другомъ эти два ополченія, одно вооруженное, другое безъ оружія. Началась схватка. Увѣщанія перешли въ ругательства, сопротивленіе— въ нападеніе. Кавалерія тѣснила задніе ряды колонны, батальонъ 10 легіона не пускалъ ее впередъ. Дѣло доходило до рѣзни; но депутаты поспѣшили вступиться въ дѣло. О. Барро, Гарнье-Пажесъ и Курте представили 10 легіону всѣ ужасныя послѣдствія ссоры между легіонами національной гвардіи. Кремье, Бомону де-ла-Соммъ и Мари удалось пробиться сквозь солдатъ, стоявшихъ на мосту, къ реформистамъ, отъ которыхъ они приняли еще нѣсколько экземпляровъ адресса, и, увѣривъ ихъ, что онъ не останется безъ вліянія на палату, армію и всю страну, убѣдили ихъ разойтись.

И такъ, цѣль манифестаціи была достигнута. Колонна повернула назадъ, опять прошла подъ окнами Тюльери, и возвратилась въ свой округъ, гдѣ ожидавшій ее командиръ легіона встрѣтилъ ее съ гнѣвомъ. Самый гнѣвъ этотъ показывалъ только всю важность, все значеніе совершеннаго ими дѣла!

XIV.

Всякій уголокъ страны имѣетъ свой особенный характеръ и свои преданія. Такъ исторія 5-го округа можетъ назваться исторіей либерализма въ Парижѣ. Вѣрный дѣлу свободы, даже въ тѣ времена, когда ее повсюду тѣснили, 5 округъ отличался отъ всѣхъ другихъ своими благородными стремленіями. Солдаты его легіона большею частью были преданы реформѣ, почти всѣ офицеры принадлежали къ рефор-

мистскимъ и къ центральному комитетамъ. Возмущеніе началось въ самомъ центрѣ ихъ округа, они видѣли его, сочувствовали ему, и, боясь даже по наружности взять сторону министерства, долго не рѣшались собираться. Подъ конецъ однако нѣкоторые отправились къ меру, другіе же отважно рѣшились стать на защиту народа противъ войскъ, надѣясь на уваженіе къ своему мундиру. Но муниципальная гвардія на этотъ разъ нарушила это почтеніе, когда на Каирской площади принялась безъ разбору стрѣлять въ народъ и въ солдатъ національной гвардіи.

Извѣстіе объ этомъ насиліи взволновало весь округъ и подняло его на ноги. Солдаты 5 легіона высыпали на улицы съ оружіемъ въ рукахъ. Въ короткое время составилась колонна изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Предводителями ея были: Грегуаръ, командиръ легіона, капитаны: Деландръ, Фаврель, Лабелони и Гомонъ, и лейтенанты: Эрò, Арронсонъ и Лотель. Въ ту минуту, когда они хотѣли тронуться съ мѣста, изъ за угла улицы Neuve-Saint-Eustache показался отрядъ 3-го легіона, подъ начальствомъ Овина (Hovyn) и Тирьона. Обѣ колонны привѣтствовали другъ друга радостными восклицаніями. 5-й легіонъ направился въ улицу Сенъ-Мартенъ, собралъ по дорогѣ кое-какихъ солдатъ національной гвардіи изъ разныхъ легіоновъ и, сопровождаемый огромной толпой народа, остановился у дома мера и потребовалъ зарядовъ. Получивъ отказъ и не желая употреблять силу, легіонъ отправился черезъ Сенъ-Мартенскую улицу къ предмѣстью.

Вдругъ послышались выстрѣлы. Толпа въ безпорядкѣ кинулась на бульваръ и въ смежныя улицы. Національная гвардія шла впереди. По дорогѣ они увидѣли, что муниципальные гвардейцы, стремительно выбѣжавъ изъ своихъ казармъ, заняли улицу во всю ширину ея, снова зарядили ружья и готовились стрѣлять. Легіонъ остановился съ оружіемъ въ ру-

кахъ. Въ промежуткѣ, оставленномъ между двумя колоннами, появились капитанъ Фаврель и лейтенантъ Шомонъ, и строго потребовали у муниципальной гвардіи отчета въ ея насиліяхъ противъ безоружныхъ. Эскадронный командиръ Поммъ отвѣтилъ имъ, что хотя толпа, по которой они стрѣляли, была безоружна, но она имѣла совсѣмъ не миролюбивыя намѣренія; что окруживъ казармы, она хотѣла ворваться туда, такъ что онъ поневолѣ принужденъ былъ прибѣгнуть къ выстрѣламъ. Фаврель и Шомонъ предложили муниципальнымъ гвардейцамъ возвратиться въ казармы; тѣ долго отказывались, но наконецъ согласились съ условіемъ, что національная гвардія ручается за ихъ безопасность. Въ продолженіе этихъ переговоровъ толпа все прибывала, масса становилась плотнѣе и плотнѣе, грозные голоса требовали выдачи плѣнныхъ. Нѣкоторые смѣльчаки бросились къ знамени, съ намѣреніемъ сорвать его, но національная гвардія окружила казармы тройною цѣпью солдатъ, выпустила на свою отвѣтственность нѣсколькихъ плѣнныхъ, и, чтобы знамя не подверглось оскорбленію и не служило предметомъ возбужденія, отнесла его къ меру.

XV.

6-й округъ былъ, подобно пятому, вполнѣ преданъ демократической свободѣ. Депутатомъ его въ палатѣ былъ радикалъ Карно. Офицеры его также принадлежали къ комитетамъ реформистовъ. И потому въ этомъ округѣ собрались только тѣ изъ гражданъ, которые дѣломъ или симпатіей связаны были съ реформистскимъ движеніемъ. Съ жаромъ и мужествомъ, которому, какъ увидимъ въ послѣдствіи, суждено было подвергнуться страшнымъ испытаніямъ, бросились они между двухъ воюющихъ сторонъ, чтобы вырвать у смерти возможное число жертвъ.

XVI.

Въ 7-мъ легіонѣ было то же самое, тотъ же духъ одушевлялъ его. Одни ревностные приверженцы оппозиціи явились на зовъ; консерваторы остались дома. Изъ командировъ явились очень немногіе. Сильные патрули, наскоро составленные, обходили округъ, чтобы уладить дѣло между войскомъ и народомъ, и сначала успѣли было въ этомъ. Но въ 2 часа случилось происшествіе, которое дало другой оборотъ дѣлу. Къ дому мера принесли трупъ солдата національной гвардіи, Руссело, убитаго при выполненіи святой обязанности примирителя. Этого было довольно, чтобы произвести общее ожесточеніе. Меръ округа, Моро и командиръ легіона Лавейсьеръ, не видя возможности успокоить національную гвардію, принуждены были послать въ городскую думу депутацію изъ многихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ были подполковникъ Сиредей, Дофенъ, Пастеръ д'Этрейли и другіе.

Представившись префекту, посланные изложили ему всю опасность положенія и необходимость скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. „Да вѣдь не штыками же требовать у короля распущенія войскъ!“ возразилъ Рамбюто. „Дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы разсуждать теперь, какимъ образомъ просить короля, отвѣчалъ капитанъ Пастеръ. Если вы отказываетесь передать это королю, или если онъ самъ, узнавъ объ этомъ другимъ путемъ, не приметъ рѣшительныхъ мѣръ, то никакая сила не въ состояніи будетъ остановить рѣзню между національной гвардіей и войскомъ.“ Смущенный префектъ немедленно послалъ извѣстить объ этомъ въ главный штабъ.

XVII.

Въ 8 легіонѣ было совершенно противное: первые, появившіеся съ оружіемъ въ рукахъ, были консерваторы и только

къ ночи собрались офицеры и солдаты, принадлежавшіе къ оппозиціи.

9 легіонъ, очень небольшой, оставался въ совершенномъ бездѣйствіи по своимъ квартирамъ, разъединеннымъ между собою баррикадами и военными позиціями. Округъ этого легіона находился близъ городской думы.

XVIII.

10 легіонъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. Сенъ-Жерменское предмѣстье — кварталъ аристократовъ легитимистовъ, важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, со всѣми ихъ кліентами высшаго и нисшаго классовъ — было большею частью враждебно народной свободѣ. Но и тутъ однако были приверженцы оппозиціи. Въ то самое время, когда извѣстный уже намъ батальонъ ознаменовалъ себя такой энергической выходкой противъ роформистовъ 4 легіона, другой батальонъ 10 легіона, ставшій въ улицѣ Тарань, съ неменьшей энергіей выказалъ чувства совершенно противоположныя.

Было около полудня. Полковникъ Лемерсье, министерскій депутатъ, получилъ одно изъ тѣхъ утѣшительныхъ извѣстій, которыя сама судьба посылаетъ правительствамъ въ послѣднія минуты ихъ существованія. Подъѣхавъ къ фронту солдатъ, онъ объявилъ, что бунтъ укрощенъ и благодарилъ солдатъ за ихъ усердіе и ревность, въ которыхъ, къ счастью, теперь уже не было нужды. Въ отвѣтъ на его слова изъ рядовъ вышелъ нѣкто Виксіо и, подойдя смѣло къ своему начальнику, сказалъ ему: „Полковникъ! Мы собрались сюда для охраненія личности и собственности нашихъ братій; но, знайте! мы не довѣряемъ правительству и всѣ до послѣдняго желаемъ реформы.“ — „Такъ! такъ! да здравствуетъ реформа!“ закричалъ весь батальонъ, увлеченный примѣромъ одного человѣка. „Vive la réforme!“ громко повторилъ народъ. Взбѣ-

шенный и сконфуженный полковникъ, не смѣя ничего сказать своему батальону, кинулся на одного рабочаго и схватилъ его за воротникъ. „Какъ можно обижать человѣка за то только, что онъ кричитъ „Vive la réforme!“ закричали солдаты національной гвардіи и освободили рабочаго изъ рукъ полковника. Обезумѣвъ отъ ярости, онъ сорвалъ съ себя офицерскій знакъ, бросилъ его на землю, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ главный штабъ, чтобы сообщить объ этомъ происшествіи.

Малевиль извѣстилъ палату объ этомъ случаѣ, и это извѣстіе произвело на нее очень сильное впечатлѣніе. Консерваторы встревожились. Одинъ изъ нихъ, Жанвье, поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ министровъ. Но тѣ притворились, что видятъ въ этомъ происшествіи только ничтожную выходку нѣсколькихъ миллиціонеровъ.

XIX.

Такое расположеніе умовъ въ войскѣ, первые признаки котораго сдѣлались уже извѣстными всѣмъ, особенно сильно обнаружилось въ 11 легіонѣ, при слѣдующемъ замѣчательномъ фактѣ. На площади Одеона стоялъ отрядъ линейныхъ войскъ лицемъ къ лицу съ отрядомъ національной гвардіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начальники обѣихъ сторонъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій, подошли другъ къ другу и стали разговаривать. „Что вы думаете дѣлать— спросилъ командиръ національной гвардіи,—если появится толпа народа?“ — Я сдѣлаю тоже, что и вы, отвѣчалъ капитанъ.—„Что касается меня, продолжалъ гвардеецъ, то я не стану разгонять народъ и дамъ ему свободно пройти.“—„Я совершенно того же мнѣнія; мои солдаты во всемъ послѣдуютъ примѣру національной гвардіи.“

12 легіонъ былъ созванъ послѣ всѣхъ. Въ этомъ округѣ организовалась мысль о банкетѣ, и потому правительство

очень опасалось его демократическихъ стремленій. Послѣдствія доказали, что оно не ошиблось въ своемъ предположеніи.

XX.

Наконецъ сто человѣкъ конной національной гвардіи, собранные утромъ на Сенъ-Мартенскомъ бульварѣ, отправились въ Тюльери. Составъ этого отряда и подборъ офицеровъ показался народу чисто аристократическимъ и возбудилъ его неудовольствіе, такъ что только чрезъ два часа онъ едва добрался до Тюльери, оставивъ по дорогѣ двухъ раненыхъ.

Начальникъ этой колонны, убѣдившись этимъ печальнымъ опытомъ въ расположеніи умовъ народа, поспѣшилъ довести все до свѣдѣнія своего полковника, Монталиве, прибавивъ при этомъ, что только немедленныя и искреннія уступки могутъ спасти монархическую власть.

Монталиве, искренно преданный королю, не поколебался открыть ему эту горькую истину, не взирая на то, что прежнія попытки его оставались безъ успѣха. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился въ Тюльери.

XXI.

Королева не сомнѣвалась болѣе въ предстоявшемъ несчастіи. Въ то время, когда самые опытные политики, при всей своей проницательности, не подозрѣвали ничего опаснаго,—нѣжныя чувства женщины, супруги и матери указывали ей на предстоявшія опасности. Душа ея была достаточно сильна для того, чтобы видѣть истину во всей ея наготѣ. Съ настойчивостью убѣждала она короля вникнуть глубже въ положеніе дѣлъ и успѣла поколебать его упрямство. Еще недавно, говоря объ оппозиціи, онъ только подшучивалъ надъ ней или оскорблялъ ее. „Это вздоръ! говорилъ онъ; пустая вспышка! я принялъ

всѣ мѣры, чтобы успокоить Парижъ!“ Теперь онъ пересталъ шутить. Если дѣло и не казалось ему проиграннымъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ началъ серьезно смотрѣть на него. Безпрестанно приходившія извѣстія удивляли и тревожили его. Ничего подобнаго не было во все его правленіе. А между тѣмъ извѣстія приходили чаще и чаще; ихъ приносили въ Тюльери и въ главный штабъ командиры легіоновъ, офицеры, друзья и даже враги, увлекаемые патріотизмомъ и великодушіемъ.

И какое сомнѣніе могло еще быть у короля, послѣ того какъ въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Тюльерійскаго дворца явственно слышны были восклицанія 2 легіона, раздававшіяся въ улицѣ Риволи; когда подъ самыми окнами короля развернулся, съ спокойной, но самой грозной осанкой, фронтъ 4 легіона; когда 3 легіонъ выставилъ штыки противъ цвѣта королевской кавалеріи; когда 5 легіонъ, принудивъ муниципальную гвардію запереться въ своихъ казармахъ, подъ видомъ охраненія, не выпускалъ ее оттуда; когда 7 легіонъ, съ невиданною при возмущеніяхъ прямотою, посылалъ сказать первому сановнику города, что онъ не подниметъ оружія противъ солдатъ; когда командиръ 10 легіона, считавшагося до сихъ поръ преданнымъ, принужденъ былъ бѣжать во весь опоръ отъ ругательствъ своихъ солдатъ; когда 8, 9, 11 и 12 легіоны не скрывали своихъ враждебныхъ намѣреній; когда наконецъ 1 легіонъ, — первый какъ по названію, такъ и по преданности королевскому дому, — оказывалъ всѣ признаки сильнаго колебанія.

Король тщетно старался разгадать причину такой перемѣны, послѣдствія которой смущали его. Что оставалось ему дѣлать, если буржуазія, которой онъ обязанъ своею властью, оставитъ его? Достаточно ли будетъ одной королевской власти для того, чтобы противиться въ одно и то же время аристократіи и народу. А если буржуазія прямо откажется отъ сраженія? Если національная гвардія, вмѣсто подавленія бун-

та, сама станетъ въ ряды его? Если наконецъ она съ оружіемъ въ рукахъ кинется на защиту народа? Что тогда дѣлать? Достаточно ли будетъ одной арміи для спасенія трона? Да и кто поручится за вѣрность арміи? Въ продолженіи 18 лѣтъ она привыкла сражаться рука объ руку съ національной гвардіей, и потому едва ли согласится теперь сражаться безъ нея. Отсутствіе національной гвардіи, ея нейтральное положеніе, не подадутъ ли войску поводъ къ страшнымъ толкамъ? А если національная гвардія открыто станетъ на сторонѣ народа, то кто поручится, что войско пойдетъ противъ такого союза? А если оно не пойдетъ? Если оно будетъ только колебаться?

Поглощенный этими печальными размышленіями, король не зналъ, на что рѣшиться. Онъ смутно понималъ, что ему остается выбирать одно изъ двухъ: или сдѣлать немедленно честную уступку, или вступить въ битву на жизнь и смерть; или возвратиться къ принципамъ конституціоннаго правленія, или безстрашно умереть на развалинахъ своей власти и видѣть гибель своего семейства. Десять лѣтъ назадъ онъ не задумался бы надъ этимъ вопросомъ. Но теперь надъ нимъ тяготѣла старость. Притомъ прежніе успѣхи отуманили его здравый смыслъ и мѣшали ему прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, необходимымъ въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Вѣчно презирая людей, онъ дошелъ до того, что глубоко презиралъ все. Испытавъ на дѣлѣ гибкость людской совѣсти, онъ не вѣрилъ уже въ твердость и непоколебимость чего бы то ни было. И такъ, считая еще въ своей власти примириться или не примириться съ необходимостью, надѣясь болѣе на свое умѣнье, чѣмъ на счастье, онъ рѣшился все предоставить времени.

XXII.

Можетъ быть въ глубинѣ души его пресыщенная натура была довольна этимъ дѣломъ, дававшимъ ему возможность

поиграть съ людьми и полукавить съ судьбою. Оппозиція была направлена противъ его политики и противъ министерства; стало быть онъ могъ спокойно удалить своихъ министровъ. И нужно ли удалять ихъ? Какъ только отставка Гизо нѣсколько успокоитъ взволнованные умы, нужно будетъ приступить къ составленію новаго кабинета. Изъ кого же составить его? Чѣмъ руководствоваться? Но оппозиція, единодушная въ борьбѣ, должна разъединиться послѣ побѣды. Тогда разыграются личные интересы, тщеславіе, и пойдетъ разладъ. Сколько представится тогда случаевъ извлечь для себя выгоды, сколько возможности устроить все по собственному желанію! И если кризисъ продолжится, то очень можетъ быть, что послѣ долгаго сопротивленія, ему удастся снова поднять свое министерство, за исключеніемъ Гизо, окончательно никуда не годнаго. Если-бы даже ему пришлось допустить въ свой совѣтъ людей не совсѣмъ ему пріятныхъ, то все таки въ обѣихъ палатахъ на его сторонѣ оставалось огромное большинство, расположенное къ его политикѣ и лично ему преданное. Этотъ могучій рычагъ могъ въ одну минуту снова отдать всю Францію въ его неограниченное распоряженіе.

Однако его отношенія къ министрамъ сдѣлались чрезвычайно щекотливыми. Подъ какимъ предлогомъ удалить ихъ? Подъ тѣмъ развѣ, что удаленіе это есть единственное средство къ спасенію отъ гибели? Но вѣдь вся бѣда произошла отъ восьмилѣтней упорной политики, а эта политика была дѣломъ самаго короля!

Послѣ паденія Людовика-Филиппа, онъ и Гизо взаимно упрекали другъ друга въ своемъ несчастіи. Гизо и его друзья утверждали, что слабость и уступки короля погубили все дѣло. Напротивъ, король и его приверженцы доказывали, что Гизо, отступивъ предъ опасностью, которой онъ не умѣлъ предвидѣть, тѣмъ самымъ показалъ свою несостоятельность и, погубивъ монархическую власть, во время удалился. Какъ бы

то ни было, но все заставляетъ насъ думать, что разрыву короля съ Гизо много способствовалъ Дюшатель, самолюбіе котораго жестоко страдало отъ первенства Гизо.

Въ 2 часа по полудни, когда президентъ совѣта отправился въ палату, Дюшатель одинъ явился въ Тюльери, куда именно въ это время со всѣхъ сторонъ стекались извѣстія о дѣйствіяхъ легіоновъ. Королева встрѣтила Дюшателя со слезами: „Положеніе наше ужасно! сказала она, Гизо оказалъ бы намъ огромную услугу, если бы согласился удалиться.“ Смущенный этими словами, министръ подошелъ къ королю, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, которыя не дошли до насъ, и вслѣдъ за тѣмъ поспѣшилъ въ палату. Подойдя къ Гизо, онъ шепотомъ сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя тотъ принялъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ; послѣ чего оба министра отправились въ Тюльери, и вмѣстѣ вошли къ королю. Достовѣрные свидѣтели передавали намъ, что разрывъ, столь горячо желанный всѣми друзьями короля, произошелъ вслѣдствіе слѣдующаго разговора.

Изложивъ настоящее положеніе дѣлъ, король сказалъ:

„Вы видите, господа, дѣло запутывается. Что намъ дѣлать? Распустить ли національную гвардію, или согласиться на реформы, которыхъ она требуетъ, или же наконецъ велѣть стрѣлять по ней?“

— Мы еще не доведены до подобныхъ крайностей.

„Такъ вы думаете, что можно безъ уступокъ усмирить возстаніе?“

— Мы надѣемся на это; но надежда эта не есть еще увѣренность.

„А если вы не увѣрены, то это значитъ, что дѣло очень плохо!“

— Ваше величество не довѣряете намъ, кажется....

„Напротивъ, я вамъ вполнѣ вѣрю. Но вы должны обсудить хорошенько, въ состояніи ли вы справиться съ обстоятельствами.“

— Изъ словъ вашего величества видно, что вы думаете совершенно иначе, и потому мы предлагаемъ вамъ поступить такъ, какъ вамъ будетъ угодно.

„Такъ вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ послать за графомъ Моле?“

— Это совершенно въ вашей волѣ. Мы пойдемъ предъупредить объ этомъ палаты.

По другому извѣстію, не менѣе достовѣрному, иниціатива въ дѣлѣ распаденія кабинета принадлежитъ самому Гизо. Узнавъ изъ образа дѣйствій національной гвардіи, что неудовольствіе ея относилось исключительно къ министрамъ, онъ самъ вмѣстѣ съ Дюшателемъ явился къ королю и представилъ ему отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ товарищей просьбы объ отставкѣ. При этомъ, говорятъ, онъ прибавилъ: „Сегодня падаетъ министерство, а чрезъ два дня тоже самое будетъ грозить монархіи.“

Которому изъ этихъ двухъ разсказовъ слѣдуетъ вѣрить? Характеръ Гизо, его упорство до послѣдней минуты, его протестаціи послѣ паденія, заставляютъ думать, что второе извѣстіе невѣрно. Вѣроятнѣе всего то, что король, отъ души желая удаленія министровъ, въ то же время затруднялся — какъ предложить имъ отставку. Но наконецъ онъ намекнулъ Гизо о своемъ желаніи, такъ что тому не оставалось ничего болѣе, какъ самому предложить свою отставку. Во всемъ этомъ происшествіи встрѣчается много подобныхъ недоразумѣній; дѣло исторіи обратить на нихъ вниманіе. Вотъ почему я считалъ долгомъ собрать всѣ свѣдѣнія по этому предмету, даже самыя противорѣчащія, и излагаю ихъ, чтобы показать свое стараніе добиться истины.

XXIII.

Въ обычный часъ засѣданіе палаты депутатовъ открылось съ обыкновенной церемоніей; но собраніе состояло только

изъ президента, бюро и нѣсколькихъ лицъ, неимѣющихъ права голоса. Многіе приходили на хоры, прочитывали листы газетъ, и снова уходили узнавать новости. Большею частью это были Бордоссцы или нѣкоторые экономисты, добивавшіеся какъ для себя, такъ и для избирателей Жиронды привилегіи Бордосскаго банка. Даже въ этой партіи, поглощенной исключительно своими личными интересами, замѣтно было сильное волненіе.

Внѣ палаты волненіе было чрезвычайно сильно; спорамъ и толкамъ не было конца; группы людей поминутно собирались и расходились. Вокругъ каждаго вновь прибывшаго человѣка собиралась любопытная толпа, съ жадностью слушавшая новости и потомъ коментировавшая ихъ по своему. Безпрерывно шли толки о происшествіяхъ того утра, о сосѣднихъ баррикадахъ, о стычкахъ въ центрѣ Парижа, о борьбѣ народа съ муниципальной гвардіей, о демонстраціяхъ національной гвардіи, о впечатлѣніи, которое производили на войска радостныя привѣтствія народа. Все это различнымъ образомъ дѣйствовало на публику: одни проникались гнѣвомъ и ненавистью, другіе просто трусили. Но вдругъ всѣ поблѣднѣли, голоса смолкли, каждый съ ужасомъ прислушивался къ страшному треску, который раздался по всей палатѣ. Всѣ, которые были посмѣлѣе, бросились разъузнавать о причинѣ шума; трусливые остались на мѣстѣ. А дѣло между тѣмъ было очень просто: тяжелая дверь, украшенная бронзой, хлопнула отъ вѣтра съ грохотомъ, похожимъ на залпъ артиллеріи. Печальное и смѣшное предзнаменованіе для напуганнаго воображенія! —

Между тѣмъ депутаты Парижа, собравшись въ отдѣльной комнатѣ, толковали о томъ, чтобы спросить у министерства объясненія на счетъ положенія города и слишкомъ поздняго созванія національной гвардіи. Рѣшено было послать для объясненій Карно, но потомъ разсудили, что одно имя его, какъ человѣка извѣстнаго своею запальчи-

востью, произведетъ дурное впечатлѣніе, и потому его замѣнили Вавеномъ, человѣкомъ не столь энергическимъ. Въ два часа Вавенъ взошелъ на трибуну, но едва онъ началъ говорить, какъ министръ юстиціи Геберъ попросилъ его отложить свою рѣчь до прибытія президента совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ, задержанныхъ обстоятельствами внѣ палаты. И такъ засѣданіе было снова отложено, а къ министрамъ былъ посланъ въ Тюльери гонецъ, съ просьбою какъ можно скорѣе поспѣшить въ палату.

Въ это самое время произошла извѣстная уже намъ стычка между 10 и 4 легіонами національной гвардіи. Все это происшествіе, чуть не завязавшаяся битва предъ самымъ дворцомъ Бурбоновъ, вмѣшательство депутатовъ, — глубоко потрясло присутствующихъ. Всѣ были еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой сцены, когда засѣданіе снова возобновилось въ 3 часа. Среди всеобщаго, глубокаго молчанія, Вавенъ взошелъ на трибуну и предложилъ извѣстные уже вопросы.

Выслушавъ ихъ, Гизо всталъ и отвѣтилъ, что возбуждать подобные вопросы вовсе неумѣстно и не согласно съ интересами общества. Потомъ онъ продолжалъ такъ:

„Его величество сію минуту потребовалъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему....“ При этихъ словахъ со скамей оппозиціи загремѣли самыя неистовыя рукоплесканія, самыя восторженныя „браво“ и крики торжества. Прерванный на нѣсколько минутъ этимъ шумомъ, Гизо продолжалъ: „Меня прервали, но это нисколько не заставитъ меня измѣнить свою рѣчь (общее одобреніе). Король потребовалъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему составить новый кабинетъ. Но до тѣхъ поръ, пока дѣла находятся въ распоряженіи нынѣшняго кабинета, онъ останется вѣренъ своей совѣсти, будетъ поддерживать порядокъ, заставитъ уважать законы, однимъ словомъ, будетъ поступать такъ, какъ поступалъ до сихъ поръ (очень хорошо! очень хорошо!)“.

Едва министръ замолчалъ, какъ поднялся страшный шумъ, и самые горячіе изъ его друзей бросились къ нему, чтобы пожать ему руку. Другіе въ гордомъ сожалѣніи разразились оскорбленіями, направленными противъ членовъ оппозиціи. Оскорбленія скоро перешли въ ругательства. „Это подло! это безчестно“! кричали самые горячіе. Напрасно президентъ старался возстановить спокойствіе; напрасно приглашалъ депутатовъ, толпившихся на эстрадѣ, занять свои мѣста. Никто не слушалъ его. „Нѣтъ! нѣтъ! кричали самые изступленные. Пойдемъ къ королю! повторяли сотни голосовъ. Закрывайте засѣданіе, г. президентъ!“ кричали другіе! „Сей часъ, отвѣчалъ президентъ, но прежде позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.“

Въ эту минуту Кремьё потребовалъ предъявленія адресса національной гвардіи, врученнаго ему, Мари, Бомону-де-ла Сомъ и другимъ депутатамъ. Но слова его были заглушены громкими восклицаніями, выражавшими гнѣвъ и презрѣніе.

Тогда Барро выступилъ съ предложеніемъ отложить на завтра обсужденіе въ палатѣ обвинительнаго акта противъ министерства. Дюпенъ старшій подтвердилъ эту мысль, съ цѣлью, какъ говорилъ онъ, не раздражать умовъ, и безъ того раздраженныхъ. Но Гизо не соглашался. „Правительство, сказалъ онъ, имѣетъ свои права и преимущества, которыя должны быть свято уважаемы; и до тѣхъ поръ пока существуетъ теперешній кабинетъ, до тѣхъ поръ, пока онъ засѣдаетъ на этихъ скамьяхъ, никакое дѣло особенной государственной важности не будетъ отложено.“

И такъ настоящій порядокъ былъ поддержанъ. Этотъ послѣдній актъ монархическаго парламента заключался въ слѣдующемъ.

„Въ часъ, собраніе въ бюро.

„Разсмотрѣніе двухъ предложеній.

„Въ 3 часа, открытое засѣданіе: обсужденіе закона отно-
„сительно привиллегіи Бордосскаго банка.“

Мы не знаемъ, слѣдуетъ ли удивляться величію такой рѣшимости Гизо, или видѣть въ ней только оскорбленное самолюбіе. Какъ бы то ни было, но въ первыхъ словахъ министра слышалось болѣе горечи противъ короля, чѣмъ даже противъ оппозиціи. Въ этомъ напоминаніи о почтеніи къ правительству слышится кровавый упрекъ. Осторожность можетъ быть эгоистическая, но чрезвычайно ловкая, указывавшая на то, что не кабинетъ оставилъ короля, а король самъ покинулъ его. На своей скамьѣ павшій министръ былъ еще чистосердечнѣе: когда стали упрекать его въ паденіи, называя это паденіе побѣгомъ, онъ безъ всякихъ увертокъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ уступить волѣ короля. Нѣкоторыхъ это привело въ отчаяніе, другіе, болѣе благоразумные, удалились, не сказавъ ни слова.

Депутаты оппозиціи разошлись по всему Парижу. Министры отправились въ Тюльери.

XXIV.

Палата перовъ должна была пасть, какъ и палата депутатовъ, вслѣдствіе своего безсилія и непредусмотрительности. Она тоже считала дѣломъ чести — не признавать опасности, чтобы не брать на себя труда отвращать ее.

Съ открытіемъ засѣданія, графъ Альтонъ-Се предложилъ вопросъ о настоящемъ положеніи столицы, о печальныхъ столкновеніяхъ, грозившихъ все большею и большею опасностью. Вопросъ этотъ, поддерживаемый еще двумя членами, былъ предложенъ на обсужденіе большинствомъ голосовъ, но потомъ отвергнутъ. Но Буасси опять поднялъ его. „Такъ какъ, сказалъ онъ, вчера въ разныхъ мѣстахъ Парижа лилась кровь, такъ какъ сегодня городу нашему грозитъ

пожаръ и смерть, смерть отъ 60-ти пушекъ, заряженныхъ на половину картечью, а на половину ядрами (ропотъ), пожаръ и раззореніе отъ 40 петардъ, наскоро перевезенныхъ изъ Венсена въ Военное училище....." Ропотъ, нетерпѣливо сдерживаемый въ продолженіе всей его рѣчи, при послѣднихъ словахъ разразился съ страшной силой. Ораторъ хотѣлъ продолжать, но голосъ его потерялся среди криковъ „тише! тише!" Онъ протестовалъ, но крики еще болѣе усилились. Канцлеръ просилъ его замолчать, но онъ сталъ объясняться; объясненія вызвали ругательства, на которыя Буасси отвѣчалъ полнымъ презрѣніемъ. Но, рѣшившись отстаивать дѣло до конца, онъ безъ всякихъ подробностей потребовалъ объясненія. Альтонъ-Ше поддержалъ его; недоставало еще одного голоса, но въ палатѣ перовъ не нашлось его. За тѣмъ, какъ будто случай этотъ былъ обыкновенной выходкой человѣка не въ своемъ умѣ, палата спокойно перешла къ обсужденію закона о закладахъ и къ дѣламъ Американскихъ колоній. Говорили Беньо, Пасси, Дюпенъ и адмиралъ Мако; но по случаю болѣзни морскаго министра рѣшеніе этихъ вопросовъ отложено было до слѣдующаго дня.

Въ эту минуту пробило 3 часа. Перы окончили послѣдній актъ своей исторіи; этотъ часъ былъ послѣднимъ часомъ ихъ существованія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Паденіе Гизо улучшаетъ положеніе дѣлъ; общая радость въ Парижѣ.—Оппозиція не вѣритъ, чтобы Моле могъ содѣйствовать реформѣ.—Двусмысленное положеніе: правительство оставляетъ вооруженныя войска на прежнихъ мѣстахъ; оно не отдаетъ никакихъ новыхъ приказаній, оставляетъ въ совершенной неизвѣстности Сенскаго и полицейскаго префектовъ, главный штабъ національной гвардіи и корпусныхъ командировъ; оно не говоритъ ничего ни народу, ни и національной гвардіи; опасность такого положенія.—Освобожденіе плѣнныхъ. — Драматическія сцены въ улицѣ Bourg l'Abbé. — Различные эпизоды: случай въ складочномъ мѣстѣ винъ, въ академіи искусствъ и ремеслъ, въ полицейской префектурѣ. — Моле требуютъ въ Тюльери; при выѣздѣ его изъ дому, толпа останавливаетъ его карету и требуетъ ее для баррикады; свиданіе Моле съ королемъ. — Министры подаютъ въ отставку. — Обѣды въ Тюльери, въ главномъ штабѣ національной гвардіи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Попытки Моле у Ремюза, Дюфора, Пасси, Билье и Тьера; отвѣтъ Тьера. — Моле отправляется къ Ремюза; ихъ разговоръ. — Моле ѣдетъ къ Тьеру; совѣщаніе между ними.— Собраніе у Одилона Барро: пренія объ образѣ дѣйствій, котораго слѣдуетъ придерживаться; эти пренія прерываются прибытіемъ толпы народа, ворвавшейся во дворъ; рѣчи Барро и Гарнье-Пажеса; толпа удаляется; засѣданіе возобновляется, но его снова прерываетъ взрывъ на капуцинскомъ бульварѣ, передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; причины взрыва; распоряженія, сдѣланныя для защиты отеля; на площади Royale, передъ домомъ мера 8-го округа, составляется колонна изъ національной гвардіи и народа; свободный проходъ ея между войсками, расположенными по бульварамъ; она останавливается у редакціи National, гдѣ Маррастъ говоритъ ей нѣсколько словъ, потомъ продолжаетъ свой путь къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣчаетъ войска, заграждающія ей дорогу; невозможность отступленія; солдаты сражаются; первые выстрѣлы; убитые и раненые; страшная сцена.—Истина проясняется на самомъ мѣстѣ происшествія; объявленіе объ этомъ происшествіи, напечатанное въ Moniteur; тѣла убитыхъ складываютъ на телегу и везутъ въ редакцію National; рѣчь Гарнье-Па-

жеса; телегу съ убитыми везутъ дальше, останавливаютъ у редакціи la Réforme и наконецъ достигаютъ 4-го округа, гдѣ и оставляютъ тѣла убитыхъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, на короля и гр. Моле; общее состояніе умовъ въ главномъ штабѣ, у Барро, въ цѣломъ Парижѣ. — Новыя приготовленія къ борьбѣ; битвы возобновляются.

I.

Паденіе Гизо было окончательно рѣшено. Приверженцы двора, изъ преданности къ королю или, можетъ быть, изъ собственныхъ разсчетовъ, спѣшили разгласить объ этомъ. Монталиве прискакалъ верхомъ къ своему легіону и просилъ его какъ можно скорѣе объѣхать городъ и объявлять вездѣ, что король рѣшился перемѣнить министерство и согласился на благоразумныя реформы. Подчиненные Монталиве съ полною готовностью поспѣшили исполнить его порученіе.

Новость эта была съ восторгомъ принята въ главномъ штабѣ; только немногіе видѣли въ этомъ печальную, вынужденную уступку, но большинство было чрезвычайно довольно. Положеніе дѣлъ тяготило всѣхъ; съ каждой минутой оно становилось хуже и хуже. „Солдаты начинали уставать; имъ надоѣла борьба, дурно веденная, безсильная противъ баррикадъ, которыя безпрерывно уничтожались и снова появлялись. Погода была мрачная; холодный дождикъ леденилъ душу и тѣло; неисправная раздача провіанта не могло подкрѣплять ослабѣвшія силы истощенныхъ солдатъ, получавшихъ помощь лишь отъ народа, того самаго народа, противъ котораго заставляли ихъ сражаться. Постоянныя манифестаціи національной гвардіи волновали солдатъ; вяло, съ видимымъ отвращеніемъ повиновались они приказаніямъ, отдаваемымъ робко, безъ энергіи. Даже генералы подчинились общему состоянію духа. Сомнѣваясь въ искусствѣ своихъ главныхъ начальниковъ, они въ то же время не надѣялись на вѣрность подчиненныхъ. Многіе изъ нихъ открыто жаловались на без-

выходность своего положенія, на противорѣчивыя распоряженія, на слабость и анархію, проявлявшуюся на каждомъ шагу въ верховной власти.“

Въ городѣ паденіе министерства произвело живую и почти всеобщую радость. Какъ всегда бываетъ при сильныхъ кризисахъ, самыя разнообразныя чувства и противоположныя убѣжденія слились въ одно общее чувство. Нѣкоторые видѣли въ паденіи министерства униженіе короля, другіе—спасеніе монархической власти. Одни радовались побѣдѣ, такъ легко доставшейся, другихъ восхищало то, что дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія. Реформисты поздравляли себя съ полнымъ успѣхомъ. Консерваторы, за исключеніемъ очень не многихъ, радовались, что цѣною нѣсколькихъ уступокъ искупалось спасеніе цѣлой страны. На всѣхъ перемѣна министерства произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Даже люди совершенно хладнокровные ко всему радовались ей, какъ новости. Однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, и во многихъ мѣстахъ раздавались крики: „Vive le Roi!“

II.

Однако къ общей радости скоро примѣшалось и безпокойство. Явился вопросъ — каковы будутъ результаты побѣды? Въ какія руки попадетъ дѣло? Кто наслѣдуетъ ненавистнымъ министрамъ? Графъ Моле съ нѣсколькими депутатами средней партіи? Но вѣдь Моле — представитель консерватизма. Система его правленія состоитъ въ томъ, чтобы давить государство внутри, и быть слабымъ извнѣ. И изъ за такаго пустаго выигрыша нація предприняла страшную борьбу! Всѣ эти труды, усилія, манифестаціи, столько жертвъ, столько пролитой крови — все это изъ за того, чтобы замѣнить Гизо графомъ Моле, который такъ недавно, еще въ 1839 году, самъ палъ подъ ударами парламентской коали-

*

ціи, душею и двигателемъ которой былъ Гизо. Нѣтъ! такаго печальнаго исхода дѣла допустить нельзя; это значитъ дать одурачить себя, опутать, покрыть стыдомъ.

Разсужденія эти распространялись съ быстротою молніи. Сначала вѣсти изъ Тюльери принимались съ удовольствіемъ, но мало по малу при имени Моле сталъ подниматься ропотъ. Карно говорилъ о всеобщемъ неудовольствіи въ 6 округѣ, котораго онъ былъ представителемъ. Гарнье-Пажесъ и Люпо, побывавшіе въ разныхъ частяхъ города, подтверждали тоже самое. Въ особенности обнаруживалось неудовольствіе въ редакціяхъ оппозиціонныхъ журналовъ: „Siècle.“ „Courrier Français“, „la Démocratie pacifique,“ „National,“ “la Réforme„. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались посѣтители, журналисты, писатели; сюда приходили посланные отъ тѣхъ, которые со вчерашняго дня не переставали драться на баррикадахъ. Вся эта энергическая часть народонаселенія отвергала реформы, обѣщанныя именемъ Моле, находя ихъ слишкомъ недостаточными, и клялась, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не добьется существенныхъ и серьезныхъ гарантій общественнаго спокойствія. Однако борьба все таки прекратилась на всѣхъ пунктахъ. Если возвышеніе Моле, еще впрочемъ сомнительное, и не могло совершенно укротить волненія, то довольно было одного паденія Гизо, чтобы прекратить рѣзню.

Отсюда вышло то двусмысленное положеніе, не совсѣмъ понятое тогда и не разъясненное до сихъ поръ, которое скоро сдѣлалось безвыходнымъ. Намъ необходимо уяснить его, чтобы лучше понять послѣдующія событія, и потому я постараюсь сдѣлать это, по возможности кратко и ясно.

III.

Главной причиной мятежа была политика министерства, и потому съ паденіемъ его мятежъ самъ собою долженъ былъ

прекратиться. Обѣ воюющія стороны почувствовали это: народъ и войска положили оружіе. Борьба прекратилась.

Съ прекращеніемъ борьбы присутствіе войска становилось излишнимъ; мало того, — оно становилось опаснымъ. Что въ самомъ дѣлѣ могло быть неразумнѣе, какъ оставлять солдатъ въ совершенномъ бездѣйствіи среди народа, гдѣ на каждомъ шагу представлялась имъ тысяча искушеній, гдѣ ежеминутно могло вспыхнуть волненіе? среди народа, ставшаго въ самое неопредѣленное положеніе, которое вдругъ, какъ бы отъ электрическаго удара, могло принять совершенно другой характеръ! И что оставалось дѣлать войску? Грубо отвергнуть симпатію народа, которую тотъ такъ явно выражалъ ему? Употреблять силу? Но вѣдь было-бы совершенно безумно силою защищать министерство, покинутое самимъ королемъ! Принять дружбу народа, т. е. сойтись съ недавними врагами, раздѣлять съ нимъ чувства, волнующія весь городъ? Но какимъ образомъ возобновить тогда войну, въ случаѣ, когда она сдѣлается необходимою?

Правительство не поняло всего этого. Вмѣсто того, чтобы предоставить заботу о водвореніи порядка и объ общественномъ спокойствіи національной гвардіи, которой нравственное вліяніе оставалось во всей силѣ, оно оставило войска на улицахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, вспыхивали безпорядки, но во всякомъ случаѣ присутствіемъ войскъ нельзя было успокоить недовѣріе народа, потому что онъ считалъ ихъ уже совершенно ненужными, и потому видѣлъ что-то враждебное въ занятіи ими города.

Впрочемъ правительство не приняло никакихъ серьезныхъ предосторожностей. Прекращеніе войны давало ему возможность сосредоточить войска на стратегическихъ пунктахъ, собрать разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ небольшіе караулы, необходимые во время бунта, но совершенно излишніе въ мирное время. Можно было окружить каждый отрядъ войска

національной гвардіей, и, отдаливъ ихъ такимъ образомъ одинъ отъ другаго, лишить тѣмъ возможности сговариваться. Ничего этого не было сдѣлано. Гизо съ трибуны объявилъ, что онъ будетъ управлять до времени, а на дѣлѣ не было видно никакого управленія. Нигдѣ не замѣтно было жизни. Сенская префектура ни о чемъ не знала. Полицейская префектура, не получая никакихъ приказаній сама не смѣла дѣлать сколько нибудь важныхъ распоряженій. Въ главномъ штабѣ, герцогъ Немурскій, герцогъ Монпансье и генералы прислушивались къ каждой новости и въ тревожномъ недоумѣніи не знали что дѣлать — продолжать войну, или заключить миръ. Главный начальникъ національной гвардіи, потерявшій, вслѣдствіе своего безумнаго ослѣпленія, всякое нравственное вліяніе, считался ни во что. Всякій оставлялъ дѣло на произволъ судьбы; корпусные командиры, оставленные съ войскомъ посреди города, безъ всякихъ инструкцій, не знали что дѣлать съ своими солдатами, какъ держать себя въ отношеніи къ народу, пробудить вражду котораго было чрезвычайно легко: стоило только не внушить ему къ себѣ довѣрія.

Да и въ отношеніи къ самому народу не сдѣлано было ничего, чтобы успокоить его, чтобы заставить его выпустить изъ рукъ оружіе? До сихъ поръ онъ зналъ объ уступкахъ короля только изъ словъ нѣсколькихъ приближенныхъ его. Но публичнаго, формальнаго заявленія со стороны короля не было. Народу бросили имя Моле, какъ обѣщаніе реформы, но этого было слишкомъ мало. Благоразуміе и честь требовали бо̀льшаго. Чтобы подавить зараждавшееся снова подозрѣніе, нужно было издать прокламацію къ парижскому народу или къ національной гвардіи, прокламацію твердую, краткую и ясную. Но ничего подобнаго не было сдѣлано.

IV.

Можетъ ли положеніе дѣлъ быть болѣе ложнымъ и даже болѣе опаснымъ? Однако народъ сначала ничего не требовалъ для себя, кромѣ освобожденія плѣнныхъ. Ничего не могло быть логичнѣе и естественнѣе этого: такъ какъ король самъ согласился на реформу, то этимъ самымъ оправдывалъ тѣхъ, кто желалъ ее.

Въ 3 часа, у Сенъ-Денисскихъ воротъ, лишь только генералъ Гарробъ возвѣстилъ народу о паденіи министерства, студентъ Пиль потребовалъ освобожденія плѣнныхъ, задержанныхъ въ постѣ Bonne-Nouvelle. Не имѣя на этотъ счетъ никакого распоряженія, но сознавая всю справедливость подобнаго требованія, генералъ не зналъ, на что рѣшиться. Тогда народъ бросился къ кордегардіи, подставилъ лѣстницу, взобрался на стѣны и освободилъ плѣнныхъ. Войско, съ оружіемъ въ рукахъ, неподвижно смотрѣло на это.

Носились слухи, что Бастильскій постъ былъ полонъ арестантовъ, и потому офицеры 8-го легіона рѣшились послать одного изъ среды себя, чтобы потребовать ихъ освобожденья. Выборъ палъ на Серсейля. Свободно прошелъ онъ всю площадь, уставленную войсками и вошелъ въ кордегардію. Но тамъ плѣнниковъ не оказалось, и народъ бросился искать ихъ повсюду; миролюбивое расположеніе солдатъ открыло ему доступъ во всѣ посты, кордегардіи и казармы, и черезъ нѣсколько часовъ всѣ плѣнники были свободны.

V.

Такимъ образомъ война прекращалась на всѣхъ пунктахъ, но взаимное раздраженіе народа и муниципальной гвардіи едва не нарушило начавшагося спокойствія. Со вчерашняго

дня не переставали драться въ улицѣ Bourg-l'Abbé. Поминутно отбиваемый народъ снова возвращался и нападалъ еще съ большею силой. Вчерашнее убійство беззащитнаго юноши, другіе убитые, множество раненыхъ, отчаянное сопротивленіе, наконецъ убѣжденіе муниципальныхъ гвардейцевъ въ томъ, что они погибнутъ, если допустятъ народу одержать верхъ, — все это доводило борьбу до высшей степени ожесточенія.

Но вотъ прибѣжали нѣсколько молодыхъ людей; махая платками, они объявили о мирѣ. Въ одну минуту битва прекратилась, взаимное раздраженіе утихло. Народъ вдругъ почувствовалъ сожалѣніе къ изнуреннымъ солдатамъ, которые со вчерашняго дня дрались ничего не ѣвши. Всѣ поспѣшили за виномъ и провизіей и усердно предлагали ее тѣмъ, кого за минуту готовы были разтерзать. Все шло хорошо. Но тѣ изъ жителей, которые во время бунта сидѣли запершись въ своихъ домахъ, теперь вышли на улицу и потребовали, чтобы свободный пропускъ дозволялся только тѣмъ, кто шелъ по одиночкѣ. Возможно ли было допустить это, когда за однимъ прохожимъ неизбѣжно шелъ другой, третій; они останавливаются, толкуютъ другъ съ другомъ, сходятся въ кучки, и вотъ опять толпа. Вотъ почему муниципальные гвардейцы рѣшились опять занять улицы и проходы.

Но эта благоразумная мѣра была принята за насиліе: гвардейцевъ заподозрили въ желаніи снова завязать драку. Опять поднялся шумъ, народъ разгорячился и столпился. Гвардейцы старались отбросить народъ, но встрѣтили упорное сопротивленіе; они схватили нѣкоторыхъ изъ толпы, нашли у нихъ подъ платьемъ оружіе и увели. Народъ съ страшными угрозами сталъ требовать ихъ освобожденія. Неизбѣжная гибель ожидала солдатъ: ихъ было только 85 человѣкъ противъ массы въ четверо сильнѣйшей и постоянно увеличивавшейся. Помощи не было ни откуда. Посланный къ нимъ отрядъ изъ 30 человѣкъ былъ остановленъ по дорогѣ однимъ

штабъ-офицеромъ и обращенъ въ улицы Saint Martin, Royale и Frepillon. Командовавшій отрядомъ, лейтенантъ Дюпуэ убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и послалъ увѣдомить префекта полиціи о страшной опасности своего положенія. Посланный возвратился безъ всякаго отвѣта. Онъ послалъ въ другой разъ, и опять напрасно. Несчастные увидѣли себя совершенно покинутыми. Что оставалось имъ дѣлать? Тупое и жестокое равнодушіе правительства давало имъ право уступить, но чувство долга было въ нихъ сильнѣе. Они рѣшились защищаться до конца и, забравъ плѣнныхъ, ушли въ домъ Лепажа. Еще не много, и началось бы страшное кровопролитіе, но явились парламентеры и предложили выдачу плѣнныхъ, какъ единственное средство укротить толпу. Офицеры согласились и плѣнникамъ дана была свобода, при громкихъ крикахъ „Vivat!“

Но это были крики торжества, а не благодарности. Народъ сдѣлался еще смѣлѣе. Онъ потребовалъ изъ магазина Лепажа пороху. Пороху оказалось мало, и онъ потребовалъ оружія. Тогда лейтенантъ Дюпуэ, видя себя окончательно обреченнымъ на жертву, рѣшился на отчаянное средство для своего спасенія. Раздѣливъ свой отрядъ на двѣ колонны, онъ быстро вышелъ съ одной колонной изъ дому, и съ опущенными съ двухъ сторонъ штыками кинулся на толпу. Ошеломленный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, народъ кинулся назадъ; но минутное изумленіе его перешло въ страшную ярость, еще болѣе разгорѣвшуюся отъ стыда за отступленіе. Не смотря на грозную осанку солдатъ, бѣжавшіе воротились и снова напали. Наступала ночь, картина становилась мрачною, ужасающею. Опять началась отчаянная схватка, но въ это время послышался барабанный бой, возвѣстившій прибытіе мера 6-го округа, Котеля, командира легіона, полковника Гуссона и подполковника Карбо съ офицерами и 50 гренадерами.

Національная гвардія въ одно и то же время служила защитою для муниципальной гвардіи и подкрѣпленіемъ для народа. Въ самомъ дѣлѣ, прибывъ на мѣсто сраженія, Котель обратился съ упреками къ командиру поста за его неуступчивость, представляя ему всѣ ужасныя ея послѣдствія, и убѣдилъ его укрыться со всѣми подчиненными въ домѣ Лепажа. Офицеры національной гвардіи послѣдовали за ними, поручивъ своимъ солдатамъ защищать входъ. Но едва народъ увидѣлъ себя свободнымъ, какъ опять бросился къ дверямъ. Давка сдѣлалась страшною, задніе ряды тѣснили передніе, не было никакой возможности удержать народъ. Напрасно солдаты національной гвардіи, цѣпляясь за всѣ неровности стѣнъ, старались удержать народъ силою своихъ рукъ; напрасно они просили, уговаривали его. Стремительный потокъ увлекъ ихъ за собою, всякое сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ. Дверь задрожала отъ ударовъ нападающихъ, которые грозили пажаромъ и смертью. „Довольно трусить! закричали муниципальные гвардейцы, мы не позволимъ перерѣзать себя какъ стадо барановъ!“ и стали готовиться къ отчаянному нападенію. Офицеры и меръ съ благороднымъ мужествомъ продолжали высокое дѣло человѣколюбія: они бросились между солдатами и народомъ. Въ это время Котель предложилъ начальнику поста пойти самому въ префектуру полиціи, чтобы узнать, что ему дѣлать. Тотъ согласился, но такъ какъ сквозь толпу невозможно было пробраться, то его спустили по веревкѣ въ другую улицу. Онъ побѣжалъ и скоро возвратился съ отвѣтомъ, что префектъ полиціи не соглашается на сдачу солдатъ, но заранѣе одобряетъ все, что будетъ сдѣлано начальникомъ для спасенія своего отряда. Послѣдняя поддержка ихъ, небольшое число солдатъ 7-го легкаго полка исчезла; ихъ увлекла за собою толпа, не сдѣлавъ имъ впрочемъ ничего худаго. Остались одни офицеры національной гвардіи, неустрашимые, но лишенные всякой возможности сдѣ-

лать что нибудь. Народъ, раздраженный сопротивленіемъ, которое считалъ для себя оскорбительнымъ, гордый своею многочисленностью, подстрекаемый необузданными страстями, всею массою своей кинулся на единственную преграду, отдѣлявшую его отъ его жертвъ. Дверь подалась, заблестѣли огни факеловъ. Напрасно всѣ офицеры, напрасно Этьеннъ Араго и друзья его употребляли геройскія усилія: катастрофа была неизбѣжна. Но въ это самое время солдаты муниципальной гвардіи, чувствуя, что они сдѣлали больше, чѣмъ требовалъ ихъ долгъ, рѣшились наконецъ уступить предъ такимъ превосходствомъ силъ.

Но при такой суматохѣ правильная капитуляція была невозможна; если бы солдаты показались на улицу въ боевомъ порядкѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, то это было бы новымъ вызовомъ къ сраженію, и потому рѣшили устроить такъ, чтобы каждый гвардеецъ вышелъ съ двумя офицерами національной гвардіи. Прежде всѣхъ показался старый воинъ, вахмистръ Вердье. Вѣрный чести и долгу солдата, онъ ни за что не согласился отдать свое оружіе. Одной рукой онъ опирался на Этьенна Араго, другой на офицера національной гвардіи. Толпа раздалась и они быстро прошли. Но едва они вышли на улицу, какъ одинъ 15-ти лѣтній мальчикъ бросился къ нимъ съ пистолетомъ въ рукахъ и выстрѣлилъ въ несчастнаго бригадира, въ глазахъ его покровителей, обезумѣвшихъ отъ ужаса и негодованія. Это вѣроломство поразило всѣхъ; ужасъ заступилъ мѣсто негодованія. Спасающіеся догадались воспользоваться минутой общаго оцѣпененія и поспѣшили ускорить ретираду, среди толпы, грозныя страсти которой ежеминутно могли вспыхнуть снова. Оставалось только два офицера, тѣ самые, которыхъ болѣе всего упрекали въ кровопролитіи. Гуссонъ, Карбо и друзья ихъ упрашивали народъ пропустить ихъ, но толпа все болѣе и болѣе сгущалась. Тогда Этьеннъ Араго еще разъ рѣшился на самопожер-

твованіе. Онъ вывелъ за руку лейтенанта Бувье, окруженнаго офицерами національной гвардіи. За нимъ бросились всѣ, но лейтенантъ Дюпуэ, смятый въ толпѣ, не успѣлъ выйти. Полковникъ толкнулъ его въ комнату, заперъ дверь, самъ сталъ на порогѣ и послѣ двухъ-часовыхъ нечеловѣческихъ усилій, успѣлъ проводить его здороваго и невредимаго въ полицейскую префектуру.

Къ этому же пункту направились и остальные муниципальные гвардейцы въ сопровожденіи офицеровъ національной гвардіи. На пути присоединились къ нимъ отрядъ 1-го легкаго и взводъ 7-го кирасирскаго полка, слишкомъ поздно посланные къ нимъ на помощь и не могшіе добраться до дома Лепажа. Несмотря на этотъ конвой, свирѣпыя толпы поминутно нападали на нихъ, такъ что они принуждены были идти окольными дорогами и только въ 9 ч. вечера пришли въ городскую думу въ самомъ жалкомъ видѣ, но все таки не потерявъ ни одного человѣка, кромѣ несчастнаго вахмистра Вердье.

VI.

Въ то-же самое время, на трехъ другихъ пунктахъ происходили подобныя событія, къ счастью впрочемъ не столь важныя.

Складочное мѣсто винъ въ кварталѣ Сенъ-Викторъ было, какъ и домъ Лепажа, поручено охраненію роты муниципальной гвардіи. Застигнутый сильнымъ отрядомъ инсургентовъ, маленькій гарнизонъ заперъ рѣшетки и укрылся въ своемъ постѣ, надъ дверью котораго развѣвалось знамя. Одинъ изъ осаждающихъ взобрался на рѣшетку, чтобы овладѣть этимъ знаменемъ. Не зная, что дѣлается въ городѣ, не получая ни приказаній, ни даже продовольствія, муниципальные гвардейцы вообразили себя въ большой опасности и открыли огонь

изъ бойницъ. Нѣсколько человѣкъ пали, убитые и раненые, остальные разбѣжались съ криками негодованія за такое измѣнническое нарушеніе перемирія, и разнесли по всему лѣвому берегу Сены вѣсть объ этомъ вѣроломствѣ.

У академіи искусствъ и ремеслъ стояли двѣ роты 15-го линейнаго, подъ начальствомъ капитана Барбье. Въ подкрѣпленіе имъ прибыла рота 1-го легкаго и часть 6-го баталіона пѣшихъ стрѣлковъ съ капитаномъ Дегранжъ, который по праву старшинства принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ. Около 5 часовъ огромная толпа народа окружила этотъ небольшой отрядъ и принудила его укрыться въ первомъ дворѣ. Осаждающіе тотчасъ приступили къ наружной двери и высадили ее. Гарнизонъ скрылся во второй дворъ; но такъ какъ ни что не можетъ противиться усиліямъ парижской черни, то и вторая дверь испытала ту же участь. Укрывшись въ третьемъ дворѣ, но видя, что и тамъ ему грозитъ опасность, командиръ отряда рѣшился очистить позицію. Нельзя не похвалить благоразумной рѣшимости храбраго капитана, который въ самомъ затруднительномъ обстоятельствѣ съумѣлъ избѣжать двойной отвѣтственности, и не рѣшился ни положить оружіе, ни, безъ формальнаго приказанія, пролить кровь согражданъ.

У префектуры полиціи находились сильные отряды муниципальной гвардіи, два эскадрона драгунъ, рота орлеанскихъ стрѣлковъ и три роты 14-го линейнаго. Префектъ полиціи, которому со всѣхъ сторонъ твердили о возможности нападенія, приказалъ держать самые строгіе караулы и энергически отбивать всякую попытку. Около 8 часовъ вечера на площади Шателе появилась довольно значительная толпа народа. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены, большая же часть была съ факелами и пѣла хоры жирондистовъ. При свѣтѣ факеловъ, солдаты увидали оружіе, и, считая дѣло опаснымъ, сдѣлали залпъ. Имъ отвѣтили нѣсколькими вы-

стрѣлами, но выступившая кавалерія стремительнымъ натискомъ заставила народъ отступить и разсѣяться по ближнимъ улицамъ.

Таково было положеніе столицы къ концу этого дня. Король лукавилъ, народъ принималъ уступки его съ видимымъ недовѣріемъ. Съ обѣихъ сторонъ спорящіе стояли съ оружіемъ въ рукахъ. Много ли нужно было, чтобы зажечь страшный пожаръ? Для этого достаточно было одной искры. Конечно, нельзя положительно утверждать, что распущеніе войскъ могло совершенно устранить опасность, но все таки это было бы во сто разъ лучше, чѣмъ держать ихъ въ глазахъ народа. Можно по крайней мѣрѣ сказать положительно, что если бы Люи-Филиппъ, твердо и честно обсудивъ свое положеніе, распустилъ своихъ министровъ безъ тайной надежды снова собрать ихъ, если бы онъ составилъ министерство изъ членовъ оппозиціи, если бы наконецъ онъ изложилъ всѣ эти мѣры въ прокламаціи, подписанной имъ самимъ или кѣмъ нибудь другимъ, имя котораго пользовалось довѣріемъ, то въ Парижѣ не было бы революціи 24-го февраля 1848 года.

VII.

Извѣстно уже, что Моле былъ потребованъ въ Тюльери. Ему сообщили это приказаніе короля въ то время, когда онъ вышелъ изъ палаты перовъ. Вслѣдствіе ли нерѣшительности или по другимъ причинамъ, графъ, вмѣсто того, чтобы отправиться прямо къ королю, поѣхалъ въ свою квартиру, въ улицѣ Faubourg Saint-Honoré. Спустя нѣсколько минутъ, онъ опять вышелъ изъ дому, какъ вдругъ толпа остановила его карету и потребовала ее для баррикады. Довольный тѣмъ, что нападающіе не обнаружили никакой непріязни къ его личности, Моле изъ этого дерзкаго поступка убѣдился въ трудности положенія дѣлъ, что произвело на него сильное впе-

чатлѣніе. Введенный въ кабинетъ короля, онъ засталъ его возлѣ окошка, въ которое онъ смотрѣлъ; но нельзя было не замѣтить, что король въ это время былъ занятъ весьма важными мыслями.

Поведеніе національной гвардіи болѣе всего озадачивало этого стараго короля. Въ волненіи народа не было ничего удивительнаго; но холодность и даже непріязненность буржуазіи, этого средняго класса народа, для котораго и благодаря которому онъ царствовалъ, — была для него страшною новостью, непонятной и смущавшей его умъ. „Это похоже на начало 20 іюня 1792 года,“ съ горечью сказалъ онъ вошедшему Моле. Далѣе онъ говорилъ, что министры, не будучи въ состояніи справиться съ обстоятельствами, сочли нужнымъ удалиться; что онъ одобряетъ ихъ рѣшимость; но что онъ вовсе не требовалъ отъ нихъ этого, а между тѣмъ Гизо, въ палатѣ депутатовъ, свалилъ на него всю отвѣтственность въ своей добровольной отставкѣ. Въ заключеніе онъ прибавилъ: „Теперь я разсчитываю на васъ.“ Моле отвѣтилъ, что онъ всегда готовъ служить королю и странѣ, но что его собственное положеніе мало гармонируетъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; что онъ, прежде всего — консерваторъ, и, слѣдовательно, не можетъ присоединиться къ движенію, направленному столько же противъ консервативной партіи, какъ и противъ министровъ; что единственные люди, способные управлять этимъ движеніемъ — тѣ самые, которые возбудили его; поэтому онъ совѣтовалъ призвать Тьера и Одилона Барро. „Тьера! вскричалъ король; а что скажетъ на это Европа?“ — „Когда у кого нибудь горитъ домъ, то прежде чѣмъ заботиться о томъ, что скажетъ сосѣдъ, нужно стараться спасти его,“ отвѣтилъ Моле. Но король не хотѣлъ даже говорить о Тьерѣ. Оба они долго настаивали на своихъ убѣжденіяхъ. „Наконецъ, вскричалъ король, вы не откажете мнѣ увидѣться и поговорить объ этомъ съ Дюфоромъ, де-Ремюза, Билло

и Пасси?“ — „Такъ какъ этого желаетъ король, то я не могу отказать ему,“ отвѣтилъ Моле и вышелъ.

Нѣсколько минутъ спустя пришли министры. Король принялъ ихъ съ принужденнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ видомъ. Онъ сожалѣлъ объ обстоятельствахъ, ставящихъ его въ необходимость дать имъ отставку. Гизо возразилъ, что король самъ требовалъ этой отставки. „Какъ бы то ни было, сказалъ король, я прошу васъ продолжать служить мнѣ.“ Министры увѣрили его въ своей преданности, и король съ видомъ сожалѣнія распрощался съ ними.

VIII.

Слѣдовавшій за тѣмъ обѣдъ въ Тюльери былъ скорѣе похожъ на военный или политическій совѣтъ, чѣмъ на отдыхъ въ семейномъ кругу. Въ числѣ гостей былъ маршалъ Бюжо, пришедшій къ королю съ предложеніемъ своихъ услугъ, которыми воспользовались нѣсколько времени спустя. Ежеминутно приносили извѣстія, которыя доказывали, что волненіе нисколько не успокоивается. Король усиливался сохранить на своемъ лицѣ маску спокойствія; но усилія его были напрасны: на немъ ясно выражалось волненіе, и онъ тщетно старался сообщить присутствующимъ то спокойствіе, котораго ему самому недоставало. Двойная тяжесть — старости и обстоятельствъ, оставила на немъ свои слѣды. Его не огорчала мысль о паденіи его династіи: отъ этой мысли онъ былъ слишкомъ далекъ; онъ боялся унизить въ глазахъ Европы свою политику, и это заставляло его съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія Моле.

Въ то же самое время принцы обѣдали въ главномъ штабѣ, у генерала Жакмино. Возлѣ герцога Немурскаго сидѣлъ съ правой стороны генералъ Себастьяни, а съ лѣвой генералъ Рульеръ. Со всѣхъ сторонъ приходили самыя ужасныя извѣ-

стія. Такъ одинъ увѣрялъ, и герцогъ не замедлилъ объявить этого всѣмъ, что полицейская префектура осаждена цѣлой арміей въ 10 или 12 тысячъ человѣкъ. Читателю уже извѣстно, къ чему относилось это извѣстіе. Говорили также, что министерству иностранныхъ дѣлъ угрожаетъ опасность; но слухъ этотъ былъ тоже несправедливъ, и оправдался только впослѣдствіи. Между тѣмъ герцогъ поспѣшилъ отправить туда полковника 14 линейнаго, Курана, съ отрядомъ гренадеръ и эскадрономъ кавалеріи. Что же касается дѣйствительнаго положенія столицы и дѣйствія, какое произвела на нее перемѣна министровъ, то слухи объ этомъ противорѣчили одинъ другому. Герцогъ былъ взволнованъ; время отъ времени онъ тихо разговаривалъ съ сосѣдями. Всѣ присутствующіе безпокоились. Этотъ обѣдъ можно было принять за похоронный.

Гораздо менѣе безпокоились въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Амфитріонъ его, Дюшатель, не считалъ нужнымъ освѣдомляться, по прежнему, о ходѣ дѣлъ. У него собрались къ обѣду большая часть прежнихъ товарищей и нѣсколько его политическихъ друзей; во главѣ всѣхъ былъ Гизо. Приглашенные болѣе всего забавлялись картиной будущаго министерства и его труднаго положенія. Въ сущности, радость павшихъ министровъ была скорѣе искренна, чѣмъ ложная. Нѣтъ почти ни одного государственнаго человѣка, который не считалъ бы себя необходимымъ для своего правительства, и который допустилъ бы мысль, что, съ удаленіемъ его, оно можетъ обойтись безъ него. Наконецъ, когда какой нибудь министръ падаетъ посреди бури, то онъ долженъ быть радъ, что на него не падаетъ отвѣтственность за кораблекрушеніе. Впрочемъ Гизо и Дюшатель не знали вполнѣ настоящаго положенія дѣлъ. Первый имѣлъ благоразуміе оставить отель министерства иностранныхъ дѣлъ; послѣдній, для безопасности министерства внутреннихъ дѣлъ, потребовалъ только отрядъ изъ 40 человѣкъ муниципальныхъ гвардейцевъ и 12 лошадей, подъ коман-

дой лейтенанда Делеза. Вечеромъ пришли къ нему нѣсколько депутатовъ и перовъ, и въ залахъ разставили столы для виста. За исключеніемъ нѣсколькихъ озабоченныхъ лицъ, вы, посмотрѣвъ на это общество, подумали бы, что это одинъ изъ обыкновенныхъ еженедѣльныхъ вечеровъ министра.

Къ несчастью, эти павшіе министры обнаруживали и на дѣлѣ то же хладнокровіе. Хотя Гизо и объявилъ съ трибуны, что онъ будетъ заниматься дѣлами до составленія новаго министерства, и хотя все министерство обѣщало то же самое королю, но обѣщаніе это было забыто. Впродолженіи цѣлаго дня, исключая Трезеля, который оставался при королѣ и принцахъ, ни одинъ изъ министровъ не принялъ никакой мѣры, ни одинъ не отдалъ какаго нибудь приказа, ни одинъ не заботился о томъ, чтобы водворить въ городѣ спокойствіе, чтобы успокоить взволнованные умы, чтобы потушить пожаръ, зажженный ихъ собственными руками. Можетъ быть они не понимали, что есть обстоятельства, въ которыхъ дурное расположеніе духа считается измѣной? Или можетъ быть они сознавали свое безсиліе?

IX.

Между тѣмъ Моле дѣятельно занимался возложеннымъ на него порученіемъ. Выйдя изъ дворца, онъ тотчасъ же послалъ пригласить къ себѣ Ремюза, Дюфора, Пасси и Билло; онъ ждалъ также Тьера. Прошло много времени, но посланнымъ не удалось найти никого изъ первыхъ четырехъ; Тьеръ же отвѣчалъ, что онъ будетъ ожидать Моле у себя. Въ восемь часовъ, не дождавшись нокого, Моле отправился къ Ремюза. Онъ нашелъ его скорѣе углубившимся въ свои мысли, чѣмъ встревоженнымъ. „Это іюльская революція, которая окончится перемѣною министерства“, сказалъ этотъ человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ. На требованіе Моле, Ремюза отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя

вправѣ рѣшиться на что нибудь безъ согласія Тьера, и потому предложилъ Моле тотчасъ же отправиться къ нему.

Возвратившись къ себѣ и не получивъ никакихъ извѣстій о Дюфорѣ и его друзьяхъ, Моле отправился къ Тьеру. Было 9 часовъ. На улицахъ было страшное волненіе. Приходившіе изъ центра города сообщали о разныхъ необыкновенныхъ происшествіяхъ; слушающіе ихъ только поднимали руки къ небу, выражая горесть и отчаяніе. Прислушиваясь къ городскому шуму, Моле слышалъ и о ружейныхъ выстрѣлахъ, о многочисленныхъ жертвахъ, о разныхъ катастрофахъ, но изъ всѣхъ этихъ толковъ онъ не могъ вывести никакого заключенія; онъ чувствовалъ только, что положеніе дѣлъ, уже столь трудное, дѣлается съ каждой минутой еще труднѣе.

Огромная толпа народу наполняла небольшую площадь, возлѣ которой жилъ Тьеръ. Тысячи голосовъ требовали депутатовъ оппозиціи, удаленія Гизо и составленія новаго, реформистскаго министерства. За закрытой рѣшеткой стоялъ Тьеръ съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, обращаясь къ толпѣ съ поздравленіями и обѣщаніями. Осторожный,— какъ и можно было ожидать отъ такаго искуснаго политика, — предъ этой толпою, которая имѣла столько довѣрія къ нему и которой непостоянство онъ испыталъ уже, онъ однако ясно высказывалъ, что это возвращеніе популярности льстило его самолюбію и что гордость его съ величайшимъ удовольствіемъ принимала эти забытыя ласки.

Внутри дома было огромное стеченіе народа: всѣ парламентскіе и экстра-парламентскіе члены лѣваго центра собрались возлѣ своего главы. Успѣхи того дня, всеобщая радость, вѣроятное окончаніе борьбы, новости, постоянно приносимыя друзьями, и въ особенности эта овація, раздававшаяся на площади, — все это изгнало безпокойство и возбудило всеобщее довѣріе. Второй разъ въ своей жизни Тьеръ уви-

дѣлъ себя непосредственнымъ виновникомъ положенія дѣлъ, царемъ всѣхъ желаній, не исключая желаній самаго короля. Съ сознаніемъ всего этого принялъ онъ Моле, котораго увелъ въ свой кабинетъ. То, о чемъ они говорили въ продолженіи трехъ часовъ, извѣстно мнѣ отъ нихъ обоихъ; каждый изъ нихъ одинаково желалъ сообщить мнѣ содержаніе этого разговора.

Прежде всего Моле разсказалъ, какъ король потребовалъ его къ себѣ и какъ онъ предложилъ ему министерство; онъ повторилъ то, какъ онъ сознался королю въ своей несостоятельности и какъ указалъ на Тьера; какъ король вспыхнулъ при этомъ имени,—словомъ весь разговоръ свой съ королемъ, который читателю уже извѣстенъ. Наконецъ Моле спросилъ Тьера, можно ли разсчитывать на него и на его друзей при составленіи новаго министерства. Тьеръ отвѣчалъ, что хотя въ такомъ важномъ обстоятельствѣ самолюбивые разсчеты не должны имѣть мѣста, но что, такъ какъ обязанность предсѣдателя совѣта досталось Моле, то онъ не можетъ войти въ него, не будучи въ состояніи быть первымъ; что же касается его друзей, то онъ не можетъ принять за нихъ никакого формальнаго приглашенія, не поговоривъ прежде съ ними, но что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы убѣдить ихъ согласиться. На вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ друзья его согласятся помогать составленію новаго министерства, Тьеръ отвѣтилъ, что хотя съ своей стороны онъ очень доволенъ уже однимъ тѣмъ, что опасное положеніе дѣлъ кончится съ паденіемъ прежняго министерства, но что друзья его вѣроятно потребуютъ парламентской и избирательной реформъ и распущенія палаты. „Что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то они уже приняты во вниманіе, отвѣтилъ Моле; но король никогда не согласится на распущеніе палаты.“ „Но вы совсѣмъ не знаете что такое эта палата, возразилъ Тьеръ; если бы вы поближе увидѣли ее, вы еще болѣе меня убѣдились бы въ необходи-

мости распущенія ея. Впрочемъ, это ваше дѣло рѣшить — можете ли вы приступить къ составленію кабинета на указанныхъ мною условіяхъ, или нѣтъ.“ Послѣ этого они распрощались, выразивъ другъ другу взаимныя желанія, и разстались, одинъ — съ сознаніемъ своей силы, другой — все болѣе и болѣе убѣждаясь въ своемъ безсиліи.

X.

Не меньшее стеченіе народа, чѣмъ у Тьера, было въ квартирѣ Одилона Барро. Съ семи съ половиною часовъ къ нему начали сходиться депутаты, журналисты, члены центральнаго комитета. Между главными представителями лѣвой стороны и радикаловъ были также нѣсколько членовъ лѣваго центра, между прочимъ Дювержье де-Гораннъ, Малевиль, д‘Арагонъ, и др. Послѣ обсужденія всѣхъ новѣйшихъ событій, собраніе приступило къ разсмотрѣнію могущихъ произойти отъ нихъ послѣдствій. „Можетъ ли быть принято министерство Моле и Дюфора? Можетъ ли, долженъ ли лѣвый центръ составить кабинетъ изъ однихъ своихъ членовъ? Не необходимо ли, напротивъ того, соединить въ одномъ кабинетѣ всѣ элементы династической оппозиціи, т. е. лѣвую сторону въ лицѣ Одилона Барро и лѣвый центръ въ лицѣ Тьера.“ Дювержье де-Гораннъ старался доказать, что, по его мнѣнію, необходимо непосредственное вступленіе лѣвой стороны въ кабинетъ, что, дѣйствуя за одно съ лѣвой стороной въ дѣлѣ банкета, онъ не признаетъ такого кабинета, въ числѣ членовъ котораго не будетъ представителя лѣвой стороны. Малевиль доказывалъ то же самое.

Какого же образа дѣйствій слѣдовало держаться? Какъ нужно было дѣйствовать въ отношеніи къ различнымъ парламентскимъ партіямъ, и въ особенности въ отношеніи къ королю? Едва начали разсуждать объ этихъ двухъ вопро-

сахъ, какъ вдругъ послышался съ улицы шумъ, сначала отдаленный, но постепенно приближавшійся. Вотъ что было причиной этого шума.

Возлѣ улицы Монмартръ составилось одно изъ тѣхъ скопищъ, которыя собираются только за тѣмъ, чтобы потомъ разсѣяться по всѣмъ концамъ города. Недалеко отъ этой толпы была лавка свѣчей и плошекъ, — эта непреодолимая приманка парижскихъ уличныхъ мальчиковъ. Въ одно мгновеніе вся толпа запаслась плошками и факелами; раздались крики: „идемъ къ депутатамъ! идемъ къ Барро!“ и всѣ направились туда. Увеличиваясь постоянно на пути своемъ, толпа эта прошла бульваръ, бросилась въ улицу Ferme-des-Mathurins и предъ окнами Барро зажгла свои факелы. Имъ тотчасъ отворили ворота и толпа наполнила дворъ и ступени. Три стороны двора были окружены открытой галереей: депутаты вышли въ нее, осматривая съ высоты нѣсколькихъ метровъ эту толпу, которая, такъ сказать, прикасалась къ нимъ глазами. Огонь факеловъ, доходившій до втораго этажа и потомъ потерявшійся въ густотѣ мрака, сильно освѣтилъ эти восторженныя головы. Толпа стояла въ глубокомъ молчаніи, такъ что слова Барро, благодарившаго народъ за эту демонстрацію, слышны были очень далеко.

Въ энергическихъ словахъ Барро изобразилъ постоянныя усилія оппозиціи, ея настойчивость, ея неизбѣжный, хотя и поздній успѣхъ; онъ сказалъ, что избирательная и парламентская реформы обѣщаны и не подлежатъ сомнѣнію; потомъ онъ убѣждалъ народъ сохранять умѣренность, которая одна привела его къ такимъ результатамъ; стараться не портить дѣла какимъ нибудь необдуманнымъ поступкомъ, изъ котораго враги прогресса могли бы извлечь пользу; онъ кончилъ тѣмъ, что увѣщевалъ всѣхъ присутствовавшихъ, чтобы каждый изъ нихъ смотрѣлъ на себя какъ на лицо, обязанное заботиться о поддержаніи порядка. Послѣ аплодис-

мента, вызваннаго рѣчью Барро, Гарнье-Пажесъ обратился тоже къ народу: „Результатомъ послѣднихъ событій есть начало лучшаго порядка вещей. Паденіе министерства, есть окончательное, невозвратимое паденіе той системы, которой Франція такъ долго подчинялась.“ Имя Гарнье-Пажеса давно уже было дорого народу, и потому его встрѣтили съ неменьшимъ энтузіазмомъ, который выразился послѣ окончанія его рѣчи. Послѣ этого толпа, съ именами оппозиціонныхъ депутатовъ на устахъ, спокойно розошлась.

Пренія, прерванныя этимъ происшествіемъ, возобновились опять въ присутствіи еще большаго числа лицъ, вновь прибывшихъ, между прочимъ, Изамбера, Пьеррона, Биксіо, Корбона, Куртэ, и др. Куртэ совѣтовалъ дѣйствіе болѣе энергическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумное. „Единственное средство къ водворенію спокойствія — устранить временное министерство, отправиться во дворецъ и потребовать новое министерство, которое могло бы вполнѣ удовлетворить и успокоить народъ.“ Въ эту минуту въ залу вбѣжалъ Шамбаронъ, секретарь Барро. Съ испуганнымъ видомъ онъ объявилъ, что огромная толпа народа завладѣла бульварами; что толпа эта, идущая колонной, касается уже фронта войскъ, поставленныхъ у министерства иностранныхъ дѣлъ; что ей, кажется, хотятъ пересѣчь дорогу и что во главѣ ея идетъ Лагранжъ.... На этомъ словѣ голосъ его былъ прерванъ звукомъ выстрѣла. „Вотъ, вскричалъ Гарнье-Пажесъ, стрѣляютъ въ ваше безстрашное министерство.“

XI.

Этотъ выстрѣлъ былъ началомъ рѣзни на бульварѣ капуциновъ. Объ этомъ печальномъ происшествіи было распространяемо много ложныхъ, неправдоподобныхъ извѣстій. Желая во что бы то ни стало знать истину, я съ религіоз-

нымъ стараніемъ искалъ ее повсюду, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Вотъ она, въ такомъ видѣ, какъ я заимствовалъ ее изъ всѣхъ письменныхъ источниковъ, какъ я узналъ ее послѣ строгаго изслѣдованія на самомъ мѣстѣ дѣйствія и послѣ увѣреній болѣе трехъ сотъ свидѣтелей, лично принимавшихъ участье въ этомъ происшествіи.

Читателю извѣстно положеніе зданія министерства иностранныхъ дѣлъ. Стѣны его окружены, съ западной стороны, улицею Neuve-des-Capucines; съ южной и восточной сторонъ — частными домами; съ сѣверной стороны выходятъ на бульваръ Капуциновъ его дворъ, обширный флигель и садъ. Этотъ садъ на одинъ метръ выше тротуара, который, въ свою очередь, на столько же возвышается надъ уровнемъ улицы. Съ другой стороны улицы — другой тротуаръ, отдѣленный баллюстрадой отъ улицы Basse-du-Rempart, которая опускается еще на два метра ниже.

Такъ какъ въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ была квартира Гизо, то это обстоятельство обращало на него, больше чѣмъ на какое нибудь другое мѣсто, вниманіе народа и привлекало его къ нападенію. Присутствіе муниципальной гвардіи только увеличивало опасность. На него нападали съ самаго утра 22 февраля. Тогда же послали туда подкрѣпленіе, состоявшее изъ пѣхоты и кавалеріи. Но 23 утромъ толпа снова собралась и снова раздались крики: „Vive la ligne! A bas la garde municipale!“ Чтобы избѣгнуть этого повода къ волненію, командующій отрядомъ офицеръ приказалъ муниципальной гвардіи войти въ зданіе и спрятаться во дворѣ и въ саду. Съ тѣхъ поръ до самаго начала драки, муниципальные гвардейцы не появлялись на бульварѣ, и нападенія прекратились.

Но внутри зданія министерства спокойствіе однако не водворилось. По требованію Жени, полицейскій коммиссаръ Луаé написалъ въ главную квартиру, и оттуда выслали эска-

дронъ подъ начальствомъ Бракеге (Braquehé). Всѣ дороги къ зданію были охраняемы достаточными силами. Но страхъ не уменьшился; по мѣрѣ приближенія ночи, обитатели министерства болѣе и болѣе начали опасаться и потребовали новыхъ подкрѣпленій. Тогда прибылъ лейтенантъ-полковникъ Куранъ. Такимъ образомъ зданіе министерства охраняли: внутри, во дворѣ и въ саду, отрядъ муниципальной гвардіи подъ командой капитана Пети; снаружи отрядъ 1 легкаго пѣхотнаго полка, подъ командой капитана Рулена; 80 солдатъ 21 линейнаго подъ командой капитана Обана; 100 человѣкъ 52 линейнаго, подъ командой капитана Барабана, и наконецъ 100 кирассировъ 6-го полка, 50 драгунъ 8-го и три роты 14 линейнаго полка.

Прежде войска были поставлены во всю длину зданія, но лейтенантъ-полковникъ Куранъ распорядился иначе. Всѣ войска были поставлены въ карре на тротуарѣ, раздѣляющемъ улицы Neuve-Saint-Augustin и Neuve-des-Capucines, пѣхота по бокамъ, въ срединѣ кавалерія. Для прохода остались свободными тротуаръ бульвара подъ улицею Basse-du-Rempart, самая улица и другія, прилежащія къ ней. Роты 14 линейнаго полка составили сторону карре, перпендикулярную къ саду, на разстояніи двадцати метровъ отъ того мѣста, гдѣ кончается улица Neuve-Saint-Augustin.

Около девяти часовъ прибылъ полковникъ Талабо со вторымъ батальономъ 2 легіона національной гвардіи. Онъ расположился впереди войска. Въ это время толпа начала стекаться къ министерству. Озлобленный тѣмъ, что окна не были вовсе освѣщены, народъ началъ кричать: „факеловъ! факеловъ! прочь Гизо!“ Тамъ и сямъ слышались угрозы поджечь домъ. Положеніе становилось опаснымъ. Ворвавшись въ отверстіе, выходящее на тротуаръ улицы Basse, толпа бросилась на войско и начала тѣснить его съ неотразимымъ напоромъ. Полковникъ Талабо, капитанъ Алтарошъ и другіе офи-

церы бросились къ толпѣ, которая, уступивъ ихъ увѣщаніямъ, удалилась безъ сопротивленія. Тогда Талабо указалъ полковнику Курану опасность занимаемой имъ позиціи. Находя это замѣчаніе справедливымъ, Куранъ подвинулъ свои войска до самой баллюстрады, выходящей на улицу Basse. Такимъ образомъ бульваръ былъ совершенно загороженъ, и люди, шедшіе съ Италіянскаго бульвара, не имѣли другаго хода, кромѣ улицы Neuve-Saint-Augustin съ лѣвой стороны и узкаго прохода улицы Basse съ правой. Національная гвардія осталась на прежней позиціи, спиной къ войску и лицомъ къ бульвару.

Такимъ образомъ проходъ отъ Бастилліи къ Madeleine, прежде свободный по всей линіи бульваровъ, былъ постепенно загорождаемъ въ одномъ пунктѣ — у министерства иностранныхъ дѣлъ. Сначала войска занимали только тротуары вдоль стѣнъ; послѣ они подвинулись и покрыли улицу, оставивъ для прохода тротуаръ улицы Basse; наконецъ они заняли и улицу и тротуаръ, такъ что мѣшали всякому движенію народа.

Со стороны Madeleine распоряженіе это не могло произвести особенныхъ неудобствъ. Съ этой стороны протяженіе бульваровъ слишкомъ незначительно для того, чтобы народъ могъ столпиться въ большой массѣ. Оттуда онъ могъ явиться въ маломъ количествѣ и выстрѣлы кавалеріи и пѣхоты легко разсѣяли бы его. Но совсѣмъ другое было со стороны улицы Neuve-Saint-Augustin. Войска, главная часть которыхъ была обращена въ эту сторону, имѣли предъ собой цѣлую линію бульваровъ. Предположите, что въ какомъ нибудь пунктѣ города образовалась колонна, состоящая изъ одного народа: она проходитъ улицы, увеличиваясь на пути своемъ нѣсколькими тысячами человѣкъ; она приближается, подходитъ, и не имѣетъ выхода; движеніе, возбужденное цѣлой массой, не можетъ остановиться; эта колонна должна или преодолѣть препятствіе или позволить ему преодолѣть себя. Въ сущности бояться было

нечего, потому что стоящая впереди войска національная гвардія посредствомъ своего вліянія можетъ, безъ особенныхъ усилій, заставить народъ вернуться. Но если по какому нибудь случаю національная гвардія удалится, и войска останутся лицомъ къ лицу съ толпой? Стычка, ужасная по своимъ послѣдствіямъ, кажется неизбѣжною. Вдругъ національная гвардія дѣйствительно удаляется, и вотъ по какой причинѣ.

Послѣ Гизо, въ общественномъ мнѣніи ниже всѣхъ стоялъ Геберъ, министръ юстиціи. Въ восемь съ половиною часовъ толпа народу, сначала небольшая, но постоянно увеличивавшаяся, собралась возлѣ его дома. Окна не были освѣщены. Толпа волнуется и громко требуетъ факеловъ. Окна остаются запертыми. Тогда толпа бросается на деревянную рѣшетку, окружающую стѣны зданія, разбиваетъ ее, угрожаетъ высадить дверь и подложить подъ нее огонь. Весь этотъ шумъ не имѣлъ ничего важнаго: отрядъ, посланный съ главнаго штаба, разсѣялъ осаждающихъ и отбросилъ ихъ къ Вандомской площади. Но съ устраненіемъ опасности осажденные сочли ее болѣе важною. Министръ послалъ къ полковнику Талабо три приказа, которыми требовалъ прибытія его батальона; опасность казалась неизбѣжною; можетъ быть зданіе министерства уже предано огню? Талабо не колеблется ни минуты. Оставивъ вмѣстѣ съ своимъ батальономъ занимаемую имъ позицію, онъ спѣшитъ къ Вандомской площади. Такимъ образомъ 14 линейный полкъ остался безъ всякаго прикрытія, и штыки его, такъ сказать, упирались прямо въ грудь народа.

XII.

Каково же было въ эту минуту состояніе города? Мы уже описывали его. Паденіе министерства уменьшило враждебное

расположеніе народа, но не потушило волненія; манифестаціи постоянно увеличивались, дѣлались сильнѣе и чаще. Все содѣйствовало усиленію ихъ: постоянныя удачи, заразительность примѣра, необходимость новыхъ уступокъ, подозрительная честность короля, имя Моле, недостатокъ гласности въ приглашеніи новыхъ членовъ кабинета, и наконецъ самая непреодолимая страсть народа — любопытство. Все народонаселеніе стеклось на улицахъ; эти безпокойные дѣти Парижа, которыхъ смѣлость и раздраженіе ничто не въ силахъ остановить, бѣгали по всему городу, оглашая воздухъ криками: „факеловъ! факеловъ!“ Почти вездѣ добровольно, и только кое-гдѣ насильно зажженные факелы освѣтили весь городъ. Свѣтъ увеличивается и, подобно многочисленнымъ звѣздамъ, озаряетъ ночь. День кончается какъ будто среди какого то торжественнаго праздника. Мущины, женщины, дѣти, старики, рабочіе, національные гвардейцы, буржуазія, всѣ классы народа, какъ самые бѣдные, такъ и богатые,—все сталкивается въ этой толпѣ, тысяча разъ разбиваемой, тысяча разъ вновь составляемой, иногда по разсчету, иногда просто по случаю.

XIII.

На площади Royale многочисленная толпа заняла входъ въ квартиру мера восьмаго округа. Національные гвардейцы, занимавшіе въ немъ постъ, хотя и не боялись нападенія, но сочли благоразумнымъ очистить это мѣсто отъ народа. „Пойдемъ къ Бастиліи!“ сказалъ сержантъ Лонеттъ. „Пойдемъ къ Бастиліи!“ повторили подпоручикъ Бло, поручикъ Шумахеръ и два гвардейца Неве и Коленъ. Затѣмъ гвардейцы взяли за руки близь стоявшихъ изъ толпы и, составивъ колонну, всѣ отправились; толчекъ былъ данъ, толпа повиновалась. Площадь была очищена, постъ освобожденъ.

Прибывъ къ іюльской колоннѣ, всѣ снимаютъ фуражки и торжественно обходя вокругъ колонны, кричатъ: «Vive la réforme.» Другой крикъ: «Vive la ligne» раздается на встрѣчу войскамъ, стоящимъ неподвижно на площади. Нѣкоторые изъ толпы замѣтили, что въ казармѣ de Reuilly есть плѣнные и рѣшились освободить ихъ. Толпа отправляется въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, доходитъ до улицы Reuilly и до казармы, гдѣ узнаетъ, что плѣнники уже освобождены. Далѣе она доходитъ до заставы du Trône, встрѣчается тамъ съ рабочими и часть ихъ уводитъ съ собой; потомъ поворачиваетъ на лѣво, и, чрезъ улицы des Boulets, de Charnne, Basfroy, de la Roquette, возвращается на площадь Бастиліи; тамъ войска стоятъ въ томъ же положеніи, твердо, но не обнаруживая никакой непріязни; встрѣтивъ ихъ тѣмъ же симпатическимъ привѣтствіемъ, толпа опять обходитъ іюльскую колонну съ прежней торжественностью.

Съ площади они вышли на бульваръ, въ слѣдующемъ порядкѣ: во главѣ колонны—Шумахеръ, какъ поручикъ, за нимъ подпоручикъ Бло и сержантъ Лонетъ; далѣе Неве, Коленъ и двадцать національныхъ гвардейцевъ; за ними нѣсколько гражданъ съ заряженными ружьями, у которыхъ вмѣсто штыковъ были маленькія знамена или зажженныя свѣчи; потомъ нѣсколько уличныхъ мальчиковъ съ зажженными плошками, два знамена, одно въ рукахъ Дебонера, другое въ рукахъ Констана, нѣсколько другихъ знаменъ въ рукахъ неизвѣстныхъ людей, наконецъ громадная толпа народа, идущая въ воинскомъ порядкѣ, рядъ за рядомъ, взводъ за взводомъ, и тянущаяся до безконечности.

При входѣ на бульваръ du Temple колонна встрѣтила линейный полкъ, который, занявъ оба тротуара, оставилъ свободной всю улицу, по которой толпа продолжала свое шествіе. Обѣ колонны прошли безъ малѣйшихъ препятствій, при выражаніяхъ взаимной симпатіи и крикахъ „Vive la réforme!

Vive la ligne!“ Въ улицѣ Franconi подобная сцена повторилась съ другимъ линейнымъ полкомъ. Въ Chateau-d'Eau толпа сошлась съ артиллеріей; пушки занимали всю улицу. Желая очистить дорогу, артиллеристы сами отодвигаютъ орудія, и это новое заявленіе симпатіи доводитъ до высшей степени энтузіазмъ обѣихъ сторонъ. Не доходя до l'Ambigu, кортежъ встрѣтилъ отрядъ кирассировъ; и тутъ обѣ стороны прошли безъ малѣйшаго затрудненія. Между Сенъ-Мартенскими и Сенъ-Денисскими воротами стоялъ отрядъ войска, подъ командой генерала Гарроба, министерскаго депутата; но и Гарробъ, самъ вдохновившись тѣми чувствами, которыми какъ будто былъ зараженъ воздухъ, пропускаетъ толпу безъ малѣйшаго препятствія; двое изъ его солдатъ вышли изъ рядовъ и смѣшались въ толпѣ между національными гвардейцами. Такимъ образомъ эта огромная колонна продолжала свое мирное шествіе, среди двойнаго ряда ярко освѣщенныхъ домовъ и при громкихъ крикахъ „vivat“ со стороны прохожихъ, которые, увлеченные примѣромъ, сами приставали къ ней.

Вскорѣ они прибыли къ конторѣ „National,“ которая находилась тогда при входѣ въ улицу Lepeletier. „Идемъ въ контору „National“, послышался голосъ изъ первыхъ рядовъ; крикъ этотъ прошелъ постепенно черезъ всѣ ряды, и толпа остановилась. Шумахеръ, еще съ двумя изъ своихъ спутниковъ, вошелъ въ контору; Лонетъ остался у двери, защищая входъ. Въ это время редакторы были заняты составленіемъ номера. Шумахеръ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „народъ не хочетъ, чтобы его болѣе обманывали. На этотъ разъ онъ требуетъ серьезныхъ гарантій: по его мнѣнію, перемѣна министерства есть только пустой призракъ, и онъ желаетъ коренного преобразованія правительственной системы. Съ этою цѣлью народъ и его друзья устроили демонстрацію, которая впрочемъ не имѣетъ угрожающаго характера.“ Въ доказательство мирнаго расположенія толпы онъ описалъ всѣ встрѣ-

чи ея съ войсками на всемъ протяженіи бульваровъ. Съ своей стороны Лонетъ увѣрялъ въ томъ же Гетцеля, который былъ посланъ съ цѣлью узнать настоящій характеръ манифестаціи. Послѣ этого на балконъ вышелъ Маррастъ.

Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ благодарилъ толпу за ея довѣріе къ редакторамъ журнала „National“; онъ хвалилъ ея образъ дѣйствій и поздравлялъ съ хорошими результатами; потомъ онъ убѣждалъ ее настойчиво добиваться долго требуемыхъ ею улучшеній, а именно: парламентской и избирательной реформъ, свободы прессы, распущенія муниципальной гвардіи и преданія суду прежнихъ министровъ. Рѣчь свою онъ заключилъ тѣмъ, что совѣтовалъ народу быть умѣреннымъ, осмотрительнымъ и спокойнымъ. Единодушное браво было отвѣтомъ на эти благоразумные совѣты. Затѣмъ колонна пошла далѣе, встрѣтила при входѣ на бульваръ роту 2 легіона, и послѣ взаимныхъ привѣтствій, отправилась дальше, посреди огромной толпы любопытныхъ. На сосѣднихъ часахъ пробило девять.

Съ высоты улицы de la Paix въ полутѣни виднѣется силуэтъ Вандомской колонны. Чувство патріотическаго благоговѣнія влечетъ въ ту сторону нерѣшительные шаги первыхъ рядовъ; до нихъ доходитъ шумъ толпы, собравшейся на этой площади предъ домомъ канцлера. Нужно было избѣжать повода къ безпорядкамъ, и поэтому предшествующій толпѣ кортежъ повернулъ опять на право и направился по линіи бульваровъ. Въ эту самую минуту батальонъ 2 легіона, подъ командой полковника Талабо, оставилъ свой постъ возлѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Порядокъ кортежа былъ прежній: впереди поручикъ Шумахеръ, съ обнаженной саблей въ рукахъ; за нимъ Бло и Лонетъ съ саблями въ ножнахъ; далѣе—знаменоносцы; уличные мальчики съ зажженными плошками; далѣе — двадцать

вооруженныхъ человѣкъ, и наконецъ теряющаяся въ отдаленіи толпа народа.

Кортежъ подошелъ уже такъ близко къ министерству, что свободно различалъ первые ряды стоявшихъ возлѣ него войскъ. Вѣроятно здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, проходъ свободенъ: толпа приближается. Промежутокъ между войскомъ и народомъ замѣтно уменьшается. Опасность дѣлается очевидною. Между этими двумя массами, изъ которыхъ одна движется, воодушевленная, управляемая толчкомъ, какимъ море бросаетъ огромную волну на гранитую скалу и разбиваетъ ее въ дребезги, другая стоитъ неподвижно, съ поднятыми штыками, похожая на желѣзную стѣну,—между этими двумя массами стычка неизбѣжна. Въ толпѣ нѣкоторые, испуганные, разбѣжались; другіе, остолбенѣвъ отъ ужаса, остановились какъ вкопаные. Нѣсколько болѣе смѣлыхъ рѣшаются на отчаянную попытку: рискуя быть задавленными этими двумя массами, они бросаются въ незанятое еще пространство, и умоляютъ осаждающихъ и осаждаемыхъ. Перренъ, бывшій депутатъ, бросается къ офицеру въ первомъ ряду: „вы погубите себя, говоритъ онъ ему, вамъ невозможно устоять противъ натиска такой огромной толпы.“ —„Растяните войска вдоль сада и пропустите эту колонну, которая не имѣетъ никакихъ дурныхъ намѣреній,“ говоритъ онъ другому офицеру. — „Вамъ легко говорить это, отвѣтилъ офицеръ; но я обязанъ исполнять данныя мнѣ приказанія; вы должны постараться, чтобы меня не заставили исполнить ихъ.“ Между тѣмъ передніе ряды приближаются, дѣлая неимовѣрныя, но безполезныя усилія, чтобы укротить порывъ толпы. Перренъ, Коларъ и нѣсколько другихъ лицъ обращаются къ ней, уговаривая повернуть въ улицы Neuve-Saint-Augustin, но слова ихъ теряются въ толпѣ и всѣ усилія остаются безъ пользы.

Народъ приближается. Шумахеръ идетъ къ полковнику Курану, который стоитъ на площади во главѣ войска. „Пол-

ковникъ, вскричалъ онъ, откройте намъ ваши ряды; наши намѣренія—самыя миролюбивыя; вы видите, что отступленіе невозможно, толпа тѣснитъ насъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, толпа съ каждой минутой приближалась. „Это не отъ меня зависитъ, отвѣтилъ полковникъ; вамъ пройти невозможно,“ и сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ въ ряды войска. Толпа приблизилась, и передніе ряды этой огромной массы, давимые задними, бросаются въ страшномъ безпорядкѣ на первые ряды войска. „Гренадеры, въ штыки!“ вскричалъ полковникъ. Войска бросились впередъ; съ лѣвой линіи раздался выстрѣлъ*); за нимъ слѣдовали другіе; потомъ, какъ бы вслѣдствіе электрическаго удара, раздался залпъ, за нимъ второй. Толпа была обстрѣлена со всѣхъ сторонъ.

Это было ужасное зрѣлище! Выстрѣлы, направляемые сверху внизъ, попадали прямо, въ упоръ этой многочисленной толпы. Отъ этихъ выстрѣловъ многіе падали какъ скошенные колосья, другіе поднимались, опять падали, вертѣлись, издавая страшные крики, и разбѣгались въ невыразимомъ безпорядкѣ. Въ нѣсколько секундъ, улица наполненная живыми людьми, покрылась кучами труповъ, умирающихъ, раненныхъ, плавающихъ въ собственной крови, посреди ужасной смѣси оружія, знаменъ, горящихъ плошекъ, брошенныхъ платьевъ, и другихъ вещей, обагренныхъ кровью.

Объятые ужасомъ, солдаты останавливаются; ряды ихъ смѣшиваются, пѣхота бросается на кавалерію; всѣми овладѣваетъ паническій страхъ, солдаты начинаютъ разбѣгаться. Нѣкоторые изъ нихъ уже прошли за министерство, но энергическое вмѣшательство офицеровъ останавливаетъ ихъ; войска соединяются и прежній порядокъ возстановленъ.

---

*) Нѣкоторые очевидцы разсказывали мнѣ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ снизу вверхъ.

XIV.

Изъ трехъ офицеровъ національной гвардіи, шедшихъ впереди, убитъ одинъ подпоручикъ Бло: пуля попала ему прямо въ лобъ. Лонетъ спасся какимъ-то чудомъ: увидѣвъ, что войска готовы начать сраженіе, онъ бросился впередъ съ крикомъ: „вы не должны стрѣлять въ насъ!“ Въ эту минуту помпонъ его каски встрѣтился съ концомъ штыка и упалъ на землю; онъ нагнулся, чтобы поднять его, и пуля прошла мимо его головы. Шумахеръ почувствовалъ на груди дуло ружья; но быстрымъ движеніемъ руки онъ отбросилъ его, и выстрѣлъ вылетѣлъ на воздухъ; отъ быстраго движенія онъ однако упалъ и разбилъ себѣ обѣ ноги. Съ нимъ были его два сына. Испуганный, этотъ несчастный отецъ зоветъ ихъ къ себѣ и ищетъ глазами; одинъ отвѣчаетъ на его голосъ, другой скрылся въ сосѣдней лавкѣ. Одинъ человѣкъ, раненный однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ, падаетъ на Перрена; тотъ, въ свою очередь, увлеченный имъ, тоже падаетъ, и въ этомъ находитъ свое спасеніе. Нѣкто Паке взялъ подъ руки двухъ раненныхъ товарищей; но тѣ падаютъ и увлекаютъ его съ собой. Онъ поднимается, беретъ одного изъ своихъ товарищей — тотъ мертвъ; беретъ другого — тоже мертвъ. Взбѣшенный, онъ бросается на балюстраду улицы Basse, перескакиваетъ чрезъ нее, падаетъ, безъ всякаго поврежденія, съ высоты нѣсколькихъ футовъ, потомъ возвращается назадъ, взваливаетъ на плечи обоихъ товарищей, и той же дорогой несетъ ихъ къ одному аптекарю, на углу улицы Caumartin. Удивительное, но безполезное самоотверженіе! Въ обоихъ не осталось ни малѣйшаго признака жизни. Одинъ столяръ, по имени Абраамъ, падаетъ, пораженный пулей въ ногу; но онъ находитъ на землѣ ружье національнаго гвар-

дейца, беретъ его, и, взбѣшенный, стрѣляетъ наудачу въ войско.

Въ это время, патруль, состоящій изъ 10 драгунъ, выходитъ съ улицы на бульваръ. Въ него попадаютъ выстрѣлы четвертаго ряда карре. Нѣсколькихъ раненныхъ драгуновъ тотчасъ перенесли въ сосѣднюю кандитерскую Гуаша, гдѣ сдали ихъ на попеченіе доктора Серизъ.

Въ улицѣ Basse-du-Rempart тоже были убитые и раненные. Солдаты, стоявшіе на возвышенномъ тротуарѣ, стрѣляли внизъ, прямо въ прохожихъ и въ открытыя лавки. Нѣсколько пуль прошли даже чрезъ окна въ комнаты противоположныхъ домовъ.

Тамъ и сямъ, люди, сбитые съ ногъ страшнымъ натискомъ цѣлой толпы, смѣшавшіеся въ паденіи съ убитыми и раненными, поднимались, обезображенные, обагренные кровью, и удивленные, чувствуя себя еще въ живыхъ. Одни, объятые ужасомъ, думали только о бѣгствѣ; другіе оставались на мѣстѣ, обезумѣвъ отъ страха; тѣ же, которые думали еще о другихъ, искали своихъ друзей и родственниковъ; люди болѣе твердые и болѣе преданные заботились о подачѣ помощи раненнымъ. Всѣ сосѣдніе дома открылись, чтобы пріютить этихъ несчастныхъ. Комнаты привратниковъ, аптекарскія лавки, винные магазины были превращены въ перевязочные пункты, въ которыхъ раздавались стоны раненныхъ и проклятія толпы.

Сколько же было мертвыхъ и раненныхъ? Этого нельзя было узнать съ точностью, потому что многихъ относили прямо въ ихъ квартиры. Но въ недѣльномъ рапортѣ полицейскаго коммиссара сказано, что на временныхъ перевязочныхъ пунктахъ было 35 мертвыхъ и 47 раненныхъ.

XV.

Какъ бы то ни было, но когда всѣ пришли нѣмного въ себя, начальники старались узнать, что было главной причи-

ной этого ужаснаго несчастья. „Зачѣмъ вы велѣли стрѣлять,“ вскричалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ изъ середины рядовъ. „Это не я, а вы велѣли стрѣлять,“ отвѣтилъ другой голосъ. Солдаты, блѣдные, взволнованные, съ опущенными глазами, стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи; нѣкоторые изъ нихъ даже плакали. На вопросы начальниковъ и упреки прибѣжавшихъ гражданъ, они не знали, что отвѣчать; каждый объяснялъ свое поведеніе тѣмъ, что услыхалъ много выстрѣловъ, и тоже выстрѣлилъ, противъ собственнаго желанія, какъ-то машинально. Капитанъ 14-го линейнаго полка, помогавшій перенести трупъ Бло въ сѣдельный магазинъ Тэркауфа, на углу улицы Neuve-Saint-Augustin, обнаруживалъ признаки самаго глубокаго отчаянія. „Какое несчастье, какое несчастье! кричалъ онъ. День такъ хорошо начатый! Это недоразумѣніе, страшное недоразумѣніе!“ Жоржъ Лафайэтъ, Бомонъ, Люно, Куртэ и Биксіо, выбѣжавшіе отъ Барро, чтобы узнать о причинѣ страшнаго шума, который доходилъ до нихъ, слышали то же самое.

Изъ редакціи „National“ первый прибѣжалъ Дорне, одинъ изъ редакторовъ, геройски умершій впослѣдствіи при Іюньскихъ баррикадахъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришелъ Шарлъ Бесло. Увидѣвъ въ чемъ дѣло, Дорне смѣло прошелъ рядъ войскъ. Бесло, увлеченный негодованіемъ, идетъ къ полковнику и обращается къ нему съ самыми рѣзкими упреками. „Я огорченъ не меньше васъ,“ отвѣтилъ полковникъ Куранъ, съ выраженіемъ глубокаго отчаянія. „Это несчастный случай! Я скомандовалъ въ штыки, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, и за нимъ послѣдовалм другіе. Первый выстрѣлъ есть не больше, какъ слѣдствіе недоразумѣнія или неловкости какого нибудь солдата.“ Всѣ офицеры поклялись честнымъ словомъ въ справедливости словъ полковника.

Между тѣмъ, когда въ толпѣ прошелъ первый испугъ, мѣсто его заняло всеобщее негодованіе. Какъ искра по по-

роховой ниткѣ, такъ и оно распространялось по слѣдамъ бѣжавшихъ, которые издавали крики: „насъ убиваютъ! Это подлая измѣна! Мщеніе, мщеніе. Къ оружію!“ Толпа начала опять стекаться, разражаясь проклятіями и угрозами. „Вотъ послѣдствія вашего поступка, сказалъ Беслэ полковнику Курану; если вы хотите избѣгнуть новыхъ несчастій, то необходимо послать нѣсколькихъ офицеровъ, которые объяснили бы толпѣ это недоразумѣніе.“ Подобное порученіе было весьма опасно; полковникъ колебался. Но поручикъ Байлле просилъ, чтобы ему предоставили эту опасную честь; взявъ подъ руки Беслэ, онъ отправился съ нимъ къ народу. Но это самопожертвованіе оказалось безполезнымъ. Бываютъ минуты, когда народъ не слушаетъ никакихъ убѣжденій. Возлѣ китайскихъ бань толпа народа съ угрожающимъ видомъ окружила Байлле и Беслэ. Безстрашный Байлле идетъ дальше. Но возлѣ Café de Paris собралась такая тѣсная и грозная толпа, что не было возможности подвинуться ни на шагъ впередъ. Раздались крики: „Смерть! смерть офицеру 14-го полка!“ Напрасно Байлле хочетъ объясниться; напрасно Беслэ требуетъ отъ народа уваженія къ правамъ человѣка, правамъ, священнымъ даже во время гражданской войны; напрасно онъ бросается, желая остановить ударъ: Байлле схваченъ. Его одежда разорвана, эполеты сняты; одинъ затягиваетъ ему галстухъ, чтобы задушить его, другой поднимаетъ надъ его головой охотничій ножъ; онъ начинаетъ уже изнемогать, какъ вдругъ подошедшій третій баталіонъ 2-го легіона разсѣеваетъ толпу и освобождаетъ его.

XVI.

Такъ разъигралась катастрофа на бульварѣ Капуциновъ. Послѣдствія этой катастрофы до такой степени важны, что

съ ней связывали самыя баснословныя обстоятельства. Нѣкоторые видѣли въ ней слѣды заранѣе задуманнаго плана, между тѣмъ какъ она произошла только вслѣдствіе роковаго стеченія обстоятельствъ.

На всемъ протяженіи отъ Бастиліи до министерства иностранныхъ дѣлъ бульваръ совершенно свободенъ; народу дозволено ходить по немъ; военные начальники даже покровительствуютъ толпѣ; солдаты симпатизируютъ и апплодируютъ ей; одинъ только пунктъ закрытъ для народа. Между тѣмъ толпа подвигается; въ улицѣ de la Paix она хочетъ повернуть въ сторону, но, благодаря умнымъ совѣтамъ, возвращается на прежній путь. Національная гвардія, эта любимая и уважаемая народомъ милиція, стоитъ у министерства; вдругъ она уходитъ; толпа стремится далѣе, войско удерживаетъ ее; раздается приказъ, худо разслышанный или худо понятый; вслѣдствіе случая, глупости, или можетъ быть смущенія, раздается выстрѣлъ, и кровь полилась. Вотъ истина, почерпнутая на мѣстѣ дѣйствія, изъ разсказовъ самыхъ участниковъ этой драмы, въ припадкѣ ихъ первой откровенности, и подтвержденная вѣрными и согласными свидѣтельствами.

Ко всѣмъ этимъ доказательствамъ исторія представляетъ намъ еще свидѣтельство самаго правительства. Нѣсколько часовъ спустя послѣ катастрофы, послѣ строгаго, на сколько это позволяло время, слѣдствія, министерство отправило въ редакцію Монитера слѣдующее описаніе, которое появилось на другой день, 24 февраля:

„Сегодня, около 10 часовъ вечера, большая толпа народа, впереди которой нѣсколько человѣкъ несли знамена и зажженныя плошки, шла бульваромъ по направленію къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Пѣхотный постъ, стоявшій въ этомъ пунктѣ, требовалъ, чтобы толпа остановилась и скомандовалъ войскамъ сомкнуть штыки.

„Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и звукъ его до того

поразилъ солдатъ, что подъ вліяніемъ ужаса они начали стрѣлять одинъ за другимъ. Этотъ насчастный случай, увеличенный недостаткомъ бдительности, былъ причиной смерти нѣсколькихъ человѣкъ, павшихъ съ обѣихъ сторонъ.

„Рѣдко бываетъ, чтобы при такихъ безпорядочныхъ и во время ночи продолжающихся движеніяхъ, не приходилось оплакивать подобныхъ печальныхъ случаевъ.“

И такъ въ первую минуту, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, правительство не обвиняло никого; оно само извинялось, говоря, что „этотъ несчастный случай былъ увеличенъ недостаткомъ бдительности,“ что тутъ не было преднамѣреннаго убійства преступника. Но правда, неоспоримая правда должна всегда обнаружиться, признаваемая всѣми *).

---

*) Вотъ начало и объясненіе различныхъ слуховъ, принимаемыхъ тогда, на болѣе или менѣе долгое время, въ обществѣ:

1° На другой день послѣ катастрофы, одна рота 14 линейнаго, которая принимала участіе въ стрѣльбѣ, стояла на гауптвахтѣ при дворѣ въ Тюльери. Капитанъ Жозефъ Тюрингеръ услышалъ какъ одинъ солдатъ хвасталъ, что онъ первый выстрѣлилъ въ гражданина, который хотѣлъ отнять у него штыкъ. На допросѣ, этотъ солдатъ, по имени Демонтонъ, смѣшался и наконецъ объявилъ, что это неправда. Самъ этого не зная, Демонтонъ повторилъ исторію Юлія Аттика, солдата императорской гвардіи, который, держа въ рукѣ окровавленный топоръ, хвалился передъ Гальбою что онъ убилъ Отона, въ то самое время, когда Отонъ похитилъ имперію у Гальбы.

2° Когда всеобщее волненіе прошло, на тротуарѣ улицы Basse-du-Rempart нашли солдата, по имени Анри. Этотъ несчастный былъ мертвъ. Въ то время когда пуля попала въ него, онъ стоялъ во второмъ ряду, приблизительно на два шага позади другаго солдата, по имени Боаé. Другой солдатъ, по имени Поассонъ, былъ раненъ. Такъ какъ ряды солдатъ, немногочисленные на этомъ тротуарѣ, были довольно отдалены другъ отъ друга, то весьма вѣроятно, что какая нибудь пуля невѣрно направленная кѣмъ нибудь изъ солдатъ въ этомъ замѣшательствѣ, или выстрѣлъ работника Абраама убила Анри, пощадивъ Боаé. Что касается Поассона, то его рана можетъ съ тою же вѣроятностью быть приписана одному изъ тѣхъ выстрѣловъ, которыя, по свидѣтельству Монитера, солдаты направляли другъ на друга среди паническаго страха.

3° Среди этого паническаго страха повалилась лошадь полковника Кура-

XVII.

Между тѣмъ правительство скоро почувствовало, какъ необходимо было тотчасъ же очистить всякіе слѣды этой кровавой катастрофы. Оно очень хорошо знало, какъ важно было, чтобы инсургенты не завладѣли трупами, потому что самое ужасное знамя гражданской войны есть кровь ея жертвъ. Ребильо, полковникъ перваго жандармскаго легіона, получилъ приказъ заняться этимъ труднымъ дѣломъ; онъ тотчасъ же отправилъ на мѣсто дѣйствія телегу съ нѣсколькими жандармами, переодѣтыми въ гражданское платье. Но уже было поздно: трупы были уже подняты и только потоки крови были признаками рѣзни; все прочее изчезло. Вотъ какъ это происходило:

Въ десять часовъ безъ десяти минутъ, изъ почтоваго двора Laffitte et Caillard выѣхала повозка, запряженная одною

на; полковникъ упалъ. Отсюда разсказъ, что первый выстрѣлъ разбилъ ноги лошади полковника и тогда солдаты стали отбиваться. Но на шоссе солдаты были скоплены очень тѣсно другъ возлѣ друга, полковникъ былъ въ рядахъ и пуля не могла попасть въ его лошадь, чтобы не задѣть прежде кого нибудь изъ людей. Далѣе, на шоссе вовсе не было раненной лошади; таже лошадь полковника была совершенно здорова; и наконецъ, когда черезъ нѣсколько часовъ прибылъ Беслэ, то полковникъ далъ ему совсѣмъ другое объясненіе, именно то, которое мы привели.

4° Другіе утверждали, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ сада однимъ муниципальнымъ гвардейцемъ. Это клевета противъ клеветы. Извѣстно, что муниципальные гвардейцы не стрѣляли. Первый огонь показался на шоссе со стороны бульвара, противоположнаго саду.

5° Что касается Лагранжа, этого главнаго героя клеветъ въ этой исторіи, то его и не было на мѣстѣ; онъ въ это время былъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Шамборонъ не могъ его видѣть. Можетъ быть какое нибудь сходство обмануло его. Такимъ же заблужденіемъ надо считать всѣ клеветы, противъ которыхъ протестуетъ Лагранжъ, а равно и здравый смыслъ. Это мнѣніе раздѣляютъ лица бывшія у Барро, когда туда прибылъ Шамборонъ; я слышалъ это отъ многихъ, особенно отъ Малевиля.

лошадью, которой правилъ нагрузчикъ, по имени Жюньо. Онъ везъ на Руанскую желѣзную дорогу трехъ эмигрантовъ съ ихъ багажемъ. Доѣхавъ до улицы de la Paix, на углу улицы Neuve-des-Capucines, онъ не могъ проѣхать далѣе по причинѣ огромнаго стеченія народа, и поэтому направился въ улицу Neuve-Saint-Augustin и прибылъ на бульваръ нѣсколько минутъ послѣ десяти. На бульварѣ стоялъ въ это время кавалерійскій офицеръ во главѣ эскадрона. Онъ подошелъ къ повозкѣ и обратился къ Жюньо: „Вы пріѣхали за тѣмъ, чтобы собрать мертвыхъ и раненныхъ?“ „Нѣтъ, отвѣтилъ Жюньо, но если вы прикажете мнѣ дѣлать это, то я исполню ваше желаніе.“—„Ну, такъ займитесь этимъ,“ сказалъ офицеръ. Жюньо просилъ эмигрантовъ сойти съ повозки и поручилъ ихъ вещи коммиссіонерамъ, а самъ повернулъ съ своей повозкой въ улицу. Національные гвардейцы и нѣсколько человѣкъ изъ буржуазіи тотчасъ свалили на нее валявшіеся на бульварѣ трупы. Всѣхъ труповъ было шестьнадцать, въ томъ числѣ труповъ подпоручика Бло и оружейника Генри.

Пока они дѣлали это, толпа окружила повозку со всѣхъ сторонъ, и завладѣвъ ею, начала кричать: „въ Бастилію! въ редакцію „National!“ Взволнованный послѣдней катастрофой, офицеръ не хотѣлъ возбуждать новой, и поэтому позволилъ увезти телегу. Этотъ печальный поѣздъ, которому слѣдовало бы быть гробомъ гражданской войны, сдѣлался ея пьедесталомъ.

XVIII.

Кортежъ смерти и мщенія тронулся. Онъ подвигается дальше, и лежащія въ немъ жертвы орошаютъ своею кровью тотъ самый бульваръ, по которому они еще такъ недавно проходили, веселые, не думая о смерти. Въ концѣ Итальян-

скаго бульвара народъ съ зажженными факелами окружаетъ повозку. Въ улицѣ Lepelletier всѣ останавливаются. Двери редакціи „National„ дрожатъ подъ сильными ударами; ихъ отворяютъ и узнаютъ о прибытіи мертвыхъ. Въ редакціи въ это время были: Дюра, Дегувъ-Денункъ, Горео, Гогенъ, и другіе. Маррастъ и другіе его сотрудники, занятые составленіемъ завтрашняго номера, удалились въ сосѣдній домъ, такъ какъ послѣ окончанія дѣла на Капуцинскомъ бульварѣ разнесся слухъ, что редакціи угрожаетъ опасность со стороны войска. Въ конторѣ было также нѣсколько депутатовъ, между прочимъ Вавенъ, д'Арагонъ, Малевиль, Гарнье-Пажесъ, и ихъ политическія друзья, Паньеръ, Біеста, Биссонъ и Малльфиль; послѣдній, извѣстный пылкостью своихъ чувствъ, увидѣвъ входящихъ депутатовъ, вскричалъ: „Можемъ ли мы разсчитывать на депутатовъ? Нужно, чтобы они пошли съ нами!“ „Не знаю, что будутъ дѣлать другіе, отвѣчалъ Гарнье-Пажесъ, но что касается меня, то я готовъ; народъ можетъ разсчитывать на меня.“

Одинъ изъ гражданъ потребовалъ, чтобы надъ мертвыми произнесли надгробное слово. За отсутствіемъ Марраста, Гарнье-Пажесъ былъ приглашенъ произнести его. Онъ подходитъ, окруженный своими друзьями. Отворяютъ окошко, и, при видѣ ужаснаго зрѣлища повозки съ трупами, всѣ въ страшномъ изумленіи останавливаются. Тѣла разнаго пола и возраста, окровавленныя лохмотья, разбитые члены, исковерканныя лица, разбитыя головы, ужасная смѣсь разорваннаго, дрожащаго тѣла, клочковъ одежды, — словомъ, смерть подъ всѣми ея формами! Кругомъ телеги, рабочіе, освѣщающія блѣдныя лица мертвыхъ тусклымъ свѣтомъ своихъ факеловъ! Другіе зажигаютъ новые факелы, чтобы усилить свѣтъ; далѣе — толпа народа. Не было ни давки, ни шуму: смерть внушаетъ почтеніе! только тамъ и сямъ слышатся то рыданія, то угрозы, и виднѣются руки, сжимающія одна другую при клят-

вахъ въ мести. Вдругъ посреди тишины раздался взволнованный голосъ: это былъ голосъ Гарнье-Пажеса.

„Ужасное преступленіе, отвратительное злодѣйство совершилось! Беззащитные граждане убиты вслѣдствіе жестокаго приказа! Они убиты тогда, когда мы считали войну оконченною! Кровь народа пролита — она должна быть отомщена! (Да, да, браво, мщеніе!) У блюстителей закона будетъ потребованъ строгій отчетъ, и справедливость будетъ оказана! (да, да!) Что касается меня, то я предъ вами и предъ этими несчастными жертвами клянусь безъ отдыха преслѣдовать этихъ министровъ, на которыхъ падаетъ вся отвѣтственность за пролитую кровь! (Да! да! Мщеніе! Да здравствуетъ Гарнье-Пажесъ!)“

Если эти слова и удовлетворили взволнованныя чувства народа, то во всякомъ случаѣ нисколько не успокоили ихъ. Нѣкоторые даже считали ихъ очень умѣренными въ отношеніи къ совершившимся событіямъ. Какъ бы то ни было, но они имѣли дѣйствіе электрической искры. Тысячи голосовъ кричали: „Къ оружью! къ оружью! Мщеніе! Къ церквамъ! Ударимъ въ набатъ! Будемъ сопротивляться! Баррикады! Баррикады!“ Раздраженная до крайности, толпа расходится въ разныя стороны. Въ конторѣ „National,“ всѣми присутствующими овладѣли тѣ же чувства; послѣ краткаго совѣщанія всѣ рѣшились выйти на улицу и присоединиться къ народу.

Кортежъ съ трупами продолжалъ свое печальное шествіе, внушая своимъ видомъ ужасъ и негодованіе. Онъ направился къ Бастиліи, но возлѣ Сенъ-Денисскихъ воротъ ему пересѣкла дорогу баррикада, которую уже устроили на бульварѣ. Онъ возвращается назадъ, проходитъ улицы Пуассоньеръ, Клери, Монмартръ, Жанъ-Жакъ-Руссо, и останавливается на углу улицы Coquillière. Кортежъ состоялъ уже всего только изъ ста пятидесяти человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ

контору „la Réforme“; онъ опять тронулся чрезъ улицу Coquillière къ рынкамъ. На этомъ мѣстѣ послышались ружейные выстрѣлы: онъ останавливается у лавки оружейника, который безъ всякаго сопротивленія отдалъ имъ все бывшее у него оружіе. Потомъ онъ возвращается чрезъ улицы Ж. Ж. Руссо, Тиктоннъ, Pavée-Saint-Sauveur, Française, Моконсейль, Сенъ-Дени, aux Ours, и въ третій разъ останавливается въ улицѣ Saint-Martin предъ баррикадой. Тогда онъ направляется въ улицы Quincampoix, des Cinq-Diamants и des Lombards, въ которой останавливается на десять минутъ, чтобы запастись огнемъ и оружьемъ. Онъ уменьшился уже до 100 человѣкъ. Кучеръ, который, не смотря на неоднократныя попытки, не оставлялъ поводьевъ своей лошади, убѣждаетъ кортежъ пройти чрезъ улицы Courtalon и des Lavandières въ мерство четвертаго округа, чтобы тамъ сложить свою печальную поклажу. Спустя нѣсколько минутъ они прибыли на площадь du Chevalier du Guet, къ мерству. Это было въ половинѣ втораго утра.

Увидѣвъ эту толпу, эти факелы, это оружье и эту траурную телегу, часовые заняли постъ, съ крикомъ „къ оружью!“ Двери тотчасъ были заперты. Постъ, состоявшій изъ роты національныхъ гвардейцевъ и двадцати пяти линейныхъ солдатъ, подъ командой полковника, приготовился къ оборонѣ. Но кортежъ приблизился и характеръ его прибытія открывается. Дверь отперлась, повозка провезена во дворъ, трупы свалены и положены пока въ залѣ.—На другой день ихъ перенесли въ Morgue. Наконецъ, печальное шествіе кончено, и Жюньо могъ безпрепятственно вернуться домой. Было два часа утра. Этотъ похоронный поѣздъ въ продолженіи трехъ часовъ разъѣзжалъ по улицамъ Парижа, и, везя лежавшія въ немъ жертвы, подготовлялъ паденіе іюльской монархіи.

XIX.

Въ самомъ дѣлѣ, ружейная пальба произвела повсюду рѣшительное дѣйствіе. Король, главный штабъ, депутаты, весь городъ, — всѣ убѣдились, что положеніе сдѣлалось чрезвычайно важнымъ.

Король убѣдился въ этомъ около десяти съ половиною часовъ. Онъ былъ глубоко пораженъ. Не обнаруживая особеннаго безпокойства на счетъ послѣдствій борьбы, онъ высказывалъ большое нетерпѣніе видѣть Моле. Моле не являлся. Король послалъ за нимъ Монталиве.

Моле узналъ о катастрофѣ у Тьера; ему сообщилъ о ней Досинъ, тесть Тьера, бывшій тоже на Капуцинскомъ бульварѣ во время стрѣльбы. Онъ пробылъ тамъ довольно долго, спасшись какимъ то чудомъ, и пришелъ домой сильно взволнованный. Его разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на этого государственнаго человѣка. Прійдя къ себѣ, Моле засталъ тамъ Пасси, Дюфора и Билье, которые вполнѣ раздѣляли его мнѣніе въ томъ отношеніи, что при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо немедленно призвать въ кабинетъ лицъ, возбудившихъ мысль о банкетѣ. Они сообщили свое рѣшеніе прибывшему вскорѣ Монталиве, который вовсе не былъ удивленъ имъ и тотчасъ же отправился донести о немъ королю.

Звукъ ружейныхъ выстрѣловъ доходилъ изъ за рѣки до министерства внутреннихъ дѣлъ; но обитатели его ни мало не безпокоились этимъ шумомъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, Гизо и Дюшатель скрылись въ главномъ штабѣ.

Въ главномъ штабѣ всѣ были опечалены. Извѣстія, быстро приносимыя одно за другимъ, съ каждой минутой становились печальнѣе. Генералы, склоненные надъ планами Парижа, избирали самые удобные стратегическіе пункты. Герцогъ Немурскій видимо неспокойный, отдавалъ приказанія.

Вскорѣ послѣ полуночи прибылъ туда меръ третьяго округа, Деканъ, полковникъ національной гвардіи, Ламберъ, и начальникъ батальона, Говинъ. Меръ, осторожно, но не скрывая истины, представилъ герцогу настоящее положеніе города. Ламберъ подтвердилъ его слова. Говинъ утверждалъ, что необходимо тотчасъ же публиковать печатно и объявить съ барабаннымъ боемъ о составленіи министерства изъ членовъ лѣвой стороны, съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ это уже было извѣстно народу; что въ противномъ случаѣ бѣдствія, самыя ужасныя, готовы разразиться, и королю угрожаетъ опасность въ слѣдующую ночь не быть уже въ Тюльери. Герцогъ былъ взволнованъ, но не отдавалъ никакихъ новыхъ приказаній.

Когда депутаты, вышедшіе отъ Барро, возвратились туда, съ руками обагренными кровью раненыхъ, которымъ они подавали помощь, глубокое негодованіе овладѣло всѣми. „Нужно идти къ королю,“ сказалъ одинъ изъ членовъ собранія.— „Чтобы потребовать его отреченія,“ отвѣтилъ другой голосъ.— „Въ эту минуту опять стрѣляютъ,“ сказалъ Куртэ. Жоржъ Лафайэтъ совѣтовалъ принять болѣе энергическія мѣры. Бомонъ требовалъ, чтобы депутаты вышли на улицы съ своими медалями, чтобы стать между войскомъ и народомъ. Каждый видѣлъ неизбѣжность сраженія и необходимость вмѣшательства депутатовъ. Между тѣмъ всякое рѣшеніе отложено было на другой день.

XX.

Но народъ не былъ такъ терпѣливъ и не ждалъ до слѣдующаго дня. Пожаръ, уже готовый потухать, снова разгорѣлся повсюду. Какъ обыкновенно бываетъ при всѣхъ важныхъ историческихъ событіяхъ, — рѣзня на Капуцинскомъ бульварѣ въ тотъ же часъ сдѣлалась извѣстною по всему городу. Одни разсказывали, что они собственными глазами вида-

ли ее, и спаслись только благодаря случаю; другіе сообщали о числѣ убитыхъ, описывали страданія раненныхъ, говорили о злыхъ намѣреніяхъ солдатъ, объ измѣнѣ министерства и о всеобщемъ ужасѣ. Видъ погребальной телеги подтверждалъ эти слухи. Тогда возстаніе сдѣлалось всеобщимъ. Многіе, остававшіеся до сихъ поръ въ сторонѣ, рѣшились дѣйствовать. Съ одиннадцати часовъ безпрестанный звонъ во всѣхъ церквахъ созывалъ народъ; на улицахъ раздавался барабанный бой; все оружіе, оставшееся у оружейныхъ мастеровъ, было разобрано; во всѣхъ округахъ потребовали открытія оружейныхъ депо; во всѣхъ пунктахъ города начали воздвигаться баррикады.

Вдругъ послышался громъ выстрѣловъ. Эти выстрѣлы произведены были сильною колонною 7 легкаго, подъ командой полковника Люзи-Пелиссакъ, который аттаковалъ баррикаду воздвигнутую въ улицѣ du Temple. При этой стычкѣ одинъ солдатъ былъ убитъ и двое ранены.

Въ одиннадцать часовъ народъ осадилъ постъ на Сенъ-Мартенскомъ рынкѣ. Муниципальная гвардія, защищавшая его, выдержала три сильныя нападенія. Но, ослабѣвъ отъ этого напора и не получая ни отъ куда помощи, она не могла выдержать четвертаго нападенія и разбѣжалась. При этомъ случаѣ въ толпѣ было трое убитыхъ и пять раненныхъ.

Въ то же время постъ возлѣ академіи искусствъ и ремеслъ и бараки сторожей на Сенъ-Мартенскомъ рынкѣ были преданы огню.

Въ полночь, муниципальная гвардія очистила казармы Сенъ-Мартенскаго предмѣстья, аттакованныя народомъ съ необыкновенной энергіей.

Возмущеніе дошло до Saint-Sulpice и набатъ раздавался повсюду. Начальникъ эскадрона Тиссеранъ, стоявшій въ казармѣ улицы Tournon, отрядилъ къ ближайшей церкви взводъ

муниципальной гвардіи; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, толпа овладѣла церковью.

На площади Palais-Royal стоялъ отрядъ изъ ста человѣкъ второй и третьей ротъ перваго батальона 14 линейнаго полка, подъ командой капитана Супо, поручиковъ Перессъ, Бертранъ и Сенъ-Клеръ, и подпоручиковъ Госсъ и Одуи. Капральство муниципальной гвардіи, подъ командой капитана Перрена, защищало постъ въ Château-d'Eau.—Группы народа приходятъ и опять уходятъ. Вдругъ появляется кортежъ, который несетъ раненныхъ,—женщину и двухъ молодыхъ людей; толпа раздражается и кричитъ: „къ оружью!“ Маіоръ Гаккаръ, посланный въ главный штабъ съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи, возвращается и объявляетъ приказаніе герцога Немурскаго, чтобы „войска тотчасъ же отправились къ баррикадамъ и во что бы то ни стало завладѣли ими.“ Войска спѣшатъ очистить площадь, арестуютъ тѣхъ, которые сопротивляются и разставляютъ караулы, которые задерживаютъ прохожихъ вопросомъ „кто идетъ?“ и выстрѣлами. Въ улицѣ Valois одинъ человѣкъ убитъ и двое ранены. Въ полночь распространяется извѣстье, что баррикада воздвигнута въ улицѣ Saint-Honoré, на углу улицъ Coq и Croix-des-Petits-Champs. Туда отправляютъ роту муниципальныхъ гвардейцевъ и солдатъ 14 легкаго полка. Одинъ человѣкъ убитъ и двое ранены. Аресты продолжаются и плѣнныхъ отводятъ въ Карусель.

Наконецъ, посреди ужасовъ гражданской войны, кончился день, начавшійся такъ мирно и обѣщавшій народу такъ много хорошаго. Всякая надежда на миръ исчезла. Тысячи рукъ брались за оружіе, приготовляли патроны, разбивали мостовыя и воздвигали баррикады. Колокольный звонъ, крикъ народа и набатъ въ продолженіе всей ночи возвѣщали о завтрашнемъ погребеніи Іюльской монархіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Выборы 1846 года. — Министерство и оппозиція лицомъ къ лицу. — Организація партій въ палатѣ.—Организація избирательныхъ силъ страны: центральный избирательный комитетъ Сенскаго департамента; его цѣль, его вліяніе и его составъ; циркуляръ его о выборахъ рѣзко выставляетъ недостатки избирательнаго закона. — Мнѣніе Притчарда становится орудіемъ въ рукахъ оппозиціи. — Цѣль министерства; надежды оппозиціи. — Манифестація и обѣщанія Гизо на банкетѣ въ Лизьё.—Покушеніе на жизнь короля 29 іюля; его благопріятное дѣйствіе на провинціальные выборы въ пользу правительства; вліяніе его на Парижъ выражается тѣмъ, что оппозиція назначаетъ одиннадцать депутатовъ противъ четырнадцати.—Въ суммѣ, министерство имѣетъ двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти оппозиціонныхъ. — Новая группа депутатовъ прогрессивныхъ к консерваторовъ. — Результаты выборовъ одинаково радуютъ консерваторовъ и радикаловъ: одни гордятся своимъ числомъ, другіе готовятся къ болѣе широкой и оживленной дѣятельности. — Открытіе палатъ: восемьнадцати-дневное засѣданіе. — Рѣчь короля; его увѣренность въ счастливой будущности своего семейства. — Оппозиція обвиняетъ министерство въ обманѣ, посредствомъ котораго оно дѣйствовало на выборахъ.— Результатомъ послѣднихъ засѣданій была прочная солидарность консерваторовъ съ правительствомъ. — Засѣданіе генеральныхъ совѣтовъ и возобновленіе ихъ по третямъ свидѣтельствуютъ въ свою очередь о могуществѣ консервативной партіи; но муниципальные выборы несовсѣмъ благопріятны политикѣ кабинета; выборы національной гвардіи враждебны ей. — Народъ осуждаетъ 23

Стран.

систему правительства. — Обманы въ морскомъ вѣдомствѣ, въ Рошфорѣ; преслѣдованіе ихъ. — Обманы въ Тулонѣ; пожаръ въ арсеналѣ; административное слѣдствіе, заступившее мѣсто судебнаго, не открываетъ преступленія.—Судебное сословіе приноситъ себя въ жертву политикѣ; оно распредѣляетъ печатаніе судебныхъ объявленій по извѣстнымъ журналамъ, и тѣмъ дѣлаетъ косвенное вспоможеніе правительственнымъ органамъ въ разныхъ департаментахъ. — Другія причины неудовольствій; всѣ предсказываютъ неурожай, а правительство изъ безпечности пренебрегаетъ всякими совѣтами; безпорядки вспыхиваютъ; муниципальные совѣты и общественная благотворительность приходятъ въ безпокойство и дѣйствуютъ; правительство дѣлаетъ слѣдствіе и объявляетъ, что безпокоиться не о чемъ; безпорядки продолжаются.—Новыя причины безпокойства; подъ тройнымъ вліяніемъ неурожая, увеличенія издержекъ и системы постройки желѣзныхъ дорогъ рождается финансовый кризисъ. — Дефицитъ въ бюджетѣ.—Недостаточность сберегательныхъ кассъ.—Необходимость спекуляціи. — Недостатокъ денегъ въ банкѣ; упадокъ цѣнностей. — Положеніе дѣлъ въ Европѣ; Россія; Пруссія; Австрія; второстепенныя государства; Швейцарія; Англія. — Политика французскихъ Бурбоновъ въ отношеніи къ Испаніи. — Проектъ испанскихъ браковъ.—Переговоры въ Château d'Eu съ лордомъ Абердиномъ. — Основанія и условія, предложенныя Англіей. — Лордъ Пальмерстонъ заступаетъ мѣсто лорда Абердина. — Оскорбительная полемика англійской прессы противъ Луи-Филиппа. — Несогласіе обоихъ кабинетовъ. Испанскіе браки заключаются въ ущербъ англійскому союзу.—Европа пользуется этимъ несогласіемъ; Россія поддерживаетъ бракъ герцога Бордосскаго съ Моденской принцессой. — Россія, Пруссія и Австрія, уничтожаютъ краковскую республику. — 1846 годъ кончается при этихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ. . . . . 1—21

ГЛАВА ВТОРАЯ. Открытіе сессіи 1847 г..—Рѣчь короля, исполненная спокойствія и заученнаго лаконизма; радикальная пресса указываетъ на несостоятельность словъ короля; министерская пресса и дипломатическій корпусъ заглушаютъ эту критику своею лестью. — Признанія и объясненія министерства по поводу кризиса. — Банковые вклады уменьшаются въ три мѣсяца на 100 милліоновъ. — Министерство требуетъ выпуска на 56 милліоновъ банковыхъ билетовъ и въ тоже время объявляетъ положеніе дѣлъ совершенно безопаснымъ. — Бюджетъ съ дефицитомъ въ 243 милліона. — Дороговизна хлѣба; безпорядки; убійство въ Бюзансе; усмиреніе вооруженной силой и эшафотомъ; правитель-

ство принимается наконецъ за ввозъ съѣстныхъ припасовъ. — Споры въ палатѣ объ испанскихъ бракахъ; этотъ вопросъ производитъ раздѣленіе въ оппозиціи; новая группа депутатовъ образуется подъ предводительствомъ Дюфора и Билльо; значительное большинство оправдываетъ правительственную систему. — Политическое могущество Луи-Филиппа достигаетъ высшаго предѣла. — Въ ожиданіи преній по поводу бюджета, Дювержье-де-Гораннъ дѣлаетъ правительству запросъ о состояніи финансовъ; его предложенія объ измѣненіи финансовой системы отвергнуты. — Адрессъ принятъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 48.—Новая побѣда правительства; примиреніе лорда Норменби съ Гизо при посредствѣ австрійскаго посланника; покупка русскимъ императоромъ на 50 милліоновъ ренты. — Смерть Мартенъ-де-Нора; замѣщеніе его Геберомъ въ министерствѣ юстиціи; этотъ выборъ выражаетъ злобу правительства; въ отвѣтъ на него палата назначаетъ Геберу въ вице-президенты Леона-де-Маллевиль; раздраженіе кабинета и жестокіе нападки министерской прессы. — Избирательныя реформы; предложеніе Дювержье-де-Горанна; Дюшатель отвергаетъ даже существованіе этого вопроса внѣ палаты; предположеніе Гизо о томъ, что прогрессъ заключается въ ослабленіи чрезмѣрнаго развитія свободы, и урокъ его прогрессивнымъ консерваторамъ; предложеніе его отвергнуто 252 голосами противъ 154.—Парламентская реформа; предложеніе Ремюза; исключеніе офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ при королѣ и принцахъ; враждебное расположеніе Тьера къ двору; предложеніе, отвергнутое 219 голосами противъ 170; большинство голосовъ было поддержано 129 чиновниками. — Партія радикаловъ видитъ свою побѣду въ этомъ пораженіи. — Разговоръ Гарнье-Пажеса съ Гизо. — Безсиліе кабинета; Демуссо характеризуетъ это состояніе словами: ничего, ничего, ничего! — Эшафотъ въ Бюзансе. — Сессія палаты превращается въ засѣданіе ассизнаго суда. — Злоупотребленія по провіантской части въ Парижѣ; воровство, открытое въ поставкахъ правительству; строгое обращеніе и безпорядки по морскому управленію, указанные д'Анжевилемъ и Бенуа Фульдомъ, большинство защищаетъ правительство. — Дѣло Теста и Кюбьера. — Перемѣны въ министерствѣ: Гизо жертвуетъ тремя министрами, болѣе всего пострадавшими въ парламентскихъ преніяхъ; сопротивленіе Лакавь-Лапланя; назначеніе трехъ новыхъ министровъ объявляется въ Монитерѣ 10 мая; ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ палатѣ; неудовольствіе консерваторовъ; король, министры и Лакавь-Лаплань успокоиваютъ ихъ и министерство окончательно устроивается; это — послѣднее министерство іюльской

монархіи.—Радикалы довольны этимъ крайнимъ развитіемъ правительственной системы.—Назначеніе дридворныхъ прелатовъ и новыхъ дворянъ.—Волненіе, произведенное въ палатѣ перовъ посягательствомъ на ея достоинство въ одной статьѣ Presse, подписанной Эмилемъ-де-Жирарденомъ, въ которой въ тоже время обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ; палата перовъ проситъ разрѣшенія у палаты депутатовъ позвать къ отвѣту Эм. де-Жирардена; въ спорахъ по этому поводу Жирарденъ смѣло поддерживаетъ свои обвиненія; ему отвѣчаютъ Гизо и Дюшатель; палата депутатовъ даетъ разрѣшеніе, требуемое палатою перовъ; Жирарденъ оправданъ палатою перовъ и возвращается въ палату депутатовъ, чтобы поднять и оживить споры новыми съ своей стороны обвиненіями; онъ требуетъ слѣдствія; на предложеніе Морни отвѣчаютъ 225 голосовъ противъ 102, объявляя въ тоже время, что они удовлетворены объясненіями со стороны кабинета. — Споры по вопросу объ Алжирѣ и открытіе по этому поводу новыхъ безпорядковъ. — Охлажденіе большинства. — Министерство, покровительствовавшее католической революціи въ Швейцаріи, противится либеральному движенію въ Португаліи. — Злоупотребленія въ управленіи государственными лѣсами. — Обманы отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. — Судъ и приговоръ надъ Тестомъ, Кюбьеромъ и Пармантье; стараніе министерской прессы выставить въ этомъ дѣлѣ безъукоризненное поведеніе судей. — Споры о бюджетѣ: громадный дефицитъ; предостереженіе и тревога парламентскаго большинства; требованіе и вотированіе займа въ 350 милліоновъ. — Паденіе всѣхъ проектовъ новыхъ законовъ по поводу разныхъ предпріятій. — Послѣднее разоблаченіе лихоимства, сдѣланное журналомъ «National». — Печальное заключеніе, которое дѣлаетъ изъ парламентской сессіи «Journal de Debat». . . . . 22—56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Министерство и экстра-парламентскія силы другъ передъ другомъ; безпечность министерства. — Составъ этихъ силъ: лѣвая сторона, лѣвый центръ, средняя партія, крайняя лѣвая сторона, крайніе радикалы. — Двѣ послѣднія партіи стремятся къ одной и той же цѣли, но при помощи различныхъ средствъ. — Это несогласіе, выражаемое журналами National и Reforme, ясно обнаруживается въ рѣчахъ Ледрю-Роллена въ Манѣ и Гарнье-Пажеса въ Вернелѣ; оба эти журнала поддерживаютъ и развиваютъ борьбу; являются посредники и образуется смѣшанный комитетъ изъ представителей обѣихъ партій; редакторы и комитеты журналовъ National

Стран.

и Reforme. — Тайныя общества: ихъ безсиліе и безпомощность. — Школы: пробужденіе ихъ политическихъ стремленій, ихъ журналы и комитеты.—Соціализмъ, Сенъ-Симонизмъ, ученіе Бюше, Фурьеризмъ, секты коммунистовъ, Кабе, луи-Бланъ, Ашиль Контъ, Пекеръ, Прудонъ, Видаль, Луи Бонапартъ, разныя безъименныя секты.—Народъ мало по малу проникается идеями соціализма; правительство смотритъ на это презрительно и равнодушно; лѣвая и крайняя лѣвая стороны не обращаютъ на это никакого вниманія; радикалы принимаютъ участье, хотя и дѣйствуютъ иными путями; съ цѣлью сойтись они устроиваютъ собраніе, предложенное редакторами журнала l'Atelier; споръ исключительно сосредоточивается на двухъ вопросахъ: о свободной ассоціаціи (поддерживаемой Корбономъ) и вынужденной ассоціаціи (поддерживаемой Луи Бланомъ); первая система вызываетъ большее число сторонниковъ. — Дѣятельная организація центральнаго комитета сенскихъ избирателей; комитетъ сосредоточиваетъ силы оппозиціи. . . . . 57—84

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Морни, поздравляя короля съ выборами 1846 года, напоминаетъ ему объ обѣщаніяхъ Гизо; иронической отвѣтъ Луи-Филиппа.—Лѣвая сторона рѣшается снова прибѣгнуть къ мирной агитаціи. — Первое собраніе всей оппозиціи у Од. Барро; согласіе всѣхъ партій, безъ нарушенія принциповъ каждой. — Второе собраніе, на которомъ было рѣшено, что центральный комитетъ приметъ инициативу реформистскаго движенія; Паньеру поручаютъ составить проектъ адресса объ измѣненіи избирательной и парламентской системъ; съ цѣлью добиться этихъ реформъ, избираютъ три различныхъ образа дѣйствій: адресъ, излагающій всѣ недостатки избирательнаго закона; банкеты, устроиваемые для учрежденія и скрѣпленія союза всей оппозиціи, и смѣшанный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направленіе реформистскаго движенія. — Предвидѣнье Гизо-Пажеса. — Засѣданіе центральнаго комитета у Паньера.—Засѣданіе у Ластейри, на которомъ рѣшено, что центральный комитетъ и окружные комитеты Сенскаго департамента дадутъ банкетъ реформистскимъ депутатамъ.—Послѣ этого засѣданія, управленіе движеніемъ переходитъ въ руки бюро центральнаго комитета. — Вліяніе этого бюро на окружные комитеты, которые рѣшаются принять участіе въ движеніи. — Подписка на банкетъ, въ началѣ медленная, увеличивается и далеко переходитъ опредѣленную цифру; комитетъ назначаетъ банкетъ на 7 іюля въ Château-Rouge; министерство запрещаетъ банкетъ и потомъ разрѣшаетъ его; банкетъ

состоялся 9 іюля; присутствіе на немъ восьмидесяти шести депутатовъ; рѣчи и тосты Ластейри, Рекера, Барро, Паньера Дювержье-де-Горанна, Сенара, Гризье, Ригли, Гамелена, Мари, Гюстава-де-Бомона, Шамболя, Фредерика-де-Горжа и Малевиля; печальныя и подавляющія рѣчи Барро, Дювержье-де-Горанна и Малевиля; громадное дѣйствіе этого банкета на Францію. — Центральный комитетъ вступаетъ въ сношенія съ департаментскими комитетами и журналами; онъ сообщаетъ имъ свою дѣятельность и самоотверженіе. — Банкеты въ Кольмарѣ, Страсбургѣ, Суассонѣ и Сенъ-Кентенѣ. — Преступленіе Леотада. — Убійство герцогини Праслень ея мужемъ; глубокое впечатлѣніе, произведенное во Франціи этимъ убійствомъ. — Назначеніе герцога Омальскаго генералъ-губернаторомъ Алжира. — Удаленіе маршала Сульта; назначеніе Гизо президентомъ совѣта. — Ажитація, произведенная банкетомъ, распространяется; на банкетѣ въ Конѣ обнаруживается первое несогласіе между оппозиціонными партіями; судья Гамбонъ протестуетъ противъ тоста въ честь короля, предложеннаго династическою оппозиціей; отрѣшеніе его отъ должности на пять лѣтъ. — Исключительные радикалы, въ началѣ враждебные банкетамъ, рѣшаются принять въ нихъ участье; Ледрю-Ролленъ и Флоконъ на банкетѣ въ Лилѣ; Барро хочетъ измѣнить условленные тосты предложеніемъ тоста въ честь іюльской монархіи; коммиссары отказываютъ Барро въ этомъ желаніи и онъ съ своими друзьями оставляютъ банкетъ. — На банкетѣ въ Авенѣ, Барро выражаетъ свои монархическія убѣжденія, о которыхъ умалчивалъ до сихъ поръ. — Движеніе, произведенное банкетами, продолжаетъ увеличиваться. — Первые результаты этого движенія обнаруживаются: многіе изъ генеральныхъ совѣтовъ высказываются въ пользу реформы; отдѣльные выборы не правятся правительству; король принужденъ утвердить Берже меромъ втораго парижскаго округа. — Исключительные радикалы устраиваютъ чисто радикальные банкеты; банкеты въ Дижонѣ и Шалонѣ-на-Саонѣ. — Полемика между исключительными и парламентскими радикалами въ Монпелье и Нейбургѣ; радикалы реформисты поддерживаютъ на нихъ свое дѣло. — Соединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій, съ сохраненіемъ каждой ея принциповъ. — Банкетъ въ Руанѣ; отказъ радикаловъ реформистовъ участвовать въ немъ, по поводу тоста въ честь учрежденій іюльской монархіи. — Послѣдній банкетъ, предложенный двѣнадцатымъ парижскимъ округомъ. — Пробужденіе общественнаго мнѣнія, какъ прямой результатъ банкетовъ . . . . . 85—122

Стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Въ тронной рѣчи король прямо нападаетъ на оппозиціонныхъ депутатовъ, мнѣнія которыхъ онъ называетъ враждебными или слѣпыми страстями; оппозиція сноситъ эту обиду и рѣшается не уступать правительству. — Попытка примиренія, отвергнутая Гизо; предвидѣніе герцога Жуанвиля; его письмо къ герцогу Немурскому; попытки Монталиве, маршала Жерара и маршала Себастьяни; замѣчанія принцессы Аделанды; король не слушаетъ никого. — Смерть принцессы Аделанды. — Вступленіе австрійцевъ въ герцогства Парму и Модену. — Паденіе Зондербунда, не смотря на поддержку со стороны Франціи и Австріи. — Взятіе въ плѣнъ Абд-эль-Кадера.—Дѣло Пети; продажа мѣстъ докладчиковъ въ контрольной палатѣ. — Пренія объ адрессѣ въ палатѣ перовъ;.рѣзкая рѣчь Монталамбера.—Палата депутатовъ; запросъ, сдѣланный Барро по дѣлу Пети; отвѣтъ Гизо; слова Лербета; одно изъ опредѣленій принято и заключаетъ въ себѣ выраженіе довѣрія; но нѣсколько консерваторовъ не согласились простить министру его проступокъ. — Пренія по поводу адресса. — Опредѣленіе финансоваго положенія Леономъ Фоше, Фульдомъ и Ластейри; защищеніе Дюмона, министра финансовъ; полный отчетъ, сдѣланный Тьеромъ; онъ предвидитъ близкую катастрофу; увѣренія Дюшателя. — Неутвержденный государственный долгъ въ 880 мил. (замѣтка, найденная въ бюро у Дюмона). — Внутренняя политика; измѣненія въ законахъ о нравственности, предложенныя Билльо; его требованья; жесткія слова Леона де-Малевиля и Эмиля де-Жерардена; мнѣніе Дюфора; предложеніе Билльо отвергнуто.—Иностранная политика: Франція, по словамъ Ламартина, повсюду потеряла свой истинный характеръ; Гизо, угрожающій коалиціей; бомбардированье Палермо; нападки Тьера на политику правительства; Гизо отвѣчаетъ ему, что вся разница между ними заключается въ различіи ихъ положеній; Барро объявляетъ, что трактаты 1815 года существуютъ только на бумагѣ; Тьеръ, по поводу швейцарскаго вопроса, увѣряетъ, что, не будучи даже радикаломъ, онъ будетъ всегда на сторонѣ революціи, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ; Гизо возбуждаетъ ропотъ своимъ объявленіемъ, что правительство хочетъ вмѣшаться въ дѣла гельветическаго союза, въ которомъ восторжествовалъ радикализмъ. — Вопросъ о банкетахъ. — Новыя усилія нѣкоторыхъ изъ друзей министра, предлагающихъ ему сдѣлать измѣненія въ примирительномъ духѣ; нерѣшительность Дюшателя; рѣшительный отказъ Гизо; оппозиціонные депутаты, собравшіеся у О. Барро, рѣшаютъ, что вопросъ о банкетѣ двѣнадцатаго округа будетъ поднятъ послѣ преній объ адрессѣ, такъ какъ всѣ-

Стран.

ми признана необходимость поддержать это дѣло. — Рѣчи Дювержье де-Горанна, Мари и Малевиля; задѣтый словами этого послѣдняго, Дюшатель не колеблется болѣе и рѣшается на стѣснительныя мѣры; Барро отстраняетъ отвѣтственность своей партіи за послѣдствія его дерзкихъ словъ; Буассель доказываетъ непослѣдовательность между разрѣшеніемъ прежнихъ банкетовъ и запрещеніемъ банкета двѣнадцатаго округа; Геберъ доказываетъ, что все, на что нѣтъ положительнаго дозволенія, запрещено; Ледрю-Ролленъ нападаетъ на это толкованіе и уничтожаетъ его; Геберъ настаиваетъ на своемъ и доходитъ до угрозъ; ропотъ въ палатѣ; слова Одилона Барро; смятеніе увеличивается; президентъ скрывается; общій споръ оканчивается шумомъ; ропотъ въ городѣ, произведенный этимъ бурнымъ засѣданіемъ; записка Дюшателя къ Гизо. — На другой день шумъ увеличивается; измѣненіе, предложенное Дарбле; горячій разговоръ между Барро, Тьеромъ и Гизо; предложеніе объ измѣненіи отвергнуто; измѣненіе, предложенное Демуссо де-Живре, объ исключеніи изъ адресса оскорбительныхъ слово королевской рѣчи; Ламартинъ поддерживаетъ его; глубокое впечатлѣніе, произведенное его рѣчью; измѣненіе не принято 228 голосами противъ 185; такъ какъ президентъ палаты подалъ свой голосъ, то оппозиція объявляетъ ему, что ни одинъ изъ членовъ ея не будетъ больше посѣщать его; параграфъ, заключающій въ себѣ оскорбительныя слова противъ оппозиціи принятъ 223 голосами противъ 18; оппозиція не подавала голоса; измѣненіе предложенное Саландрузомъ; Морни предлагаетъ, чтобы министерство дало обѣщаніе произвести выгодныя реформы; Гизо на отрѣзъ отказываетъ; безпорядки; безпокойство консерваторовъ; ихъ настоятельныя требованья у президента совѣта; Гизо непоколебимъ; опасность, угрожающая министерству отъ вотированья; тактика Тьера и Ремюза, считающихъ себя кандидатами въ министры, спасаетъ министерство; измѣненіе отвергнуто; вотированье цѣлаго адресса; 244 голоса за него. — Критическое положеніе оппозиціи, министерства и короля . . . . . 123—162

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Маррастъ совѣтуетъ депутатамъ выйти всѣмъ вмѣстѣ въ отставку; собраніе радикаловъ у Мари, съ цѣлью обсудить это предложеніе; рѣшеніе этого вопроса отложено.—Общее собраніе депутатовъ оппозиціи въ café Durand; предложеніе Марраста отвергнуто, равно какъ и предложеніе о подачѣ обвинительнаго акта противъ министерства; оппозиція намѣрена поддерживать право собранія; назначеніе редакціон-

наго комитета, который на слѣдующій день публикуетъ во всѣхъ журналахъ цѣль этого собранія, пренія, въ немъ происходившія, и рѣшенія, къ которымъ онѣ привели. — Одинъ только депутатъ, Эм. де-Жирарденъ, выходитъ въ отставку.— Представленіе адресса королю; ни одинъ изъ членовъ оппозиціи не участвуетъ въ депутаціи; безмолвное неудовольствіе короля. — Разговоръ герцога Монпансье съ Морни. — Частный пріемъ въ Тюльери; визитъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ консерваторовъ; холодный и презрительный пріемъ короля. — Недовѣрчивость къ національной гвардіи; всеобщія волненія; состояніе умовъ въ Парижѣ. — Собраніе у Барро членовъ комитета двѣнадцатаго округа; соединеніе ихъ съ общимъ комитетомъ депутатовъ, журналистовъ и избирателей; организація банкета пріостановлена; назначеніе коммиссіи для завѣдыванія приготовленіями къ банкету; затрудненія въ пріисканіи помѣщенія; предложенія Морни; недовольство. — Journal de Debat старается ослабить рѣчь Гизо противъ реформъ; оскорбленіе, нанесенное этимъ самымъ ревностнымъ консерваторамъ. — Военныя приготовленія правительства. — Коммисія назначаетъ банкетъ на 22 февраля; объявленіе объ этомъ въ журналахъ.— Собраніе 19 числа въ cafè Durand; отчетъ Барро о трудахъ коммисіи; Дарбле пытается, отъ имени нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей консерваторовъ, отвлечь оппозицію отъ ея экстрапарламентскаго способа сопротивленія; Ламартинъ отвѣчаетъ, что въ виду позора и гибели страны остается одно только гражданское мужество; листъ покрывается подписями. — 20 числа оппозиціонные журналы даютъ отчетъ въ этомъ собраніи и его рѣшеніи, и взываютъ къ спокойствію народа.—Нѣсколько консервативныхъ депутатовъ дѣлаютъ новыя попытки къ примиренію; король, Гизо и Геберъ отвергаютъ ихъ; Дюшатель склоняется на примиренье и увлекаетъ за собою большинство совѣта; вслѣдствіе этого министерство назначаетъ для веденія переговоровъ Морни и Вите, а оппозиція — Малевиля, Дювержье де-Горранна и Берже; заключеніе условій; честь оппозиціи будетъ сохранена поддержкой права собранія; банкетъ долженъ быть отложенъ и вопросъ о немъ отданъ на судъ трибуналовъ. — Флоконъ сознается въ печальномъ положеніи журнала la Réforme. — Исключительные радикалы присоединяются къ реформистской коалиціи; Ледрю-Ролленъ будетъ участвовать на банкетѣ. — Барро соглашается на предложеніе Луи-Блана, чтобы работники занимали особенное мѣсто въ кортежѣ. — Согласіе со школами. — Условія мирной и торжественной манифестаціи приняты всѣми; департаменты выражаютъ свое согласіе и поздравленіе. — Будетъ ли національная гвар-

Стран.

дія вооружена саблями во время шествія кортежа?—Министерство отдаетъ приказанія, сообразныя съ заключенными условіями. — 21 числа журналы публикуютъ программу манифестаціи. — Программа . . . . . 163—194

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Впечатлѣніе, произведенное программой; министерство видитъ въ ней оскорбленіе власти; оно уничтожаетъ условія; Морни и Вите отправляются къ Барро предупредить его о разрывѣ; Дювержье де-Гораннъ передаетъ имъ для публикаціи замѣтку, въ которой заключаются измѣненія программы; министерство отвергаетъ ее; Морни не полагается на національную гвардію; генералъ Жакмино ручается за нее; Морни требуетъ устраненія своей отвѣтственности въ нарушеніи условій и проситъ разрѣшенія объявить прокламацію; Дюшатель даетъ ему свое согласіе; въ тотъ же вечеръ прокламація объявлена. — Министры отправляются къ королю, который очень доволенъ этимъ разрывомъ. — Разговоръ Гудшо съ Гарнье-Пажесомъ. — Слова короля, сказанныя Рамбюто и Дюшателю: его не застигнутъ въ расплохъ.—Министерство рѣшаетъ, что такъ какъ манифестація имѣетъ угрожающій характеръ, то банкетъ будетъ допущенъ только, если на него отправятся по одиночкѣ, но что всякій кортежъ будетъ разсѣянъ; министерство отдаетъ приказанія въ смыслѣ этого рѣшенія. — Генералъ Тибюрсъ Себастіани собираетъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи; онъ сообщаетъ имъ рѣшеніе правительства и планъ сраженія, на случай битвы въ Парижѣ; его распоряженія приняты холодно. — Приготовленія префекта полиціи.— Засѣданія въ палатѣ депутатовъ; запросъ Барро министерству; горячій споръ съ Дюшателемъ; взаимные промахи обоихъ ораторовъ. — Собраніе у Барро послѣ засѣданія; оживленные споры; принятіе отсрочки банкета. — Прокламаціи, объявленія и распоряженія правительства. — Вечернее собраніе у Барро членовъ общей коммиссіи, депутатовъ центральнаго комитета и комитета двѣнадцатаго округа и журналистовъ; демонстрацію посредствомъ кортежа и банкета замѣняютъ обвинительнымъ актомъ противъ министерства. — Замѣчанья Тьера, Вивьена, общей коммиссіи и избирательнаго комитета втораго округа. — Собраніе у Перре, въ редакціи Siècle; депутаты посылаютъ на это собраніе двѣ депутаціи; озлобленіе противъ нихъ; предложеніе Перре; національная гвардія, созванная правительствомъ, устроитъ манифестацію. — Собраніе въ конторѣ la Reforme; члены собранія отказываются начать битву; замѣчаніе Флокона; вооруженіе откладывает-

Стран.

ся. — Школьный комитетъ предлагаетъ студентамъ быть умѣренными. — Тайныя общества не будутъ дѣйствовать. — Революція 1848 года не было дѣломъ заговора. — При извѣстіи объ этомъ новомъ рѣшеніи оппозиціи, министры внутреннихъ дѣлъ и военный отдаютъ новый приказъ арміи и національной гвардіи. — Обѣ стороны пріостанавливаютъ свои приготовленія къ битвѣ. — Торжество въ Тюльери. — Народъ откладываетъ дѣло своего самодержавія до другаго времени . . . 195—235

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Вторникъ, 22 Февраля. — Уничтоженіе приготовленій къ банкету; полицейскіе коммиссары и муниципальная гвардія уходятъ съ мѣста, назначеннаго для банкета; офицеры главнаго штаба національной гвардіи расходятся по домамъ.—Волненіе въ латинскомъ кварталѣ: на площади Пантеона составляется колонна изъ молодыхъ людей и рабочихъ; они идутъ на площадь Concorde, окружаютъ палату депутатовъ, но расходятся послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній.— Префектъ полиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ узнаютъ о случившемся. — Разговоръ короля съ Горасомъ Верне. — У Барро составляется обвинительный актъ противъ министерства. — Часть студентовъ отправляется къ Барро, другая завязываетъ схватку съ солдатами на Монтрейльскомъ постѣ и долго поддерживаетъ борьбу противъ прибывающихъ подкрѣпленій. — Борьба на площади Madeleine и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. — Студенты возвращаются въ свой кварталъ, дѣлаютъ покушен'е на политехническую школу, а потомъ расходятся.— Первыя баррикады. — Стычки въ улицѣ Риволи и въ Елисейскихъ поляхъ.— Возрастающее раздраженіе между народомъ и муниципальной гвардіей.—Народъ кричитъ: «да здравствуютъ линейныя войска! Долой муниципальная гвардія!» — Встрѣча народа съ депутатами, отправляющимися въ палату. — Засѣданіе; Барро предъявляетъ обвинительный актъ; презрѣніе Гизо. — Палата перовъ; приключеніе съ Боасси.—Три депутата города Парижа отправляются къ Сенскому префекту; рѣзкія слова Рамбюто.—Волненіе на улицахъ усиливается, народъ отнимаетъ оружіе у оружейныхъ мастеровъ. — Правительственныхъ распоряженій нигдѣ не видно, и только вечеромъ городъ объявленъ на военномъ положеніи.—Изложеніе стратегическаго плана; его недостатки; исчисленіе войскъ.—Дурное управленіе войскомъ дѣлается еще хуже съ назначеніемъ герцога Немурскаго главнокомандующимъ; распредѣленіе войскъ по стратегическимъ пунктамъ.—Отсутствіе національной гвардіи.—Движеніе на заставахъ; первые выстрѣлы; первыя жертвы.—Сцена

Стран.

въ Тюльери между королевской фамиліей и батальоннымъ командиромъ національной гвардіи.—Совѣщаніе герцога Немурскаго съ министрами; странное совпаденіе.—Самоувѣренность префекта полиціи. — Спокойствіе правительства. — Ожиданія оппозиціи. — Войска получаютъ приказаніе разойтись по своимъ квартирамъ. — Правительство владѣетъ городомъ. 236—272

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. 23 февраля: утромъ войска занимаютъ прежнія позиціи; командованіе надъ ними сосредоточено въ одномъ пунктѣ. — Борьба начинается въ узкихъ улицахъ пятаго округа; перекрестокъ улицы Neuve-Bourg-l'Abbé; Сенъ-Мартенскій рынокъ; площадь Шателе; баррикады улицъ Rambuteau и Beaubourg; улица des Filles-du-Calvaire.—Борьба усиливается.—Взятіе Моконсейльскаго поста. — Національная гвардія; ея настроеніе; манифестаціи, произведенныя ею; 1 легіонъ оскорбляетъ депутатовъ оппозиціи; 2 легіонъ при встрѣчѣ съ линейнымъ полкомъ кричитъ вмѣстѣ съ нимъ: «Vive la Reforme!» и крикъ этотъ доходитъ до Тюльери; 3 легіонъ направляетъ штыки противъ кирассиръ; 4 легіонъ направляется къ палатѣ депутатовъ съ просьбой о немедленномъ удаленіи министровъ и преданіи ихъ суду; батальонъ 10 легіона пересѣкаетъ ему дорогу на мосту Concorde; неизбѣжность стычки; счастливое вмѣшательство депутатовъ оппозиціи; 5 легіонъ вмѣшивается, въ Сенъ-Мартенскомъ предмѣстіи, въ схватку народа съ отрядомъ муниципальной гвардіи, и заставляетъ послѣдняго возвратиться въ казармы; 6 легіонъ, связанный симпатіей и дѣломъ съ реформистскимъ движеніемъ; въ 7 легіонѣ убитъ одинъ гвардеецъ, желавшій примирить народъ съ войскомъ; офицеры этого легіона отправляются къ Сенскому префекту; въ 8 легіонѣ, національные гвардейцы, принадлежавшіе къ оппозиціи, являются только вечеромъ; 9 легіонъ остается безъ всякаго дѣйствія; 10 легіонъ, его раздѣленіе на консерваторовъ и либераловъ; протестъ одного батальона противъ полковника; 11 легіонъ и разговоръ линейнаго офицера съ офицеромъ національной гвардіи; 12 легіонъ призванъ послѣ всѣхъ, изъ опасенія его демократическаго направленія; конная національная гвардія объявляетъ своему полковнику о необходимости уступокъ. — Къ королю доходятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о настроеніи національной гвардіи; онъ тревожится ими. — Гизо и Дюшатель въ Тюльери; ихъ отставка — добровольная или вынужденная? — Засѣданіе палаты депутатовъ; пренія о привиллегіи Бордосскаго банка; паническій страхъ; случай съ 4 легіономъ; требованіе Вавена; Гизо объявляетъ, что король призвалъ Моле, чтобы составить новый кабинетъ; сильная ажи-

Стран.

тація; простой и ясной приказъ на слѣдующій день.—Засѣданіе палаты перовъ; требованіе Альтона-Се и Буасси; палата не хочетъ слушать ихъ; пренія о закладахъ и о беззаконіяхъ совершившихся въ Американскихъ колоніяхъ; созваніе засѣданія и на слѣдующій день для того, чтобы услышать мнѣніе морскаго министра, который былъ въ этотъ день нездоровъ; засѣданія закрыто. — Это—послѣднее засѣданіе палаты перовъ. 273—304

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Паденіе Гизо улучшаетъ положеніе дѣлъ; общая радость въ Парижѣ.—Оппозиція не вѣритъ, чтобы Моле могъ содѣйствовать реформѣ.—Двусмысленное положеніе: правительство оставляетъ вооруженныя войска на прежнихъ мѣстахъ; оно не отдаетъ никакихъ новыхъ приказаній, оставляетъ въ совершенной неизвѣстности Сенскаго и полицейскаго префектовъ, главный штабъ національной гвардіи и корпусныхъ командировъ; оно не говоритъ ничего ни народу, ни національной гвардіи; опасность такого положенія.—Освобожденіе плѣнныхъ. — Драматическія сцены въ улицѣ Bourg l'Abbé. — Различные эпизоды: случай въ складочномъ мѣстѣ винъ, въ академіи искуствъ и ремеслъ, въ полицейской префектурѣ. — Моле требуютъ въ Тюльери; при выѣздѣ его изъ дому, толпа останавливаетъ его карету и требуетъ ее для баррикады; свиданіе Моле съ королемъ.—Министры подаютъ въ отставку. — Обѣды въ Тюльери, въ главномъ штабѣ національной гвардіи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Попытки Моле у Ремюза, Дюфора, Пасси, Билье и Тьера; отвѣтъ Тьера. — Моле отправляется къ Ремюза; ихъ разговоръ. — Моле ѣдетъ къ Тьеру; совѣщаніе между ними.—Собраніе у Одилона Барро: пренія объ образѣ дѣйствій, котораго слѣдуетъ придерживаться; эти пренія прерываются прибытіемъ толпы народа, ворвавшейся во дворъ; рѣчи Барро и Гарнье-Пажеса; толпа удаляется; засѣданіе возобновляется, но его снова прерываетъ взрывъ на Капуцинскомъ бульварѣ, передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; причины взрыва; распоряженія, сдѣланныя для защиты отеля; на площади Royale, передъ домомъ мера 8-го округа, составляется колонна изъ національной гвардіи и народа; свободный проходъ ея между войсками, расположенными по бульварамъ; она останавливается у редакціи National, гдѣ Маррастъ говоритъ ей нѣсколько словъ, потомъ продолжаетъ свой путь къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣчаетъ войска, заграждающія ей дорогу; невозможность отступленія; солдаты сражаются; первые выстрѣлы; убитые и раненные; страшная сцена.—Истина проясняется на самомъ

Стран.

мѣстѣ происшествія; объявленіе объ этомъ происшествіи, напечатанное въ Moniteur; тѣла убитыхъ складываютъ на телегу и везутъ въ редакцію National; рѣчь Гарнье-Пажеса; телегу съ убитыми везутъ дальше, останавливаютъ у редакціи la Réforme, и наконецъ достигаютъ 4-го округа, гдѣ и оставляютъ тѣла убитыхъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, на короля, на гр. Моле; общее состояніе умовъ въ главномъ штабѣ, у Барро, въ цѣломъ Парижѣ.—Новыя приготовленія къ борьбѣ; битвы возобновляются . . . . . , ... 305—352

Фундаментальная Библиотека К. У. Т. Н.
ПОГАШЕНО

Государств. публичная историческая библиотека